INSPIRIA

Люсинда Райли

Убийства во Флит-хаусе

INSPIRIA

Annotation

ОТ АВТОРА ЦИКЛА «СЕМЬ СЕСТЕР».

В мире продано более 20 000 000 книг Люсинды Райли.

СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ УБИЙСТВО?

В престижной частной школе в Норфолке найден мертвым ученик Чарли Кавендиш. На первый взгляд его смерть кажется случайной – результат эпилептического припадка. Но затем выясняется, что таблетки, которые мальчик принимал для борьбы с эпилепсией, были заменены лекарством, вызвавшим у него смертельную аллергию.

Вскоре в стенах Флит-хауса находят еще одно тело. И за дело берется полиция, ведь теперь эти события – не трагическая случайность, а череда убийств.

«Люсинда Райли мастерски управляет поворотами сюжета». – *The Independent*

«Остросюжетный роман от Люсинды Райли может стать сюрпризом для преданного читателя. Но спешу вас заверить, история удалась. Она захватила меня с первых страниц: невероятные герои, тайны и запутанное расследование – идеальное сочетание в блестящем исполнении автора». – *Кира Захарова, редактор*

- Люсинда Райли
  -
  - Предисловие
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая

- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая
- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Глава тридцать первая
- Глава тридцать вторая
- Глава тридцать третья
- Эпилог
- Выражение признательности

- notes
  - 1

Люсинда Райли
Убийства во Флит-Хаусе

Этот роман посвящен всем тем, кто мечтает. Никогда не сдавайтесь и не складывайте оружия – поступайте, как Люсинда.

Семья Люсинды

Lucinda Riley
The Murders at Fleat House

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Lucinda Riley, 2022
© Борисова Т., перевод на русский язык, 2024
© Клигман И., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Предисловие

Дорогой читатель,

Надеюсь, вы волнуетесь не меньше меня, беря в руки новый роман Люсинды Райли. Возможно, вы поклонник серии «Семь сестер» и с нетерпением ждете, что Люсинда перенесет вас в неизведанный и живой мир. А может быть, вы впервые знакомитесь с ее творчеством, заинтригованные обещанием этого только что появившегося и захватывающего детективного романа. В таком случае, к огромному сожалению, я должен начать с конца, чтобы пояснить, откуда взялись страницы, которые вы собираетесь вот-вот поглотить. Для тех, кто не осведомлен: Люсинда – мама – умерла 11 июня 2021 года вследствие рака пищевода, обнаруженного в 2017 году. Я – старший сын Люсинды и соавтор (спешу добавить, не по этой работе). Вместе мы написали серию для детей «Ангелы-хранители», и я занимаюсь реализацией ее обширного литературного наследия, завершив восьмой – и последний – роман из серии «Семь сестер».

По этой причине я хотел бы рассказать вам, как возник роман «Убийства во Флит-Хаусе». Во-первых, хотя он никогда не видел свет, написан он был в 2006 году. Когда ее младшие дети пошли в школу, Люсинда написала «в стол» три романа, два из которых впоследствии были изданы и получили восторженные отзывы: «Старая олива» (другое название: «Секрет Хелены») и «Комната бабочек». Она планировала опубликовать и третий, который вы держите в руках, после завершения серии «Семь сестер».

В изначальные версии «Старой оливы» и «Комнаты бабочек» Люсинда внесла значительные изменения (как любой писатель, возвращающийся к тексту после десятилетнего перерыва). В случае с «Убийствами во Флит-Хаусе» у мамы такой возможности не было. Вот почему я столкнулся с дилеммой, когда принял решение опубликовать эту книгу. Должен ли я отредактировать, обработать и дополнить текст, как сделала бы она? После долгих размышлений я решил, что сохранить мамин голос важнее. По этой причине работа редактора свелась к абсолютному минимуму.

Поэтому то, что вы прочитаете, – текст Люсинды от 2006 года.

Мама страшно гордилась этой работой. Это единственный написанный ею детектив, но верные читатели сразу узнают ее непревзойденное умение ухватить дух местности. Уверен, вам будет интересно знать, что во время работы над этой книгой наша семья жила в болотистом, таинственном краю, где и происходит действие. Более того, норфолкская школа, описанная в книге, была во многом списана с той, где учились мы, ее дети. К счастью, я могу подтвердить, что ничего столь драматичного в коридорах наших общежитий не происходило.

Вы, вероятно, догадались, что секреты из прошлого сильно влияют на современные события и в этом романе. Нам предложен как всегда великолепный образ детектива-инспектора Джаз Хантер, которая, безусловно, обладает потенциалом стать центральным персонажем собственной серии.

Возможно, она и стала бы – в другой жизни.

Гарри Уиттекер

2021

Пролог

Школа Святого Стефана Норфолк

Январь 2005 года

По лестнице, ведущей к коридору старшеклассников – скоплению комнатушек размером с обувную коробку, по одной на мальчика, – поднимался человек. Стояла тишина, лишь булькали да потрескивали допотопные батареи; эти немощные чугунные стражи вот уже пятьдесят лет силились обогреть Флит-Хаус и его жильцов.

Самое старое и почтенное из восьми общежитий школы Святого Стефана носило имя директора, для которого строилось сто пятьдесят лет назад. После войны уродливое викторианское здание из красного кирпича, известное среди нынешних обитателей как Дыра, отдали под размещение учеников.

Из всех общежитий Флит-Хаус был последним, которому предстоял долгожданный ремонт. За следующие шесть месяцев полы в коридорах, спальнях и комнатах отдыха освободят от драного черного линолеума, пожелтевшие стены оклеят новыми обоями и освежат бледно-кремовой краской, а древние душевые оборудуют блестящей фурнитурой из нержавеющей стали и выложат белой глянцевой плиткой. Это должно успокоить современных взыскательных родителей, требующих для своих детей гостиничного комфорта вместо жизни в развалюхе.

Перед дверью в комнату номер семь человек замер, прислушался. Сегодня пятница, и восемь живущих на этаже мальчиков наверняка отправились в соседний городок Фолтсхэм – в паб, – но не мешает удостовериться. Ничего не услышав, человек повернул ручку и вошел.

Тихонько прикрыл дверь, зажег свет – и сразу ощутил затхлый подростковый душок: характерную смесь нестираных носков, пота и бушующих гормонов, которая за многие годы пропитала каждый уголок Флит-Хауса.

Запах оживил мучительные воспоминания, человек вздрогнул, едва не споткнулся о груду нижнего белья, небрежно сваленного на полу. Взял с тумбочки две белые таблетки – их клали сюда каждый вечер, – заменил двумя такими же. Выключил свет и покинул комнату.

* * *

При звуке шагов маленькая фигурка на соседней лестнице окаменела. Одетый в пижаму мальчик в панике кинулся к нижнему пролету, нырнул в нишу под ступенями, слился с тенями. Если в десять часов его застанут не в кровати, то накажут, а он сегодня больше не выдержит.

Мальчик неподвижно стоял в темноте, сердце выскакивало из груди. Он крепко зажмурился, словно это могло помочь, и слушал, затаив дыхание. Шаги поднялись по лестнице в нескольких дюймах над головой, миновали его и – о счастье! – удалились. Дрожа от облегчения, мальчик выбрался из укрытия и поспешил к своей спальне. Лег в кровать, проверил по будильнику время – еще целый час до того, как можно будет погрузиться в безопасный, благословенный сон. Накрылся с головой одеялом и наконец дал волю слезам.

* * *

Примерно часом позже в комнату номер семь вошел Чарли Кавендиш и повалился на кровать.

Ему восемнадцать лет, сейчас одиннадцать часов вечера, пятница, а он заперт, словно ребенок, в паршивой кроличьей норе!

Да еще завтра к семи утра надо явиться в часовню, чтоб ее. В этом семестре Чарли пропускал службу дважды и больше не мог себе такого позволить. Его уже таскали в кабинет к Джонсу из-за дурацкого случая с Милларом. Джонс возмущался, грозил отчислить Чарли, если тот не образумится, а Чарли раздражала необходимость быть паинькой. Отец выразился предельно ясно: без высоких оценок в табеле и на

экзаменах не видать Чарли денег на годичный перерыв перед поступлением в университет.

То есть жизнь летит ко всем чертям.

Отец годичный перерыв не одобрял. Он презирал гедонизм и уж точно не хотел, чтобы сын нежился на каком-нибудь тайском пляже – весьма вероятно, под кайфом, – да еще за родительские деньги.

Перед началом семестра они страшно поругались – как раз из-за его будущего. Уильям Кавендиш был чрезвычайно успешным лондонским адвокатом, и предполагалось, что сын пойдет по его стопам. В детстве Чарли об этом особо не задумывался.

По мере взросления до него постепенно начало доходить, чего от него ждут, – причем независимо от его собственных желаний.

Чарли же был дельцом и ловкачом, источником адреналина – и другой жизни не мыслил. Он обожал испытывать судьбу. Мысль о костюмной жизни в удушающей иерархической атмосфере юридической палаты Иннер-Темпла вызывала тошноту.

Вдобавок отцовская идея «преуспевания» сильно устарела. Теперь все по-другому, можно заниматься чем хочешь. Весь этот бред про респектабельность – пережиток старшего поколения.

Чарли хотел быть диджеем и наблюдать за тем, как красивые полуобнаженные женщины извиваются перед ним в танце. Где-нибудь на Ибице. Да-а. Вот это дело! И вообще… диджеи зарабатывают кучу денег.

Хотя с деньгами особых трудностей не предвиделось. Если только холостой пятидесятисемилетний дядя не решит внезапно обзавестись потомством, то Чарли унаследует семейное поместье с огромными сельхозугодьями.

На этот счет у Чарли тоже были планы. Достаточно продать несколько акров застройщикам, и он сколотит огромное состояние!

Нет, проблема не в *будущих* капиталах; проблема в том, что жмот-отец имел над Чарли финансовую власть *в настоящем*.

Чарли молод. Он хочет развлекаться.

* * *

Пока все эти мысли крутились в голове, Чарли Кавендиш рассеянно потянулся за двумя таблетками, которые ежедневно принимал на ночь с пятилетнего возраста, и взял стакан воды, оставленный для него сестрой-хозяйкой.

Положил таблетки в рот, запил водой, поставил стакан на тумбочку.

Целую минуту ничего не происходило, и Чарли продолжил вздыхать о несправедливости судьбы. Затем ощутил в теле едва уловимую дрожь.

– Что за черт?!

Дрожь усиливалась, Чарли уже не мог с ней совладать. Горло вдруг сдавило, он запаниковал. Растерянный и задыхающийся, он сумел проковылять несколько шагов до двери. Схватился за ручку, дернул, но, охваченный нарастающим ужасом, не смог ее повернуть и упал. Сознание спуталось, рука взлетела к горлу, на губах выступила пена. Жизненно важные органы, лишенные кислорода и отравляемые смертельным токсином, один за другим начали отказывать. Кишечник расслабился, и мало-помалу юноша, бывший когда-то Чарли Кавендишем, просто перестал существовать.

Глава первая

Роберт Джонс, директор школы Святого Стефана, стоял у себя в кабинете, засунув руки в карманы, – привычка, за которую он нещадно распекал своих подопечных, – и смотрел в окно.

Внизу виднелась лужайка перед часовней, по ней сновали ученики, спешащие на уроки и с уроков. Ладони Роберта были мокрыми от пота, сердце колотилось от адреналина, оно постоянно так себя вело после происшествия.

Джонс отошел от окна, сел за стол. На нем высилась нетронутая гора бумаг и лежал список телефонных сообщений, на которые еще предстояло ответить.

Роберт достал носовой платок, вытер лысину, тяжело вздохнул.

Директору, отвечающему за несколько сотен подростков обоих полов, грозило немало потенциальных кошмаров: наркотики, травля, а в нынешние времена смешанных школ-пансионов для мальчиков и девочек – еще и неукротимый призрак под названием секс.

За четырнадцать лет директорства в Святом Стефане Роберт сталкивался и с тем, и с другим, и с третьим.

Однако все прежние неприятности бледнели на фоне пятничного происшествия. Вот где самый страшный кошмар директора – смерть вверенного ему ученика.

Чтобы полностью уничтожить репутацию школы, не было способа надежней. Как именно мальчик умер, почти не играло роли. Роберт отчетливо представлял толпы родителей, которые сию минуту подыскивают школу-пансион и вычеркивают Святого Стефана из своего списка.

Тем не менее… Роберт находил утешение в том, что школа просуществовала четыре столетия; просматривая архивы, он обнаружил, что подобные трагедии бывали и раньше. Вероятно, в краткосрочной перспективе доходы упадут, но со временем печальное происшествие забудется.

Последняя смерть ученика случилась двадцать шесть лет назад, в 1979 году. Тело мальчика нашли в подвале, где хранились чемоданы: он повесился на веревке, привязанной к крюку в потолке. Эта история

стала частью школьного фольклора. Ребята любили пугать друг друга мифом о духе мальчика, обитающем во Флит-Хаусе.

Юный Рори Миллар, когда его недавно нашли в подвале, сам напоминал привидение: беднягу заперли там, и он всю ночь отчаянно колотил в дверь.

Чарли Кавендиш – несомненный виновник, – как обычно, все отрицал. Хуже того – он откровенно веселился. Роберт Джонс нервно поежился. Полагалось скорбеть о безвременно оборвавшейся жизни Чарли, но скорби директор не ощущал.

С этим мальчиком с самого начала были одни проблемы. А теперь из-за его смерти и будущее Роберта оказалось под вопросом. В свои пятьдесят шесть лет он надеялся через четыре года отойти от дел и получить хорошую пенсию. Если же его вынудят уволиться сейчас, он вряд ли найдет другое место.

Вчера вечером на экстренном заседании попечительского совета Роберт предложил свою отставку. Однако совет встал на сторону директора.

Смерть Кавендиша – случайность… вызванная естественными причинами. Он умер от приступа эпилепсии.

Роберт только на это и надеялся. Если коронер вынесет вердикт о смерти по естественным причинам и освещение в прессе сведется к минимуму, то ущерб окажется небольшим.

Однако, пока официального вердикта нет, репутация и будущее Роберта висят на волоске. От коронера обещали позвонить сегодня утром.

На столе пронзительно зазвенел телефон. Джонс включил громкую связь:

– Да, Дженни?

– Вас спрашивают из офиса коронера.

– Соединяйте.

– Мистер Джонс?

– Слушаю.

– Говорит Малкольм Гленистер, местный коронер. Хочу обсудить результаты вчерашнего вскрытия Чарли Кавендиша.

Роберт с трудом сглотнул.

– Разумеется. Слушаю вас.

– Патологоанатом пришел к выводу, что Чарли умер не от эпилептического приступа, а от анафилактического шока.

– Ясно. – Роберт вновь сглотнул, прочищая горло. – И… что же вызвало шок?

– Из медицинской карты Чарли вам наверняка известно о его сильнейшей аллергии на аспирин. В крови мальчика обнаружено шестьсот миллиграмм аспирина, что соответствует двум таблеткам.

Ответить Роберт не сумел – горло совсем пересохло.

– Кроме следов эпилима, который Чарли ежедневно принимал от эпилепсии, и минимального уровня алкоголя в крови, патологоанатом больше ничего не нашел. Мальчик был совершенно здоров.

К Роберту вернулся голос:

– Обнаружь мы Чарли раньше, мог бы он выжить?

– Если бы ему немедленно оказали медицинскую помощь, тогда да, почти наверняка. Однако все произошло очень быстро, и шансы на то, что Чарли сумел бы позвать на помощь, прежде чем потерял сознание, были крайне малы. Неудивительно, что нашли его только утром.

Роберт помолчал, по жилам тоненькой струйкой потекло облегчение. Спросил:

– Что же дальше?

– Мы знаем, *от чего* умер Чарли. Непонятно – почему? Родители подтвердили, что Чарли знал о своей аллергии на аспирин, прекрасно знал.

– Видимо, проглотил таблетки по ошибке. Другого объяснения ведь нет?

– Не мое дело строить предположения, не имея на руках всех фактов, директор. Нам явно не хватает ответов на некоторые вопросы. Боюсь, будет полицейское расследование.

Кровь отхлынула от лица Роберта.

– Понятно, – тихо произнес он. – Как оно отразится на повседневной жизни школы?

– Это лучше обсудить с детективом, которому поручено дело.

– Когда приедет полиция?

– Полагаю, очень скоро. Они позвонят, и вы обо всем договоритесь. За сим прощаюсь.

– Всего доброго.

Роберт выключил громкую связь, ощущая дурноту. Сделал несколько длинных глубоких вдохов.

Полицейское расследование… Он покачал головой. Новости – хуже некуда.

Роберт вдруг застыл от страшной мысли: последние дни он был способен думать лишь о репутации школы. Однако раз к делу подключили полицию… значит, коронер сомневается в том, что Кавендиш выпил аспирин по ошибке?

Господи. Они ведь не думают об убийстве?..

Роберт вновь покачал головой. Нет, расследование наверняка простая формальность. Вообще-то, если подумать, на этом мог настоять отец Чарли, его связей хватило бы. Роберт задумался. Сколько раз Кавендиш стоял в этом кабинете и с беззаботным видом слушал директорские нравоучения… Каждый раз все происходило по одному и тому же сценарию: Роберт напоминал, что старинная забава – использовать мальчиков в качестве слуг – вышла из моды, что нельзя запугиванием и издевательствами добиваться от них подчинения. Чарли принимал наказание – и продолжал вести себя по-старому, как ни в чем не бывало.

Чарли, изначально собиравшийся в Итон, провалил вступительные экзамены. С первого же дня своего появления в Святом Стефане Чарли ясно дал понять, что считает школу, ее директора и учеников объектами второго сорта. Мальчишка был заносчив до умопомрачения.

В поисках вдохновения Роберт уставился на портрет лорда Гренвиля Дадли, основавшего школу в шестнадцатом веке, затем глянул на часы и понял, что уже обед. Ткнул кнопку селектора.

– Да, мистер Джонс?

– Дженни, не могли бы вы зайти?

Через несколько секунд на пороге появилась Дженни Колман, чей вид всегда действовал на Роберта умиротворяюще. Она проработала в школе тридцать лет: сперва буфетчицей, затем, после курсов секретарей, – помощницей в казначейском офисе. Когда Роберт четырнадцать лет назад вступил в должность и его секретарь собралась на пенсию, он взял на ее место Дженни.

Она была далеко не самой опытной кандидаткой, но Роберту нравились ее спокойствие и невозмутимость, к тому же Дженни

оказалась бесценным источником сведений о школе, что очень помогло новоиспеченному директору.

Дженни любили все, от уборщиков до попечителей. Она знала каждого ребенка по имени, а ее преданность школе не подлежала сомнению. Дженни была на три года старше Роберта, до пенсии ей оставалось совсем немного, и он часто думал о том, как будет справляться без нее. Теперь же, с тоской заключил Роберт, он, похоже, уволится первым.

Из-за операции на тазобедренном суставе Дженни весь прошлый семестр отсутствовала. Ее замена была компетентной и куда более сведущей в офисной технике, но Роберт скучал по материнской заботе Дженни и радовался ее возвращению.

Дженни с блокнотом и ручкой наготове умостила свое пухлое тело в кресло напротив стола и озабоченно посмотрела на директора.

– Вы какого-то чудно2го цвета, мистер Джонс. Принести воды? – Она грассировала, как истинная уроженка Норфолка.

Роберту вдруг очень захотелось опустить голову на пышный бюст Дженни, ощутить ее материнские объятия, обрести в них утешение.

– Звонил коронер, – сказал Роберт, отметая неуместные желания. – Новости не очень. Будет полицейское расследование.

Дженни подняла кустистые брови:

– Да что вы! Не может быть.

– Будем надеяться, оно закончится быстро. Когда кругом шныряют полицейские, какая уж тут работа… Сплошной разброд.

– Это точно, – согласилась Дженни. – Нас будут допрашивать?

– Понятия не имею, но, безусловно, всех надо предупредить. Детектив должен позвонить мне с минуты на минуту. После разговора с ним я буду знать больше. Думаю, хорошо бы устроить общешкольное собрание завтра утром в главном зале и сделать объявление. Персонал тоже пригласить, весь, даже кухонных разнорабочих. Сможете организовать?

– Конечно, мистер Джонс. Займусь сейчас же.

– Спасибо, Дженни.

Она встала, затем спросила:

– Вы уже перезвонили Дэвиду Миллару? Он сегодня опять три раза звонил.

Для полного счастья Роберту сейчас не хватало только свихнувшегося родителя-алкоголика.

– Нет, не перезванивал.

– Он звонил несколько раз вчера вечером, оставлял сообщения: мол, Рори был расстроен, когда говорил с ним по телефону.

– Знаю, вы мне передавали. Дэвиду Миллару придется подождать. Меня сейчас заботят дела поважнее.

– Может, чаю? Судя по виду, вам не помешало бы поднять уровень сахара в крови. При стрессе очень помогает.

– Спасибо, было бы замечательно, – с благодарностью кивнул Роберт.

Телефон на столе ожил. Дженни успела первой, подняла трубку.

– Приемная директора.

Немного послушала, затем прикрыла микрофон рукой и шепнула:

– Это вас. Комиссар Нортон.

– Спасибо.

Роберт подождал, пока Дженни исчезнет за дверью, и произнес в трубку:

– Директор слушает.

– Директор, говорит помощник комиссара Нортон из уголовного розыска. Полагаю, вы в курсе, о чем пойдет речь.

– Да.

– Хочу предупредить, что посылаю пару детективов расследовать смерть Чарли Кавендиша.

– Да, я понял. Да. – Роберт Джонс не знал, что еще сказать.

– Они прибудут завтра утром.

– Откуда?

– Из Лондона.

– Лондона?

– Да. Дело было передано нам, в спецотдел уголовного розыска. Будем работать совместно с полицией Норт-Норфолка.

– Я понимаю, вы должны выполнять свою работу, комиссар, и ценю это, однако беспокоюсь, что в школе начнется неразбериха, а то и паника.

– У моих коллег большой опыт в ведении подобных дел, директор. Уверен, они подойдут к ситуации деликатно и посоветуют вам, как справиться с персоналом и учениками.

– Да. Я как раз хотел устроить завтра утром общешкольное собрание.

– Отличная мысль. Это даст моим людям возможность проинформировать ваших подопечных и, возможно, немного успокоить их.

– Тогда я организую собрание.

– Хорошо.

– Можете дать мне имена детективов?

После короткой заминки комиссар ответил:

– Пока не готов, но к концу дня я перезвоню и сообщу. Спасибо, что уделили мне время.

– Спасибо вам, комиссар. До свидания.

«За что спасибо-то?» – спросил себя Роберт Джонс, кладя трубку, и обхватил голову руками.

– О боже, – пробормотал он.

Эти ребята из полиции будут изучать подноготную каждого… личную жизнь… неизвестно, что они накопают… он *сам* может стать подозреваемым…

За последние три года финансовые показатели и без того упали. Очень уж велика нынче конкуренция. Школе совсем ни к чему неприятности с полицией. Точнее, более эгоистично – ему, Роберту Джонсу, совсем ни к чему эти неприятности. Он вновь поднял трубку и набрал номер главы попечительского совета.

Глава вторая

Джасмин Хантер-Кафлин (Джаз для друзей и инспектор Хантер для бывших коллег) отдернула шторы и выглянула в маленькое окно спальни. Обзор был ограниченным, панораму маршевых болот Солтхауса и сурового Северного моря за ними туманил конденсат. Машинальным, привычным с детства движением Джаз вывела на стекле свои инициалы, внимательно посмотрела на буквы «ДХК» и решительно стерла «К».

Перевела взгляд на бесчисленные картонные коробки, захламляющие спальню. Джаз переехала три дня назад, но вещи стояли нетронутыми, она откопала лишь самое необходимое: пижаму, чайник да гигиенические принадлежности.

Крохотный коттедж был полной противоположностью белоснежной минималистской квартиры в лондонском районе Доклендс, которую Джаз делила с бывшим мужем. И которую любила. Она отличалась патологической аккуратностью, и нежелание разбирать вещи объяснялось тем, что в ближайшем будущем коттедж ждало испытание в виде капитального ремонта. Сантехник за неделю проведет отопление, столяр позвонит завтра насчет замеров для кухонной мебели, и Джаз уже отправила запрос парочке местных дизайнеров.

Она надеялась, что через месяц-другой ее Маршевый коттедж будет выглядеть внутри не менее живописно, чем снаружи.

Сегодня небо расчистилось, и Джаз решила отправиться на утреннюю прогулку – через марши к морю. Надела сапоги и непромокаемую куртку, распахнула дверь и вдохнула бодрящий солоноватый воздух.

Коттедж Джаз стоял на прибрежной дороге, которая отделяла деревню от маршей и моря. Летом дорогу заполоняли туристы, стремящиеся к пляжам и береговым деревушкам Норт-Норфолка, но сейчас, в конце января, она была пустынна.

Изучая округу, Джаз ощутила слабый проблеск удовлетворения. Пологий и лишенный деревьев пейзаж являл собой унылую неприветливую картину, но эта суровая простота была для Джаз желанна. Ничто не радовало глаз, ничто не нарушало строгую линию

горизонта, тянущуюся в обе стороны на многие мили. Элегантно скругленная граница земной поверхности вдалеке и бескрайние просторы импонировали непритязательной натуре Джаз.

Она перешла дорогу, краем глаза заметила шагах в пятидесяти мужчину, выходящего из отделения почты. Шагнула в жесткую заболоченную траву марша, вся ушла в приятное хлюпанье воды под ногами – и вдруг услышала собственное имя. Почудилось? Да, видимо, кроншнепы расшумелись, вон их сколько там, справа…

Джаз начала спускаться вниз по крутому откосу – единственной защите коттеджа от подтопления, что стало камнем преткновения при оформлении закладной.

– Джасмин! Детектив Хантер! Подождите!

На этот раз ошибки не было. Джаз оглянулась. «Боже! Он-то здесь с какой стати?»

Поднявшись обратно по своим же следам, она остановилась в нескольких шагах от мужчины, коротко улыбнулась – одними губами.

– Добрый день, инспектор Хантер, – поздоровался тот.

– Что вы здесь делаете, сэр?

– И я рад вас видеть. – Нортон протянул руку.

– Простите, – наконец вздохнула Джаз и, приблизившись, пожала руку. – Я вас никак не ожидала.

– Все в порядке. Только, может, пригласите меня к себе, не то я в этом тонком костюме замерзну насмерть?

– Конечно. Прошу.

Джаз усадила Нортона на диван, подкинула дров в огонь. Приготовила кофе и устроилась на деревянном обеденном стуле.

– Милый домик, – сказал гость. – Уютный.

– Спасибо, – ответила она. – Мне нравится.

Неловкая пауза.

– Как у вас дела, Джасмин?

Нортон обратился к ней по имени, это было странно, подчеркивало, как круто изменилась ее жизнь за последние месяцы, и одновременно звучало покровительственно.

– Хорошо.

– Выглядите… лучше. Посвежели.

– Да, в Италии тепло даже зимой.

Очередная пауза. Скорей бы он перешел к делу.

– Как вы меня нашли? – наконец спросила Джаз, не решившись сделать первый шаг. – Я переехала только три дня назад.

Нортон хмыкнул:

– Неожиданный вопрос для работника Скотленд-Ярда. Хотя даже наш компьютер сумел выдать только «Солтхаус-роуд, дом двадцать девять». Добравшись сюда, я не обнаружил на дверях ни одного номера и спросил на почте.

– А!

– Почему сюда?

– Ностальгия по детству, видимо. Я всегда любила Норфолк, и он ничем не хуже других мест. Недалеко от родителей, опять же.

– Ну да. Конечно.

Вновь пауза.

– Итак, – неожиданно перешел на деловой тон Нортон, уловив нетерпение Джаз. – Вам интересно, зачем я ранним морозным утром явился в такую даль. Я, кстати, звонил на ваш мобильный, но номер больше не обслуживается.

– Я отключила его перед Италией. Когда вернулась, решила, что он мне вообще ни к чему.

Нортон кивнул:

– В Норт-Норфолке от мобильного толку мало. На моем сигнала нет с Нориджа. Словом, я здесь, чтобы… позвать вас назад на работу.

Джаз помолчала.

– Мне казалось, я выразилась предельно ясно, – тихо заметила она.

– Верно. Только это было семь месяцев назад. Вы съездили отдохнуть, получили развод, нашли себе новый дом…

– …который не собираюсь бросать ради Лондона, – резко перебила Джаз.

– Верю, не собираетесь. – Нортон остался невозмутим.

– Кроме того, как я могу вернуться? С чего вы взяли, что я захочу?!

– Джасмин, давайте вы на минутку оставите привычную оборону и выслушаете меня. – В голосе Нортона внезапно прорезались жесткие нотки.

– Виновата, *сэр*! Вы уж простите меня за то, что я не горю желанием опять окунуться в прошлое! – Она понимала, что ведет себя

враждебно, но ничего не могла с собой поделать.

– Я понимаю… – Он поднял на нее взгляд. – Хотелось бы только знать, за что вы так злитесь на меня? Я-то вам не изменял.

– Удар ниже пояса.

– Хотя… – Нортон изучил свои ногти с безупречным маникюром. – Возможно, вы считали мое поведение изменой.

– Сэр, я признаю, что вы ничего не могли поделать с моим мужем. Да и вообще, я к тому времени уже лишилась иллюзий и…

– …и это стало пресловутой последней каплей. – Нортон отхлебнул кофе, посмотрел на собеседницу. – Джасмин, вы знаете, сколько стоит вербовка и обучение инспектора уголовного розыска?

– Нет, не знаю.

– Скажу, что примерно за ту же сумму вы купите еще один коттедж…

– Пытаетесь надавить на чувство вины?

– Если поможет, то да. – Нортон слабо улыбнулся. – Вы даже не дали мне возможности поговорить с вами. В один день пришли, как всегда, на работу, а на следующий уже умчались в Италию.

– У меня не было выбора.

– Допустим. И все же я надеялся, что наши хорошие рабочие отношения сподвигнут вас прийти ко мне, обсудить дальнейшие шаги. Если бы мы оба пришли к мнению, что единственным вариантом является отставка, я бы не встал у вас на пути. Вы же вместо этого просто… сбежали – ни доклада, ничего!

– О. Так вот зачем вы приехали? – с бесстрастным видом заключила Джаз. – Выслушать мой доклад?

Нортон вздохнул с легкой досадой:

– Бросьте, я ведь стараюсь. Вы же ведете себя как вздорный подросток. А ведь формально вы до сих пор у нас на службе.

Он достал из внутреннего нагрудного кармана конверт и подтолкнул к Джаз.

– Что это? – нахмурилась та.

Внутри лежали зарплатные ведомости, документы по ее общему счету с Патриком, ежемесячные выписки, которые продолжали поступать на прежний адрес Джаз и которых она, естественно, не получала. Еще в конверте обнаружилось заявление об увольнении,

которое Джаз в спешке нацарапала в аэропорту и отправила почтой, прежде чем сесть в самолет до Пизы.

– Не слишком… профессиональный уход, правда?

– Пожалуй, не слишком, хотя не понимаю, какая теперь разница. – Джаз сунула заявление назад в конверт и протянула его Нортону. – Прошу, сэр. Вручаю вам заявление официально. Я увольняюсь. Так пойдет?

– Да, если вы именно этого хотите. Послушайте, Джасмин, я вас понимаю. Вы чувствовали себя обиженной и несчастной, личная жизнь рухнула. Вам нужно было время, чтобы все обдумать…

– Вот именно! В самую точку, сэр. – Джаз горячо закивала.

– Поскольку вы злились и горевали, то действовали по наитию, а наитие в тот момент подсказывало бежать. Однако оно же вас ослепило. Неужели не понимаете?

Джаз не ответила.

– В ослеплении, – продолжал Нортон, – вы приняли импульсивное решение, которое не только уничтожило вашу многообещающую карьеру, но и лишило меня одного из лучших сотрудников. Послушайте. – Он мягко улыбнулся. – Я не идиот. Я понимал, что происходит. Узнать такое про мужа, да еще чуть ли не последней, тяжело.

Молчание.

Нортон вздохнул:

– Все сводится к одному и тому же: служебные романы опасны, а уж при нашей работе – особенно. Я так и ответил старшему инспектору Кафлину, когда он сообщил о вашем желании пожениться.

Джаз подняла голову:

– Неужели? Патрик уверял, что вы нас благословили.

– На самом деле я предложил кому-нибудь из вас перейти в другое подразделение, чтобы вы хотя бы не пересекались по работе. Он же попросил оставить вас в отделе. Не желая потерять вас обоих, я согласился. Вопреки доводам рассудка, замечу в скобках.

– Э-э, сэр… Вы сказали «старший инспектор»?

– Да. Вашего бывшего мужа недавно повысили.

– Не трудитесь передавать ему мои поздравления.

– Не волнуйтесь, не стану.

Джаз глянула на Нортона. До чего нелепо он тут смотрится: одет в сшитый на заказ костюм, да еще и сидит на низком диване, а ноги длинные, и колени достают чуть ли не до подбородка.

– Вы знали, сэр? О Патрике и… «той»?

– До меня доходили слухи, но вмешиваться я не мог. Если вам станет от этого легче, то вскоре после вашего ухода она подала документы на перевод в Паддингтон-Грин. Понимала, что с вами ей не соперничать. В отделе все демонстративно ее избегали. Ребята ведь вас любят. И скучают.

Нортон широко улыбнулся, продемонстрировав крепкие белые зубы. Джаз поймала себя на мысли – ему очень идет возраст. Густые черные волосы с сединой на висках, очки для чтения на кончике носа… Годы лишь добавляют Нортону солидности.

– Приятно слышать. А вообще, пусть Патрик со своей любимой детективше делают что хотят. Мне это больше не интересно. Впрочем, – съязвила Джаз, – можете ее предупредить, что при первом же намеке на конкуренцию она получит нож в спину.

– Не сомневаюсь. Ваш бывший – способный полицейский, но безумно честолюбивый и безжалостный. Он не мог терпеть рядом жену, чей потенциал выше его собственного. Я знал, как он себя ведет: компрометирует вас, постоянно унижает. Однако ко мне вы не обращались, и я не имел права ничего предпринимать.

– Я не могла обратиться. Речь шла о моем муже!

– Согласен. Тем не менее рискну предположить: если он научится держать штаны застегнутыми, то рано или поздно всего добьется.

– Пусть переспит хоть со всем отделом, мне плевать.

– Вот и молодец, – обрадовался Нортон. – Ладно, вы точно хотите вернуть мне заявление? Это уже будет официально, знаете ли. – Он помахал конвертом.

– Да, точно.

– Хорошо, инспектор Хантер. – Нортон перешел на официальный тон. – Нам представилась возможность обсудить ситуацию, и вы четко дали понять, что твердо решили уйти из полиции. Я возьму ваше заявление и вернусь в Лондон, поджав хвост, и ни словом не упомяну о других вариантах, которые были у меня на уме.

Джаз представила Нортона с поджатым хвостом и улыбнулась. Потом сделала брови домиком, вздохнула:

– Ладно, рассказывайте, раз уж приехали в такую даль.

– Хотите верьте, хотите нет, но в уголовном розыске есть и другие подразделения. Я мог бы предложить вам перевод.

– В Паддингтон-Грин, например? Я бы уютненько устроилась там с любовницей бывшего мужа.

– Проигнорирую эту ребяческую ремарку. Хотя она удачно подводит меня к главному вопросу. Джасмин, вы увольняетесь из-за истории с Патриком? Или из-за того, что больше не хотите служить в полиции?

– По обеим причинам, – честно призналась Джаз.

– Так, зайду с другой стороны. Вы, высококвалифицированный инспектор уголовного розыска тридцати четырех лет от роду, поселились в норфолкской глуши точно старая дева. Чем, бога ради, вы планируете заниматься?!

– Писать картины.

– Картины? – Нортон вскинул брови. – Ясно. В смысле, профессионально?

– Бог его знает. Не поступи я в полицию, пошла бы в Королевский колледж искусств – после окончания Кембриджа. Меня ждало место на базовом курсе.

– Серьезно? – Нортон был искренне удивлен. – Так вот откуда у вас умение так хорошо подмечать детали!

– Возможно. Короче говоря, это и есть мой план. Я переделаю пристройку в мастерскую. Деньги от продажи квартиры еще остались, какое-то время продержусь. Плюс в университете Восточной Англии есть художественный курс, я думаю податься на него в следующем году.

– Надо признать, здесь неплохое место для воскрешения творческих способностей, – согласился Нортон.

– Воскрешение, вот именно, сэр! – с чувством воскликнула Джаз. – Служба меня поглотила. Я потеряла себя.

– Понимаю, – кивнул Нортон. – Хотя, похоже, как потеряли, так и нашли. Боевой дух явно к вам вернулся.

– Верно.

– Послушайте. – Он вздохнул и вновь посерьезнел. – Долго вы еще собираетесь бегать? Думаю, вас подкосила не служба. Это сделал мужчина, который на каждом шагу ставил палки в колеса, расшатывал

вашу уверенность. Я наблюдал за вами, Джасмин. Когда в крови бушует адреналин, вы оживаете. Вы исключительный детектив. Не я один так думаю.

– Вы… очень добры, сэр.

– Я оперирую фактами, а не добротой. Ужасно обидно, когда человек с вашими способностями выбрасывает белый флаг исключительно из-за рухнувшего брака. Я видел, как вы день за днем, год за годом противостояли мужскому шовинизму. Неужели вы позволите Патрику победить?

Джаз молчала, пристально разглядывая ковер.

– Ну ладно, – произнес Нортон. – Перейду к сути. Как вам такое – нам подвернулось дело всего в нескольких милях отсюда.

– Дело в Норфолке? С чего бы?

– В школе-интернате рядом с Фолтсхэмом произошла трагедия. В субботу утром в своей комнате был обнаружен мертвый ученик. Меня привлекли потому, что он сын адвоката, который недавно добился экстрадиции в Великобританию двух важных террористов. Попросили направить туда людей и проверить, все ли чисто.

Нортон посмотрел в ясные зеленые глаза Джасмин и уловил в них легкий проблеск азарта.

– Отец попросил?

– Звонок поступил от столичного комиссара. Конечно, Скотленд-Ярд такими делами не занимается, но…

– …иметь влиятельных друзей всегда полезно, – с улыбкой договорила за него Джаз.

– Именно.

– Отчего же умер мальчик?

– Он страдал эпилепсией. По словам медиков, все ее признаки были налицо. Однако отец затребовал вскрытия, и правильно сделал. Сегодня утром мне позвонил коронер, и, похоже, все не так очевидно.

– То есть?

– Большего сообщить не могу, вы ведь пока не в деле. Или все-таки?..

Оба понимали – Джаз клюнула.

– Возможно, в деле, – небрежно бросила она. – При условии, что вовремя буду возвращаться домой и писать новую «Мону Лизу».

– А я пришлю вам на подмогу сержанта Майлза. – Глаза Нортона заблестели.

– Дайте мне день на размышление, хорошо, сэр?

– Боюсь, времени нет. Приступать нужно сейчас. В два часа у вас назначена встреча с матерью мальчика. До нее добрых полтора часа езды на машине. Значит… – Он посмотрел на часы. – У вас примерно час на размышление. Или мне придется отправить туда кого-нибудь другого. Вот материалы.

Нортон протянул Джасмин толстый коричневый конверт. Та беспомощно пробормотала:

– Всего час?

– Да. Похоже, вам предстоит принять очередное импульсивное решение, инспектор Хантер. Вы ими славитесь, и, оглядываясь на вашу прошлую службу, я бы сказал, что они вас никогда не подводят. – Он вновь бросил взгляд на часы. – Мне пора. Я обещал вернуться к двум часам на встречу, а здешние проселочные дороги – просто кошмар.

Нортон встал, едва не задев головой потолок.

– Что, если я скажу «нет»? – Она указала на пухлый конверт.

– Киньте в огонь. Вон он у вас какой грустный, растопка ему не помешает. Ладно, я поехал. – Нортон пожал Джаз руку: – Спасибо за кофе.

Уже от двери обернулся:

– Я бы не поехал в такую даль ради кого попало, инспектор Хантер. И, поверьте, второй раз на колени я не встану. Позвоните до двенадцати. Всего доброго.

– До свидания, сэр, – ответила Джаз. – И спасибо… пожалуй, – пробормотала она вдогонку.

Глава третья

Дэвид Миллар расхаживал взад-вперед по маленькой неопрятной кухне. Неожиданно в приступе ярости он схватил молочную бутылку и изо всех сил швырнул в стену. Бутылка отскочила, звякнула о линолеум на полу, но, увы, не разбилась.

– Боже! – вскрикнул Дэвид и, присев, обхватил голову руками.

Глаза жгло от слез, дыхание было тяжелым, неровным.

– Какого черта?.. – простонал он.

С трудом встал и, доковыляв до ниши в виде арки, рухнул на диван. В отчаянии попытался сделать упражнение, которое посоветовал психотерапевт. Дыхание медленное, концентрация на каждом вдохе и выдохе… Гнев постепенно утих. Дэвид открыл глаза и увидел перед собой фотографию: он сам, Анджелина и Рори, счастливая семья три года назад.

Жаркий июльский день в Норфолке, солнце ласково припекает, они в саду – едят обед, приготовленный на мангале, который дымится рядом…

Все тогда было прекрасно. Все. Красавица жена, расчудесный сын, новая жизнь. Воплощение мечты.

Дэвид здесь родился; первые пять лет прожил в небольшой деревне возле городка Эйлшем, а позже с удовольствием приезжал на каникулы. Потому, когда Дэвид с Анджелиной всерьез заговорили о переезде из Лондона, Норфолк стал само собой разумеющимся решением.

Они приобрели симпатичный фермерский дом в пяти милях от Фолтсхэма и вложили море денег, сил и времени в ремонт. Анджелина порхала, выбирая обои и занавески; жена была счастлива. По крайней мере, выглядела счастливой. Рори устроился в частной школе Святого Стефана, совершенно не похожей на тесную городскую с крошечной детской площадкой и удушающим лондонским воздухом. Дэвид с упоением наблюдал за тем, как сын привыкает к деревенской жизни, как розовеют его щеки и округляется худенькая фигура.

Единственным минусом идиллии были долгие ежедневные поездки Дэвида на работу в Сити и обратно, но даже они его не

расстраивали. Он сделал бы что угодно ради счастья Анджелины и Рори.

Анджелина тоже расцвела, окунулась в новую жизнь с головой, завела друзей среди мамочек, с которыми познакомилась на школьной парковке. Многие, как и Миллары, сбежали сюда от лондонской рутины в поисках лучшей жизни на лоне природы.

Анджелина была постоянно занята. Книжные клубы, родительский комитет, дамские посиделки и уроки тенниса – все это заполняло ее дни, пока Дэвид работал. Она приглашала на ужин близкие по духу пары, те в ответ приглашали Милларов, их круг общения становился шире, а жизнь – активнее.

На званых вечеринках Дэвид видел, что дома новых знакомых, как правило, роскошней домика Милларов. Женщины обсуждали дизайнерскую одежду и обувь, отпуск на Маврикии или Карибах; мужчины хвастали винными погребами и «парочкой ружей „Пёрде“», купленных для охотничьего сезона.

Дэвид не завидовал. Выходец из довольно бедной семьи, он считал, что достиг многого. Был абсолютно счастлив в своем удобном доме с женой и сыном. Думал, что Анджелина тоже счастлива.

Теперь-то ясно – Дэвиду следовало понять. Следовало почувствовать, что происходит, по ее тоскливым замечаниям: «О, дорогой, муж купил Николь новенький полноприводный „Мерседес“, просто изумительный!» Или: «На лето все арендовали виллы в Тоскане. Правда, было бы чудесно и нам тоже?»

Анджелина принялась коллекционировать газетные страницы с объявлениями о недвижимости и осторожно подкладывать их Дэвиду на колени, чтобы привлечь его внимание к какому-нибудь определенному дому, недавно выставленному на продажу. Вскоре до Дэвида начало доходить: жена настойчиво намекает, что их образ жизни должен соответствовать образу жизни богатых, модных друзей и для этого Милларам нужно купить особняк подороже.

До замужества Анджелина работала косметологом и жила в таунхаусе в юго-восточном районе Лондона, а потому Дэвид не без основания полагал, что уже и так существенно ее возвысил.

Однако потребность Анджелины не отставать от Джонсов стала всепоглощающей. В конце концов Дэвид сдался и купил ей полноприводной автомобиль, о котором она так страстно мечтала и с

которым нянчилась, как со вторым ребенком. Счастье Анджелины от ежедневных поездок на школьную парковку вызывало у Дэвида улыбку. Ему нравилось доставлять радость жене, но ее явная озабоченность социальным статусом вызывала тревогу.

* * *

Дэвид был успешным брокером в Сити, торговал иностранной валютой для постоянных клиентов. Имел прочную репутацию надежного партнера, но спекулятивным игроком не считался. Он не шел на большие риски, не гнался за возможным баснословным вознаграждением, которое получала лишь горстка прославленных биржевых игроков, – зато избегал не менее прославленных потерь, сопутствующих подобным рискам. С деньгами обращался благоразумно, настаивал, чтобы семья жила на его зарплату, а премии откладывались в банке, на будущее. Дэвид понимал, что карьера в Сити не продлится вечно, и твердо намеревался обеспечить хороший финансовый запас на случай вынужденного выхода на пенсию раньше срока.

Анджелина знала о деньгах в банке, однако не понимала, почему Дэвид отказывается их трогать.

– Дорогой, мы ведь молоды, – сокрушалась она. – Самое время ставить перед собой заоблачные цели! Твоя карьера идет вверх, и я ума не приложу, зачем хранить сбережения на черный день, который вряд ли настанет. Какой толк от мешка с деньгами в семьдесят лет?! Мы будем слишком старыми, чтобы ими наслаждаться. Подумай об этом, мы могли бы купить дом своей мечты!

Дэвид, помнится, бормотал, что они вроде бы уже купили дом своей мечты, но Анджелина не унималась.

В конечном итоге Дэвид, вопреки доводам рассудка, уступил, и Анджелина тут же умчалась вместе с подругой смотреть особняк на окраине Фолтсхэма. Это был внушительный, хотя и требующий ремонта, дом приходского священника в георгианском стиле, расположенный на пяти акрах земли, слишком большой для семьи из трех человек, – но, как застенчиво заметила Анджелина позже, когда

они с Дэвидом бродили по восьми спальням, это число может увеличиться.

– Дорогой! – Она обвила его руками на входе в очередную спальню с провисшим потолком. – По-моему, здесь получится божественная детская!

* * *

– Анджи, ты серьезно?

Она кивнула с сияющими глазами:

– Абсолютно. Думаю, нам нужен еще один ребенок, и тогда это место станет настоящим домом.

Это стало решающим доводом. Дэвид давно хотел второго ребенка, но раньше Анджелина была непреклонна и твердила, что не готова вновь пройти через все ужасы беременности.

– С моим организмом творилось бог знает что! – заявляла жена и разглаживала юбку на подтянутом животе, добытом ценой больших усилий. – А затем я целый год приводила фигуру в порядок. Представь, сколько времени понадобится во второй раз!

Рори исполнилось двенадцать, и Дэвид перестал надеяться. Теперь Анджелина переменила мнение, он принял это на веру и сделал продавцу предложение о покупке дома.

Спустя восемнадцать месяцев Дэвид имел на руках закладную на огромную сумму, за плечами – капитальный ремонт, обошедшийся в три раза дороже запланированного, и почти пустой банковский счет, но по-прежнему ни одного младенца.

Затем экономика пошатнулась. В барах Сити сплошь и рядом начали обсуждать не то, кто сколько выпьет за вечер бутылок «Крю», а понижение курсов акций и то, какая фирма следующей занесет над головами сотрудников топор увольнений.

Тем не менее аппетиты Анджелины росли. Суммы, которые она тратила на меблировку и декор, приближались к ВВП небольшой страны третьего мира, но Милларам был *совершенно* необходим еще и бассейн в саду, чтобы Рори приглашал друзей поплавать.

После очередного тошнотворного дня в офисе Дэвид боялся садиться в поезд и возвращаться в дом, ставший символом полного

хаоса в жизни, к жене, недовольной всем, что Дэвид ей давал.

Не желая сталкиваться с реальностью, он начал после работы ходить по барам и топить свои печали в спиртном. С пятью-шестью пинтами пива внутри, сдобренными парочкой порций виски, выслушивать требования Анджелины и уступать им было не столь мучительно. Дэвид взял ссуду в банке на бассейн, затем еще одну – на новое покрытие для теннисного корта и ландшафтный дизайн сада.

Напряжение росло, и это сказывалось на работе. Обычно внимательный и благоразумный, Дэвид стал рассеянным и совершил необъяснимую ошибку. Ничего серьезного, совсем не повод для увольнения, однако в сложившихся экономических обстоятельствах – достаточный повод для сокращения.

Однажды шеф вызвал Дэвида к себе и сообщил, что его отпускают. С этого момента он у них не работает. Ему выплатят годовую зарплату, но освободить стол и уйти надо немедленно.

Дэвид провел бесконечно длинный вечер в любимом баре и едва успел на последний поезд домой.

Анджелина уже была в постели. У Дэвида разболелась голова, он, пошатываясь, добрел до кухни, наполнил большой стакан водой из-под крана и пошел за обезболивающим к шкафчику в кладовке, где Анджелина хранила лекарства.

Вытащил коробку – и умудрился уронить ее на пол. Упал на колени, стал собирать рассыпавшиеся кремы, пластыри и таблетки. Внимание Дэвида привлекла одна упаковка. Это были противозачаточные таблетки – Анджелина принимала их до того, как они с Дэвидом решили завести второго ребенка.

При виде даты выписки лекарства сердце Дэвида забилось быстрее – две недели назад. Он заглянул внутрь: половина блистера оказалась пуста.

Дэвид в ярости кинулся наверх, в спальню.

Анджелина читала.

– Дорогой, я так волновалась. Где ты бы…

Договорить она не успела, Дэвид схватил ее за плечи и сдернул с кровати. Затряс, точно куклу.

– Что это за игры, а?! – заорал. – Как ты смеешь мне врать! Как только смеешь!..

Он отвесил крепкую пощечину, Анджелина рухнула на пол. Дэвид опустился на кровать и зарыдал, обхватив голову руками:

– Зачем ты врала? Зачем? Ты не собиралась заводить второго ребенка, даже не думала, да?!

Дэвид открыл глаза, Анджелина исчезла. Он нашел ее внизу; она заперлась в гостиной и позвонила 999. Когда через несколько минут приехала полиция, Дэвид барабанил в двери гостиной, требовал впустить его и дать объясниться.

На следующее утро, после ночи в полицейской камере, Дэвиду предъявили обвинение в нападении без отягчающих обстоятельств. Анджелину возили на медицинское обследование, она уже была дома – потрясенная, но невредимая.

В ужасе от собственного поступка Дэвид попытался объяснить полицейским, что с ним произошло, и его отпустили, поскольку ранее за ним не числилось домашнего насилия.

Дэвид, преисполненный раскаяния, выбрал самый короткий путь и пешком добрался до дома, но тот оказался заперт, точно крепость. Дэвид позвонил из телефонной будки, Анджелина не ответила, он вернулся к дому, стал колотить в дверь, затем попробовал вломиться.

Полиция прибыла вновь – Дэвид как раз запустил в окно большим камнем из сада.

Адвокат Анджелины немедленно раздобыл судебный ордер, запрещающий Дэвиду в обозримом будущем приближаться к дому, жене и любимому сыну.

Последующие недели прошли в алкогольном кошмаре, от которого Дэвид никак не мог очнуться.

Наконец все же очнулся в паршивом арендованном коттедже и включил телевизор.

На утреннее ток-шоу пригласили бывшего алкоголика. Слушая историю его падения, Дэвид плакал – рассказывали словно бы о нем самом.

В тот же вечер он отправился на встречу анонимных алкоголиков.

Это стало началом его путешествия назад, к трезвости.

Вообще-то оно оказалось кошмарным, куда более трудным, чем предполагал Дэвид. Однако по мере того, как проходили недели, а он по-прежнему оставался трезвым, в голове начинало проясняться.

Дэвид проконсультировался с юристом в Фолтсхэме, женщиной по имени Диана Прайс, и та отметила, что скорость, с которой Анджелина получила судебный запрет, просто удивительна.

– Вашу жену ведь не госпитализировали, – сказала Диана, – хотя она и провела некоторое время в отделении неотложной помощи. И, разумеется, вы должны видеться с сыном, пусть даже и под присмотром.

– А деньги? – спросил Дэвид. – Не знаю, на что жена живет; наш совместный счет практически пуст.

– На компенсацию, которую вам выплатили при сокращении?

– Она поступила на счет моего жилищно-строительного кооператива, Анджелина ее тронуть не может.

– Уже неплохо.

– Да, конечно, но это мои единственные финансы. Я без работы, и дом в любом случае придется продать. Я не смогу платить по закладной и ссудам. Анджи до сих пор не желает со мной разговаривать, а мне бы забрать кое-какие вещи. Я ведь остался в том, в чем был, другой одежды нет.

– Давайте я напишу ее адвокату, и посмотрим, как обстоят дела. Шестого числа следующего месяца у вас назначен суд, но я должна спросить – имелись ли у вас с женой проблемы в отношениях раньше, до этого случая?

Дэвид стал вспоминать. В последние месяцы он настолько погрузился в переживания о деньгах, что совсем упустил из виду свой брак. Каково было реальное положение дел? Секс стал редкостью, да, но опять же – Дэвид очень поздно возвращался…

– Общение у нас, пожалуй, не очень ладилось, – ответил он. – Хотя по-настоящему мы не ссорились, и если не считать того единственного раза, мне и в голову не приходило ударить Анджи.

– Просто… – Диана покачала головой. – Обычно жена все-таки дает мужу возможность объясниться. Я не пытаюсь оправдать ваше поведение, но если она вас любит, то разве не должна вникнуть в ситуацию и хотя бы *попытаться* понять, что вас спровоцировало?

– Возможно, Анджи меня боится.

– Возможно. Только не забывайте – она ведь солгала вам о желании иметь ребенка. На ее месте я постаралась бы выяснить

отношения, хотя бы даже ради Рори. Ладно, я напишу, и подождем развития событий.

Несколько дней Дэвид провел в мучительном ожидании, меряя шагами маленькую коттеджную кухню. Прошла неделя, и наконец Диана вызвала его к себе.

– Что сказала Анджи? – спросил он.

– Боюсь, у меня для вас две новости, хорошая и плохая, – мягко проговорила Диана. – Ваша жена готова отозвать обвинение в нападении и судебный запрет.

Сердце Дэвида затопила надежда.

– Однако взамен она хочет быстрый развод. В качестве причины укажет в заявлении неадекватное поведение супруга – и больше ничего, если только вы не станете это опротестовывать.

– Что?! – Дэвид опешил.

– Кроме того, Рори останется жить с ней в вашем семейном доме.

Дэвиду стало нехорошо, руки задрожали.

– Почему Анджи хочет развестись? Мы ничего не обсудили… Она, наверное, даже не знает о том, что я потерял работу. Если бы знала, то понимала – дом надо продать.

– По словам ее адвоката, это не имеет значения, – ответила Диана. – Анджелина заявляет, что выкупит вашу долю.

– Выкупит мою долю?! Да каким же образом?!

– Дом находится в совместном владении. После всех выплат по закладной каждый из вас получит свою долю. Анджелина предлагает следующее: она остается в доме, берет на себя обязательства по закладной и выплачивает вам вашу часть. Таким образом, право собственности полностью перейдет к Анджелине.

– Бред какой-то! У нее ничего нет, ни дохода, ни тем более сбережений. Где она возьмет деньги на выплату закладной, не говоря уж о моей доле?!

Диана пожала плечами:

– Понятия не имею, но таково желание вашей жены. Послушайте, Дэвид, вам надо это осмыслить. Берите письмо, отправляйтесь домой и хорошенько все обдумайте. А потом сообщите, что мне делать.

– Какие у меня варианты?

– Вы можете назвать это предложение блефом, бросить жене вызов и предстать перед судом по обвинению в нападении. Однако тут

будет ее слово против вашего. Можете побороться за опекунство над Рори, чтобы он жил с вами, но суд обычно встает на сторону матери, особенно в случае домашнего насилия. Можете превратить развод в долгий и изматывающий процесс, хотя этого я бы тоже не советовала.

– Хотите сказать, что Анджи загнала меня в угол?

– Хочу сказать, что вам необходимо принять решение. Да, решение, несомненно, болезненное, зато у вас не будет судимости, развод пройдет чисто, дешево и быстро, а самое главное – вы сможете видеться с Рори.

– Прекрасно! – съязвил Дэвид. – Еще вчера я виделся с сыном, когда хотел, готовил ему завтраки и гонял с ним в футбол, а сегодня жена сообщает, что я смогу встречаться с Рори только пару раз в год!

– Все не так страшно. Он учится на еженедельном пансионе, и мы попросим, чтобы сын проводил с вами каждые вторые выходные и половину каникул. Уверена, Анджелина согласится.

– Ужасно благородно с ее стороны! Боже! Что я такого делал, кроме как любил своего сына? И что я такого делал жене, кроме как обеспечивал все ее желания?

Внутри начала вскипать знакомая жгучая ярость.

– Спасибо, Диана. Я с вами свяжусь.

* * *

Это было четыре месяца назад. На сегодняшний день финансовые взаимоотношения были окончательно определены, и хотя Дэвид выражал большие сомнения в способностях Анджелины собрать деньги для выкупа его доли, Диана письменно сообщила, что в ближайшие дни ему должен прийти чек.

Сумма покроет банковские ссуды, а на остаток можно будет начать новую жизнь – в каком-нибудь крохотном бунгало, да и то если повезет, с горечью думал Дэвид. Впрочем, о деньгах он больше не волновался. Теперь его заботил только Рори.

Дэвид жил ради визитов сына раз в две недели и, хотя тот стал куда сдержаннее, был решительно настроен наладить прежние отношения.

Однако Дэвид чувствовал – с Рори творится что-то неладное.

Несколько дней назад звонил Себастьян Фредерикс, педагог-воспитатель школы Святого Стефана, чтобы обсудить пару «вопросов». По его словам, Рори все сильнее уходил в себя, и Фредерикс за него тревожился.

– Рори приедет ко мне только через выходные, у него в субботу поездка с хором, мистер Фредерикс. Можно мне навестить сына в школе?

– Давайте я лучше попрошу его вам позвонить? Дальше будем действовать по обстоятельствам. Не хочется, чтобы Рори подумал, будто на него давят, и совсем замкнулся.

– Раз вы так считаете… Приглядите за ним, пожалуйста.

– Конечно, мистер Миллар. До свидания.

Дэвид чувствовал себя беспомощным, ему отчаянно хотелось увидеть сына. Впереди маячил длинный день, и мысли сами собой переключились на спиртное.

В тот вечер Дэвид впервые за много месяцев напился – и поехал в школу. Решил встретиться с Рори, что бы там кто потом ни сказал. Его мальчик в беде, Дэвид знает!

Это произошло четыре дня назад. Воспоминания о том вечере расплывались. Дэвид помнил, как бродил по Флит-Хаусу, искал в безлюдных коридорах Рори, стучал в двери комнат, но общежитие было пустым, а поиски сына – бесплодными.

Как он добрался домой, Дэвид не помнил.

Теперь он забрасывал сообщениями Фредерикса и директора, но никто не перезванивал.

Мобильный телефон ожил. Дэвид схватил трубку:

– Дэвид Миллар.

– Пап, это я. – У Рори, похоже, перехватило дыхание.

– Рори, о боже! Наконец-то! Как ты?

– Папа… я… – Он приглушенно всхлипнул. – Очень боюсь.

– Чего?

– Я… Кто меня теперь защитит?

– Рори, о чем ты? Расскажи.

– Нет. Ты не сможешь мне помочь, никто не сможет.

Связь оборвалась.

Дэвид перезвонил. Услышал безответные гудки. Сообразил, что номер, скорее всего, принадлежит ученическому таксофону во Флит-

Хаусе, и набрал приемную директора:

– Это Дэвид Миллар. Мне нужно поговорить с директором, срочно! Только что звонил мой сын, Рори, он очень расстроен.

– Я передам директору, мистер Миллар, и прослежу, чтобы он с вами связался.

– Нет, я должен поговорить с ним сейчас же!

– Это невозможно, он на уроке, но я передам ваше сообщение.

– Значит, вызовите директора с урока! Мой сын в беде, с ним что-то случилось!

– Я попрошу мистера Джонса перезвонить вам как можно скорее, мистер Миллар. Ему очень… некогда сейчас, но он знает про вас.

– Я просил вас вчера, и что? Ничего вы ему не передали! Скажите, дело срочное, хорошо? – взмолился Дэвид.

– Скажу, только, пожалуйста, не волнуйтесь. Рори, наверное, скучает по дому. Первые недели второго семестра, это всегда тяжело. Хотите, попробую связать вас с мистером Фредериксом из Флит-Хауса?

– Да, соедините, пожалуйста.

– Не кладите трубку.

Дэвид ждал, расхаживая туда-сюда по крошечной гостиной.

Послышался щелчок, и включился автоответчик воспитателя Фредерикса. От безысходности Дэвид оставил еще одно сообщение.

Прошло полчаса, ни директор, ни воспитатель не перезвонили, и Дэвид совсем потерял голову от тревоги.

Он поедет в школу, к Рори! Дэвид забрался в старенький «Рено», купленный пару недель назад. Повернул ключ зажигания, но машина не завелась.

– Ах ты ж черт!!!

Дэвид в бешенстве стукнул по рулевому колесу, увидев индикатор включенных фар. Значит, аккумулятор разрядился.

Соседей поблизости нет, никто не поможет «прикурить». Придется завтра утром звонить в автомастерскую…

Дэвид вернулся в дом в страшном возбуждении. Открыл кухонный шкафчик и достал бутылку виски.

Глава четвертая

Отъехав от коттеджа, Джаз направила машину на запад, к Питерборо.

– Главное – выяснить, по ошибке или нет Чарли Кавендиш принял аспирин. В первую очередь посетите родителей, соберите у них общие сведения о сыне. Адель Кавендиш, его мать, вас ждет. Удачи, инспектор Хантер. Рад вновь приветствовать вас в команде. Будем надеяться, вы приняли верное решение.

– Благодарю, сэр. Я тоже надеюсь.

Джаз вставила в магнитофон кассету Мэйси Грэй и подумала – не удивится ли мать Чарли детективу уголовного розыска, прибывшему на пятнадцатилетнем «Мини Купере» оранжевого цвета? Сержант Майлз пригонит служебный автомобиль завтра, ну а сегодня сойдет и так.

Еще утром Джаз не думала не гадала, что днем ей предстоит допрашивать родителей погибшего ребенка. Она предпочла не зацикливаться на этом факте. Как говорил отец, жизнь коротка, остается лишь полагаться на интуицию.

Если не выйдет… К черту! По окончании дела – взять да и уволиться по всем правилам!

* * *

Через час Джаз прибыла в Ратленд. Раньше она лишь проезжала через него по шоссе А1 на север и теперь была удивлена, до чего здесь красиво. Здания из бледно-желтого песчаника и холмистая местность напоминали Котсуолдс.

Пару раз свернув не туда, Джаз наконец отыскала извилистый подъезд к дому Кавендишей. Припарковала «Мини» между старым «Лендровером» и забрызганным грязью «Мерседесом» возле величественного особняка в стиле королевы Анны.

Поднимаясь по ступеням к роскошному входу, Джаз оценила и лошадей, пасущихся на поле рядом с домом, и бесподобный вид на

холмистые просторы. Идиллическая картина, даже в холодный зимний день.

Джаз нажала на кнопку звонка сбоку от тяжелой двустворчатой двери. Послышались шаги, затем звук поворачивающегося ключа и отодвигаемых засовов. Наконец на пороге предстала женщина одного с Джаз роста, стройная, в безукоризненно подобранной одежде: полосатая рубашка, кашемировый кардиган, темные брюки и синие кожаные мокасины. Густые каштановые волосы были красиво и коротко подстрижены; очень ухоженную – пусть и старомодную – внешность дополнял легкий макияж на глазах и губах.

– Простите, мы почти не используем парадную дверь. Обычно все заходят сзади. – Хозяйка протянула руку. – Адель Кавендиш. Вы, должно быть, инспектор Хантер.

– Да. Спасибо, что согласились на встречу. – Джаз пожала предложенную ладонь.

– Прошу вас, входите.

Адель провела Джаз через элегантную прихожую с шикарной изогнутой лестницей в изысканную гостиную с застекленными дверями на террасу. Обстановку составляла старинная мебель, окна были задрапированы тяжелыми портьерами с цветочным рисунком, на бюро стояли семейные фотографии, а на каминной доске – фарфоровые статуэтки.

– Садитесь, пожалуйста. – Адель указала на диван с обивкой из цветастого ситца. – Что вам предложить? Чаю? Кофе?

– Спасибо, ничего не нужно. – Джаз достала из портфеля блокнот и ручку. – Простите, что беспокою вас в такое тяжелое время.

Адель скрестила руки на груди, встала у застекленных дверей спиной к Джаз.

– Честно говоря, до сих пор не доходит. В голове не укладывается, что Чарли нет. – Адель повернулась, в глазах вспыхнула боль. – А тут еще, оказывается, его смерть можно было предотвратить, это не эпилепсия, и я… – Она покачала головой. Безутешная, отошла от окна и, сев на краешек дивана напротив Джаз, обняла себя за плечи. – Простите. Что от меня требуется?

– Ваш муж дома? Наверное, вам было бы легче беседовать вместе. Мои вопросы могут причинить вам боль.

– Его нет. – Адель пожала плечами. – Он в лондонской квартире. Я предупредила его о вашем приезде, но муж ведет сейчас крупное дело, которое, видимо, важнее смерти нашего сына. – Она горько усмехнулась. – По словам мужа, он попросил выделить для расследования лучших специалистов и выяснить, что же на самом деле произошло с Чарли. Мы не можем ничего делать, пока коронер не вынесет решения, и это самое ужасное. Как жить дальше, если сын до сих пор в морге?

– Миссис Кавендиш, я понимаю, вам сейчас не до расследования, но вы наверняка хотите узнать, как и почему Чарли умер.

Лицо Адели смягчилось, она кивнула.

– Вы правы. Конечно, хочу. Прошу, приступайте. Давайте с этим покончим.

По мере того как Адель рассказывала, начинал вырисовываться портрет богатого и довольно избалованного подростка.

– Я больше не могла иметь детей, и мы позволяли ему слишком многое; это, наверное, естественно.

– Они с отцом ладили?

– Уильям был разочарован тем, что Чарли не блистал в учебе. Его непоступление в Итон стало большим ударом. Муж всегда считал Чарли просто лентяем. – Адель вздохнула. – Пожалуй, справедливо считал. Чарли выручало обаяние. Он любил спорт и направлял энергию на общение и развлечения, жил в свое удовольствие. Теперь я этому в известном смысле рада.

– То есть отношения Чарли с отцом были несколько натянутыми?

– Чарли хотел поступать в Мальборо, куда подались многие его товарищи по школе, но Уильям отказал. Назвал колледж чересчур либеральным. Хотите знать правду? Думаю, Уильям отправил Чарли в Святого Стефана в наказание за то, что сын не поступил в Итон. Меня все устраивало, я сама родилась и выросла в Норфолке. Это достойная школа, хотя признаю – она не столь высокого уровня, как хотелось бы.

– По-вашему, Чарли был там счастлив?

– Не особенно, нет. – Адель вновь вздохнула. – Он воспринимал пребывание в Святом Стефане как провал, считал себя неудачником. На Рождество Чарли приезжал домой – тогда я видела его последний раз – и все твердил, что ждет не дождется выпуска.

– Собирался поступать в университет?

– Да, хотя… – Адель поднесла руку ко лбу. – Господи, все так сложно. Перед отъездом Чарли в школу они с Уильямом поругались. Чарли хотел сделать годичный перерыв, как сейчас принято, – пока не знал, чем заняться в жизни, и собирался отложить подачу документов в университет на год, до своего возвращения.

– Чтобы обдумать карьерное направление? – подсказала Джаз.

– Совершенно верно. Уильям вышел из себя, обозвал Чарли тунеядцем. Муж всегда считал, что сын пойдет по его стопам в юриспруденцию, но у того оказалось другое мнение.

– Это было три недели назад? Чем закончился спор? Они до чего-нибудь договорились?

– Нет. – Адель покачала головой. – Увы. Уильям заявил, что не оплатит Чарли годичных каникул, если тот сперва не поступит в университет. В начале января я отвезла Чарли назад в школу. – Адель разглядывала свои ладони. – С тех пор отец с ним не разговаривал.

– Теперь ваш муж, наверное, из-за этого очень расстроен?

– Без сомнения; хотя по нему не заметно. – Адель посмотрела на Джаз. – Традиционная выдержка, крепкий характер и все такое прочее… Однако в глубине души Уильям любил Чарли до умопомрачения, я знаю. Они были очень похожи: волевые, упрямые. Потому, видимо, и ссорились часто.

– Когда вы отвозили Чарли в школу, как он держался?

– Был тише обычного, по понятным причинам.

– Миссис Кавендиш, я должна задать страшный вопрос, – медленно проговорила Джаз. – Однако не задать не могу. Учитывая ссору между отцом и сыном и ощущение Чарли себя неудачником, мог ли он намеренно лишить себя жизни?

Адель в ужасе уставилась на Джаз.

– Вы спрашиваете, не совершил ли Чарли самоубийства из-за ссоры с отцом? Нет! Ни в коем случае! – Адель яростно помотала головой. – Если бы вы встретились с Чарли, то поняли бы. Его проблемы с отцом были следствием Чарлиной жажды жизни, а не страха перед ней. Таких активных и энергичных людей еще поискать!

Остатки сдержанности рухнули, и Адель Кавендиш разрыдалась. Вынула из кармана платок, высморкалась.

– Простите, но мысль о том, что Чарли лишил себя жизни… это уже слишком.

– Извините меня, миссис Кавендиш, я обязана была спросить, – мягко ответила Джаз. – Полагаю, коронер рассказал вам, что Чарли умер от анафилактического шока, вызванного аллергической реакцией на аспирин?

– Да, коронер звонил Уильяму вчера вечером.

– Тогда… – Джаз помолчала. – Самоубийство могло бы все объяснить, вам не кажется?

– Нет! Совсем не кажется! Чарли так не поступил бы. Он принял таблетки по ошибке, никак иначе.

Джаз подождала, пока Адель вновь высморкается и спрячет платок в карман, затем уточнила:

– Чарли *точно* знал о своей аллергии на аспирин?

– Конечно. Мы вбили ему это в голову. Сами узнали, когда сыну было пять. У него поднялась температура, и я дала ему жаропонижающее на основе аспирина. Через пару минут Чарли начал задыхаться, забился в судорогах, очень страшно. К счастью, «Скорая» успела вовремя, и его реанимировали, но он был на волосок от смерти. Именно тот случай запустил эпилепсию – так часто бывает, – с тех пор Чарли ежедневно утром и вечером принимал таблетки для предотвращения приступов и обходил десятой дорогой аспирин.

– В крови была обнаружена доза, эквивалентная двум таблеткам аспирина. Следов борьбы не имелось, поэтому версию о том, что Чарли заставили принять лекарство силой, можно отбросить.

– Он пил?

– Доза алкоголя в крови говорит всего лишь об одной пинте пива, так что пьян ваш сын не был.

– Уж лучше бы, наверное, был, – задумчиво проговорила Адель. – Неизвестно, что ему довелось пережить в последние минуты. Жуткая смерть. Да еще в одиночестве…

Джаз дала Адели возможность собраться, спросила:

– Миссис Кавендиш, имелись ли у вашего сына враги, недоброжелатели? Не упоминал ли он кого-нибудь из школы – одноклассника или учителя, к примеру?

Адель ответила не сразу:

– Уверена, что недоброжелатели у Чарли имелись. Сильные личности вызывают у других враждебные чувства, согласны?

Джаз кивнула.

– Хотя, если вы спрашиваете, убил ли кто-нибудь Чарли… Нет, это вздор!

– У Чарли была девушка?

– О, у него было много девушек. – Адель слабо улыбнулась. – Они регулярно приходили и уходили, так и положено, когда тебе восемнадцать и ты красив. Совместное обучение, пожалуй, единственное, что нравилось Чарли в Святом Стефане.

Джаз убрала блокнот с ручкой в портфель.

– Что ж, пока на этом все. Спасибо за помощь, миссис Кавендиш. Я сделаю все, чтобы разобраться в произошедшем с Чарли, обещаю.

– Ответы нужны Уильяму. Мне же просто нужен сын. – Адель встала. – Хочу выпить, – добавила она, словно про себя.

Джаз проследовала за хозяйкой к выходу из гостиной.

– Вы не возражаете, если я взгляну на комнату Чарли? Это поможет мне его лучше узнать.

– Конечно, не возражаю. Сюда.

– У вас красивый дом, миссис Кавендиш, – похвалила Джаз, поднимаясь по шикарной дубовой лестнице.

– Спасибо. Я хотела, чтобы Чарли рос за городом, как я. – Адель остановилась наверху, повернулась к Джаз: – Мы переехали сюда, чтобы Уильям мог ежедневно добираться до работы. Всего час поездом от Питерборо, но Уильям вскоре счел это утомительным и арендовал квартиру в Лондоне. Муж не любитель деревенской жизни.

Джаз не успела ответить – Адель резко отвернулась и пошла по коридору.

– Вот комната Чарли, – сказала, застыв у двери. – Оставлю вас одну, хорошо? Я пока не в состоянии видеть его вещи…

– Конечно. У вас есть лекарство Чарли от эпилепсии?

– Пойду поищу. – Адель обняла себя за плечи и удалилась.

Комната Чарли имела обычные подростковые атрибуты: криво повешенные постеры на стене, фотографии команды по регби на тумбе возле телевизора и музыкального центра, неряшливые стопки книг на полке.

На подушке лежал плюшевый медведь без шерсти. Джаз взяла его в руки.

Пару лет назад она посещала курсы по оказанию психологической помощи людям, перенесшим утрату, и усвоила, что ни один родитель

не в силах свыкнуться с потерей ребенка. Пары часто распадаются, родители не умеют поддержать друг друга в горе, чувствуют себя брошенными и разобщенными. Судя по увиденному и услышанному здесь, Адель Кавендиш не получала большого утешения от мужа.

Джаз наклонилась разглядеть фотографию на прикроватной тумбочке. Отец с сыном в лыжных костюмах на вершине горы. Оба широкоплечие и крепкие, светловолосые, с одинаковыми голубыми глазами.

Джаз осмотрела комнату в поисках подсказок. Кем ты был, Чарли? Она выдвинула ящики стола, пролистала несколько журналов по регби, открыла пару писем от друзей и, не обнаружив ничего интересного, вернулась на лестницу.

Миссис Кавендиш сидела на последней ступеньке, баюкала в руках бокал. Джаз опустилась рядом.

– Нашли что-нибудь?

– Ничего особенного, – откровенно ответила она.

– Вот таблетки. – Адель достала из кармана упаковку. – Можете забрать и остальные. Чарли… они больше не понадобятся.

– Нет.

Джаз взяла упаковку и после короткого молчания поинтересовалась:

– У Чарли есть компьютер?

– Конечно, у кого сейчас его нет? Только он в школе. – Адель глотнула джина. – Я так понимаю, мне нужно будет как-то забрать вещи Чарли.

– Если хотите, мы отправим их вам после того, как осмотрим.

– Правда? – Адель чуть расслабилась. – Назовите меня трусихой, но мысль о том, чтобы туда ехать и терпеть притворное сочувствие на самодовольной физиономии директора, повергает меня в ужас.

– Вы не трусиха, миссис Кавендиш. Люди горюют по-разному. – Джаз безотчетно обняла Адель за плечи.

– Бесконечный поток посетителей и открыток с соболезнованиями. Не могу заставить себя даже открыть их. – Она указала на стопку конвертов на столике в прихожей. – Я понимаю, люди пытаются меня поддержать, но от этого его смерть становится такой реальной… – Адель посмотрела на Джаз, лицо исказилось от муки. – Он был для меня всем, понимаете, всем.

– У меня нет детей, так что я могу лишь представить. Можно обратиться к психологам, они помогут…

– Боже, нет! – Адель отшатнулась, встала. – Не надо мне их покровительственных советов и разной психоболтовни. Я справлюсь, ясное дело. Что мне еще остается? – просто сказала она. – Вам, наверное, надо заниматься расследованием дальше?

Джаз тоже поднялась, пошла за хозяйкой к выходу.

– Сообщите, когда будут какие-нибудь новости? – Адель открыла парадные двери.

– Конечно. До свидания, миссис Кавендиш.

Джаз начала спускаться с крыльца. Двери за ней со стуком захлопнулись.

Она осторожно повела машину по подъездной дороге, прочь от прекрасного дома на живописных холмах и его безутешной обитательницы.

* * *

Адель Кавендиш пересекла прихожую и вошла в кухню. Доверху наполнила бокал джином, сделала большой глоток. Затем достала мобильный телефон и набрала номер.

– Это я. Она приезжала. Да, было ужасно. Когда встретишься с ней, ради бога, ничего не говори. Я… это невыносимо. – Адель помолчала, слушая. – Спасибо. Знаю, что не станешь.

Она отключилась, на губах мелькнула тень улыбки и тут же исчезла – стоило вспомнить о страшном грузе вины, который Адели придется нести до конца своих дней.

Глава пятая

Выглянув из окна на следующее утро, Джаз увидела пустую Солтхаус-роуд. Майлз должен был заехать в семь тридцать, добрых полчаса назад. Позвонив ему, Джаз услышала автоответчик. Это несколько успокаивало: видимо, Майлз где-то рядом, просто у него нет сигнала. Джаз оставила короткое сообщение. Если через десять минут он так и не появится, она поедет в школу Святого Стефана на своем «Мини Купере» и встретится с Майлзом уже на месте.

Работать предстоит с местными коллегами, и опаздывать в первое же утро – не дело.

Джаз поправила выбившийся локон. Она уже семь месяцев не подрезала густые рыжевато-каштановые волосы и носила их распущенными. Непослушные кудри отросли до плеч. Сегодня Джаз собрала их на затылке и закрепила старой пластмассовой заколкой, но та не выдерживала тяжести волос и больно впивалась в кожу.

– Да чтоб тебя! – проворчала Джаз и сняла заколку, возвращая волосам свободу.

Пригладила на себе костюм, измявшийся от семимесячного хранения в коробке. Вздохнула, что не успела отнести костюм в химчистку. Взяла ключи от машины – и тут на дороге затормозил серебристый «БМВ».

– Слава тебе господи.

Джаз подхватила портфель и, захлопнув за собой двери, побежала к ожидающему автомобилю.

– Где вас носило? – бросила она сержанту Алистеру Майлзу, устраиваясь на пассажирском сиденье.

– Разве не я должен вас об этом спрашивать? – улыбнулся Алистер. – Я всего лишь сделал крюк по живописным норфолкским деревушкам и задержался на часок, вы же слонялись где-то целых семь месяцев. Рад вас видеть, мэм. – Не переставая улыбаться, он тронулся с места. – Мы в правильном направлении движемся?

– Пока да, а дальше я скажу, где свернуть.

– Как вы? – Майлз с восхищением покосился на начальницу, в который раз пораженный ее необычайной красотой.

Джасмин Хантер выглядела теперь мягче; алебастровая кожа, покрывшаяся легким загаром, оттеняла зеленые глаза; отросшие волосы сглаживали очертания высоких скул.

– Выглядите сказочно.

– Спасибо, – коротко ответила Джаз.

– Вы тут заправляете ранчо, а нам вас не хватает. Ребята шлют привет. Они позеленели от зависти, когда меня отправили к вам на загородную побывку. Требуют всяческих подробностей.

– Не сомневаюсь, – кивнула Джаз. – Я взяла вынужденный отпуск, чтобы утрясти личные проблемы, и оказалась тут. На этом с подробностями все. *Capisce*, сержант Майлз?

– Так точно, *capitano*, понял. Введете в курс дела?

– Похоже, юный Кавендиш умудрился проглотить две таблетки аспирина, хотя прекрасно знал о своей аллергии. Вчера я пообщалась с его матерью, она это подтвердила.

– Он был пьян?

– В отчете патологоанатома сказано, что нет.

– Наркотики?

– Нет.

– Тогда, наверное, выпил таблетки по ошибке?

– Вот затем, детектив-сержант Майлз, вы и везете меня сквозь норфолкскую глушь – чтобы выяснить.

– Я так понимаю, это услуга приятелю столичного комиссара. Передозировка какого-то школьника – обычно не наш случай. Хотя мне все равно. Я будто в отпуске себя почувствовал, пока сюда ехал.

– Последнее замечание я проигнорирую, сержант Майлз. Каким бы ни было дело, большим или маленьким, мы приучены отдаваться ему полностью.

– Совершенно верно. – Алистер расплылся в улыбке. – Ну и как вам спокойная жизнь на отшибе? Прямо декорации для мисс Марпл. – Он указал на ряд идиллических коттеджей по дороге к Фолтсхэму.

– Хорошо, спасибо.

Чем ближе подъезжали к школе, тем громче стучало сердце Джаз. Она была рада присутствию напарника. Они с Алистером Майлзом работали вместе над множеством дел. Никогда не унывающий Майлз, кажется, ничего не имел против успешной карьеры начальницы, хотя и был старше нее на несколько лет.

Без таких, как он, полиция бы пропала: основательный, толковый и надежный, но лишенный воображения и чутья, которые могли бы обеспечить Майлзу повышение по службе. Джаз смело могла на него положиться. Она ценила его прямоту, а самое главное – он ее смешил и часто разряжал напряженную обстановку очередной глупой или непристойной шуткой из своего богатого арсенала.

Ангельское лицо, белокурые волосы и большие голубые глаза Майлза вызывали учащенное сердцебиение у многих сотрудниц управления, но он этого словно не замечал, с девушками встречался редко и весь отдавался работе.

– Мне забронировали тут какую-то гостиницу, – рассказывал Майлз, пока они ехали по Фолтсхэму, небольшому симпатичному городу с прелестными старомодными магазинчиками одежды, художественными галереями и кофейнями. – Как думаете, в этих краях есть водопроводная вода и электричество?

– Прекратите задирать нос и корчить из себя крутого горожанина, Майлз. Иначе местные пинкертоны вас невзлюбят, – поддела Джаз.

– Ну и кто тут задирает нос и обзывается? – парировал сержант. – Да и вообще, двум воображалам из Скотленд-Ярда никогда не завоевать любви местных полицейских.

– Мы будем очень стараться вести себя профессионально и обходительно. Так, поворачивайте направо и становитесь на парковку.

Джаз привычно проверила свое отражение в боковом зеркале. Ничто так не подрывает доверия к детективу-женщине, как размазанная тушь для ресниц или помада на зубах.

Майлз заглушил мотор на гостевой парковке перед главным входом.

Вокруг ухоженной лужайки располагались строгие викторианские здания красного кирпича, составлявшие школу Святого Стефана. Чуть в стороне стояла величественная школьная часовня, построенная больше трех столетий назад и предположительно спроектированная архитектором Кристофером Реном как миниатюрная копия собора Святого Павла. По обеим сторонам ее окружали спортивные площадки.

– Интересно, не нас ли поджидает вон та старушка, которая топчется возле приемной стойки? Или это и есть мисс Марпл? Ее тоже вызвали?

– Ладно, хватит, – резковато одернула Джаз. – Пойдем узнаем.

* * *

Когда Дженни пригласила в кабинет инспектора Хантер с сержантом, Роберту Джонсу пришлось тут же распрощаться с придуманным образом детектива-здоровяка. Эта высокая элегантная женщина больше походила на модель с подиума, чем на сотрудницу полиции.

Она твердо пожала директорскую руку.

– Инспектор уголовного розыска Хантер, это – сержант Майлз. Приятно познакомиться. Сержант Роланд уже прибыл?

– Да, минут десять назад. Я провел его в комнату, которую выделил вам для работы, – ответил директор.

– Отлично. Мы присоединимся к нему? – спросила Джаз.

– Я могу вас проводить, но вам, наверное, говорили, что я созвал всю школу на собрание.

– Хорошо. Успеем мы сначала заглянуть к сержанту Роланду? Мне надо встретиться с ним до обращения к школе. Возможно, он решит поучаствовать.

– Конечно. Прошу. – Роберт Джонс указал на дверь.

* * *

Сержант Роланд оказался невзрачным мужчиной лет сорока с лишним. Обмениваясь с ним рукопожатием, Джаз явственно ощутила его недовольство. Ничего удивительного, она тоже не хотела бы, чтобы ей на пятки наступали какие-то шишки из Скотленд-Ярда. Тем не менее Роланда следовало привлечь на свою сторону, чтобы расследование прошло максимально гладко и эффективно.

– Сержант Роланд, рада знакомству. Давайте поговорим по пути на собрание? Мне мало известно о деле, но вы, насколько понимаю, присутствовали при обнаружении тела. Я хочу выслушать ваш рассказ

о том, что вы видели. Мы сможем после собрания осмотреть место смерти Чарли Кавендиша? – Джаз обернулась к директору.

– Я обращусь к сотрудникам и преподавателям с короткой речью, а вы сможете добавить все, что сочтете нужным, – кивнул Роберт Джонс.

– Спасибо.

Они вошли в зал, где собралась вся школа. Пока Джаз пересекала его и поднималась следом за директором на помост, ее буравили тысячи глаз.

– Всем доброе утро, – начал Роберт Джонс. – Уверен, школьное сарафанное радио уже оповестило вас о том, что нам предстоит принимать в гостях трех детективов. Они здесь для расследования трагической смерти Чарли Кавендиша. Я передам слово инспектору уголовной полиции Хантер из Скотленд-Ярда, она введет вас в курс дела.

Джаз выступила вперед, улыбнулась.

– Доброе утро. Я – инспектор Хантер, а это – мои коллеги, сержант Роланд и сержант Майлз. Мы надеемся завершить расследование как можно скорее. Будем беседовать как с персоналом, так и с учениками, которые тесно общались с Чарли Кавендишем. После обсуждения с мистером Джонсом я повешу расписание на доску объявлений.

Джаз помолчала, глядя на море лиц перед собой.

– Вы, конечно, знаете, что случилось с бедным Чарли. В настоящий момент мы подозреваем трагическую случайность, но нам нужна абсолютная уверенность. В связи с этим я прошу откликнуться любого, кто может пролить свет на события той ночи. Информация, которую вы сообщите мне или моим коллегам, будет совершенно конфиденциальной, поэтому, пожалуйста, не бойтесь, приходите. Чем скорее вы все расскажете, тем скорее мы перестанем путаться у вас под ногами и школа заживет обычной жизнью. Сержант Роланд, хотите что-нибудь добавить?

Джаз повернулась к Роланду, тот покачал головой.

– Хорошо. Заранее благодарю каждого из вас за сотрудничество. Директор?

– Спасибо, инспектор Хантер. После собрания прошу всех сразу же вернуться в классы. Регулярно проверяйте доску объявлений на

случай, если инспектор Хантер пожелает с вами поговорить.

* * *

Дженни Колман, которая уже чувствовала себя дурно при одном только виде детективов, отвернулась от помоста. Медленно продвигаясь со всеми к выходу, она заметила в другом конце зала знакомое лицо.

Дженни спряталась за колонну – чтобы видеть, но самой оставаться невидимой. Вгляделась в лицо. Да, так и есть! Совершенно точно. Даже спустя двадцать пять лет спутать эти черты невозможно. Дженни дождалась, пока зал опустеет, затем ноги у нее ослабели, и она тяжело опустилась на стул.

* * *

Джаз следом за директором вышла из зала.

– Будем искать иголку в стоге сена, – пробормотал Майлз. – Если тут и правда дело нечисто, то замешан может быть любой. Уйма народу!

– Судьба просто свела их в одном месте, только и всего. Думаю, здесь куда больше шансов добиться успеха, чем в Лондоне – отыскать водителя, скрывшегося с места аварии. – Джаз остановилась, давая возможность Роберту Джонсу и Роланду уйти вперед. – Так, отправляйтесь поговорить с нашим директором, выясните как можно больше о Чарли, а я осмотрю его комнату вместе с Роландом.

* * *

Спартанская обстановка Флит-Хауса вызвала у Джаз удивление. Казалось бы, закрытая частная школа, которая берет с родителей заоблачные деньги, должна обеспечивать жилищные условия получше,

чем это суровое обшарпанное здание. Даже некоторые тюрьмы выглядят роскошней, Джаз видела.

В вестибюле детективов встретила женщина. Джаз дала бы ей лет пятьдесят с лишним. Худая, даже истощенная, седая и морщинистая не по годам, она носила практичную короткую стрижку. На лице – никакой косметики; одежда и туфли – простые и удобные. Зато глаза притягивали и поражали: широко посаженные, необычного янтарного оттенка.

– Доброе утро. Я инспектор уголовного розыска Хантер. С сержантом Роландом вы, полагаю, уже знакомы? – сказала Джаз, пожимая руку женщине.

– Да. Мэделин Смит, сестра-хозяйка Флит-Хауса.

Она говорила с незнакомым акцентом.

– Мы хотели бы осмотреть комнату Чарли, если можно.

– Конечно. Не угодно проследовать за мной?

– Не хотел бы я оказаться ее подопечным, – шепнул Роланд Джаз на лестнице, глядя в прямую спину сестры-хозяйки.

Та провела их по коридору и остановилась у двери в комнату Чарли. Отперла ее ключом, который выудила из кармана пиджака.

– На следующий день после смерти Чарли я прислала сюда уборщиков. Его вещи упакованы, подготовлены для родителей. Мне хотелось помочь хотя бы этим. Тогда я не думала, что смерть Чарли могут счесть подозрительной.

Сестра-хозяйка не оправдывалась, просто констатировала факт. Сердце Джаз упало. Здесь ничего не найти.

– Я еще вам нужна? Меня ждут дела.

– Нет, спасибо. Мы подойдем к вам, когда закончим, – ответила Джаз. – Где вас искать?

– Где-нибудь в здании, – неопределенно сообщила сестра-хозяйка и удалилась по коридору.

Роланд открыл дверь и отошел, пропуская Джаз вперед.

В комнате царил идеальный порядок. Белье сменили, уничтожив любые подсказки о последних минутах Чарли. В маленьком помещении стоял сильный запах полироли и дезинфицирующего средства, тем более что окна после уборки явно не открывали.

Роланд закрыл за собой дверь и замер возле нее, как часовой.

Джаз пробралась между коробками, осторожно присела на край кровати. Глянула на Роланда:

– Улик не осталось, правда?

Роланд ощетинился:

– Когда я обнаружил жертву и услышал от сестры-хозяйки про эпилепсию, тоже предположил, что у него случился припадок. На губах была пена, медики заверили, что это – симптом. Мы все так думали, пока не пришли результаты вскрытия.

– Теперь уже ничего не поделаешь, – обреченно пожала плечами Джаз. – А криминалистическая экспертиза? Криминалистов ведь вызывали?

– Нет, мэм. – Роланд неловко замялся. – Ни школа, ни врачи «Скорой», ни я сам не имели оснований подозревать преступление. Меня вызвали лишь потому, что директор хотел прикрыть свой тыл. Если бы парень находился дома, нас никто не привлек бы. Со всех точек зрения это была смерть по естественным причинам.

– Она вполне еще может оказаться трагической случайностью, – успокоила Роланда Джаз.

– Мой суперинтендант намекнул – не окажись у отца мальчика больших связей, вас сюда вообще не прислали бы.

– Возможно, но мы все равно обязаны установить, по ошибке принял Чарли таблетки или нет.

– Непременно по ошибке, – заявил Роланд. – Альтернатива-то – убийство. А зачем убивать школьника? У нас тут не бандитские разборки. Фолтсхэм – городок спокойный, а в этой школе учатся приличные дети из зажиточных семей.

– Вы провели обычную проверку Чарли Кавендиша?

– Конечно. Чист как слеза. Все, что на него есть, – это три штрафных водительских балла за превышение скорости. Он получил новенькую машину в подарок от папочки на семнадцатилетие, а через несколько дней сдал экзамен на права. – Роланд закатил глаза. – Современные детки, а? Я на свой первый драндулет четыре года копил.

– Ну, Чарли в деньгах не нуждался, это точно. – Джаз обежала взглядом комнату. – Где вы его обнаружили?

– Лежал у дверей, на губах пена, и уже трупное окоченение началось. Не самое приятное зрелище.

– Все-таки вызовите криминалистов. Возможно, уборщики что-нибудь пропустили.

– Сомневаюсь, но вызову.

В голосе Роланда слышалась враждебность. Да уж, не лучшее начало рабочих отношений.

– Пришлю сержанта Майлза вам в помощь, надо перебрать вещи Чарли. – Джаз взяла с коробки ноутбук и вручила его Роланду. – Проверьте компьютер. Позвоните, если найдете что-нибудь интересное. Я пришлю сообщение со своим номером.

Джаз вышла в молчании. Идя по коридору, она размышляла, а не отправили ли ее сюда просто «для галочки», лишь бы не расстраивать приятеля комиссара? Как бы ни хотелось Джаз добиться в этом деле успеха, шансы на то, что речь идет об убийстве, ничтожны.

Раньше она по каждому делу получала высококлассную поддержку. Теперь это вдруг показалось давно забытым сном. В Лондоне в распоряжении Джаз были подготовленные кадры, компьютеры, криминалисты, любые доступные средства. Пусть Майлз шутит сколько угодно, но она и правда чувствует себя сейчас мисс Марпл. Как ей опросить восемьсот учеников и двести сотрудников при помощи только двух детективов?!

Джаз неожиданно рассердилась. Нортон просто подсунул ей дурацкое дело! Решил занять чем-нибудь? Или даже проверить? Джаз выдернула из нагрудного кармана мобильный.

Набрала прямой номер Нортона и тут же нажала «отбой». Прислонилась горящей щекой к крепкой прохладной стене.

Представила лицо Адели Кавендиш, ощутила ее горе и постаралась сфокусироваться на нем.

Назад пути нет. Задача Джаз – выяснить правду.

Какими ничтожными ни были бы шансы, ее долг – просто взглянуть в глаза Адели и без всяких сомнений сообщить, умер ли ее сын в результате трагической случайности или стал невинной жертвой чего-то куда более зловещего.

Глава шестая

Хью Данман посмотрел на снотворные таблетки в руке. Такой способ умереть казался ему наименее мучительным. К тому же в данных обстоятельствах Хью видел в этом синхронность, столь милую его эстетической натуре.

Он зажег в камине огонь. Тот вспыхнул и тут же опал, слабо затеплился. В маленьком коттедже, арендованном у школы, все работало «почти». Однако он служил Хью верой и правдой вот уже двадцать лет, был декорацией коротким мгновениям счастья, и Хью глядел на него с нежностью.

Он собрал все личные бумаги; они лежали кучей на полу перед камином, готовые к уничтожению.

Мысль о том, что кто-то станет рыться в его вещах, была Хью невыносима. Он тщательно привел в порядок свои дела, даже в гардеробе убрал, оставив только лучшие костюмы – на благотворительность.

Ни у кого не должно возникнуть сомнений в том, что это – самоубийство.

Хью глотнул бренди. Он пил редко и надеялся, что спиртное притупит последние колебания.

Хью принялся бросать бумаги в камин. Улыбнулся при виде ярко взвившегося пламени; хороший огонь, никогда он так не горел, приятно будет забрать с собой это воспоминание.

На журнальном столике стоял пузырек теназепама. Месячная доза наверняка справится с задачей. Хью сел в любимое кресло, посмотрел на таблетки. Он предупредил школу, что слег с простудой и сегодня не придет. Это даст ему время умереть.

Хью уставился на пламя.

Столько лет себя контролировал, а тут одна ошибка…

Хью вздохнул.

Он не планировал закончить жизнь так рано.

С другой стороны, старость – сама по себе медленная смерть.

Хью открутил крышку, высыпал таблетки на столешницу.

По крайней мере, его смерть никому не принесет горя. Лишь бы только выполнили последнюю волю, указанную в завещании. Приятно

думать о том, что похороны устроят в школьной часовне и на них придет кто-нибудь из детей…

Однако Хью понимал – при данных обстоятельствах это может оказаться недостижимым.

Хью порылся в кармане твидовых брюк, нашел бумажник. Осторожно извлек фотографию, вгляделся. Раньше она была цветной, но теперь поблекла и обрела коричневатые тона.

Хью улыбнулся знакомому, любимому лицу. Пусть окажется, что он почти всю жизнь ошибался и Бог существует; Бог, который воссоединит их после смерти, после долгих лет разлуки.

Если же нет, если впереди небытие, оно все равно легче, чем пустое существование, которое Хью влачит последние сорок лет.

Он поцеловал фото в последний раз. Взял со стола три таблетки и поднял бокал с бренди. Положил таблетки на язык, отсалютовал бокалом.

– *Carpe Diem*, любовь моя! Лови момент! – воскликнул Хью, ощутив на языке горечь, и глотнул.

* * *

По дороге к приемной Джаз успела взять себя в руки.

Секретарь сидела за столом, но не работала. Она, как и Джаз, прислушивалась к возмущенному мужскому голосу за дверью директорского кабинета.

– Что там происходит? – нахмурилась Джаз.

– Это Дэвид Миллар. Отец одного ученика. У них дома неблагополучно: мистер Миллар выпивает, семья распалась. Он вообразил, что у его сына какие-то неприятности, но это, скорее всего, алкоголем навеяло.

– Как зовут мальчика?

– Рори. Ему всего тринадцать, лапочке, и ростом пока не вышел. Возможно, кто-нибудь из старших ребят действительно его донимает, но чего вы хотели? Мальчики есть мальчики, правда? – Дженни слабо улыбнулась.

– Отец думает, что сына третируют?

– Понятия не имею, – пожала плечами Дженни. – Однако что-то вывело мистера Миллара из себя.

Дверь распахнулась, и из кабинета выскочил мужчина. Он пылал от гнева и был одет кое-как, явно в то, что под руку попало. В глазах плескалось отчаяние.

– Господи! Как в этой школе поговорить с собственным ребенком?! – Не обращая внимания на Джаз, мистер Миллар навис над столом Дженни. – Ради бога, у Рори какие-то проблемы. Он мой сын, я его знаю. Рори не стал бы мне звонить, если бы не нуждался в помощи. Почему я не могу с ним повидаться?!

– Мистер Миллар. – На пороге своего кабинета вырос взволнованный Роберт Джонс. – Я ведь вам объяснил, что, по словам сестры-хозяйки, сегодня утром за завтраком Рори был в полном порядке. По-моему, не очень-то полезно выдергивать его сейчас с урока, особенно когда вы в таком… возбуждении.

– Мне просто нужно увидеть его, поговорить! Прошу, дайте увидеться с сыном!!!

– Я вам пообещал, что попрошу Рори позвонить вам вечером. До выходных осталось всего ничего, и Рори будет дома.

Дэвид Миллар выпрямился и повернулся к Джонсу:

– Да, он будет *дома*, с матерью. К сожалению, и вам это прекрасно известно, я там больше не живу – и, странное дело, в гости меня не зовут.

Внезапно весь запал из Дэвида вышел, плечи устало обмякли.

– Пожалуйста, очень вас прошу, пусть Рори сегодня мне позвонит.

Он медленно вышел из приемной, Джаз проводила его взглядом.

– Извините, инспектор Хантер. – Директор промокнул лоб носовым платком. – Пройдем ко мне?

– Мальчика зовут Рори Миллар? Правильно?

– Да. – Роберт закрыл за собой дверь кабинета и проводил Джаз к креслу. – Я стараюсь удовлетворять требования родителей, но Рори вряд ли стоит видеть отца в таком состоянии. Причем, увы, нетрезвым.

– Рори знал Чарли Кавендиша?

– Они оба жили во Флит-Хаусе, но Чарли был пятью годами старше, поэтому за пределами общежития их мало что связывало. Итак… – Директору определенно хотелось сменить тему. – Думаю, вам лучше начать с воспитателя. Он общался с Чарли ежедневно, так что

поведать о его друзьях сможет именно Себастьян Фредерикс. И еще куратор Флит-Хауса, Хью Данман, наш преподаватель латыни, но он, к сожалению, на больничном с простудой. Я уже пообщался с вашим сержантом Майлзом и рассказал ему о Чарли все, что знал. – Директор демонстративно пошелестел бумагами на столе. – Могу я еще чем-то быть полезен?

– Пока нет, спасибо, мистер Джонс. – Джаз поднялась. – Вы нам очень помогли.

* * *

Майлз сидел в маленьком классе, выделенном в распоряжение детективов, и вносил заметки в ноутбук.

– Привет, как успехи? – поинтересовался Майлз, поднимая голову.

– Вот, посмотрите-ка. – Джаз выложила перед собой четыре маленькие круглые таблетки белого цвета. – Только не приглядывайтесь. Оттуда таблетки выглядят одинаковыми?

– Абсолютно, – кивнул он.

– Теперь приглядитесь, и вы заметите, что две таблетки гладкие, а на двух есть надпись.

– Ноль семь два, – прочел Майлз, прищурившись.

– По словам Адели Кавендиш, матери Чарли, он регулярно принимал перед сном две таблетки эпилима – лекарства на основе вальпроата натрия. Она боялась, что Чарли забудет про таблетки, поэтому их каждый вечер приносили в его комнату либо сестра-хозяйка, либо воспитатель – и оставляли у кровати вместе со стаканом воды.

– И?

– Я сейчас разговаривала с патологоанатомом, который проводил вскрытие. Он уверен, что Чарли перед смертью эпилим не выпил, – его оказалось слишком мало в крови. Теперь представьте: вы приходите домой из паба, собираетесь спать. Заметите вы цифры на двух белых таблетках, которые принимаете каждый вечер всю свою жизнь? Или глотнете их не глядя?

– Хотите сказать, что лекарство от эпилепсии могли подменить?

– Да. – Джаз указала на две таблетки с цифрами. – Это аспирин, а это… – Она взяла таблетку без надписей, изучила ее. – Эпилим.

Они молча уставились на лекарства. Майлз высказался первым:

– Чарли почти наверняка не заметил бы разницы.

– Это объяснило бы, почему он, зная о своей непереносимости аспирина, все же его выпил. Патологоанатом определил время смерти – одиннадцать тридцать, всего через полчаса после отметки о возвращении Чарли во Флит-Хаус. Реакция на аспирин началась бы почти мгновенно. Если я права, – зловеще подытожила Джаз, – то мы расследуем убийство.

* * *

Жилище педагога-воспитателя Флит-Хауса располагалось рядом с главным вестибюлем здания. В своей гостиной Себастьян Фредерикс принимал родителей и детей, беседовал с ними, устраивал разнообразные мероприятия с подопечными мальчиками.

В результате гостиная напоминала приемную врача: функциональная комната с парой синтетических диванов, несколькими старыми креслами, чьи подушки молили о новой набивке, и письменным столом перед окном, выходящим на прямоугольный школьный двор. Однако, отметила про себя Джаз, здесь ничто не давало представления о личных вкусах хозяина.

– Приятно познакомиться, инспектор Хантер. – Мужчина крепко пожал ей руку.

В свои сорок с хвостиком воспитатель походил на регбиста – он тренировал школьную команду, о чем Джаз узнала из списка учителей, – но из-за высокого роста не выглядел квадратным. У Фредерикса были светлые волосы, тронутые сединой на висках, эффектные карие глаза и белые, чуть выпирающие зубы.

– Располагайтесь. Хотите чаю?

– Почему бы и нет? – ответила Джаз.

Он заказал чай по стоявшему на столе телефону.

– Ужасное дело. Я ни разу не терял ребят за все двадцать лет преподавания. – Фредерикс сел напротив Джаз. – Чем могу быть полезен?

Он говорил громко, с выразительными жестами и мимикой – видимо, привык кричать издалека.

– Вы много общались с Чарли Кавендишем. Он прожил в вашем общежитии пять лет. Опишите его как можно подробнее.

Себастьян подался вперед, потер руки.

– Сперва он вел себя заносчиво, но нам вроде бы удалось его немного обтесать. Само собой, Чарли был одним из звездных регбистов в моей команде. Блуждающий полузащитник. Как команда обойдется без него, ума не приложу. – Воспитатель вздохнул, звук вышел долгий, громкий. – Ну да что уж теперь…

– Вы можете назвать его ближайших друзей?

– Конечно. Я подготовил список. – Взяв с журнального столика конверт, Себастьян вручил его Джаз. – Решил, вам понадобится. Тут перечислены друзья Чарли, его одноклассники и те ребята, что тоже спали в коридоре шестого класса. А, и еще странная девушка, с которой Чарли водил дружбу последнюю пару лет.

– Очень оперативно, мистер Фредерикс, спасибо.

Появился чай, его принес незнакомый мальчик.

– Я поухаживаю, давайте? – предложил Себастьян.

Джаз никак не могла понять, чем этот человек ее раздражает.

– Благодарю. – Она приняла чашку, сделала глоток. – Как по-вашему, Чарли пользовался у ребят популярностью?

– Он был настоящим лидером, чем вызывал немалое уважение, хотя и некоторую неприязнь тоже. Вокруг Чарли постоянно крутилась группка почитателей. В основном регбисты, по правде говоря. Купались в лучах его славы. Однако кое-кто считал Чарли довольно грубым и самовлюбленным. Такие ребята его сторонились.

– Я вижу, старостой он не был. Хотя, казалось бы, должность как раз для человека с подобными лидерскими качествами.

– Наверное, директор опасался, что Чарли может ею злоупотребить, – осторожно пояснил Себастьян.

– Понятно.

Джаз вздохнула – ей бы очень хотелось испытывать к жертве более теплые чувства, чем сейчас, но…

– Давайте поговорим о той ночи, когда Чарли умер. У сестры-хозяйки был выходной. Значит, в общежитии оставались вы?

Красноватое лицо Фредерикса стало еще краснее.

– Э-э, ну, тут такое дело… Собственно говоря, не оставался, нет.

– Где же вы находились?

– Я отсутствовал, – кивнул он. – Да, отсутствовал.

– Если вы отсутствовали и сестра-хозяйка тоже, то кто же в тот вечер отвечал за Флит-Хаус?

Фредерикс придвинулся ближе и доверительным тоном сообщил:

– Видите ли, инспектор Хантер, ситуация деликатная. Я *должен* был находиться здесь. По правилам школы, в общежитии всегда полагается присутствовать двум сотрудникам. Я оставил старшим нашего куратора, Хью Данмана, одного на несколько часов. – Фредерикс пожал плечами. – Отлучился по срочному делу.

– Можно узнать, по какому?

– Э-э… нет, боюсь, нельзя, дело личное, но мистер Данман подтвердит, что я вернулся к полуночи.

– В котором часу вы покинули общежитие?

– Около семи тридцати.

– Тогда могу ли я поинтересоваться, кто в тот вечер положил таблетки эпилима на тумбочку Чарли Кавендишу? Раз ни вас, ни сестры-хозяйки не было?

– Это сделал я, перед уходом. Примерно в семь пятнадцать отнес таблетки в комнату Чарли.

– Вы оставили их у кровати, как обычно, рядом со стаканом воды?

– Да. Чарли как раз был у себя. И, между прочим, все видел. Хотя теперь мне это не поможет, – констатировал Фредерикс.

– Вы часто наведываетесь к шкафчику с лекарствами и даете мальчикам рецептурные и прочие лекарства?

– По мере необходимости. У нас с сестрой-хозяйкой у каждого свой ключ. Мы оба записываем, что именно и в какое время взяли, и потому не путаемся.

– А в тот вечер, когда и вы, и сестра-хозяйка отсутствовали?

– Я отдал свою связку мистеру Данману, на ней же и ключ от шкафчика с лекарствами.

– Мистер Фредерикс, поскольку вы торопились по своему срочному делу, вы не могли случайно перепутать аспирин с эпилимом? – Джаз извлекла из кармана таблетки, опустила на столик. – Как видите, они почти одинаковые.

Фредерикс был потрясен.

– Инспектор Хантер, признаю, в ту ночь я совершил ошибку, покинув Флит-Хаус, но, уверяю вас, я чрезвычайно осмотрителен во всем, что касается мальчиков и их лекарств, особенно Чарли Кавендиша. Я прекрасно знал о его аллергии на аспирин. Кроме того, анальгетики и рецептурные препараты хранятся на разных полках, так что я никак не мог перепутать.

– Тогда, чисто из интереса, скажите, где здесь аспирин, а где эпилим?

Воспитатель присмотрелся и указал на две таблетки без надписи.

– Это эпилим. А с цифрами – аспирин. – Он с некоторым вызовом глянул на Джаз. – Довольны?

«То, что ты их различаешь, тебя не спасет», – подумала та.

– Да. Значит, мистер Фредерикс, вы не готовы поведать мне о своем местонахождении в ночь смерти Чарли?

– К сожалению, не могу, – подтвердил он.

– Должна заметить, что это лишает вас алиби – или свидетелей, которые подтвердили бы вашу версию.

Себастьян Фредерикс нахмурился:

– Они ведь мне вряд ли понадобятся? К тому же Хью Данман поручится за то, что я ушел и вернулся к полуночи.

– Во Флит-Хаусе есть черный ход? – спросила Джаз.

– Что? Думаете, я покинул общежитие, а затем пробрался обратно и убил беднягу Чарли?! – Фредерикс потемнел от гнева.

– Нет, я просто спрашиваю, есть ли тут черный ход. Есть?

– Да, есть. Могу показать, если хотите. Еще есть пожарная лестница, она идет от самого верха здания до низа. Послушайте, инспектор Хантер, позвольте кое-что прояснить раз и навсегда. Я как никто подавлен случившимся. В данных обстоятельствах я был сильнее всех заинтересован в том, чтобы с головы Чарли Кавендиша и волосок не упал!

– В каких именно «обстоятельствах», мистер Фредерикс?

Тот смутился, праведный гнев утих.

– В очевидных, конечно же. Я воспитатель Чарли, заменяю здесь родителей – *loco parentis*. Я отсутствовал, когда Чарли умирал, и этот факт на всю жизнь останется на моей совести. Да и будущая учительская карьера… Смерть вверенного мне мальчика вряд ли улучшит мою репутацию, согласны?

– Пока, пожалуй, все. Благодарю за уделенное время. – Джаз спрятала в карман таблетки и список друзей Чарли, подготовленный Фредериксом. – Еще одно: Рори Миллар, он ведь в этом общежитии?

– Да. Почему вы спрашиваете?

– Я сегодня видела его отца, Дэвида Миллара. Тот считает, что сын чем-то расстроен. Как он?

– Случившееся выбило из колеи всех обитателей Флит-Хауса, инспектор Хантер. Рори – мальчик чувствительный, и, возможно, смерть Чарли расстроила его сильнее, чем других, – ответил Фредерикс, медленно подбирая слова.

Провожая Джаз к двери, он вновь нацепил на себя маску фальшивого обаяния.

– Если смогу помочь чем-нибудь еще, обращайтесь.

– Да, сможете. Пригласите, пожалуйста, Рори Миллара в свою гостиную завтра утром, к восьми тридцати. Спасибо, мистер Фредерикс, до завтра.

Очутившись на улице, Джаз услышала громкий звонок. Из зданий вокруг часовенной лужайки посыпали дети. Джаз обошла Флит-Хаус в поисках черного хода. Повернула ручку – заперто. Глянула на часы и поспешила в класс к сержанту Майлзу. Половина шестого, пора выслушать доклад и ехать домой.

* * *

Сержант Роланд складывал портфель и уже собирался уходить.

– Уделите мне две минуты. Хочу услышать, что поведала вам сестра-хозяйка, – попросила Джаз, устраиваясь на краешке стола.

– Конечно, мэм. – Роланд достал из портфеля блокнот, заглянул внутрь, прокашлялся. – Вы, наверное, уже в курсе, что в ночь происшествия сестра-хозяйка в общежитии отсутствовала. В тот вечер ей полагался выходной.

– Где она была?

– Я как раз хотел сказать. Она пошла на концерт церковного хора в часовню. Концерт начался в семь тридцать и закончился в девять. По дороге сюда я заглянул к школьному священнику, и тот подтвердил: он

видел, как сестра-хозяйка входила в часовню и как выходила. Священник встречает и провожает всех в дверях, – добавил Роланд.

– Вы спросили, куда она отправилась после концерта?

– Конечно. Отправилась в город, поужинала в гостинице «Три лебедя». Я, разумеется, уточнил это у персонала гостиницы. Затем, по словам сестры-хозяйки, она пешком вернулась в школу и оказалась во Флит-Хаусе около половины одиннадцатого. Поднялась в свою квартиру на верхнем этаже. Утверждает, что ничего не слышала. Это логично, квартира расположена в противоположном конце коридора от спальни Чарли. Однако именно сестра-хозяйка наутро обнаружила Чарли и подняла тревогу.

– Спасибо. Ах да, пока вы еще тут… Не подскажете, как найти вот эту дорогу? – Джаз протянула клочок бумаги с адресом от руки.

– Конечно, мэм, это совсем рядом. – Роланд написал указания и ориентиры.

– Спасибо. Увидимся завтра в восемь.

– Доброй ночи, мэм. – Он кивнул Майлзу и удалился.

– Я тоже устала, – вздохнула Джаз. – Как вам мысль поесть в городе, в вашем отеле, и за ужином обсудить факты?

– Мысль хорошая.

Майлз закрыл ноутбук и следом за начальницей вышел из класса. Та заперла дверь, сунула ключ в карман пальто.

– Знаете, в чем беда? Если я права и эпилим подменили аспирином специально, то за четыре часа во Флит-Хаус мог зайти кто угодно и сделать свое грязное дело. На двери кодовый замок, но код совсем не тайна: там живет восемьдесят мальчишек, они бегают туда-сюда сто раз на дню, плюс сотрудники… Есть еще черный ход, я проверила. Через него тоже мог войти любой.

– Говорю же, иголка в стоге сена, – заметил Майлз по дороге к машине.

– Воспитатель Себастьян Фредерикс утверждает, что оставил таблетки у кровати Чарли примерно в семь пятнадцать, причем в присутствии покойного. Надо выяснить, во сколько Чарли ушел в паб с друзьями, но пока предположим, что в половине восьмого – восемь. Он принял таблетки между одиннадцатью пятнадцатью и одиннадцатью тридцатью. Получается почти четыре часа, в этот промежуток и могли подменить таблетки.

Майлз открыл пассажирскую дверцу, Джаз села.

– Вы упорно развиваете идею о том, что таблетки подменили в общежитии. – Он завел машину. – Как вам другая версия? Чарли купил в пабе некое незаконное вещество. Например, экстази. Дилер надул паренька и продал ему старый добрый аспирин. – Майлз сдал автомобиль назад.

– Мне как-то не верится, что в таком городке продают тяжелые наркотики.

– Ну и кто из нас корчит крутого горожанина, мэм? Наркотики повсюду. Особенно в тех кругах, где у деток есть на это деньги.

– Аргумент принимается, – кивнула Джаз. – Однако мать вбивала Чарли в голову: *любое* неизвестное лекарство может оказаться смертельным, а эпилептику нельзя даже прикасаться к психотропным веществам. Сомневаюсь, что он рискнул бы.

– Чарли было восемнадцать, и, судя по рассказам, он любил потусить. Вряд ли мамочкины наставления имели над ним власть. Подросток, что вы хотите. Они все ищут острых ощущений.

– Предположим, вы правы, – рассуждала Джаз. – Зачем тогда Чарли ждал до возвращения к себе? Если у них в компании принимали наркотики, то глотали бы их сразу, это развлечение коллективное. Слушайте, – Джаз вынула из кармана бумажный клочок. – Вы не против отложить пиво ненадолго? Хочу навестить Хью Данмана, куратора Флит-Хауса. Вдруг он заметил в ту ночь в общежитии что-нибудь подозрительное? Бедняга – подставил его мистер Фредерикс своим бегством по таинственному делу.

– Обычно таинственные дела означают роман с тем, с кем заводить романы нельзя. Фредерикс ведь у нас холостяк, да? Направо или налево к вашему куратору?

– Э… тут налево, говорит Роланд. – Джаз указала Майлзу на узкую дорогу. – Фредерикс определенно что-то скрывает. Важно, имеет ли это «что-то» отношение к расследованию? Здесь направо. – Джаз выглянула в окно. – Номер двадцать четвертый, а нам нужен тридцать шестой.

Остановились у коттеджа с террасой, вышли из машины. Джаз толкнула калитку, отметила про себя красивый ухоженный сад. Громко постучала в дверь.

– Он может и не открыть, если болеет. Лежит себе на втором этаже, – подсказал Майлз, когда Джаз постучала вновь.

– Может, но я хотела бы пообщаться сегодня.

Джаз нагнулась и, открыв прорезь почтового ящика, заглянула внутрь. Увидела развернутое к камину кресло, свисающую с него руку.

– Он тут, только спит. – Джаз приложила губы к прорези, окликнула: – Мистер Данман, полиция! Простите за беспокойство, надо поговорить. Мистер Данман?

Ответа не последовало. Джаз вопросительно глянула на Майлза.

– Может, он глухой? – предположил тот.

Джаз вновь заглянула в прорезь, присмотрелась. Безжизненное положение руки, свисающей с подлокотника кресла, подсказало, что отнюдь не глухота мешает Хью Данману открыть дверь.

Джаз резко выпрямилась. Бросила сержанту:

– Нет, не глухой. Ломайте дверь, Майлз. Похоже, у нас еще один труп.

Глава седьмая

Анджелина Миллар помешала жаркое из ягненка, добавила специй. Вернув казанок в печь, с удовлетворением оглядела стол, накрытый на двоих, с букетом первых тюльпанов в центре. Очень по-весеннему.

Перед уходом оценила кухню, убедилась, что все готово, и отправилась в санузел на первом этаже проверить макияж и прическу.

Как всегда, безупречна… Из зеркала на Анджелину смотрело красивое кукольное лицо, и она в который раз порадовалась: чтобы подчеркнуть большие голубые глаза и полные губы, ей до сих пор хватает чуточки туши и капельки помады.

Возможно, в будущем Анджелине придется прибегнуть к ботоксу, как уже делают многие подруги, но пока она выглядит моложе своих тридцати восьми лет.

Анджелина заглянула в гостиную – отлично, огонь в камине по-прежнему весело потрескивает – и, вернувшись в кухню, решила скрасить ожидание бокалом вина. Джулиан обещал приехать в восьмом часу, все готово, и Анджелина заслуживает выпить.

Она прихватила вино в гостиную и села на угол широкого дивана, стараясь не измять подушку за спиной. Поправила стопку журналов «Дом и сад» на отполированном до блеска столике, с гордостью посмотрела вокруг.

Любой, кто попадал в дом, отмечал эту восхитительную комнату. Несмотря на большие размеры, она получилась уютной и теплой – благодаря Анджелине. Вообще, ей делали столько комплиментов по поводу убранства дома, что она решила заняться дизайном интерьеров профессионально. Наметила себе курсы на лето – не потому, что там ей могли рассказать об интерьерах нечто новое, а потому, что потенциальным клиентам наверняка будет важно наличие у дизайнера сертификата.

Анджелина даже получила заказ от одной из подруг на оформление загородного дома, купленного в качестве инвестиции, и уже предвкушала, как станет рыться в антикварных лавках и выбирать ткань для штор.

Очень кстати, особенно теперь, когда Рори по будням живет в школе, а Джулиан приезжает поздно и не всегда остается на ночь. Занявшись дизайном, Анджелина получит и удовольствие, и финансовое вознаграждение, да к тому же заполнит чем-то свободное время.

Она с наслаждением отпила вина и позволила себе улыбнуться – как чудесно сложилась жизнь! Красивый дом, ребенок, богатый успешный мужчина рядом.

Пока что им надо соблюдать осторожность, быть дальновидными. Карьере Джулиана и репутации самой Анджелины вовсе не пойдет на пользу, если станет известно о ее романе с адвокатом, который пусть и не представлял Анджелину, но консультировал ее по поводу трудного развода.

Даже тут все сложилось удачно. Она уже почти решилась объявить Дэвиду, что уходит от него к Джулиану, как вдруг Дэвид потерял работу и самообладание – и накинулся на Анджелину.

Едва полицейские увезли Дэвида, она в ужасе позвонила Джулиану, и тот взял руководство в свои руки.

Предложил ей выдвинуть против Дэвида обвинение в нападении. Анджелине было не по себе, она ведь понимала, отчего муж так разъярился, но Джулиан настаивал – это станет отличным основанием для развода и одновременно сохранит ей репутацию.

В социальных кругах, где вращаются и она, и Джулиан, будут сочувствовать не «бедняге Дэвиду», которого обожаемая супруга бросила ради другого мужчины, а Анджелине, несчастной жене, живущей с буйным алкоголиком. И вынужденной развестись с ним, чтобы защитить себя и сына.

Поначалу она испытывала сомнения, но наутро, когда Дэвид явился к дому и разбил окно, Анджелина испугалась по-настоящему. Джулиан вновь посоветовал выдвинуть официальное обвинение – да еще и с судебным запретом. На этот раз она без колебаний попросила своего адвоката дать делу ход.

Анджелина предполагала, что ради ухода от Дэвида ей придется пожертвовать любимым домом. Однако Джулиан предложил другое: он разделит закладную с Анджелиной, покроет выплату Дэвиду за счет продажи своего нынешнего дома, а сам переедет к ней.

Та пришла в восторг, а отказ от обвинений в обмен на быстрый развод помог ей успокоить совесть. Анджелина, конечно, мечтала расстаться с Дэвидом, но наградить его судимостью за преступление, которого тот не совершал, было бы подло.

Анджелина испытывала к нему сочувствие – впрочем, оно не мешало ей спать по ночам. Дэвид оказался неудачником, и она радовалась, что его больше не придется тащить за собой.

Теперь у нее был мужчина с честолюбием под стать ее собственному. Он желал иметь все самое лучшее и праздновать достижения, тратя заработанные нелегким трудом деньги.

Они договорились устроить большую вечеринку – отметить свое партнерство и сорокалетие Джулиана. Анджелина вовсю занималась подготовкой, обзванивала музыкальных агентов и компании по обслуживанию торжеств. Джулиан давал ей полный карт-бланш, не ограничивал в средствах – лишь бы праздник удался на славу. Она планировала даже съездить в Лондон и купить потрясающее платье.

Губы Анджелины тронула легкая улыбка – да, жизнь складывается чудесно.

В бочке с медом имелась лишь одна ложка дегтя – Рори. Сын.

Анджелина была любящей матерью. Ее очень огорчали страдания Рори из-за развода родителей. Отца с сыном связывали теплые отношения, она видела их сходство. После известия о том, что папа больше не вернется домой, Рори проплакал всю ночь.

После чего закрылся, захлопнул створки раковины. Приезжая домой на выходные, он почти не разговаривал, общался лишь на самые необходимые темы: про еду, домашние дела.

Анджелина понимала, что сообщать мальчику о Джулиане слишком рано. Хранить тайну было трудно, но возможно, ведь Рори проводил все будние дни и ночи в школе, а раз в две недели уезжал на выходные к отцу.

И вот несколько дней назад Джулиан заявил, что пора рассказать Рори. Ему, видите ли, надоело прятаться по углам, как вороватому подростку. Он хочет въехать в дом, за который платит по закладной бешеные деньги, выложить все начистоту Рори – и миру. Он, Джулиан, забронировал для них троих горнолыжный отель, скоро ведь короткие каникулы посреди семестра.

– На склонах мы с Рори сблизимся, – заключил он.

Анджелина содрогнулась при мысли о том, что совершенно не спортивного Рори будет учить кататься на лыжах тренированный Джулиан.

Тем не менее признала – Джулиан прав. Рори, которому через пару месяцев исполнится четырнадцать, уже довольно взрослый, он справится.

В ближайшие выходные Анджелина скажет сыну, что вместе с ними каникулы проведет ее «друг».

Хлопнула задняя дверь, Анджелина встала. В кои-то веки Джулиан вовремя. Она допила вино, еще раз бросила взгляд на свое отражение в зеркале над камином.

По каменной плитке пола в коридоре простучали шаги. Дверь гостиной открылась.

– Милый, я…

Рука Анджелины взлетела ко рту – она увидела, кто именно вошел в комнату, оставляя за собой грязные следы на светлом зеленовато-голубом ковре.

– Привет, Анджи. Я приехал насчет Рори.

Гость приближался. Она попятилась, уперлась спиной в книжный шкаф.

– Прекрати пугаться. Я ничего тебе не сделаю. Хочу просто поговорить о Рори. Проклятая школа не разрешает мне с ним увидеться, а я схожу с ума от беспокойства.

Анджелина уловила резкий запах.

– Ох, Дэвид, я думала, ты завязал со спиртным, а ты пьешь!

– Увы, не допьяна. – Дэвид отошел. – Слушай, перестань так на меня смотреть, я не Джек-Потрошитель. С твоей головы и волос не упадет. Пусть мы и разведены, но у нас общий ребенок. А у него какие-то проблемы.

Анджелина потихоньку пробралась к дивану и опасливо присела на край. Дэвид выглядел ужасно. Явно давно не брился и не мылся; отросшие волосы свисали вдоль лица жирными прядями.

– Дэвид, послушай, тебе нельзя вваливаться сюда без приглашения. Это больше не твой дом, – начала она. – В следующий раз позвони, пожалуйста, и мы договоримся где-нибудь встретиться.

– Анджи, вот не надо. Ты почти никогда не отвечаешь на мои звонки – и уж точно не появишься вместе со мной на людях, даже под

страхом смерти. Что мне остается делать? Бросить нашего сына, пусть страдает, раз его мать со мной не общается?

Она промолчала.

– Выпить не предложишь?

– Дэвид… я…

Он уже вышел из гостиной и вернулся с вином, которое Анжелина купила за немалые деньги специально для сегодняшнего ужина. Дэвид откупорил бутылку, плеснул в бокал.

– Мне пришлось выпить, чтобы набраться мужества и приехать сюда. – Дэвид сделал большой глоток. – Весьма недурно. Ждешь кого-то? Вижу, стол накрыт *à deux*. Завела ухажера?

– Нет… Я… Да. Послушай, это не твое дело. Говори, что хотел, и уходи. – Анжелина бросила нервный взгляд на часы.

– Пару дней назад Рори мне звонил. Очень расстроенный.

– Правда? В пятницу я видела его на концерте в часовне, все было хорошо. В субботу утром Рори прямо из школы уехал на Хоровой фестиваль независимых школ. Что он тебе сказал?

– Мол, его некому защитить. – Дэвид сделал очередной глоток, долил бокал доверху. – О чем он? Не понимаю. А ты?

– Понятия не имею, Дэвид. – Анджелина встревоженно нахмурилась.

– В пятницу вечером я попытался найти Рори в школе, но его не оказалось в общежитии.

– Потому что он пел в часовне, Дэвид.

– Я оставил сообщение директору и этому их паршивому воспитателю. Никто не перезвонил. Тогда я опять поехал в школу сегодня утром, потребовал встречи с Рори, но директор, мерзавец, отказал. Боже! Я злой до чертиков. – Дэвид осушил бокал и вновь его наполнил.

Анджелина увидела Дэвида глазами директора: пьяный, агрессивный, врывается в школу, требует сына…

– Как только ты уйдешь, я позвоню во Флит-Хаус, узнаю, как Рори. К тому же он на днях приедет домой, поговорю с ним.

– Анджи, пожалуйста, позвони сейчас!

– Сразу после твоего ухода. Затем перезвоню тебе, обещаю. А теперь, Дэвид…

– Директор сказал, что Фредерикс велит Рори позвонить мне сегодня вечером, но, судя по их отношению, рассчитывать на это не стоит. – Дэвид расхаживал по комнате, не слишком твердо держась на ногах. – Нутром чую, что-то неладно. Обещаешь позвонить?

– Конечно, – мягко заверила Анджелина. – Обещаю.

– Его там обижают, травят, как думаешь?

– Не знаю. Возможно, Рори переживает из-за того мальчика, который умер в школе от эпилептического припадка?

– И я не знаю, но мы должны выяснить. – Дэвид остановился, посмотрел на бывшую жену. – Анджи, я понимаю, у нас все пошло наперекосяк, но ради Рори давай попытаемся наладить хотя бы мало-мальское общение?

Анджелина кивнула:

– Хорошо.

Она вновь глянула на часы, поднялась с дивана, на смену хрупкому перемирию пришло нетерпение.

– Я жду гостя с минуты на минуту. Тебе лучше уйти.

Дэвид грустно ответил:

– Ну конечно, ждешь. – Он неожиданно стукнул бокалом о стол. – Я сюда не вписываюсь, да? Вот такой, злой, отчаявшийся… Ты не любишь, когда что-то выходит из-под контроля, да, Анджи?

– Дэвид, прошу, не надо.

– Чего «не надо»? Говорить правду? Что я делал не так, Анджи? Был добрым, внимательным, никогда не изменял, купил тебе дом твоей мечты…

– Пожалуйста, уходи. Я…

– Я любил тебя, старался исполнять все твои желания… – Он взял с каминной доски статуэтку. – Помнишь, как я купил тебе это? На нашу… шестую годовщину. Заплатил целое состояние. – Дэвид вернул статуэтку на место, она опасно закачалась на краю. – Я хотел лишь одного: сделать тебя и Рори счастливыми.

Анжелина услышала, как к дому подъехала машина.

– Дэвид, уходи!

– Ладно, ладно. Ухожу, не волнуйся. Позвони мне. Обещаешь?

– Да.

– Спасибо. Хоть мне и пришлось отказаться от любви к тебе, это не означает, что я перестал любить сына.

Дэвид повернулся к двери, его качнуло, он задел рукавом куртки статуэтку, та упала в камин и разбилась.

– О боже, я… прости, пожалуйста… – Дэвид бросился собирать осколки. – Я куплю новую…

Чьи-то сильные руки вдруг подхватили его под локти и грубо поставили на ноги.

– Какого ЧЕРТА ты в моем доме?! Опять угрожаешь бывшей жене? А осколки – хочешь ее порезать?!

Дэвида поволокли к дверям.

– Забыл, чем кончилась твоя прошлая попытка сюда вломиться?!

– Джулиан, все в порядке, правда. Дэвид заехал поговорить о Рори. Не угрожал мне и как раз собирался уходить…

Однако Джулиан был уже в коридоре, тащил незадачливого Дэвида к парадной двери. Распахнув ее, Джулиан с силой вытолкнул Дэвида на улицу. Тот потерял равновесие и рухнул на клумбу с розами у входа.

Тяжело дыша от натуги, Джулиан пригладил волосы, одернул костюм. Дэвид попытался встать.

– Клянусь: еще раз увижу тебя возле этого дома – и швырну тебе в лицо новый судебный запрет, ты и глазом моргнуть не успеешь. А сыну твоему расскажу, что отец у него – жалкий забулдыга!

Хлопнула дверь, и Дэвид остался один в темноте. Голова кружилась от спиртного и потрясения; палец, наколотый о розовый шип, кровоточил. Дэвид неуверенно побрел к воротам поместья. По щекам текли слезы, сдержаться не получалось.

– О боже, о боже, – бормотал он, открывая машину.

Дэвид упал на водительское сиденье, обхватил голову руками.

Джулиан Форбс, наглый проныра-адвокат, которого Дэвид иногда встречал на вечеринках, спит с его бывшей женой…

Живет в доме Дэвида, нежится в его постели и, хуже всего, имеет неограниченный доступ к Рори. Доступ, которого у самого Дэвида нет.

А еще… Отупевший от спиртного разум искал объяснение, оно было рядом, только руку протяни…

Вдруг человек, которого боится Рори, это Джулиан?

Дэвид уткнулся пульсирующим лбом в руль. Полный кошмар. Хуже некуда.

* * *

Джаз возвращалась домой, в свой коттедж. Ее вез Майлз, а она разговаривала по телефону с Нортоном:

– Тело забрали, патологоанатом пообещал поставить мистера Данмана в начало очереди. До вскрытия нельзя утверждать точно, но, судя по всему, это обычное самоубийство.

– Вам нужны люди в помощь? – спросил Нортон.

– Завтра утром приедут криминалисты из Нориджа, бегло осмотрят комнату Кавендиша. Хотя вряд ли там что-нибудь осталось. В комнате сделали уборку. Их следовало вызвать сразу.

– Тогда никто не думал ни о чем криминальном, считали смерть естественной.

– Просто это усложняет работу, сэр. Вы же знаете, насколько при расследовании убийства важны первые сутки.

– Убийства?

– Простите, сэр, я забегаю вперед. Однако после смерти Хью Данмана не надо быть гением, чтобы сообразить: дело нечисто.

– Считаете, обе смерти как-то связаны?

– Если нет, то совпадение бесподобное. Все же не буду заниматься домыслами, пока не раздобуду факты. Их пока катастрофически не хватает. В общем, как только криминалисты закончат с комнатой Кавендиша, я отправлю их в коттедж Хью Данмана.

– Главный вопрос: долго ли мы сумеем скрывать все от прессы? Одна смерть, которую пока считают случайной, тревожит и удручает, но две смерти вызовут массовую панику в школе и среди родителей.

– Данман, по крайней мере, умер вне территории школы.

– Верно, однако, если там творятся черные дела, можем ли мы подвергать риску стольких детей, Хантер?

– Нет. Отчет о вскрытии Данмана нужен как можно скорее.

– Вы сообщили о Данмане директору?

– Да. Позвонила десять минут назад. Сами понимаете, он очень обеспокоился. Мягко говоря. Я встречусь с ним завтра с самого утра.

– Держите меня в курсе, Хантер. Простите, что подсунул вам очередной труп в первый же день после отпуска.

Джаз представила, как Нортон усмехается.

– В результате я не успела вовремя домой и не написала «Мону Лизу», сэр.

– Увы. Ну, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

Майлз остановил машину перед коттеджем.

– Спасибо, что подвезли. Надо бы пригласить вас на чашечку кофе, но я как выжатый лимон.

– Вы, мэм? Устали? Быть не может.

– Ничего, я скоро войду в колею, но сегодня – ванна и баиньки. Заберите меня завтра в семь, хорошо?

– Хорошо. А я, пожалуй, поисследую злачные места Фолтсхэма. – Майлз подмигнул.

– Может, поисследуете одно конкретное злачное место? То, куда в вечер смерти ходил Чарли с приятелями? Поболтайте с хозяином, расспросите.

– Задача не из простых, мэм. Для маскировки придется выпить мно-ого пива.

– Вы справитесь, я в вас верю. До завтра. Спокойной ночи.

* * *

Лежа в ванне, Джаз размышляла над событиями дня.

Мог ли Хью Данман, неожиданно оставшись за главного во Флит-Хаусе, случайно или намеренно заменить эпилим Чарли аспирином?

Если найти мотив и доказать виновность Данмана, дело окажется совсем простым.

Джаз вздохнула. Вылезла из ванны, схватила полотенце и, покрывшись мурашками, перебежала через неотапливаемую лестничную площадку в спальню.

Когда это Джаз попадались простые дела?

Хотя должны же они существовать…

Она надела халат и спустилась на первый этаж. Огонек автоответчика мигал. На нем были сообщения от сантехника, дизайнера и отца, желавшего услышать подробности ее первого дня на старой работе.

Джаз набрала номер родителей:

– Пап, это я. Ага, хорошо, но боже, как я устала! В пять тридцать обнаружила еще один труп, так что дело набирает обороты.

– Как?! В сонном Норфолке? Ну, для тебя все звезды сошлись, милая. Рада возвращению?

– Пойму через несколько дней, а пока я просто выжатый лимон.

– Верю. И, между прочим, считаю, что ты приняла правильное решение. Приедешь к нам в воскресенье на обед? Заодно все расскажешь.

– Я бы с радостью, но посмотрим, как пойдут дела.

– Конечно. Только, знаешь, ко мне тут сегодня забегал один малый. Зовут Джонатан Скотт, пишет докторскую по преступности в современной Британии. Он прослышал в университете, что моя дочь – детектив Скотленд-Ярда, и воспылал желанием взять у тебя на днях интервью.

– Я буду страшно занята, пап.

– Понимаю, но, может, уделишь Джонатану часик в воскресенье, после того как насладишься ногой ягненка в мамином исполнении? Ужасно милый молодой человек. Тебе понравится.

– Ты что, хочешь нас свести?!

– Бог с тобой, нет. Да и вообще, он младше тебя на несколько лет.

– И не позарится на дряхлую старую деву?

– Совершенно верно.

– Спасибо, папа. Умеешь ты поддержать мой моральный дух, просто чудеса с ним творишь. Как твое самочувствие, кстати?

– Бодр и весел, как всегда.

– Хорошо. Если расследование не помешает, в воскресенье буду у вас.

– Жду с нетерпением, золотко. Береги себя.

– Поцелуй маму. Спокойной ночи, пап.

Джаз выключила свет и устало побрела на второй этаж. Укладываясь, она вдруг сообразила, что сегодня впервые за последние семь месяцев ни разу не вспомнила бывшего мужа.

Глава восьмая

Лицо Роберта Джонса было необычного цвета. Джаз заметила бусинки пота у него на висках.

– Я крайне встревожен, инспектор Хантер. Крайне встревожен. Одну смерть, вполне вероятно случайную, мы еще переживем, но *две*… Две – уже опасно.

– Понимаю, мистер Джонс. Положение весьма неприятное. Если вас это немного успокоит, мы уверены, что мистер Данман совершил самоубийство.

– Ну, хоть что-то, – согласился директор.

– Разумеется, мы не можем дать официального подтверждения до окончания вскрытия, – добавила Джаз.

– Разумеется. Значит, просто несчастливое совпадение?

– На этот вопрос я пока ответить не могу, увы. Скажите, а мистер Данман и Чарли Кавендиш ладили?

– Знаете… они, попросту говоря, отличались как день и ночь. Чарли – совсем не приверженец учебы, этакий свой парень, шумный и беспокойный. Хью, напротив, кроткая душа, человек старой формации. В молодости он преподавал латынь в Оксфорде. Вел тихую жизнь в окружении книг, много переводил для Британской библиотеки. Я часто задавался вопросом, что Хью вообще делает здесь, в нашей школе. Он ведь был признанным экспертом по латинским рукописям четырнадцатого столетья.

– В школе его любили?

– Да, очень, – ответил директор. – Никто о нем дурного слова не говорил. Добрейший человек, пусть чуточку и не от мира сего, и отличный наставник, особенно для мальчиков помладше, которые впервые оторвались от дома. Хью с готовностью выслушивал их проблемы.

– У него была семья?

– Он жил один. По-моему, никогда не состоял в браке. Что же до других родственников… – Роберт Джонс пожал плечами: – Я понятия не имею. Он держался сам по себе, не стремился общаться с коллегами.

– Тогда попробуем отыскать ближайших родственников при помощи компьютеров.

– Жаль, что я не могу вам помочь. В личном плане Хью был настоящей загадкой.

– Вы не замечали в нем каких-нибудь перемен в последнее время? Он не казался подавленным?

– Нет, однако Хью никогда не проявлял чувств. В его умной голове могло происходить что угодно, но что именно, никто не знал.

– Вернемся к моему вопросу, – кивнула Джаз. – Значит, Чарли с Хью не особенно ладили?

– Первое время Хью был куратором Чарли, но через несколько недель мы сменили ему наставника. Они друг с другом совершенно не уживались. Чарли… бывал заносчив и порой агрессивен. Хью, извечный пацифист, оказался не в состоянии работать с таким типом личности, и мы передали Чарли Себастьяну Фредериксу, что принесло куда больше пользы.

– Понятно. – Джаз облокотилась о стол, подалась ближе. – Мистер Джонс, ответьте, пожалуйста, честно: Чарли Кавендиш издевался над детьми, травил их?

Наступила тишина, затем послышался вздох, после чего директор сказал:

– У Чарли была определенная репутация, да. Намеренно ли он так себя вел, не знаю, но Чарли действительно донимал некоторых младших мальчиков, особенно новичков. Он не любил слабаков и нытиков, считал своим долгом их закалять. Однако повторюсь, инспектор Хантер, в целом травли в школе нет. Мы такое строго отслеживаем. Чарли был единичным случаем и несколько раз получал выговор.

– То есть он занимался травлей. Трудный подросток, судя по всему, – заключила Джаз.

– Да, Чарли был одним из самых сложных наших учеников, но мы вынуждены работать с тем материалом, который дают. Родители баловали Чарли с самого рождения. Он… не мог усвоить понятие границ.

– Еще один вопрос. – Джаз положила на стол пластиковый вкладыш для карточек. – Вам знакомо это лицо?

Директор поднял маленькое фото, вгляделся.

– Снимок совсем выцвел. Хотя лицо действительно кажется знакомым.

– Фотография была под креслом, в котором обнаружили Хью Данмана. Возможно, он держал ее в руках – и выронил, когда потерял сознание. Значит, вы не можете сказать, кто это?

– Нет. – Джонс вновь присмотрелся к ангельскому личику с точеными чертами в обрамлении длинных светлых волос. – Красивая девушка, правда?

– Да, и очень юная. У меня была мысль, не дочь ли это мистера Данмана? Однако вам, конечно, ничего не известно?

– Нет. – Директор вернул фотографию. – Простите.

– Скажите, мистер Джонс, можете ли вы назвать хоть одну причину, по которой Хью Данман захотел бы убить Чарли Кавендиша?

– Что?! Хью?! Убить хоть кого-нибудь? – Джонс недоверчиво покачал головой. – Идея, честно говоря, дикая и абсурдная, совершенно абсурдная! Кроме того, я понимаю, вы расследуете смерть Чарли, однако не слишком ли рано утверждать, будто его убили?

Джаз встала. Посмотрела сверху вниз на Роберта Джонса и покачала головой:

– Мы не можем этого исключить, увы. Я перебрала все гипотезы, по которым Чарли проглотил таблетки намеренно, отлично сознавая их смертельную опасность. Факты таковы: либо он совершил самоубийство, либо кто-то подменил эпилим аспирином. Последнее, с моей точки зрения, называется убийством, мистер Джонс.

– Возможно, самоубийство… – едва слышно предположил директор.

– Вы и сами в это не верите, правда?

Он помолчал, затем сокрушенно покачал головой:

– Нет. Нет, не верю. Конечно, никогда нельзя быть уверенным до конца, особенно с подростками, однако, зная Чарли… Согласен – маловероятно.

– Значит, по-вашему, Хью Данман не был способен на убийство?

– Совершенно не способен, да, я так считаю.

– Вы в курсе, что в тот вечер мистер Данман оставался во Флит-Хаусе один?

– Не один, инспектор. Сестра-хозяйка действительно отсутствовала, но в общежитии был еще Себастьян Фредерикс.

– Не был. По его же признанию, он отлучился куда-то по делам, подробности которых мистер Фредерикс пока не разглашает.

– Правда? – изумился директор. – Это точно?

– Он сам сказал мне, что вечером в пятницу покинул Флит-Хаус в половине восьмого и вернулся в полночь.

– Откровенно говоря, я поражен. Таких преданных своему делу воспитателей, как Себастьян Фредерикс, еще поискать. Для него эти мальчики – смысл жизни, и он знает правила: в любой момент времени на дежурстве в общежитии должно находиться два сотрудника. Неужели Себастьян мог беззастенчиво подвергнуть опасности своих подопечных? Или улизнуть, ничего не сказав мне… Просто в голове не укладывается.

– Наверное, вам стоит узнать у него, где он был, мистер Джонс. Мне это не удалось.

– Безусловно, спрошу. – Директор глотнул воды из стакана на столе. – Боже милостивый, ситуация становится все кошмарней…

– Ну, на первый взгляд отсутствие Фредерикса обнаружилось лишь из-за смерти Чарли. Однако, если немного отмотать события, это означает, что у Хью Данмана имелась масса возможностей войти в комнату жертвы незамеченным. Затем он покончил с собой – предпочел не жить с чувством вины и не встречаться с последствиями своего преступления.

В глазах директора мелькнула искорка надежды.

– Пожалуй, такой сценарий вероятен.

– Пять минут назад вы твердили, что Данман не способен на убийство и думать иначе – абсурд.

– Я ведь знал Хью не очень хорошо… почти не знал… Я… Нет. – Роберт Джонс вздохнул. – Как бы мне ни хотелось поскорее избавиться от этого кошмара, картинка не складывается. За свою долгую кураторскую карьеру в Святом Стефане Хью имел дело со многими трудными ребятами. Вряд ли несхожесть характеров толкнула бы его на убийство.

– А если существовала другая причина, о которой мы не знаем?

Роберт Джонс стиснул ладони.

– Мне ничего подобного не известно. Детектив у нас вы, инспектор Хантер. – Он вздохнул. – Когда вы планируете сообщить миру о смерти Хью Данмана? Представляете, какой переполох

поднимут родители, услышав о новом инциденте? Потребуют объяснить, что за чертовщина тут творится, и будут правы.

– Мы не собираемся разглашать информацию прессе еще несколько дней, пока не получим результаты вскрытия мистера Данмана. Однако учтите – среди вас все еще может скрываться убийца.

– Весьма сомнительно, правда?

Джаз ответила, тщательно подбирая слова:

– Мистер Джонс, школа – ваша. За благополучие сотрудников и учеников отвечаете вы. Я не вправе давать советов, могу лишь делиться информацией, собранной в ходе расследования, но решение о том, следует ли закрыть школу, принимать вам.

– Однако совет мне точно нужен. По-вашему, я подвергаю жизнь людей опасности? Если мы закроемся, школе конец, понимаете? По-настоящему конец.

– Если хотите оставить школу открытой, я бы предложила вам собрать персонал и старост – и сообщить им, что смерть Чарли – не несчастный случай. Взрослые впадают в панику не хуже детей, поэтому постарайтесь не нагнетать. Даже если Чарли все-таки убили, то это, скорее всего, личная месть, а не работа серийного убийцы.

– Боже милостивый! Вы пугаете *меня*, инспектор, что уж говорить о моих сотрудниках.

Джонс вскочил и принялся расхаживать по узкому пространству за столом.

– Пусть сотрудники предупредят всех старшеклассников, чтобы те на ночь запирались, а с младшими учениками, которые живут по несколько человек в комнате, пусть спит кто-то из сотрудников или староста. Я организую полицейских, они будут постоянно патрулировать школу.

– Господи, Святой Стефан на осадном положении! Мне стоит сообщить о смерти Хью?

– Пока нет. Если кто спросит, мистер Данман дома, болеет. – Джаз одарила директора мимолетной улыбкой. – Помните, я тоже заинтересована в том, чтобы школа не закрывалась. Иначе мои подозреваемые исчезнут раньше, чем я доберусь до сути. Спасибо, мистер Джонс. Буду держать вас в курсе.

* * *

Покинув директорский кабинет, Джаз направилась через двор во временный штаб.

Майлз зевал за столом.

– Не выспались?

– Не-а. Ездил в паб, где тусуются ученики Святого Стефана, и заболтался с хозяином допоздна.

– Просто болтали?

– Каюсь, составлял ему компанию на пивном фронте. Вроде выпил только три кружки, но здешнее пиво, похоже, крепче лондонского. Я сегодня никакой.

– Это все свежий деревенский воздух, сержант Майлз. – Джаз бросила портфель у своего стола. – Ваши легкие не справляются. Что поведал хозяин?

– Ничего особенного. Подозвал официантку, работавшую в тот вечер, она вспомнила – да, Чарли заглядывал, с компанией. Он перед Рождеством крутил любовь с подружкой официантки, вот та его и узнала. В заведении обычно полным-полно старшеклассников из Святого Стефана, это единственный городской паб, куда им разрешено ходить.

Джаз сняла пальто, села за стол и открыла ноутбук.

– Вы поинтересовались у хозяина насчет запрещенных веществ в его заведении?

– Да, хотя он в любом случае не признался бы. На мой вопрос сильно оскорбился, сказал, что не позволяет тут никаких наркотиков. Лично я склонен верить. Паб в хороших отношениях со школой: получает с детишек прибыль и одновременно за ними присматривает. Хозяину не выгодно рисковать.

– Постулат о том, что наркотики – дело коллективное, остается неизменным. Если бы Чарли раздобыл в тот вечер что-нибудь запрещенное, то наверняка принял бы его сразу. И отключился через несколько минут, еще в пабе.

– Чарли мог встретиться с дилером и после паба. Правда, хозяин говорит, что никаких дилеров в Фолтсхэме не знает. Однако давайте признаем, мэм, сейчас деточки достают наркотики повсюду. В пабе

постоянно крутятся местные ребята. У кого-то вполне могло оказаться что-нибудь на продажу. И все же вряд ли они стали бы проворачивать такое прямо в пабе.

– Выясните, с кем именно был Чарли. По идее, он ушел из школы с приятелями. Вот. – Джаз отдала Майлзу список, подготовленный Себастьяном Фредериксом. – Это, по словам воспитателя, ближайшие друзья Чарли. Возможно, кто-то из них был с ним в пабе. Опросите одноклассников. Мнение учителей о Чарли Кавендише мы выслушали. Давайте теперь узнаем мнение сверстников.

– Хорошо, – кивнул Майлз. – Повешу на доску объявление. Только есть одно «но». – Он обвел рукой тесный душный класс. – Тут дышать нечем. Где бы мне с ними побеседовать?

– Попросите Фредерикса уступить вам свою гостиную.

– Понял.

– Вы, кстати, не видели сержанта Роланда? Мы договаривались на восемь, а уже половина девятого.

– Видел. Он пошел в комнату Кавендиша встречать криминалистов, с полчаса назад. Жаловался на зубную боль. Не самый радостный парнишка, судя по всему.

– Побегу туда, перехвачу его. Черт!

– Что, мэм?

– Я только что автоматически ввела пароль для доступа к нашим файлам – и сообразила, что здесь нет даже телефонной линии, не то что широкополосного интернета! Найдите кого-нибудь, пусть нас подключат, хорошо? Только побыстрей.

– Очень постараюсь, но особо не надейтесь.

– Хочу глянуть, есть ли у нас что-нибудь на Хью Данмана. Позвоните в управление и попросите немедленно выслать мне на электронную почту все, что они на него накопают. Тем временем найдите мне телефонную линию, ладно? Я побежала.

Майлз посмотрел, как Джаз захлопнула крышку ноутбука, и прокомментировал, блеснув глазами:

– Поневоле задумаешься, как расследовали преступления до появления технологий, правда, мэм?

Джаз повернулась уже от двери::

– Думаю, мисс Марпл читала информацию по чайным листьям. Она наверняка пила много чая. До встречи.

– Я раздобуду вам вкусных булочек на обед, можно? – крикнул Майлз в закрывающуюся дверь.

* * *

Джаз встретила криминалистов в вестибюле Флит-Хауса. Представилась главе Нориджской оперативной бригады.

– Ширли Адамс. – Та крепко пожала руку Джаз. – Рада знакомству, мэм.

– Обнаружили что-нибудь?

– Почти ничего, к сожалению. – Ширли пожала плечами. – Комнату тщательно вымыли. Нашли несколько отпечатков и волосинок, обычное дело. Я передам их в лабораторию, там проанализируют и сообщат результат.

– Вы получили мое сообщение насчет дома Хью Данмана? – спросила Джаз.

– Да, сейчас направимся туда.

– Хорошо. – Джаз порылась в кармане, выудила ключ от входной двери и протянула его сержанту Роланду, который с несчастным видом маячил за спиной Ширли. – Роланд вас впустит. Я подъеду позже, если получится.

– После этого мне бы надо к стоматологу, мэм. Ужасно болит зуб.

– Попросите Ширли его выдернуть. Она наверняка мастер. – Джаз улыбнулась, однако Роланд не оценил юмора, глянул волком. – Что ж, встретимся уже во временном штабе.

– Да, мэм.

Джаз обернулась и увидела сестру-хозяйку. Поздоровалась:

– Доброе утро. Я пришла к Рори Миллару.

– Знаю, но сейчас не получится. Ночью ему было плохо, он только что уснул.

– Ясно. Что с ним такое?

– Расстройство желудка. Посмотрим, как Рори почувствует себя после сна. Если не лучше, переведу его в изолятор под наблюдение врача. Думаю, это все нервы. Бедный мальчик, последние месяцы ему несладко.

Джаз заметила, как потеплели глаза сестры-хозяйки, и изменила свое мнение о ней в лучшую сторону.

– Значит, повидаю Рори позже, если ему полегчает. Раз уж я здесь, вы не против поговорить?

– Нет, конечно. Можем воспользоваться гостиной мистера Фредерикса. Он на тренировке регбистов.

Джаз прошла за сестрой-хозяйкой.

– Прошу, – указала та на диван.

– Спасибо. – Джаз села, улыбнулась. – Я знаю, что сержант Майлз вчера с вами беседовал, и не стану повторяться. Хочу лишь узнать ваше мнение о Чарли, каким он был?

Сестра-хозяйка поджала губы:

– Действительно хотите знать?

– Да.

– Рассказ не из приятных, а ведь о мертвых не советуют отзываться плохо.

– Верно, но я буду благодарна вам за честность, если она поможет разгадать тайну последней ночи Чарли.

– Ну хорошо. – Ладони сестры-хозяйки, лежащие на коленях, сжались в кулаки. – Директору давным-давно следовало выгнать этого хулигана. Последний семестр Чарли получал бесконечные выговоры за поведение, да без толку. Такие, как он… Уж я бы нашла на них управу.

На бледных как мел щеках сестры-хозяйки вспыхнули розовые пятна.

– Поясните, – попросила Джаз.

– В каждой школе одно и то же: учителя не в силах контролировать определенную группировку, которая превращает жизнь других ребят в кошмар. Взрослые говорят, мол, все под контролем, но не желают знать, что творится за закрытыми дверями.

– Это возможно? Контролировать травлю?

– Конечно, возможно! Агрессоров надо тут же выгонять! Тогда наши более ранимые мальчики перестанут плакать в подушку по ночам. Поверьте, я их слышу.

– То есть, на ваш взгляд, и Фредерикс, и директор обходились с Чарли недостаточно строго?

– Не то слово! – Сестра-хозяйка фыркнула. – Фредерикс хороший воспитатель. Он радеет за мальчиков всей душой. Однако к Чарли

относился необъективно. Спускал ему все с рук.

– Возможно, доказательств травли не было? – предположила Джаз.

– Еще как были! – горячо возразила сестра-хозяйка. – Я понимаю, одна из проблем нынешних учителей состоит в том, что у них связаны руки. Хорошая порка, конечно, не метод долгосрочного воспитания, но она, по крайней мере, служит сдерживающим фактором.

– Да, – неожиданно для себя согласилась Джаз.

– Взять, к примеру, Рори. Он страдает мигренями, которые почти наверняка вызваны стрессом. Чарли со своей бандитской шайкой систематически изводил Рори – лишь за то, что тот взрослеет медленнее сверстников и не любит бить других на поле для регби. Известно ли вам, инспектор, что пару недель назад Кавендиш запер Рори в подвале Флит-Хауса на всю ночь? Бедный крошка перепугался до смерти, и ничего удивительного!

– Нет, неизвестно. Однако если мистер Фредерикс знал о случившемся и о роли Чарли, то почему не принял соответствующих мер?

– Повторюсь, мистер Фредерикс хороший воспитатель, но с этим конкретным мальчишкой… Его выходки оставались безнаказанными. Что же до директора… – Сестра-хозяйка прикусила губу. – Некомпетентный – это еще слабо сказано.

– Значит, над Рори Чарли издевался с особым рвением?

– О да. Рори – легкая добыча. В глубине души обидчики – просто тру2сы. Они выбирают жертву осмотрительно.

– Бедный Рори, – вздохнула Джаз. – Хотя проблема существует в большинстве школ.

– Ее бы не существовало, если бы агрессоров тут же исключали. Однако все дело в цифрах. Директору важнее получать свои шестьдесят тысяч за учебу Чарли и не гневить его дядю при власти, чем обеспечивать огромному количеству остальных ребят безопасную и счастливую школьную жизнь.

– Вы полагаете, Чарли представлял угрозу для жизни других учеников?

– Инспектор Хантер, я говорю не только о *физических* последствиях систематической травли. Подобное поведение оставляет душевные шрамы. Поверьте, я знаю.

– Вы подвергались травле в школе?

– Я? – Сестра-хозяйка впервые улыбнулась. – Нет. Я давала равнозначный отпор.

«Представляю себе», – подумала Джаз.

– Мои слова, конечно, противоречат «политике компании». Если директор с Фредериксом не говорят вам правды, это очень плохо, но я не собираюсь лгать вам про Кавендиша и его агрессивное поведение.

– Благодарю за откровенность. Скажите, вы давно в Святом Стефане?

– Я проработала здесь недолго на заре своей карьеры, а теперь вот устроилась вновь, с нынешнего учебного года. Мой дом в Австралии, я навещала родственников в Норфолке по возвращении из США, и тут подвернулась временная работа в Святом Стефане. – Сестра-хозяйка пожала плечами: – В Перте меня ничто не ждало, я решила задержаться и поработать в Англии.

Так вот откуда ее акцент.

– Мистер Фредерикс сказал, что у вас обоих есть доступ к шкафчику с лекарствами. У каждого свой ключ.

– Верно. – Она поднесла руку к шее и достала цепочку с ключиком. – Мой – вот, я никогда его не снимаю.

– Вы никому не давали ключ в ночь смерти Чарли?

– Нет, конечно! Я знаю, на что сейчас способны мальчишки. Им лишь бы «приход» получить.

– Мы получили результаты вскрытия. Чарли Кавендиш умер не от эпилептического припадка, а от анафилактического шока, вызванного приемом аспирина.

Сестра-хозяйка приподняла брови.

– Врачи «Скорой» осмотрели Чарли и сказали, что он умер от припадка. Я с ними согласилась. Я, между прочим, квалифицированная и опытная медсестра.

– Симптомы были похожи, однако результаты вскрытия не оставляют сомнений. Мне предстоит выяснить, каким образом Чарли проглотил эти две таблетки аспирина. Я хотела бы взглянуть на лекарственную ведомость за тот вечер.

– Разумеется, – кивнула сестра-хозяйка. – Убедитесь сами, что все в полном порядке. Принести ведомость?

– Если нетрудно. Спасибо.

Сестра-хозяйка встала, затем, помедлив, обернулась:

– Надеюсь, неверный диагноз не запятнает моего имени. Когда я обнаружила Чарли, он был уже давно мертв.

– Не запятнает. Даже врачи «Скорой» пришли к тому же выводу, что и вы.

– Хорошо.

Джаз проводила сестру-хозяйку взглядом. Ясно, что она, несмотря на свою резкость, искренне печется о мальчиках, особенно о тех, кто послабее.

И ненавидит Чарли Кавендиша, это тоже ясно…

Сестра-хозяйка вернулась с листком бумаги.

– Вот пятничная ведомость. Как вы помните, вечером меня в общежитии не было. Ключ мистера Фредерикса находился у мистера Данмана. Оставить его одного – непростительная халатность со стороны мистера Фредерикса. Должна заметить, это очень необычно. По моим наблюдениям, он – ответственный, хороший воспитатель, если не считать привычки закрывать глаза на поведение Кавендиша.

– Мистер Фредерикс не говорил вам, куда отлучался?

– Нет. Да я бы и не стала выведывать. Однако дело наверняка было срочным, раз пришлось покинуть общежитие.

– Мне он свою отлучку не объяснил. – Джаз свернула ведомость, спрятала в карман. – Сообщите мне, когда Рори полегчает. Попробую пообщаться с ним после обеда. – Она вручила сестре-хозяйке карточку со своим номером.

– Сомневаюсь, что ему полегчает настолько. Бедняге только полицейского допроса сейчас не хватает, уж простите за такие слова.

– Я хочу встретиться с ним как можно скорее. – Джаз встала. Спросила уже по дороге к дверям: – Вы сообщили сержанту Роланду, что вечером в пятницу вернулись к себе около одиннадцати, так?

– Да.

– В последующий час вы не слышали ничего необычного?

– Нет. Я сразу уснула.

– В котором часу вы наутро обнаружили Чарли?

– Я всегда прохожу коридором старшеклассников и стучу в комнаты мальчиков в шесть сорок пять. Завтрак в семь тридцать. Когда Чарли не пришел, я отправилась будить его повторно. Постучала, ответа не получила, вошла в комнату и увидела Чарли.

Они уже стояли у выхода из общежития. Сестра-хозяйка слегка улыбнулась, спросила:

– Это все?

– Пока да. Спасибо за помощь.

Сестра-хозяйка быстро кивнула и направилась к лестнице.

* * *

В три часа дня Дженни Колман, как обычно, приготовила Роберту Джонсу чай и постучала в кабинет.

– Войдите.

Роберт Джонс сгорбился над столом: галстук перекошен, на лице – страдание.

– О, мистер Джонс, что с вами? – Она опустила поднос на стол.

– Ничего, Дженни, – покачал головой директор. – Просто немного устал и голова болит.

– Принести аспирин или… Ой! – Дженни нервно хохотнула. – Простите, мистер Джонс. Нехорошо прозвучало, учитывая обстоятельства.

– Не страшно, Дженни. Не надо лекарств, все в порядке.

Он наблюдал, как она наливает чай.

– Что-нибудь случилось, мистер Джонс? Не хочу выпытывать, только выглядите вы и правда ужасно.

Ему вдруг очень захотелось с кем-нибудь поговорить.

– Дженни, могу я вам довериться?

– Мистер Джонс, я работаю на вас четырнадцать лет, и ни один секрет не сорвался с моих губ. Конечно, можете. Вдруг вам полегчает, когда расскажете? Знаете поговорку про «горе на двоих»?

– Да. – Он глубоко вздохнул: – Хью Данман умер.

От потрясения Дженни рухнула в кресло. Открыла рот, но не смогла ничего из себя выдавить.

– Новость ужасная, да еще на фоне смерти Чарли… – Роберт покачал головой. – Это погубит школу.

Дженни сидела молча, кусала губу, мечтая об одном – не расплакаться перед ним.

– Как? – Звук вышел сдавленным, но на большее она была не способна.

– Вчера вечером Хью обнаружили дома мертвым. Полиция считает – самоубийство.

Дженни спрятала лицо в ладонях, всхлипнула:

– Почему? Почему он так поступил? Только не Хью, не Хью…

Роберт озадачился. Он-то ожидал, что Дженни станет сочувствовать *ему*, его тяжелому положению.

– Простите, Дженни, я не думал, что вы настолько расстроитесь. Вы хорошо знали Хью?

– Да, – кивнула она. – Я знакома с ним почти тридцать пять лет. Убирала у него когда-то, еще до работы здесь.

– Правда?!

– Да, он был добрейшим джентльменом на свете. Мухи бы не обидел ни за что!

– Ш-ш, Дженни! Тише, это секрет. Никому не рассказывайте.

– Нет-нет, я понимаю. Не расскажу. Извините, мистер Джонс, я просто в шоке. Пройдет.

– Верю. Давайте-ка вы сегодня пораньше уйдете домой? Вы часто перерабатываете вечерами.

– Спасибо, мистер Джонс. Так и сделаю.

– Тогда до завтра.

Дженни уже спешила к двери.

– Вы точно справитесь? – спросил директор.

– Да. И никому не расскажу. Обещаю.

Глава девятая

Дженни вставила ключ в замок. Переступила порог маленькой прихожей, закрыла за собой дверь, и тут ноги наконец подкосились. Дженни сползла на пол.

Когда слезы иссякли, она с трудом встала и поплелась в кухню, где рухнула на стул. Даже вид новенькой встроенной мебели, купленной благодаря жесткой экономии, сейчас не радовал.

– Столько лет надрываться, отказывать себе во всем, откладывать каждый пенни – ради чего? – горько вопросила Дженни. – Какой смысл?!

Она поднялась, медленно дошла до чайника. Набрала воду, включила. Не снимая пальто, побрела по комнатам крошечного бунгало – опрятного, как обычно. Отыскала в кармане платок, высморкалась. Чтобы позволить себе наконец небольшой собственный дом, Дженни работала всю жизнь.

Она коснулась мягкой ситцевой ткани на спинке дивана, безупречно чистой, как в день покупки. Обежала взглядом комнату. Вот большой телевизор, его Дженни приобрела за пару сотен фунтов лишь недавно, до этого она много лет пользовалась прокатным.

За все в бунгало Дженни заплатила сама. Ноги опять стали ватными, она присела на подлокотник дивана.

У нее бывали поклонники. Красотой Дженни не отличалась, но мужчин она определенно интересовала.

Вероятно, тот факт, что сердце Дженни уже кому-то принадлежит, лишь сильнее подогревал желание ее завоевать. Один поклонник вел себя очень настойчиво, не мог понять, почему она отвергает его предложение о замужестве.

Насколько проще оказалась бы жизнь, ответь Дженни согласием! Было бы с кем разделить повседневные тяготы, на чьем плече поплакать в трудную минуту, – однако упрямый отказ Дженни удовлетвориться кем-либо, кроме одного-единственного желанного ей мужчины, делал эту перспективу невозможной.

Дженни забыла о вскипевшем чайнике и подошла к тележке для напитков. На ней, точно караульные, выстроились четыре бутылки. Херес Дженни изредка попивала, по воскресеньям, но портвейн,

бренди и виски – рождественские подарки от мистера Джонса – стояли нетронутыми, поскольку гости заглядывали к ней редко.

Бренди, говорят, помогает при шоке. Дженни отвинтила крышку сильными, умелыми руками. Плеснула немного в стакан, сделала глоток.

Бренди обожгло горло, Дженни поперхнулась, не ожидав такой крепости. Однако в груди и животе потеплело, ощущение ей понравилось, и она глотнула еще.

Переместилась к инкрустированному серванту красного дерева, который раньше принадлежал матери и был единственной по-настоящему ценной вещью в доме Дженни. Она открыла ящик слева, нащупала старый коричневый конверт. Вынула из него фотографию, села на диван.

Глядя на снимок, Дженни вздохнула. Ее самый важный секрет, самое теплое воспоминание, величайшее достижение в жизни.

Она убрала фото назад в конверт и горестно уставилась в пустоту. Вот и все, последняя ниточка, связывающая ее с прошлым, оборвалась.

* * *

Алистер Майлз изучал сидящую перед ним группу из четырнадцати юношей и девушек сомнительного вида. Все одетые в форму, они точно сговорились выглядеть неряшливо. Ни тебе аккуратно повязанного галстука, ни начищенной обуви…

«Бурчу, прямо как мой отец», – отметил про себя Майлз.

– Дамы и господа, спасибо, что пришли. Причина сбора вам наверняка известна. – Он присел на стол Себастьяна Фредерикса, оглядел юные лица. – Надо полагать, в вечер смерти Чарли все вы были с ним в пабе. Верно?

Компания дружно закивала.

– Хорошо. Для начала скажу следующее: все, сказанное вами, сохранится в тайне. Меня не интересуют ваши проступки, и я ни о чем не стану докладывать старшим. Я лишь хочу выяснить кое-что о Чарли и о том вечере, поэтому прошу всех быть честными. Первый вопрос: баловался ли Чарли наркотиками?

После недолгой тишины и нервных переглядываний ответила симпатичная блондинка:

– Нет, не баловался.

– Простите, вы?..

– Эмили Харрис. Я девушка Чарли… То есть была его девушкой.

Она потупила взгляд и закусила губу, явно пытаясь справиться с накатившими чувствами.

– Сочувствую, Эмили. Для вас это, наверное, страшное потрясение.

Девушка молча кивнула.

– Говорите, Чарли не употреблял наркотики? Уверены?

– Абсолютно. Он не был идиотом, детектив. Знал, что из-за эпилепсии ему опасно прикасаться к наркотикам.

– А они у вас… доступны? – Майлз внимательно следил за выражением лиц.

– Послушайте, детектив, – долетел мужской голос из дальнего конца комнаты. – Вряд ли хоть кто-то из нас поклянется, что ни разу не пробовал чего-нибудь запрещенного.

Послышалось смущенное, но согласное бормотание.

– С кем имею честь?

Густые темные волосы юноши доходили почти до плеч. Галстука он не носил, заменив его деревянными бусинами на кожаном шнурке. Запястья украшали плетеные хлопковые фенечки.

– Дад Симпсон. Из Флит-Хауса. Мы с Чарли дружили не один год. Часто вместе тусили. Я согласен с Эмили. Ни разу не видел, чтобы Чарли прикасался к наркотикам.

– Можно поинтересоваться, где их здесь добывают?

– Всегда находится кто-нибудь, готовый что-нибудь продать.

– В пабе?

– Господи, нет. В школе.

– Однако Чарли не приобщался?

– Нет. – Дад покачал головой. – Мамочка вбила ему в голову. Он был тот еще засранец, наш Чарли, но без помощи извне. У него это само собой получалось.

По комнате прокатился смешок.

– Значит, в тот вечер вы пили в пабе вместе с Чарли?

Помедлив, Дад кивнул.

– Хорош, Дад, – вмешался другой мужской голос. – Давай начистоту: вы с Чарли уже пару месяцев не разговаривали.

– Почему? Поссорились? – спросил Майлз.

Дад густо покраснел – от шеи к щекам.

– Ага, можно и так сказать, – ответил второй ученик.

– Вы кто?

– Джеймс Эрроусмит. Тоже из Флита. Сам просветишь детектива, Дад, или лучше я?

– Твою ж мать! Спасибо, Джеймс, – пробормотал Дад. – Слушайте, нечего тут рассказывать. Просто дурацкая ссора.

– Он у тебя девушку увел. Ты их застал перед Рождеством, они обжимались возле паба. Ты чуть не вышиб Чарли мозги, заявил – пусть скажет спасибо, что не прикончил. Я вас разнимал, если помнишь.

Девушка по имени Эмили вскочила, зажав рот ладонью. Выдохнула:

– Простите, – и убежала.

В комнате повисло напряженное молчание.

– Ладно. – Майлз вскинул руки. – Поедем дальше. Кто в пятницу вышел из школы вместе с Чарли и прогулялся с ним до паба?

– Я, – сказал Джеймс Эрроусмит. – Я, Эмили, Стоки… Ты ведь был, да?

– Ага, – подтвердил крупный рыжеволосый парень.

– Как Чарли вел себя по дороге?

– Классно. Как всегда, – ответил Стоки. – Мечтал поскорее свалить из школы, говорил о своих планах.

– То есть подавленным он вам не показался?

– Чарли? Нет, – покачал головой Джеймс Эрроусмит. – Он был душой компании, всегда веселился.

– Не из тех, кто хотел бы расстаться с жизнью?

На многих лицах отразилось недоверие.

– Вы что, думаете, Чарли сам на себя руки наложил?!

Низкий голос Дада прогремел по комнате, в которой вдруг наступила неуютная тишина.

– Нет, – заверил Майлз.

– Он ведь умер от эпилептического припадка? – уточнил Стоки.

– Нет.

– Боже, – наконец выдохнул Дад. – Тогда от чего?

– От анафилактического шока, вызванного приемом аспирина.

– Да вы что? Чарли знал, что аспирин может его убить, – поразился Джеймс.

– Вот потому-то и надо понять, каким образом Чарли проглотил таблетки аспирина. Есть мысли?

– Ну, он их не глотал бы, если б знал, что это аспирин, так? – пожал плечами Дад.

– Именно, – согласился Майлз. – Отсюда мой вопрос: мог ли в тот вечер Чарли принять какую-нибудь дрянь? Вместо которой нечестный дилер подсунул аспирин.

– Это не ты его в пиво Чарли подмешал, Дад? – съязвил Джеймс.

– Отвали, Эрроусмит, – огрызнулся Дад.

– Как думаете, хотел ли кто-нибудь избавиться от Чарли?

Джеймс с ухмылкой уточнил:

– Вы имеете в виду, кроме Дада?

– А ну заткнись! – вскочил тот.

– Да ладно, просто шутка. Хотя Дад со мной согласится: есть отдельные личности, которые не входят в число официальных членов фан-клуба Чарли Кавендиша. – Джеймс скрестил на груди руки.

– Кто-нибудь особо выделяется? – Майлз адресовал вопрос Даду.

– Нет. Все мы временами считали Чарли сволочью, но ненавидеть – вряд ли. Правда, младшие ребята его опасались.

– «Опасались»? – Стоки поднял брови. – Скорее, боялись до смерти.

– Я слышал, Чарли их терроризировал, – решил прощупать почву Майлз. – Вы с этим согласны?

– Ты согласен, Дад? – бросил Стоки. – Ты ведь был его закадычным другом и соучастником, пока Чарли не увел у тебя телку.

– Заткнись, придурок! – Дад опять вскочил, сверкая глазами.

– И правда, хватит! – вскинул руки Майлз. – Значит, младшие ребята его побаивались?

– Да, и недаром, – процедил Дад. – Один мальчишка, светленький такой, которого Чарли наметил в жертвы…

– Рори Миллар? – подсказал Стоки.

Дад кивнул:

– Мы все знаем, что это Чарли запер его в подвале на всю ночь пару недель назад. Бедный ребенок чуть не свихнулся от ужаса. Мистер Фредерикс услышал крики только утром – и выпустил беднягу.

– Кто-нибудь из вас сообщил старшим, что это сделал Чарли? – спросил Майлз.

– Нет. Честно говоря, если бы мы и сообщили, мистер Фредерикс ничего бы не сделал. Он считал Чарли святым. Странно, обычно за травлю Фредерикс готов был виновников в порошок стереть, а тут нет. Чарли не мог поступить плохо. Ему бы даже убийство с рук сошло… Черт! – Дад покраснел. – Извините.

– Кто в пятницу вернулся в школу вместе с Чарли?

– Те же, кто был с ним в пабе, – ответил Джеймс.

– Он чувствовал себя хорошо?

– Отлично.

– Во сколько вы вернулись?

– Около одиннадцати. Отметились внизу, и мы со Стоки пошли смотреть телик в общую комнату, а Чарли решил лечь пораньше: он вечно просыпал субботнюю службу, и ему бы запретили покидать школу, не приди он в часовню опять. Мы попрощались у лестницы, Чарли потопал наверх, и все.

– Кто спит в соседней с ним комнате?

– Я, – отозвался Стоки. – А с другой стороны – Дад. Ты ничего не слышал?

– Нет. – Дад покачал головой.

– Я тоже, – пожал плечами Стоки. – Хотя мы оба поднялись только в первом часу ночи. Мистер Данман это подтвердит, и мистер Фредерикс тоже. Он вернулся, как раз когда мы пошли спать.

– Это точно?

– Ага, спросите сами у мистера Данмана. Он заглянул в общую комнату, поторопил нас, сказал, мол, пойду и я спать, раз мистер Фредерикс вернулся.

– А сами вы видели мистера Фредерикса перед тем, как подняться к себе? – уточнил Майлз.

Дад посмотрел на Стоки, пожал плечами:

– Нет, но зачем мистеру Данману говорить, что Фредерикс вернулся, если тот не вернулся?

– Ясно. – Майлз кивнул. – Кто-нибудь хочет что-нибудь добавить?

Тишина.

– Хорошо. Спасибо за помощь. Если вспомните о том вечере что-нибудь необычное, любую мелочь, пожалуйста, сразу приходите ко мне или к инспектору Хантер. Дад, не задержитесь на минутку?

Майлз дождался, пока все выйдут, закрыл за ними дверь и повернулся к Даду:

– Значит, вы с Чарли были закадычными друзьями?

– Да.

– Пока тот не увел Эмили.

Дад молча кивнул.

– Ты узнал и хорошенько ему врезал.

– А вы бы не врезали? – вскинулся Дад.

– Наверное, врезал бы. Ты знал про его аллергию на аспирин?

– Конечно. Все одноклассники знали, и весь Флит. Это не тайна.

– Ты хорошо знал Чарли. Он точно не был подавлен, в депрессии? Например, из-за недавней ссоры с отцом?

– Боже, ну какая депрессия! – отмахнулся Дад. – Ну да, Чарли злился на отца. Тот немного отстал от жизни, эдакий зануда без фантазии, а Чарли – вольная душа. Они ругались. Если уж кто и был в депрессии, так это я. Эмили нравилась мне по-настоящему, о чем Чарли знал. Он увел ее будто специально.

– То есть тебе ничего не известно о последних днях его жизни, что могло бы пролить свет на эту внезапную смерть?

– Нет, простите, детектив. – Дад пожал плечами: – Чарли вел себя как обычно.

– Ну ладно. Спасибо за помощь.

Уже у двери Дад обернулся:

– Вы же меня не подозреваете?

– Думаешь, стоит?

– Вы считаете, у меня есть мотив.

– Есть.

– Да… Только я бы в конце концов успокоился. Я знал Чарли, он бросил бы Эмили совсем скоро. Я не желал ему смерти, ни капли не желал. Он был моим лучшим другом. Мне его не хватает.

Дад передернул плечами и вышел.

* * *

– Как успехи? – Джаз подняла взгляд от записей на вошедшего Майлза.

– Наркотики в любом виде можем исключить. Все как один приятели Чарли непреклонны: он не употреблял и употреблять не собирался.

– Ясно. Что еще?

– Ссора из-за девушки с Дадом, лучшим другом. Сама девушка в разгар нашего заседания убежала. Я ее отыщу, переговорю. Она очень расстроена. Еще одно: друзья подтвердили, что Чарли занимался травлей. Однако Фредерикс почему-то смотрел на это сквозь пальцы.

– Знаю. Сестра-хозяйка рассказала. Есть новая информация про интересующий нас вечер?

– По словам тех, кто возвратился с ним в школу, в одиннадцать часов Чарли был жив-здоров. Похоже, тогда-то его и видели живым последний раз. Соседи по этажу смотрели телевизор внизу и ничего не слышали. Когда они разошлись по комнатам, Чарли был уже мертв – время смерти мы знаем по результатам вскрытия.

– Так-так… – Джаз пожевала кончик ручки. – Похоже, я права насчет подмены эпилима.

– Да. Только вот про аллергию на аспирин знали все, мэм. Следовательно, любому был известен простой способ избавиться от Чарли.

– И способ этот сработал. Ладно. Успеть бы в дом Данмана до отъезда криминалистов. Вы пока займитесь девушкой Чарли. Я пообщалась с Нортоном и договорилась об аренде автомобиля. Его подгонят сюда к трем часам, пользуйтесь. Нас только двое, нужна мобильность, а значит – раздельный транспорт.

– Вы хотели сказать «трое»?

– Роланд до сих пор у стоматолога. Интересно, у них тут официально заведено уходить в пятницу пораньше? – Джаз вздохнула, собрала папки в портфель. – После Данмана я сразу поеду домой, там есть интернет. Скачаю все, что прислали на Хью из управления. Можно ключи от машины?

Майлз отдал ключи.

– Кстати, об уходе пораньше. Я бы тоже не отказался, а то пробки будут ужасные, сегодня ведь пятница.

– Возвращаетесь в Лондон?

– Если вы не против. Дождусь арендованной машины и рвану. В случае чего, домчусь обратно к вам за три часа.

– Будем держать связь по телефону. Если ничего не произойдет раньше, увидимся здесь в понедельник утром.

– Так точно. Хороших выходных.

– И вам. До скорого. – Джаз кивнула на прощание и вышла.

* * *

Джаз застала криминалистов уже на крыльце.

– Нашли что-нибудь? – спросила у Ширли.

– Ничего выдающегося, но обычные образцы взяли. – Ширли отдала ключ от дома.

– Спасибо.

– До свидания, мэм, – кивнула она, забираясь в фургон.

Джаз вновь отперла коттедж Хью Данмана. Ей всегда было жутковато входить в дом умершего, который еще недавно здесь жил и дышал, а теперь бездыханным трупом покоился в морге.

Она постояла у полок, забитых старыми книгами в кожаных переплетах. Вытащила одну. Книга оказалась на латыни. Джаз перевернула пожелтевшие страницы, в нос ударил характерный затхлый запах старой бумаги.

Поставив книгу на место, Джаз переключилась на обтянутый кожей письменный стол. Выдвинула ящики.

Внутри царил идеальный порядок. Канцелярские принадлежности – фирменные бланки, ручки, чернила, карандаши, ластики. Все разложено четко, по-военному. В ящиках, похоже, недавно прибрались. Джаз надеялась отыскать записную книжку с адресами, но увы.

В центральном ящике обнаружились связка ключей и конверт.

Джаз прочла адрес.

«Квартира 4, Шеффилд-Террас, дом 9».

И лондонский индекс – W8.

Она сразу поняла, где это: фешенебельный жилой квартал в Кенсингтоне.

Внутри конверта оказался листок с именем и адресом лондонского юриста, написанными каллиграфическим почерком Хью.

Казалось, конверт оставили здесь специально для Джаз.

Она поднялась по узкой лестнице, вошла в бо2льшую из двух спален. Чистота и порядок. Осмотрела ящики комода, в основном пустые. Распахнула гардероб, где увидела лишь три костюма на вешалках.

Спускаясь обратно на первый этаж, Джаз уже твердо знала: Хью Данман не только задумал покончить с собой, но и потратил время на то, чтобы привести в порядок дела. В этом доме не было ни намека на обычный кавардак, идущий рука об руку с понятием «жизнь».

Джаз встала на колени у камина. Топили в нем, видимо, знатно, вон какая гора пепла. Порывшись в очаге, Джаз нашла обрывки обгорелой бумаги.

Значит, Данман развел огонь и сжег все, что не предназначалось для чужих глаз.

Завтра утром надо съездить в Лондон.

Джаз покинула коттедж со знакомым чувством – жаль, что стены не умеют говорить и не могут поведать своих секретов.

Едва она села в машину, зазвонил телефон.

– Это Роланд, мэм. Мне удалили зуб. – Голос звучал глухо.

– О боже. – Джаз стиснула собственные зубы, гася раздражение. – Где вы сейчас?

– Сижу в машине перед офисом стоматолога, жду ваших указаний.

– Отправляйтесь домой, Роланд. Пейте обезболивающее и ложитесь в постель. Только не могли бы вы сначала организовать отправку в школу нескольких ваших ребят? В штатском, пожалуйста, и без лишнего шума, чтобы не перепугать обитателей. Поставьте одного сотрудника перед Флит-Хаусом. Пусть проверяет всех входящих и выходящих. Там нужен человек круглосуточно.

– Слушаю, мэм. Что-нибудь еще?

– Нет. Свяжемся завтра. Надеюсь, ваш зуб утихомирится.

– Спасибо, мэм. До свидания.

Отключив мобильный, Джаз тихонько застонала от досады и отъехала наконец от коттеджа.

В Фолтсхэме ее мысли вернулись к двум трупам. Какая между ними связь? Петляя узкими улочками Клея, Джаз краем глаза уловила знакомую женскую фигуру, выходящую из «Мерседеса»-универсала на другой стороне дороги. Джаз сбросила скорость до минимума, пригляделась. Это же Адель Кавендиш, мать Чарли! Та вынула из багажника дорожную сумку и несколько пакетов из супермаркета, затем исчезла из виду в узком проулке.

Пометив это происшествие как странное, Джаз прибавила газу и направилась домой.

Глава десятая

На следующий день к десяти утра Джаз была в Лондоне. Она позвонила Майлзу, очень кстати вернувшемуся в столицу, и договорилась встретиться с ним у квартиры Данмана в Кенсингтоне.

Джаз не была в Лондоне семь месяцев, со времени своего бегства от карьеры и мужа, и теперь ощущала мандраж, проезжая по набережной, а затем и мимо Скотленд-Ярда.

Казалось, все это осталось в прошлом – прежние места, прежняя жизнь… Тем не менее она, Джаз, вновь здесь и вновь ведет расследование.

Майлз ждал в нежно-желтом «Опеле Астра».

– Доброе утро, мэм. Хорошо добрались?

– Да, вполне. – Она забрала портфель, вышла. – Мне нравится, – кивнула на «Опель». – Оригинально.

– Вы про моего цыпленка? Видимо, других прокатных машин в Фолтсхэме не нашлось.

– Очень подойдет для тайной слежки, – сострила Джаз. – Вы проверили право собственности на квартиру? Она действительно принадлежит Данману?

– Да, перешла к нему во владение от Филлиды Данман в тысяча девятьсот шестьдесят девятом. Это его тетя, которая умерла как раз в шестьдесят девятом, а Хью унаследовал квартиру. Никаких других родственников я не нашел.

– Наш Хью оказался настоящей загадкой. В коттедже я нашла адрес юриста. Полагаю, там хранится завещание. – Джаз вручила Майлзу листок бумаги. – Свяжитесь с этой конторой в понедельник утром, хорошо? Уведомьте о смерти Хью. Интересно будет узнать, кому он оставил квартиру. Она теперь должна стоить целое состояние. – Джаз оглядела многоэтажный эдвардианский особняк красного кирпича. – Ну что, давайте войдем.

Квартира Данмана располагалась на втором этаже. Здесь витал уже знакомый запах старых книг – и сырости.

Джаз пересекла полутемную гостиную, отдернула шторы. В комнату хлынул дневной свет. Та оказалась просторной, но мрачной.

Стены были выкрашены в тусклый бутылочно-зеленый цвет. Одну полностью занимали книжные полки, на других вразнобой висели картины, которые никто не потрудился расположить красиво.

– Хозяин явно не интересовался дизайном интерьера, – прокомментировал Майлз. – Здесь, похоже, ничего не трогали с шестьдесят девятого года.

– Похоже.

Джаз подошла к роялю перед длинными подъемными окнами, выходящими на узкую полосу придомового парка. Посмотрела в угол, на письменный стол с аккуратными стопками книг, затем – на старое кожаное кресло у антикварного газового камина.

– Это скорее кабинет, чем удобная гостиная. – Джаз взяла со стола прозрачный файл с фотокопией латинской рукописи. – Думаю, здесь Данман работал над переводами. Приезжал на школьные каникулы, например. Ладно, начинайте со стола. Идет?

– Идет, мэм.

Дальше по коридору обнаружились компактная кухня-столовая с допотопной мебелью, успевшей вновь войти в моду, и санузел с треснутой чугунной ванной – в эмаль под кранами въелся зеленоватый известковый налет. Коридор заканчивался спартанской спальней с двуспальной кроватью, изножье которой покрывал шерстяной клетчатый плед. У стены стоял высокий строгий комод красного дерева, а под окном – парное комоду трюмо. Единственной уступкой тщеславию оказалась платяная щетка перед зеркалом на трюмо.

На прикроватной тумбочке стояла большая фотография.

Джаз взяла ее в руки и узнала юную девушку с выцветшего снимка, найденного в коттедже Хью.

Однако здесь черты лица были куда яснее. Настоящая красавица, кем бы она ни была. Волнистые светлые волосы до плеч, голубые глаза, изящный нос с горбинкой, пухлые розовые губы. Лет семнадцать-восемнадцать, наверное. Джаз села на кровать, отсоединила подложку рамки.

На обратной стороне фотографии имелась дарственная надпись:

Июнь 59
Моему дорогому Хью.
Carpe diem!

Что мы и делаем!
С любовью, как всегда,

Кори

Джаз бережно извлекла снимок из рамки и вернулась в гостиную.

– Нашли что-нибудь? – Майлз стоял на коленях в окружении бумаг.

– Только вот это.

Он изучил фотографию.

– Та же девушка. Любимая?

– Полагаю, да. – Джаз нашла в портфеле прозрачный пакет для улик, положила в него снимок. – Надпись на обороте датирована пятьдесят девятым годом. Давняя история.

– Хью никогда не был женат. Я сегодня перепроверил. Вдруг эта девушка его бросила и всю оставшуюся жизнь он залечивал разбитое сердце?

– Возможно. А вы нашли что-нибудь?

– Пока ничего интересного. Никаких личных писем, только рабочая переписка с руководителями библиотек по всему миру. Данман определенно слыл серьезным авторитетом.

– Почему же тогда он работал куратором в малоизвестной школе в норфолкской глуши? – задумчиво протянула Джаз. – Не могу я пока раскусить Данмана, ну никак.

– Может, ему нравился дух школьного братства? В деньгах наш Хью точно не нуждался. Тут приходных ведомостей на тысячи фунтов – вполне достаточно холостяку для комфортной жизни.

– Банковские выписки?

– Поискал, но не нашел.

– Ладно, – вздохнула Джаз. – Возьму на себя ящики под книжными полками.

*** * ***

Через час Джаз вновь задернула шторы и вместе с Майлзом покинула квартиру. Они перерыли каждый клочок бумаги, но не нашли

ничего, имеющего отношение к завещанию или личной жизни Данмана.

– Перекусим, мэм?

– Я лучше сразу домой.

– А может, заглянете по дороге в управление? Все будут рады повидаться, а сами знаете у кого сегодня выходной. Я проверил график дежурств.

– Нет уж, спасибо, – криво усмехнулась Джаз, заводя мотор. – До понедельника. Пока.

Она влилась в транспортный поток и уныло констатировала, что поездка оказалась безрезультатной.

* * *

Анджелина Миллар отложила телефон и недовольно поморщилась. Только что позвонила сестра-хозяйка и сообщила, что у Рори острое расстройство желудка и он в изоляторе. Сына осмотрел врач, особых поводов для тревоги нет, но домой Рори пока не отпустили, оставили под наблюдением.

Сегодня утром Анджелина собиралась забрать Рори на выходные. Сестра-хозяйка разрешила проведать его когда угодно.

«Какая благородная, – сердито подумала Анджелина. – Разрешила мне проведать собственного ребенка!»

Анджелина планировала устроить чудесное уютное чаепитие и выяснить, не навеяны ли опасения Дэвида исключительно алкоголем. Ну а позже – затронуть вопрос лыжных каникул, мягко подготовить Рори к знакомству с Джулианом.

Теперь все планы испорчены, а следующие выходные Рори проведет у отца…

При мысли о недавнем визите Дэвида у Анджелины внутри все сжалось. Джулиан решил, что Дэвид ей угрожает, и потому повел себя агрессивно, вышвырнул бывшего мужа из дома. Анджелина чувствовала себя из-за этого ужасно.

Джулиан ничуть не раскаивался, твердил – Дэвид не имеет права являться сюда, когда ему в голову взбредет. Теперь это дом Джулиана, и он надеется, что после такой взбучки до Дэвида наконец дойдет.

Вестей от Дэвида не было. Анджелина обещала позвонить ему насчет Рори, но никак не могла решиться.

К тому же, если позвонить и рассказать о болезни сына, Дэвид опять помчится в школу, огорчит Рори и устроит переполох.

С другой стороны, Анджелина обещала…

Она потянулась к телефону. Нет. Рори лучше спокойно провести выходные в постели, без всяких волнений и тревог. Дэвид переживет.

Зато в отсутствии Рори даже есть преимущество: можно отнести завтрак наверх, забраться под одеяло к Джулиану и обрадовать, что ему нет необходимости сбегать на съемную квартиру в Норидже.

Разогревая круассаны и заваривая кофе, Анджелина просматривала список дел. Недавно она зашла на веб-сайт, выдав себя за Джулиана, и получила доступ к выпуску восемьдесят четвертого года. Написала несколько сообщений в надежде, что кто-нибудь из одноклассников Джулиана с ней свяжется и она устроит ему сюрприз – пригласит их на вечеринку по случаю его сорокалетия. Анджелина ненавязчиво выведала у Джулиана, с кем он тогда особенно дружил.

Она понесла поднос наверх. Джулиан был на своей половине кровати, крепко спал. До чего же он красив: обнаженный, тело крепкое и подтянутое благодаря тренировкам в спортзале, густые черные волосы ярко выделяются на белой подушке…

Анджелина поставила поднос на пол, скинула халат и скользнула под одеяло. Джулиан лежал к ней спиной, и Анджелина стала нежно целовать выпирающие позвонки: начала с шеи, медленно спустилась к копчику. Джулиан сонно забормотал: ладонь Анджелины переместилась вперед, принялась возбуждающе ласкать.

Он чуть застонал, повернулся к ней.

– Доброе утро, милая, – шепнул.

– Доброе.

Анджелина покрыла его лицо поцелуями, нашла губы, раздвинула их языком. Одна рука Джулиана потянулась к аккуратным маленьким грудям Анджелины, вторая поползла ниже, к ягодицам.

Позже Анджелина, счастливая и удовлетворенная, отдыхала в его объятиях и думала о том, что Дэвид никогда не будил в ней такого желания.

Она дотянулась до подноса с завтраком, поставила на кровать.

– Хорошие новости, дорогой. По крайней мере, для тебя. Рори заболел, и его положили в изолятор. По мнению сестры-хозяйки, сыну лучше побыть там пару дней. Я съезжу его навестить, но это значит, что мы с тобой можем провести выходные вместе.

– Боже милостивый! Ты не представляешь, как приятно получить разрешение остаться в собственном доме, – язвительно ответил Джулиан.

– Ох, до чего все сложно… Кофе?

– Да. – Джулиан сел, взял предложенную чашку. – Ладно, раз твой бывший муж раскрыл наш секрет, предлагаю рискнуть и появиться в Фолтсхэме вместе. «Выйти в свет» как официальная пара. Что скажешь?

– Можно, пожалуй, – нервно кивнула Анжелина.

Он внимательно посмотрел на нее:

– Послушай, все поймут. Конечно, посплетничают немного, тусовка у нас небольшая, и народу больше нечем заняться. Просто смешно: мы приезжаем на вечеринки по отдельности и вновь встречаемся только тут, дома.

Анджелина пригубила кофе.

– Мы поступаем так из-за сына. Вдруг кто-нибудь из его друзей услышит про нас от своих родителей и скажет Рори?

– Скорее уж ему скажет отец, он ведь теперь в курсе, – раздраженно бросил Джулиан. – У меня кончилось терпение. Господи, с твоего развода уже прошло несколько месяцев! В наших отношениях нет ничего противозаконного, и я до смерти устал скрываться! Пойду в душ.

Дверь душевой кабины со стуком закрылась, и Анджелина вздохнула. Она может чувствовать что угодно, но ее отношения с Джулианом – действительно свершившийся факт, и Рори пора о них узнать, даже если ему это не понравится.

Они поехали в Фолтсхэм по делам. Анджелина отправилась в рыбный магазин за лососем к ужину, Джулиан – в алкогольную лавку за вином. Встретились у пешеходного перехода в центре. Анджелина нервно огляделась: нет ли кого из знакомых?

Джулиан схватил ее за руку, собираясь потащить через дорогу, и тут Анджелина заметила человека на противоположной стороне улицы.

– Привет, голубки!

Дэвид.

– Джулиан, пойдем отсюда.

Анджелина дернулась обратно, но Джулиан повлек ее за собой. Они поравнялись с Дэвидом посредине проезжей части. Глаза у того были красными, на ногах он держался нетвердо.

– Здравствуй, Дэвид, как поживаешь? – вежливо произнес Джулиан.

Он попытался пройти, однако Дэвид вцепился в отворот его пиджака.

– Паршиво, как видишь. Хочу предупредить. Если ты хоть раз – хоть раз! – тронешь моего сына даже пальцем, я тебя *убью*! Слышишь?!

– Слышу. До свидания, Дэвид.

Джулиан вывернулся и зашагал к противоположному тротуару в сопровождении перепуганной Анджелины.

– Слышал, козел надутый?! Я ТЕБЯ УБЬЮ!

– Тебя весь Фолтсхэм слышал, идиот, – буркнул Джулиан. – Пойдем, бог с ним. Он пьян в стельку, не понимает, что несет.

Дэвиду сигналили: он так и стоял посреди дороги, глядя вслед Анджелине с Джулианом.

Оказавшись в машине, Анджелина залилась слезами. Джулиан неуверенно погладил ее по плечу:

– Ну-ну, все позади. Он просто пьян.

– Господи, как нам тут жить, Джулиан? Я каменею от страха каждый раз, когда из дома выхожу! Может, лучше переехать? Может, это единственный выход?

– Ни в коем случае. Нас не выживет из города какой-то жалкий алкоголик. Закон на нашей стороне. – Джулиан вздохнул и завел «Мерседес». – Интересно, получится ли раздобыть новый судебный запрет? Похоже, теперь защита понадобится еще и мне. Ничего, угрозы Дэвида слышали многие, так что свидетелей у нас полно. Жаль, что он не напал на меня физически, тогда я бы действительно смог принять меры.

– Боже, Джулиан! – Анджелина спрятала лицо в ладонях. – Перестань!

– Прости, но я и правда не сделал ничего плохого, а чувствую себя так, будто сделал. Меня уже тошнит от этого. Не плачь, пожалуйста. Все уладится, ты же знаешь.

Она кивнула.

– Да, просто сейчас так тяжело… Давай съездим в школу? – Анджелина коснулась руки Джулиана. – Хочу навестить Рори.

– Конечно, давай. Затем пообедаем в том симпатичном пабе в Иттерингеме. Нам обоим не помешает выпить.

* * *

Анджелина отправилась в школу к Рори, а Джулиан остался в машине на гостевой парковке. Публичный выпад Дэвида порядком его напугал – и взбесил.

Джулиан посмотрел на лужайку перед часовней. В бытность учеником он сам частенько валялся здесь в траве вместе с друзьями, нежился на летнем солнце.

Из столовой вышел человек.

Джулиан вцепился в руль, пальцы побелели, от лица отхлынула кровь.

Человек прошел в десяти шагах. Джулиану немедленно захотелось пригнуть голову, спрятаться. Ладони вспотели, сердце бешено застучало, живот свело. Человек пересек лужайку и исчез в одном из зданий.

Джулиан сидел, глядя в пустоту. Возвращения Анджелины он даже не заметил.

– Рори спал, я не стала его будить. Выглядел хорошо. Приеду еще раз чуть позже. – Она подождала ответа. – Дорогой? Ты в порядке? Джулиан!

Он с трудом вернулся в настоящее, кивнул:

– Да.

– Ты будто привидение увидел.

Так оно и было.

– Все хорошо. – Джулиан нащупал ключи, завел машину.

– Наверное, отсроченный шок после нападок Дэвида, – решила Анджелина, когда они отъехали от парковки. – Самое время пообедать

и немного отойти от волнений.

– Согласен. – Джулиан улыбнулся. – И знаешь, я тут поразмыслил… Может, нам и правда подумать о переезде? Начнем с нуля там, где нас никто не знает.

– Может быть. Посмотрим, как пройдут каникулы с Рори. Перемена обстановки нам всем пойдет на пользу. Вернемся – и тогда решим.

Джулиан сжал ее руку:

– Договорились.

Глава одиннадцатая

Джаз ехала по знакомым кембриджским улицам с малознакомым односторонним движением.

Она припарковалась на месте, закрепленном за машиной родителей, прошла мимо дома Вульфсона – уродливого здания из стекла и бетона, возведенного в семидесятые годы, которое обеспечивало дополнительное размещение студентам Тринити-колледжа. В арке кивнула привратнику и пересекла Большой двор.

Загадочность и великолепие университета никогда не трогали Джаз – возможно, потому что она здесь выросла. Однако по возвращении из Флоренции, под влиянием ее прекрасной архитектуры, Джаз начала видеть Кембридж в другом свете.

Безусловно, пейзаж с моросящим дождем и мокрой травой в центре двора не слишком походил на площадь Дуомо в лучах мягкого осеннего солнца, однако величественные здания с готическими окнами, окружавшие Джаз со всех сторон, вселяли спокойствие.

Она свернула к одному из входов, дошла до квартиры родителей и постучала. Семейные преподаватели обычно не жили внизу, но для отца-инвалида комнаты на первом этаже подходили идеально.

После стрельбы университет очень поддержал родителей и предложил им прежние должности в Тринити-колледже. Правда, отец так и не смог вернуться к работе – врачи признали его слишком слабым для подобных нагрузок.

Зато мама Джаз, Селестрия, содержала обоих: преподавала английский и неустанно развивалась. Недавно она успешно опубликовала книгу, критикующую плачевное состояние грамматики и пунктуации в современном обществе. Книга неожиданно стала бестселлером и обеспечила родителям безбедную старость.

Отец тоже не бездельничал. Время от времени он замещал священника, вел службы и читал лекции по богословию. Студенты Тринити ценили Тома Хантера за умение слушать и поверяли ему свои беды.

Колледж помог переоборудовать комнаты под нужды Тома, он покидал квартиру без посторонней помощи, разъезжал повсюду в

электрическом кресле-каталке, что дарило обоим родителям приятное ощущение независимости.

Они были ярким примером пары, сумевшей справиться с несчастьем и взять над ним верх. Джаз очень ими гордилась.

Постучав, она толкнула двери.

– Это я!

– Джаз! Надо же! Заходи.

Отец работал в небольшой гостиной за письменным столом, заваленным бумагами. При виде дочери лицо Тома озарилось радостью, он раскинул руки ей навстречу.

– Здравствуй, родная. Рад тебя видеть.

Джаз высвободилась из его объятий, окинула миниатюрную фигуру отца внимательным взглядом. При росте всего пять футов шесть дюймов Том был на четыре дюйма ниже жены и дочери[1]. Однако сильный характер с лихвой компенсировал небольшой рост.

– Как сердце? Мама сказала, ты обследовался?

– Тикает, как обычно, – ответил отец. – Я послушный мальчик, Джаз, принимаю таблетки ежедневно. Чувствую себя так же хорошо, как двадцать лет назад, правда. Давайте вы все перестанете волноваться из-за пустяков.

– Пап, у тебя случился инфаркт на операционном столе.

– Я ведь выкарабкался. – Отец подмигнул: – Уже четырнадцать лет прожил, а то ли еще будет! Выпьешь вина? – Он указал на бутылку на журнальном столике.

– С удовольствием. Где мама?

– На какой-то вечеринке в Кингсе. Вернется с минуты на минуту. Налей и мне, пожалуйста.

– Держи.

Джаз вручила бокал отцу, и тот отъехал на свое обычное место, слева от камина.

– За тебя, родная. Поздравляю.

– Спасибо. С чем?

– С принятием смелого решения и возвращением в строй.

– Поздравлять рано. Я до сих пор не уверена, что поступаю правильно. Я хотела писать картины, папа.

– Знаю, солнышко. И – да, ты вполне можешь оказаться новым Ван Гогом. Ты определенно талантлива, но вот подходит ли тебе образ

жизни художника? Ты очень пытлива и общительна. Нуждаешься в постоянных стимулах. Трудно представить тебя в одиночестве на каком-нибудь чердаке, без денег, голодную…

– Представить, как я отрезаю себе ухо и ем его? – рассмеялась Джаз.

– Тебя растили деятельной, учили приносить пользу. – Отец улыбнулся, глаза заблестели. – Работа в полиции, по крайней мере, имела цель. Я не о том, что искусство бессмысленно, ты же понимаешь. Однако, несмотря на все твои нарекания в адрес системы уголовного правосудия, на каждых четырех отпущенных жуликов приходился один, которого тебе удавалось отправить за решетку. По-моему, это сто́ящий результат.

– Стакан наполовину пуст или наполовину полон, да?

– Да. Ну и я, конечно, шучу насчет слабости, которую якобы питает к тебе Нортон, но он действительно в тебя верит. Очень. Понимает, какой ты ценный кадр, и не хочет тебя терять.

– Жаль только, что он мне раньше об этом не сказал.

– Тогда, наверное, твой длительный отпуск не навредил бы ни тебе, ни ему. Помни, проглотить свою гордость и рискнуть куда сложнее, чем дать деру и сохранить репутацию. Еще по бокальчику?

– Немножко, пап. Ты же знаешь, что говорит врач.

– А я говорю – вино красное, оно понижает холестерин, а следовательно, лечит.

Джаз не слишком охотно налила отцу полный бокал.

– Знаешь, родная, мы с мамой сомневались в твоем решении, когда за несколько месяцев до выпуска ты все бросила и пошла учиться в полицейский колледж в Хендоне.

– Да, пап. – Джаз закатила глаза. – Помню.

– Мы думали, тобою движут неправильные мотивы.

– Вы с мамой в курсе, что я решила работать в полиции из-за случившегося с тобой, пап. Правильный это мотив или нет?

– И да, и нет. Ты импульсивна, вся в старика-отца. Принимаешь решения под влиянием минуты…

– Что очень помогает мне в нынешней профессии.

– Вот именно. И подводит меня к главной мысли: Господь редко ведет нас не туда. Возможно, стрельба понадобилась для того, чтобы подтолкнуть тебя на правильный путь.

– Ох, папа, я бы предпочла неправильный путь и здорового тебя. Хотя да, согласна: последние дни были… трудными и интересными. Я рада возвращению на работу.

– Особенно на работу без *него*?

– Да, – сухо обронила Джаз.

Понятливый Том сменил тему:

– Ну а как тебе жизнь в Солтхаусе?

– Замечательно! Коттедж потихоньку приводится в порядок, и к лету у меня даже будет сад, где вы с мамой сможете отдыхать.

– Чудесно. Мне очень не хватает сада, но здесь для него, конечно, нет места. Хотя, когда мама выйдет на пенсию, как знать… Возьмем да и переедем к тебе поближе, станем жить в домике у моря рядом с другими пенсионерами в коттеджном городке. Я начну играть в вист, мама вступит в женсовет и научится вязать.

В дверном замке повернулся ключ, и отец добавил:

– А вот и она.

Матери с дочерями часто похожи внешне – заметно, но неуловимо. В случае с Селестрией Хантер и ее дочерью сходство было безошибочным. Джаз унаследовала от матери рост, утонченные черты лица и густые рыжевато-каштановые волосы. В свои пятьдесят семь лет Селестрия старела красиво и выглядела почти так же, как и пятнадцать лет назад.

– Мама! Как ты? – Джаз тепло ее поцеловала.

– Она перегружена и утомлена возней с таким старым упрямцем, как я, – пошутил Том. – Не спрашивай, много ли я работал, мой ангел. Если я скажу правду, мы лишь поссоримся.

– Мы никогда не ссоримся, дорогой. Ты делаешь что хочешь, а я тебе это позволяю.

Селестрия помассировала мужу плечи, затем нагнулась и поцеловала его в макушку.

Непринужденная близость родителей, их очевидная любовь друг к другу всегда трогали Джаз. Маме вполне простителен горький тон. В последние годы ей жилось нелегко – и в финансовом плане, и в психологическом.

«Вот чего хочу я, – подумала Джаз. – Чтобы любовь пересиливала все остальное».

– Ты проверял мясо, дорогой? – крикнула мама из прихожей, вешая пальто.

– Все готово и ждет.

– Отлично. Давайте поедим.

* * *

– Как твое расследование? Думаешь, это был несчастный случай? – спросила мама, когда они с Джаз мыли посуду.

– Нет, уже ясно, что нет. Да и вторая смерть не может быть просто совпадением, пусть даже самоубийство подтвердилось. Утром звонил коронер. В желудке умершего полно снотворного.

– Кто он, ты можешь нам сказать? – Глаза отца, складывающего чистую посуду в шкаф, блеснули интересом.

– Школьный куратор. Старый, немного за семьдесят, он…

– Ну какой же «старый», солнышко. Мне вот хорошо за шестьдесят, я ненамного младше, но считаю себя молодым и очень современным, а как же! – Отец улыбнулся. – Прошу, продолжай.

– Скажу иначе: пенсионного возраста. Думаю, школа не отправляла его на покой потому, что он был замечательным наставником для мальчиков. Чуточку похож на тебя, пап. Однако никакой связи между смертями Чарли Кавендиша и Хью Данмана я пока не вижу.

– Хью Данман? Эксперт по латинским рукописям четырнадцатого века?

– Да. Ты его знаешь?

– Я о нем наслышан. У Хью Данмана прекрасная репутация в своей области. Он учился в Оксфорде тогда же, когда я – в Кембридже. Один мой приятель общался с Хью весьма тесно. Хью Данман был знаменит своими безумными вечеринками.

– Серьезно?! То, что выяснила о нем я, никак не вяжется с образом тусовщика, – хмыкнула Джаз. – Все твердят, каким Хью был тихим. Интересовался лишь книгами.

– Джаз, мы учились в университете в начале шестидесятых. Поверь, от наших тогдашних выходок ты бы прослезилась.

– Это точно, – вставила мама.

– Да, Хью устраивал вечеринки. Я, наверное, даже посещал одну или две, но в те времена вечно ходил обкуренным, поэтому просто не помню.

– Том! – укоризненно воскликнула мама.

– Так и было, дорогая, ты ведь знаешь. Короче говоря… – Отец поскреб макушку. – По-моему, Хью, как и я, получил докторскую степень. Стал преподавать латынь в Оксфорде. В каком из колледжей, не скажу.

– Еще, папа, – попросила Джаз. – Все, что вспомнишь.

– Та-ак… Если я ничего не путаю и если вернуться на сорок с лишним лет назад… Был какой-то скандал. Хью покинул Оксфорд с подмоченной репутацией. Причину не помню, но знаю человека, который может меня просветить. Хочешь, спрошу?

– Хочу ли?! Еще бы! Пожалуйста, пап. Я уже сорок восемь часов топчусь вокруг Хью Данмана – и безрезультатно. Позвони своему другу, хорошо?

– Позвоню, – улыбнулся отец.

– А что, милая, охота на убийц в глубинке отличается от работы в центре? – полюбопытствовала мама.

– Очень отличается, – кивнула Джаз. – В нашем импровизированном штабе нет даже телефонной розетки, так что я не могу получить доступа к данным.

– Ох, беда! – в притворном ужасе посочувствовал отец. – Ведь до появления компьютеров преступления вообще не раскрывались.

– Раскрывались, но в гораздо меньшем количестве. И уж точно не так быстро! – возмутилась Джаз.

– Да я шучу. Думаю, тебе стоит чуть больше полагаться на свои аналитические способности и отличное чутье. Ты же знаешь, согласно моей теории, убийства совершаются по четырем мотивам: любовь, деньги, месть или страх. Все великие детективы превосходно разбирались в человеческой натуре. Ты – не исключение, милая. Не бойся использовать свой дар.

– Ты закончил читать лекцию дочери, Том? Или мне зайти попозже? – Мама подмигнула Джаз и поставила на стол поднос с кофе.

– Я поучаю? Прости, пожалуйста. Это все старость. За жизнь накапливаешь целое море знаний, но кому интересно слушать древнего мудреца? Я давно говорю: великий боженька ошибся, нам

следует рождаться старыми, а возвращаться к нему беспомощными невинными младенцами. – Отец зевнул.

– Пора вздремнуть. – Мама встала за креслом отца.

– Видишь? Как младенец. – Его глаза блеснули. – А можно сперва кофе?

– Нет, врач не разрешает.

– Слушаю и повинуюсь, матушка. До встречи, родная.

Том помахал дочери, и Селестрия повезла его в спальню.

Джаз налила кофе в две чашки, взяла свою, обняла ее ладонями. Вскоре рядом устроилась мама. Выглядела она очень усталой.

Некоторое время сидели в приятной тишине, пили кофе.

– Как он? – тихо спросила Джаз.

– Раздражителен, как всегда, – вздохнула мама. – В четверг был трудный день. У папы случился сильный приступ стенокардии. Меня дома не было. Вместо того чтобы звонить врачу, этот глупец дожидался моего возвращения. Я пришла, а он весь серый… Его положили на ночь в больницу Папворт. Утром отпустили, и папа первым делом начал жаловаться на некрасивых медсестер. – Она слабо улыбнулась.

– Мама, почему ты ничего не сообщила?

– Потому что у тебя началось расследование, а меня заверили, что он вне опасности. Ты все равно не могла ничем помочь.

– Ох, мам, до чего же тебе непросто…

– Ты же знаешь, ухаживать за папой мне совсем не в тягость. Только я очень боюсь однажды войти в дверь и увидеть, что он… – Селестрия не смогла договорить. – С ним должен кто-нибудь находиться днем, но я не могу бросить работу… иначе мы тут же станем бездомными.

– Может, пора присмотреть домик у моря, как предлагал папа? У тебя ведь есть деньги от книги.

– Есть. – Мама отпила кофе. – Когда-нибудь мы непременно так и сделаем. Просто учти, милая, мне лишь пятьдесят семь, а эти деньги – все наши сбережения. Я должна проработать здесь еще три года, чтобы получить полную пенсию. Папина от церкви – крохи, сама знаешь. К тому же… – Она вздохнула. – Тут папа чувствует себя живым. Не говоря уж обо мне. Я люблю свою работу. Она придает мне сил,

помогает не сойти с ума. Мне кажется, в коттеджном городке для пенсионеров мы оба свихнемся со скуки.

– Все может быть. Только, мам, ты слишком устаешь. Тебе не под силу и работать, и ухаживать за папой. Уговори его взять кого-нибудь в помощь. Пригрози домиком в коттеджном городке для пенсионеров, – улыбнулась Джаз.

– Ладно, хватит обо мне. Ты хорошо выглядишь, Джаз. Возврат к работе явно идет тебе на пользу.

– Пожалуй. – Джаз кивнула, бросила взгляд на часы. – Пора выдвигаться на встречу с парнем, которого мне сосватал папа.

– С Джонатаном? Он ужасно милый. Тебе понравится.

– Предпочитаю обходиться вообще без мужского пола, – поморщилась Джаз.

– Джасмин… – Селестрия взяла дочь за руки. – Не ожесточайся, прошу. Тебе причинили боль, понимаю, но на свете есть и хорошие мужчины. Они правда есть, милая.

В ответ Джаз сумела выдавить лишь тихое «м-м-м».

– Ты еще молода, можешь начать все заново, создать семью при желании. Ты ведь не откажешься от мужчин насовсем?

– Постараюсь. Знаю, тебе не терпится стать бабушкой.

Джаз обняла маму, та закатила глаза.

– Вот еще, мне хватает и того младенца, который спит сейчас в соседней комнате. Дело в тебе.

Джаз кивнула:

– Побегу, мам. На обратном пути заскочу попрощаться.

Глава двенадцатая

В воскресенье утром Дэвид открыл глаза на диване, где накануне уснул. Вспомнил вчерашнюю стычку в центре Фолтсхэма, застонал.

Полежал, разглядывая трещины на пожелтелом потолке и ругая себя за очередной срыв.

Сполз с дивана, доковылял до туалета и тут же извергнул содержимое желудка в унитаз.

В кухне включил бойлер. Надо принять горячую ванну, побриться и хорошенько поесть.

Похоже, этот козел Джулиан прочно вошел в жизнь Анджи. Значит, придется менять свое поведение, другого выхода нет. Вчера вечером Дэвид был почти уверен, что к нему вот-вот явится полиция и арестует за какое-нибудь надуманное словесное оскорбление. Мало того, Джулиан – потенциальный отчим Рори, о боже, и Дэвиду следует вести себя прилично, иначе его быстренько лишат права посещать сына.

Необходимо взяться за ум. Если не ради себя, то ради Рори.

Сейчас же.

Дэвид неспешно принял ванну, мысленно проговорил позитивную мантру, выученную в группе анонимных алкоголиков, и почувствовал себя лучше. Первым делом, безусловно, надо как можно скорее выбраться из этой унылой лачуги. Здесь даже уравновешенный человек впадет в депрессию. Денег достаточно, вполне можно снять приличное жилье. Просто руки не доходили.

Порывшись в шкафах в поисках еды и ничего не обнаружив, Дэвид съездил в магазин за продуктами.

Спустя час на столе дымилась солидная порция яичницы с беконом. Только Дэвид собрался подкрепиться, как в дверь тихонько постучали. Он испугался – полиция? Выглянул в кухонное окно.

Робкий стук повторился. Дэвид с бешено колотящимся сердцем подошел к дверям. Опасливо открыл прорезь почтового ящика, нагнулся. И вздрогнул от неожиданности – из отверстия смотрели глаза.

– Рори! Боже, ты перепугал меня до смерти!

Дэвид распахнул дверь, и в руки ему упал сын – в пижамных штанах, школьном джемпере и кроссовках.

– Папа, папа! – зарыдал Рори в грудь отцу.

Дэвид взъерошил спутанные волосы сына.

– Ну-ну, дружище, не так уж все и плохо…

– Плохо! Ужасно!

Дэвид усадил Рори на диван, сам устроился рядом, обнял худенькие плечи. Уточнил:

– Ты из-за Джулиана?

– Кого? – удивленно переспросил мальчик.

– Ну как же, мамин кавалер. Донимает тебя?

Рори покачал головой:

– Я даже не знал, что у нее есть кавалер, и не видел никакого Джулиана.

– Погоди… Ты разве не из дома? Джулиан был там с мамой, точно. Я встретил их вчера в городе.

– Нет, пап. Я с пятницы в изоляторе. Сильное расстройство желудка, врач не отпустил домой.

Дэвид разозлился:

– Замечательно! Мама даже не потрудилась сообщить мне о том, что ты не дома, да еще и болен. Она ведь обещала позвонить! – Большим усилием воли он подавил гнев. – Так как ты здесь оказался?

Рори вытер нос рукавом джемпера.

– Я убежал и назад не вернусь. Пожалуйста, папа, не отправляй меня туда! Пожалуйста!

– Ладно-ладно, успокойся. Тебя пока никто никуда не отправляет. Как ты вообще ко мне добрался?

– Пешком. Очень долго, и… Мне нехорошо.

– Еще бы. До школы добрых четыре мили. – Дэвид пощупал лоб сына. – Горячий. Сейчас найду лекарство, собьем температуру.

– НЕТ! – взвыл Рори. – Не надо таблеток! Они убили Чарли Кавендиша.

– Знаю, Рори, но у него была аллергия на конкретное лекарство. Для других оно совершенно безопасно, честное слово.

– Я не хочу никаких лекарств, – заупрямился сын.

– Хорошо. Дам тебе просто воды.

Дэвид нашел в кухне стакан, наполнил холодной водой, вернулся к Рори. Тот в изнеможении обмяк на диване – взгляд потух, лицо осунулось.

– Давай-ка попьем…

Дэвид приподнял голову сына, и Рори жадно осушил стакан.

– Вкусно, – пробормотал, укладывая голову на подлокотник. – Сестра-хозяйка в школе не давала мне много пить, чтобы меня не вырвало. Так спать хочется, пап, ужасно хочется спать.

– Отдохни, поговорим позже.

Дэвид сидел в кресле, смотрел на сына и размышлял. Как поступить? Раз Рори сбежал, сюда в любую минуту могут заявиться из школы. Надо позвонить в Святого Стефана немедленно, сообщить, что с Рори все в порядке, но Анджи с любовником вряд ли оставят сына у Дэвида после его вчерашней пьяной выходки в Фолтсхэме.

Грудь сына мерно двигалась вверх-вниз, он сладко спал.

Решение надо принять быстро.

Вскочив с кресла, Дэвид кинулся на второй этаж, пошвырял в сумку кое-какие вещи. Сдернул с кровати одеяло, загрузил все в машину.

Перенес на руках Рори, уложил его на заднем сиденье, укрыл одеялом, подоткнул. Сын на мгновение открыл глаза, спросил сонно:

– Куда мы, пап?

– В небольшое путешествие, Рори. Вдвоем.

* * *

Когда Анджелине сообщили об исчезновении Рори, Джулиан отказался сопровождать ее в школу.

– Отправляйся лучше без меня, дорогая. Ты ведь сама говоришь, что нам рано встречаться с Рори.

В результате Анджелина мчалась в Святого Стефана одна, сердце выскакивало из груди. Сестра-хозяйка с мрачным видом уже ждала во Флит-Хаусе.

– Не нашли? – выдохнула Анджелина.

– Нет. Сотрудники с учениками осматривают округу, но сегодня воскресенье, и людей мало.

Анджелина упала в ближайшее кресло и закрыла лицо руками.

– О господи, зачем, зачем Рори бежать? Вдруг его похитили? Или…

– Успокойтесь, пожалуйста, миссис Миллар. Скорее всего, он спрятался где-то в школе. Например, захотел побыть один. Я точно знаю, что его очень расстроила история с Чарли Кавендишем, а тут еще пищевое отравление, высокая температура, спутанное сознание… Вы связались с отцом Рори?

– По мобильному Дэвид не отвечает, а стационарного телефона у него нет.

– Пробуйте еще. Вам наверняка приходило в голову, что в последнее время мистер Миллар горел желанием увидеться с сыном. Звонил мне много раз.

– Нет, этого не может быть. – Анджелина покачала головой. – Дэвид даже не знал, что Рори в изоляторе. Думал, сын дома, со мной.

Сестра-хозяйка смерила Анджелину взглядом.

– То есть сообщать бывшему мужу о болезни ребенка не в ваших привычках?

– Рори ведь не при смерти! По крайней мере, если верить вам, – виновато огрызнулась Анджелина. – Вместо того чтобы меня критиковать, лучше объясните, как вы умудрились потерять доверенного вам ребенка?

– Я заведую Флит-Хаусом, миссис Миллар, а не изолятором. Заведующая изолятором сейчас подойдет. Она рассказала мне, что проведала Рори около десяти утра, он крепко спал. Она отправилась к себе в кабинет поработать с бумагами. Через двадцать минут заглянула к Рори вновь, но он исчез.

– Куда? Как? Должны же вы знать хоть что-нибудь!

– Напоминаю, здесь не тюрьма. Пара лестничных пролетов, входная дверь – и Рори на свободе.

– Если только никто его не забрал!

– Ну, раз вашего бывшего мужа мы исключили, эта версия маловероятна.

– Сестра, я слышала, полиция расследует смерть мальчика из общежития Рори. Вдруг у вас тут и правда бродит маньяк? Вдруг он забрал моего Рори? О боже! Где мой сын?!

Анджелина заплакала.

– Ну-ну, миссис Миллар, будем сохранять спокойствие. – Сестра-хозяйка похлопала Анджелину по плечу. – Давайте пройдем в гостиную мистера Фредерикса, выпьем чаю. Я сообщила директору, он уже идет сюда. Прошу, постарайтесь не волноваться. Я уверена, что с Рори все в порядке.

* * *

Спустя два часа, несмотря на все старания, Рори так и не нашли. Анджелина была в отчаянии. Роберт Джонс предложил ей спокойно посидеть у Фредерикса или подождать новостей дома, но она захотела подключиться к поискам.

Роберт Джонс стоял на пороге Флит-Хауса вместе с сестрой-хозяйкой и наблюдал за Анджелиной: та пересекла лужайку и ворвалась в часовню, зовя Рори.

– Дама в истерике. Мы можем вызвать кого-нибудь из друзей или родственников миссис Миллар? Пусть бы о ней позаботились.

– Она пытается дозвониться до бывшего мужа и, надо полагать, любовника, мистера Форбса, но ни тот ни другой не отвечают, – хмыкнула сестра-хозяйка.

Роберт вздохнул:

– Я объяснил ей, что нам помогают с поисками полицейские. – Он встревоженно посмотрел на собеседницу: – С Рори ведь ничего плохого не случилось?

Сестра-хозяйка возмущенно ответила:

– Ну, жилось ему тут несладко. Не удивлюсь, если Рори сбежал, бедняжка.

Директор, помедлив, спросил:

– У Рори были проблемы?

Глаза сестры-хозяйки сверкнули.

– О да, и, думаю, вам об этом известно, господин директор. Я, пожалуй, займусь работой. Мистер Фредерикс прервал прогулку с мальчиками, он уже спешит назад в школу на микроавтобусе.

– Я попрошу кого-нибудь из полицейских отвезти миссис Миллар домой и вместе с ней дождаться новостей.

– Хорошо, схожу за ней в часовню.

Сестра-хозяйка решительно зашагала через лужайку, но Роберт Джонс этого даже не заметил. Школа, а вместе с ней и его жизнь потихоньку разваливались на части…

* * *

Сидя на пассажирском сиденье, Анджелина молча глядела в окно. Машину вела женщина-констебль. Анджелина указала ей поворот к особняку и, когда они остановились, устало выбралась наружу.

– Мне пойти с вами, миссис Миллар?

– Нет, дома мой… партнер. Все будет хорошо. Спасибо за предложение.

– Мы сообщим вам, как только появятся новости. Постарайтесь сильно не волноваться.

Анджелина не ответила, побрела ко входу. Не успела приблизиться, как двери распахнулись. На пороге стоял Джулиан.

– Нашли Рори?

Она обессиленно покачала головой, сдерживая слезы.

– Я тебе звонила, хотела, чтобы ты приехал в школу, помог искать.

– Я был занят. Прости.

– Что значит «занят»?! – взвилась Анджелина. – У меня сын пропал! Может, он лежит где-нибудь мертвый, а ты говоришь «занят»! Боже мой!

– Анджелина, я…

Она проскочила мимо Джулиана, направилась к лестнице:

– Не трогай меня, Джулиан, оставь в покое!

* * *

К вечеру усталый, но радостный Дэвид прибыл в небольшую гостиницу на берегу озера Уиндермир. По дороге в Озерный край позвонил хозяйке из таксофона – на случай, если полиция уже пустилась в погоню и начала отслеживать звонки с мобильного.

Спросил, можно ли передвинуть бронь на более раннюю дату и приехать сегодня.

Неся сумки в номер, Дэвид с облегчением вспомнил замечание хозяйки, миссис Бертуистл, о том, что они – единственные гости.

– Как тебе вид, приятель? – Дэвид положил руки на плечи Рори и подвел его к окну.

На улице было темно, виднелись лишь огоньки яхт, покачивающихся на волнах в паре сотен ярдов от гостиницы.

– Завтра, если тебе станет лучше, заберемся на гору Скофелл-Пайк.

Дэвид развернул сына лицом к себе, крепко обнял, погладил по спутанным светлым волосам. Рори глянул на отца снизу вверх, грустно улыбнулся. Голубые глаза на бледном лице казались огромными.

– Да, папа, отведи меня на вершину мира и позволь больше не спускаться назад.

* * *

Они плотно поужинали стейком и запеканкой из почек в безлюдном ресторане гостиницы. Дэвид с радостью отметил, что Рори съел все до последнего кусочка. Щеки сына порозовели, он явно шел на поправку.

Миссис Бертуистл предложила Дэвиду вина, но тот устоял. Говорил в основном он, рассказывал Рори, как в детстве приезжал сюда с отцом и покорял самую высокую гору Англии.

После ужина они поднялись по узкой лестнице в номер. Дэвид уложил Рори в постель, укутал.

– Спокойной ночи, приятель.

Поцеловал сына, обнял. Рори вцепился в отца:

– Не оставляй меня одного, хорошо, пап?

– Конечно, не оставлю. Я тоже сейчас лягу. Для завтрашнего восхождения нам обоим понадобятся силы.

Рори сжал руку Дэвида, проговорил:

– Хорошо, что мы здесь, пап. У нас приключение, правда?

– Правда. Приключение на двоих.

– Я люблю тебя, папа.

– И я люблю тебя, дружище.

Дэвид сидел в неудобном кресле с высокой спинкой, смотрел на засыпающего Рори. Огромная любовь стискивала сердце железной перчаткой, по щекам текли слезы.

Анджи там наверняка сходит с ума… Дэвиду, конечно, очень хочется побыть с сыном подольше, но ей необходимо написать, что с Рори все в порядке.

Дэвид вынул из кармана мобильный телефон и принялся набирать сообщение бывшей жене.

* * *

Анджелина сдавленно всхлипнула от облегчения и влетела в кабинет Джулиана.

– Он в порядке! Рори жив!

Джулиан повернул голову от экрана компьютера, натянуто улыбнулся.

– Хорошие новости. Беглец прятался в каких-нибудь густых кустах на территории школы?

– Нет, он с отцом. Объявился у него на пороге сегодня утром. По словам Дэвида, с Рори все хорошо, ему просто хочется побыть с папой.

– Ясно. Так они в его страшненьком коттедже?

– Нет, уехали куда-то. – Анджелина обессиленно оперлась о двери. – Боже, передать не могу, какие только мысли не лезли мне в голову… Пойду позвоню в школу.

– Хм… – Джулиан скрестил руки на груди. – Зато я могу передать, какие мысли лезут в голову мне. Вчера твой неадекватный бывший муж, напившись, оскорблял меня на глазах у всего города. Угрожал мне убийством.

– О, ради бога, Джулиан! Он же не всерьез!

– Кто его знает, всерьез или нет. Я, конечно, понимаю твое облегчение от того, что Рори вроде бы в безопасности, но неужели ты и правда считаешь, будто Дэвиду в его нынешнем состоянии можно доверить мальчика?

Она ответила с недоумением:

– Дэвид, конечно, алкоголик, но он никогда не обидит Рори. Он в сыне души не чает.

– Прекрасно. Может, и не обидит, но я предлагаю тебе подумать над другими вариантами развития событий. Во-первых, Дэвид может сесть за руль пьяным. Во-вторых, может улизнуть с Рори за границу. В-третьих, тебе известно, когда Дэвид собирается вернуть Рори? И собирается ли вообще?

Анджелина сжала пальцами виски, затрясла головой:

– Хватит, Джулиан, перестань, пожалуйста! Это просто невыносимо! Я уверена, что Рори с отцом ничего не грозит.

Джулиан подошел, обнял Анджелину:

– Ну-ну. Прости, дорогая. Я не хотел тебя расстраивать. Просто юрист во мне привык видеть все в самом мрачном свете. Я не раз сталкивался с детьми, которых похитили отчаявшиеся родители. Ситуация с Рори очень похожа.

– Я сейчас напишу Дэвиду, задам вопрос, где они и когда вернутся. Я уверена, что вернутся.

– А если нет?

– Вернутся.

– Хорошо. Однако, если до завтрашнего утра Дэвид не ответит, тебе не останется ничего другого, кроме как обратиться в полицию. Иди звони в школу, я скоро к тебе присоединюсь. Закончу тут кое-что.

Джулиан легонько хлопнул Анджелину по попе, выпроводил из комнаты и вернулся за компьютер дописывать электронное письмо. Обычное хладнокровие изменило Джулиану; нажимая «Отправить», он заметил, что руки вспотели.

С тяжелым вздохом выключил компьютер.

Хорошо бы получить ответ до завтра.

Бог с ним, с мальчишкой… У Джулиана Форбса своих проблем хватает.

Глава тринадцатая

Через Большой двор Тринити-колледжа Джаз вернулась к домику привратника. Под аркой скучал необычайно высокий мужчина.

Подойдя сзади, Джаз коснулась его плеча:

– Здравствуйте, вы Джонатан?

Он вздрогнул от неожиданности, повернулся:

– Да. Простите, я ждал вас с другой стороны.

– Мама с папой живут здесь, в Большом дворе. Я у них обедала.

– Да, знаю. В смысле – знаю, где живут ваши родители. Как это я не сообразил… – Джонатан со смущенной улыбкой протянул руку: – Рад знакомству, инспектор Хантер.

– Зовите меня Джаз, пожалуйста.

Она улыбнулась. Для разнообразия приятно смотреть на человека снизу вверх. Рядом с этим мужчиной Джаз впервые почувствовала себя Дюймовочкой.

Она дала бы Джонатану чуть меньше тридцати. Традиционной красотой он не отличался: голубые глаза были чересчур близко посажены, а ястребиный нос длинноват. Острые как бритва скулы придавали новому знакомому несколько изможденный, богемный вид. Тем не менее выглядел он привлекательно.

– Идемте? – Джонатан махнул рукой.

– Да.

Он лихо зашагал вперед. Джаз поспевала с трудом: длинные ноги Джонатана прямо-таки заглатывали землю под собой с молниеносной скоростью.

– Здорово, что вы выкроили на меня время.

– Не знаю, чем я смогу помочь, но постараюсь, – улыбнулась Джаз, спеша за ним.

Джонатан остановился перед пабом, который пользовался популярностью у студентов и был хорошо знаком Джаз.

– Не против зайти? – серьезно поинтересовался Джонатан.

– Не против, – кивнула она.

Паб оказался пустым. Джаз села в углу, а Джонатан отправился заказать напитки.

– Белое вино, – объявил он, ставя перед ней бокал. – Не знаю, правда, хорошее ли. – Сам сел напротив, бережно сжал в больших ладонях пивную кружку. – Ваше здоровье. – И звякнул своей кружкой о бокал Джаз.

– И ваше. – Она улыбнулась, отпила. Вино отдавало уксусом. – Ну, выкладывайте. Что вас интересует?

– Ладно.

Джонатан выудил из вместительного кармана пальто диктофон и блокнот.

– Собираетесь записывать на пленку? – удивилась Джаз.

– Да. Не возражаете? Могу просто делать пометки в блокноте, если хотите.

– Смотря какие будут вопросы.

– Ничего из ряда вон выходящего. Отец, наверное, сказал вам, что моя диссертация посвящена системе уголовного правосудия в новом тысячелетии.

– Чувствую себя подозреваемой на допросе. – Джаз кивнула на диктофон. – Хорошо, давайте. Помогите мне ощутить себя по другую сторону баррикады.

Джонатан включил запись.

– Самый момент предупредить меня о последствиях и предложить вызвать адвоката, – улыбнулась Джаз.

– Точно, – согласился Джонатан. – Итак, мой первый вопрос. Находясь на передовой борьбы с преступностью, удовлетворены ли вы нынешней системой правосудия?

Джаз прикусила губу.

– Отец сказал вам, что это – моя излюбленная тема?

– Нет, но она наверняка близка любому полицейскому: месяцами вести расследование, готовить арест предполагаемого преступника, а затем смотреть, как он выходит из зала суда на свободу из-за какой-нибудь формальности.

Джаз ответила не сразу:

– Джонатан, мы можем повести беседу двумя путями. Если вы назовете мое имя в своей диссертации, тогда я стану придерживаться линии партии. Если же нет – и мы выключим эту штуку, – тогда мои рассуждения будут куда откровеннее. Что предпочтете?

Джонатан дотянулся до диктофона, остановил запись. Сказал с улыбкой:

– Я весь внимание.

Джаз начала, сперва осторожно, излагать свои мысли об источниках проблем. К ее удивлению, Джонатан был хорошо осведомлен и со знанием дела защищал систему:

– Ее слабое место – не коррупция, хоть я и согласен с вашими словами о злоупотреблении властью и о личных амбициях. Однако из своих прежних интервью я почерпнул, что от правосудия обычно ускользают из-за мелочной бюрократии и некомпетентных обвинителей, – вы, к примеру, видели недавний правительственный документ, предлагающий Королевской прокурорской службе урезать гонорар барристеров? Естественно, лучшие юристы предпочтут играть на стороне защиты – и на человеческих слабостях.

– К тому же система завалена апелляциями, – добавила Джаз. – Даже если обвиняемому выносят приговор, откуда ни возьмись появляется хитромудрый адвокат и машет притянутой за уши уликой: иногда материальной, но чаще – психологической.

– В смысле, «я не виноват, что стал убийцей, просто в младенчестве мать не кормила меня грудью»? – поморщился Джонатан.

– Угадали. Простите, я могу показаться безжалостной, однако безжалостна сама жизнь. У всех людей неидеальные детство и юность. У всех есть причины пойти и хладнокровно кого-нибудь убить. Слава богу, большинство так не поступает. Те же, кто поступает, должны нести ответственность за свои действия. Должны быть наказаны за то, что совершили.

– Согласен. Вы ведь и сами пережили горький опыт, Джаз, – тихо проговорил Джонатан. – Я знаю, что произошло с вашим отцом.

Джаз ненавидела эту тему – слишком живы были еще воспоминания о тех событиях.

– Да. Он был хорошим человеком, приходским священником, помогал неимущим. И что получил за свои труды? Пулю в спину. Стрелок же получил два года, а вышел через шесть месяцев. На основании ограниченной вменяемости. А через три недели напал вновь.

– Сочувствую. Просто нет слов. – Джонатан вздохнул. – Ничего, если я спрошу, что ваш отец делал тогда в Хакни? Я-то думал, он преподавал здесь богословие.

– Все верно. До двенадцати лет я росла в Кембридже. Затем папа объявил нам с мамой, что ему надоело учить богословию горстку студентов из среднего класса. Он желает идти в люди и применять на практике то, что проповедует. Папу посвятили в духовный сан, и мы переехали в Хакни. Из уютной кембриджской гимназии я попала в обычную среднюю школу Восточного Лондона. Настоящий культурный шок. Хотя это меня закалило.

– Верю. Вам не позавидуешь.

– Было трудно, да, но я безмерно восхищалась отцом. К тому же в той школе я выучила немало разных хитростей, которые не раз пригодились мне на нынешней службе.

– Например?

– Ну-у, это уж точно не для протокола. – Джаз усмехнулась: – Сделав всего один звонок, я могу раздобыть все, чего душа пожелает: стимулянт, барбитурат, бензос, план, экстази, кокс, героин…

– Так чего же мы ждем?

– Очень смешно.

– Шучу. Я таким не увлекаюсь – и никогда не увлекался.

– Ну а что еще вы могли сказать детективу? – поддела Джаз.

– Нет-нет, я сторонник честности. И, к счастью, наркотиков я сумел избежать. Честно, – повторил Джонатан.

– А я нет. Правда, не подсела. Перепробовала все. В моем учебном заведении это было… *de rigueur*, в порядке вещей. Как молока на перемене выпить.

– Обряд посвящения?

– Угу. Вроде того. Белые девочки из среднего класса… – Джаз вздохнула. – Я хотела вписаться в коллектив. Пребывание «по другую сторону» стало очень ценным опытом. Я понимаю, как непросто этим детям вырасти, стать относительно благополучными…

– Что же случилось с вашим отцом?

– Он, как обычно, слишком увлекся. Своей паствой, которая за время его службы выросла из нескольких старушек – божьих одуванчиков до трех сотен прихожан. Папа – очень харизматичная личность. Особенно много он помогал одной женщине, чей ребенок

умирал от лейкемии. Женщина обращалась к папе за духовной поддержкой, часто бывала у нас дома. Ее мужу, известному наркоторговцу, это не понравилось. Однажды он явился к нам и выстрелил в папу. Прямо у нас на кухне.

– Черт, – прошептал Джонатан.

– Папе повезло, что он вообще выжил. Во время операции у него случился инфаркт. Папа очень слаб – и слабеет с каждым днем.

– Тем не менее он – неотъемлемая часть Кембриджа. Известен своими глубокими познаниями, добрым сердцем и непристойными шутками. – Джонатан улыбнулся, в глазах сверкнул огонек.

– Папа – удивительный человек, – пробормотала Джаз. – Я люблю его безумно, несмотря на все недостатки.

– Желание творить добро не является недостатком, Джаз.

– Нет, конечно. Только жить со святым порой трудно. Маме пришлось пройти через многое.

– Не сомневаюсь. И вам тоже, Джаз, – мягко заметил Джонатан, внимательно глядя на нее.

– Ладно, сменим тему. – Джаз покраснела. – Вы хотели спросить о чем-то еще? У меня мало времени.

Получилось грубовато, но не специально, а из-за неловкости.

– Нет, пожалуй. Во всяком случае, пока. Мне надо домой, все записать. Вы согласитесь встретиться еще раз, если понадобится?

– Сейчас я очень занята. – Джаз встала.

Джонатан последовал ее примеру.

– Ведете расследование?

– Да.

– Интересное?

– Да. До свидания, Джонатан, надеюсь, я хоть немного вам помогла.

Она протянула ладонь для рукопожатия, он оставил это без внимания.

– Вы припарковались в Тринити?

– Да.

– Нам по пути, я живу в той стороне.

Джонатан вышел из паба первым.

Расстроенная Джаз шла молча. Как он сумел выудить у нее больше, чем она собиралась рассказать?

У домика привратника Джонатан остановился.

– Спасибо за уделенное время, Джаз. Я очень благодарен.

Взгляд голубых глаз на мгновение задержался на лице Джаз, затем Джонатан нагнулся и поцеловал ее в щеку.

– Ну, до свидания.

– До свидания.

Джаз поспешила прочь, в безопасную гавань родительской квартиры. Времени на раздумья не было – в дверях уже ждала Селестрия.

– Вот и ты, как хорошо! Отец отказался ложиться до твоего возвращения. Он обсудил Хью Данмана по телефону со старым приятелем. Входи.

– Джаз, родная. – Отец был бледен, но глаза сияли. – Я выяснил подробности о твоем трупе. Селестрия, капельку бренди мне и дочери для облегчения рассказа.

– Я не буду, пап. Мне еще машину вести. – Джаз устроилась в кресле.

– Ты тоже не будешь, Том. Ты свою сегодняшнюю квоту уже выпил.

– Наплюй на квоты и дай мне немного бренди.

Селестрия беспомощно посмотрела на дочь, затем вынула из шкафчика бренди, плеснула в стакан на донышко и отдала мужу.

– Спасибо, дорогая. – Он пригубил напиток. – Значит, так. Меня просветил насчет Хью Данмана один старый приятель, Криспин Уэнтуорт. Они вместе учились в Оксфорде, и, закончив докторантуру, оба получили преподавательскую работу. Ты ведь знала, что Хью был геем?

– Наверняка – нет, но эта мысль приходила мне в голову. Мужчина, который за всю жизнь так и не женился… вполне возможное объяснение.

– Позволь заверить, он совершенно определенно был стопроцентным гомосексуалистом. Криспин своего всегда распознает. – Отец улыбнулся. – В те времена в Оксфорде царили вольные нравы. Говорю же, начало шестидесятых, подобное творилось повсюду.

– Завидовать молодости собственных родителей ужасно, но я иногда завидую, – вздохнула Джаз. – Ладно, продолжай, пап.

– Хью Данман совершил немыслимое: влюбился в собственного студента. Юношу, разумеется. Повел себя глупо, не слишком скрываясь от высоких начальников. До тех в конце концов все дошло, и Хью тут же уволили.

– Понятно. Имя студента тебе известно?

Отец поднял руки, призывая к терпению.

– До этого я скоро дойду. Хью уехал за границу и исчез с радаров Криспина на год или два. После чего вдруг всплыл в школе Святого Стефана, преподавателем латыни.

– Поразительно. Как же его взяли в школу после увольнения из Оксфорда за отношения со студентом?

– Историю могли замять. Тогда такое случалось нередко. Вероятно, от Хью потребовали уйти быстро и без скандала, а взамен пообещали молчание. В те времена полицейские проверки и обширные рекомендации были не в моде, не то что сейчас. Словом, Хью каким-то образом попал в Святого Стефана.

– А молодой человек, в которого Хью влюбился? Кто он?

– О, тут все довольно интересно. Интересующего нас студента звали Корин Конот. Он злоупотреблял алкоголем и наркотиками, но, по словам Криспина, был юношей обаятельным, красивым и аристократичным. Мне представляется персонаж вроде Бози, любовника Оскара Уайльда. Корин разбил немало сердец, как мужских, так и женских.

– Бисексуал?

– Да, но погоди, послушай дальше, не то собьюсь. Хью Данман влюбился без памяти. По словам Криспина, Корин отвечал Хью взаимностью, и они довольно долго «встречались» – пока Хью не попросили уйти.

– Удивительно, что это наделало столько шума. Сам говоришь, в шестидесятые годы царили вольные нравы.

– Оно, конечно, так, да не совсем. Отношения между преподавателями и студентами запрещены по сей день. Некоторые правила неизменны во все времена. К тому же Корин происходил из именитой католической семьи. Пока он кутил, его отец, лорд Конот, умер. Во время очередной беспутной вечеринки Корину сообщили о том, что отец вот-вот покинет этот бренный мир, но Корин даже не удосужился съездить домой и поцеловать папочку на прощание. Мало

того, я уверен, что родители узнали о скандальной связи сына с Хью Данманом. В результате отец лишил Корина наследства, хоть тот и был старшим сыном. Оставил поместье и титул «запасному» варианту – младшему сыну Эдварду Коноту.

– Драматичная история, – вздохнула Джаз.

– Да, и конец у нее трагический, как и положено драме. Через несколько недель после смерти отца Корин, отчисленный из Оксфорда, вернулся домой. Младший брат Эдвард пожаловал старшему коттедж на землях поместья. Следующие пять лет Корин занимался тем, что пил и кололся, чем и довел себя до могилы. Умер в двадцать шесть лет, бедняга.

– Где находится поместье?

– Рядом с тобой, кстати. Где-то в Норфолке.

– Серьезно?

– Да, – с довольным видом кивнул отец. – Ну что, мэм? Я вам помог?

– Еще бы! Просто фантастика, пап. Теперь понятно, куда двигаться дальше. Это, наверное, объясняет неожиданное появление Хью Данмана в школе: раз его большая любовь поселилась в Норфолке, Хью последовал за ней?

– Вполне возможно. Надеюсь, эти сведения пригодятся тебе в работе.

– Безусловно. Поблагодари, пожалуйста, своего друга Криспина за помощь. Огромное спасибо, папа. – Джаз встала. – Я поеду. Пока, мам.

– Пока, милая. – Селестрия поцеловала дочь. – Держи нас в курсе.

– Хорошо.

Дойдя до машины, Джаз достала из багажника портфель и вынула оттуда бумажник с фотографией, найденной у постели Хью Данмана в лондонской квартире. Присмотрелась: красивое ангельское лицо, длинные светлые волосы… Перевернула снимок, еще раз прочла посвящение.

И поняла, что лицо это вовсе не женское – мужское.

Глава четырнадцатая

– Доброе утро, мэм. Как провели выходные?

Приехав в школу, Джаз застала Майлза за рабочим столом.

– Хорошо. А вы? – Она достала из портфеля ноутбук, подключила питание.

– Скакал по вечеринкам и валялся в постели с супермоделями, – ухмыльнулся Майлз. – Вообще-то я смотрел по телевизору крикет на Карибах, представлял, будто греюсь на солнышке. Так, директор запросил срочную аудиенцию. Эта чокнутая школа теперь может похвастать не только мертвым учеником и мертвым учителем, но еще и пропавшим ребенком.

Джаз оторвалась от экрана.

– Серьезно? Когда? Почему мне не сообщили?

– Вчера утром. Полагаю, с нами не связались, поскольку ребенка, оказывается, похитил отец, и школа, видимо, решила, что к расследованию это не имеет никакого отношения. Тут были местные ребята, они и помогали в поисках.

– Как зовут мальчика?

– Директор не сказал, но у него в кабинете сейчас мать похищенного. Я пообещал, что сразу же направляю вас к ним.

Джаз протянула Майлзу лист бумаги.

– Сможете раздобыть телефонный номер для этого адреса? Позвоните туда и предупредите о нашем скором визите.

– Так точно, мэм. Еще задания будут?

– Да. Выясните, куда запропастился сержант Роланд и почему он не проинформировал меня об исчезновении мальчика. И вызовите сюда Себастьяна Фредерикса через полчаса.

Джаз вышла, хлопнув дверью.

* * *

Секретарь директора выглянула из-за компьютера: лицо бледное, глаза круглые.

– Вас ждут, – кивнула она в сторону кабинета.

– Спасибо.

Напротив Роберта Джонса сидела хорошенькая миниатюрная женщина.

– Инспектор Хантер, доброе утро. Спасибо, что пришли. Это миссис Миллар, мама пропавшего мальчика.

– А кто?..

– Рори Миллар. Ваш сержант обрисовал ситуацию?

– Поверхностно. Здравствуйте, миссис Миллар. – Джаз пожала женщине руку. – Расскажите, пожалуйста, что произошло.

– Постараюсь.

Анджелина принялась сбивчиво излагать события последних суток. Дослушав до конца, Джаз кивнула:

– Хорошо. Значит, по факту ваш сын не пропал. Он с отцом, но вы не знаете, где именно.

– Я не получила ответа на сообщение с вопросом, где они, и мой… адвокат опасается, что из-за проблем с алкоголем у бывшего мужа, из-за его депрессии, стоит привлечь полицию. Думаете, стоит?

Джаз помнила Дэвида Миллара, отчаявшегося мужчину с безумным взором на пороге этого самого кабинета. Имя же самого Рори Миллара, с которым она никак не могла встретиться, всплывало в ходе расследования с досадной регулярностью.

– Если бывший муж не ответил на ваш запрос о местонахождении сына, тогда да, определенные причины для беспокойства есть. В то же время разве есть основания считать, что Рори в опасности, миссис Миллар? Он ведь с отцом.

Анджелина согласно моргнула большими голубыми глазами.

– Я так и сказала адвокату, но он настоял на встрече с вами.

– У вас есть предположения, куда бывший муж мог отвезти Рори?

– Нет. Мой адвокат боится, что Дэвид выехал с Рори за границу, но это невозможно, поскольку паспорт Рори дома.

– Это не исключает наличия у мистера Миллара дубликата.

– Правда? – Анджелина прикусила губу. – О боже.

– Я объявлю их в розыск. У вас, случайно, нет фотографий сына и мужа? Нужно их отсканировать.

– Да, Джули… адвокат предупредил, что вам понадобятся снимки. – Анджелина достала из сумочки конверт. – С Рори ведь

ничего не случится?

– Уверена, что ничего, но лучше попробуем их отыскать. Если у вас все, я займусь работой. Позже загляну и сообщу новости, мистер Джонс.

Джаз попрощалась короткой улыбкой и покинула кабинет.

* * *

Вернувшись в «штаб», Джаз вытряхнула из конверта фотографии. На первой был Дэвид Миллар, явно еще до того, как пристрастился к бутылке и пустил жизнь под откос. Джаз отложила снимок в сторону, перевела взгляд на фото Рори Миллара – и ахнула.

– Боже правый! – присвистнула она.

Порывшись в портфеле, нашла прозрачный файл с фотографией юноши, идентифицированного теперь как Корин Конот.

Положила ее рядом со снимком Рори и позвала Майлза. Тот уставился на фотографии.

– Ну как? – поинтересовалась Джаз.

– Ну и ну! Родственники?

– Это – Корин Конот, в прошлом любовник Хью Данмана, ныне покойный. А это – Рори Миллар, пропавший мальчик.

– Секундочку. Корин – «он», а не «она»?

– Да. Мой старый добрый папочка навел справки и исправил мое заблуждение. Похожи, правда?

– До жути, – подтвердил Майлз. – Они состоят в родстве?

– Пока не знаю. Мама Рори только что дала мне эти снимки. Вполне может оказаться совпадением. Фотографии часто обманчивы. Однако Рори надо найти поскорее. – Джаз вручила Майлзу снимки мальчика и отца. – Отсканируйте и объявите в розыск.

– Сделаю. В Конот-Холле нас ждут к одиннадцати. Я разговаривал с экономкой лорда Конота. Она оказалась не слишком приветлива, заявила, что его светлость – инвалид и гостей не любит.

В дверь постучали.

– Войдите!

В кабинете материализовалась фальшивая улыбка Себастьяна Фредерикса вместе с хозяином.

– Вы хотели меня видеть?

– Берите стул, присаживайтесь, мистер Фредерикс.

– Есть новости о бедном Рори?

– Пока нет. Расскажите-ка, мистер Фредерикс, почему вы не пресекали регулярные издевательства Чарли Кавендиша? В частности, его издевательства над Рори Милларом?

Себастьян пошевелил бровью.

– Кто вам такое сказал?

– Не важно. Прошу ответить на вопрос.

Он скрестил на груди руки.

– Возможно, вы слышали, что старина Чарли порой третировал младших мальчиков…

– Слышала неоднократно, мистер Фредерикс. Хотите сказать, это неправда?

– Не хочу. Однако выходки Чарли были беззлобными, и у меня совершенно нет ощущения, будто он как-то особенно цеплялся к Рори Миллару.

– Неужели? А тот случай, когда Кавендиш запер Рори в подвале на всю ночь? Не цеплялся, говорите?

– Послушайте, доказательств, что это сделал Чарли, не было, – неубедительно возразил Фредерикс.

– Зато вероятность была большая, так?

– Возможно, да. Только, инспектор, что я мог сделать без доказательств?

Джаз досадливо вздохнула.

– Вы проработали учителем двадцать лет, педагогом-воспитателем – больше восьми. У вас большой опыт подобных ситуаций. Даже друзья Кавендиша знали, что это он. – Джаз повернулась к Майлзу: – Верно?

– Да, мэм, – кивнул тот.

По лицу Фредерикса градом тек пот.

– Уверяю вас, инспектор, я наказываю мальчиков за травлю беспощадно. Однако раз за разом сталкиваюсь с одной и той же проблемой. Жертва настолько боится последствий, что не смеет указывать на обидчика.

– То есть Рори Миллар не говорил вам, что его запер в подвале Чарли Кавендиш?

– Нет. Да и как бы Рори узнал? Он находился по другую сторону двери. Тем не менее я видел, что мальчик страшно напуган. Это я его нашел. Приписал испуг байке, гуляющей по общежитию: о призраке мальчика, который якобы умер в том подвале. Рори, естественно, знал легенду. Когда я его отпер, он сам походил на привидение.

– Поразительно, что его никто не слышал. Рори наверняка кричал. Бедный ребенок, – добавил Майлз.

– Мальчики спят на третьем и четвертом этажах, а я, как вам известно, – в своем крыле. Должны мы были слышать крики или не должны, какая разница? Главное – мы их *не* слышали.

– Говорите, Рори был сам не свой? Вы тогда связались с его родителями?

– Безусловно. Это происшествие стало последней каплей. Рори уже довольно давно выглядел несчастным, замыкался все больше. Я считал, дело в психологической травме от развода родителей, но после случая с подвалом я понял, что пора с ними поговорить. Дабы не расстраивать миссис Миллар, которая чрезмерно опекает сына и излишне за него волнуется, я решил позвонить мистеру Миллару. Поговорил с ним на прошлой неделе.

– В данных обстоятельствах у миссис Миллар, похоже, есть все основания волноваться о благополучии сына, – процедила сквозь зубы Джаз. – Как среагировал Дэвид Миллар?

– Мы немного пообщались по телефону. Я изложил все очень сдержанно – пугать родителей ни к чему. Посоветовал мистеру Миллару побеседовать с сыном, попробовать выспросить у него, в чем дело. Затем попросил Рори позвонить отцу.

– Рори позвонил?

– Помню, я видел его у общежитского таксофона… в четверг, да, за день до того, как умер Кавендиш.

– Однако вы не знаете, с кем именно говорил по телефону Рори?

Фредерикс пожал плечами:

– Нет, не знаю, но ведь… в общем… – Он почесал голову.

– Да, мистер Фредерикс?

– Я тут подумал… Назавтра после разговора Рори по таксофону, то есть в пятницу, в день смерти Чарли, я вечером отправился на встречу. Примерно в половине восьмого. Отъезжая от школьной стоянки, я заметил Дэвида Миллара, он как раз выходил из машины.

– Понятно.

– В тот вечер было много родителей, поскольку в часовне давали концерт. Рори поет в хоре, и Миллар вполне мог приехать послушать. Однако… – Фредерикс вновь пожал плечами. – Раньше я его в часовне не видел.

– Я так понимаю, к вашему возвращению машины мистера Миллара на стоянке уже не было? – предположила Джаз.

– Конечно. Я ведь вернулся в полночь или около того. Послушайте, инспектор, я ни на что не намекаю, но вдруг Рори поделился с отцом своими подозрениями насчет того, что в подвале его запер Кавендиш?

– То есть Чарли все-таки издевался над Рори, вы признаете? – спросила Джаз.

– Мальчики часто подкалывают друг друга. Одни это выдерживают, другие – нет. Суть в том, что Рори не выдерживал. И – да, – вздохнул Фредерикс, – мне следовало вмешаться раньше, я признаю. Теперь вот Рори сбежал… хотя… – Он вдруг озадачился.

– Что?

– Не сходится. Ведь если Чарли изводил Рори, тот должен теперь радоваться! Мучителя больше нет. Зачем же Рори бежать?

– Понятия не имею. – Джаз предпочла сменить тему, не желая обсуждать нюансы расследования с возможным подозреваемым. – Мистер Фредерикс, должна спросить еще раз: где вы были в пятницу вечером?

– Я и правда не могу сказать.

– Вы в курсе, что утаивать информацию, важную для полицейского расследования, – это правонарушение?

– Могу лишь повторить, инспектор: мое местонахождение в пятницу вечером не имеет отношения к вашему расследованию.

– Позвольте судить об этом мне, мистер Фредерикс. Я считаю, что имеет. Ведь именно вы перед уходом положили на тумбочку Чарли Кавендиша эпилим. У нас нет доказательств того, что вы его не подменили.

– Зачем же тогда мне было признаваться, что это я принес таблетки?!

– Затем, что это – факт, зафиксированный в лекарственной ведомости. К тому же вы могли думать, что смерть Чарли сочтут

естественной, спишут на эпилепсию…

– Мы действительно все так думали, инспектор…

– И что ваши действия не подвергнут сомнению…

– Вы меня обвиняете? – Фредерикс резко встал.

– Нет. Разумеется, нет. Я лишь советую проявить благоразумие и рассказать, где вы были в тот вечер. Ваше молчание не развеивает подозрений, а добавляет их.

Фредерикс рухнул назад на стул.

– Я не могу. Просто не могу.

– Тогда мне, возможно, придется арестовать вас за препятствование правосудию. Полагаю, вы кого-то защищаете, но хочу предостеречь: тем самым вы ставите под удар собственную незапятнанную репутацию, как воспитатель и человек, несущий прямую ответственность за безопасность Чарли Кавендиша. Раз вы отказываетесь предоставить алиби и подтвердить свое присутствие в некоем другом месте, у меня нет доказательств вашего отсутствия в школе. – Джаз взглянула на часы. – Спасибо за уделенное время.

Фредерикс кивнул и вышел без единого слова.

Джаз надела пальто, поискала в кармане ключи от автомобиля.

– Что скажете, мэм? – Майлз выглянул из-за ноутбука.

– Он не сможет хранить молчание вечно. – Джаз принялась рыться в портфеле. – Ума не приложу, почему Фредерикс смотрел сквозь пальцы на склонность Кавендиша третировать малышей, но… Да что ж такое! Куда я сунула ключи? Отвезете меня? Обсудим кое-что по дороге.

* * *

Майлз выехал на главную дорогу к западу от Фолтсхэма в направлении Кингс-Линн, и из-за туч наконец пробилось солнце.

– Ну а вы что думаете о Фредериксе? – спросила Джаз.

– Скажу так: оказаться под ним в свалке на регбийном поле я бы не хотел, – поморщился Майлз. – Значит, Дэвид Миллар был в школе в ночь смерти Чарли? Неужели Рори по телефону пожаловался на Чарли и Миллар убил его из мести? Знал ли Дэвид Миллар о реакции Чарли на аспирин?

– Всех мальчиков во Флит-Хаусе предупреждают об аллергии других ребят, от арахиса до одеколона, – ответила Джаз. – Рори вполне мог упомянуть аллергию Чарли при отце. В общем, Рори нам определенно нужен. Чутье подсказывает, что Миллар-младший во всем этом замешан. А он прямо неуловимый какой-то.

Майлз расплылся в улыбке.

– Как в старые времена, мэм.

– В смысле?

– Ваше чутье никогда не подводит. Команда доверяла ему безоговорочно.

– Правда? – рассмеялась Джаз. – Если честно, то я пока ничего не понимаю, бреду в непроглядном тумане.

– Из тумана скоро выберетесь, мэм, как всегда. – Майлз резко повернул налево. – Кажется, нам сюда. Экономка говорила, сразу за автомастерской.

Он въехал в просторные кованые ворота со сторожкой. Дорога вилась между лугами, усеянными старыми дубами. Машина миновала озеро, поблескивающее в слабых лучах солнца, и наконец подкатила к особняку.

– Вот это да, прям-таки Брайдсхед… – пробормотал Майлз и направил автомобиль вдоль круглого пруда, в центре которого размещался замшелый фонтан в виде трубящего в рог юноши.

– Правда, довольно уродливый Брайдсхед. Думаю, позднее викторианство.

Джаз оглядела прямоугольный дом красного кирпича; множество окон, изучающих гостей невидящим взглядом; крышу с горгульями, чьи зловещие морды выщербило время.

– Идеальные декорации для готического фильма ужасов, – заключила Джаз.

– Скажем так: счета за отопление тут заоблачные, – пошутил Майлз, когда они поднимались к парадному входу.

Джаз позвонила. Над звонком красовалась ржавая табличка с надписью: «Торговцы – к заднему входу».

Дверь открыла женщина средних лет, одетая в черное платье.

– Доброе утро. Инспектор уголовного розыска Хантер и сержант Майлз к лорду Коноту, – сообщила Джаз.

– Прошу.

Женщина впустила их в строгий холл с высокими потолками и уходящим вдаль клетчатым мраморным полом. Следуя за ней по лабиринту темных коридоров, Джаз поежилась: в доме было холоднее, чем на улице.

Женщина остановилась перед тяжелой дубовой дверью и повернулась к гостям:

– Я предупредила лорда Конота о вашем появлении, но учтите – у него слабое здоровье. Пару лет назад его светлость упал с охотничьей лошади, теперь прикован к инвалидному креслу. Затем начался артрит, и у лорда Конота сильные боли. К тому же совсем недавно он понес тяжелую семейную утрату.

– Мы его не задержим, обещаю, – заверила Джаз.

Женщина кивнула, постучала в дверь.

– Входите.

Джаз с Майлзом очутились в уютной комнате, обшитой дубовыми панелями, которая разительно отличалась от строгой обстановки остального дома. Стены украшали яркие рисунки на тему охоты, на полу лежал потертый ковер с рисунком под шотландку, а в камине весело потрескивал огонь. По обе стороны от камина тянулись вверх до самого потолка стеллажи, плотно и неряшливо забитые книгами. Пахло мокрой собакой; сама она нежилась в тепле перед очагом.

Неподалеку в инвалидном кресле сидел Эдвард Конот, на коленях у него лежала газета «Телеграф». Рядом стоял столик, заваленный растрепанными журналами «Сельская жизнь» и пузырьками с таблетками.

Хозяин со слабой улыбкой протянул руку:

– Эдвард Конот. Приятно познакомиться. Располагайтесь, пожалуйста.

Он указал на старый диван, весь в собачьей шерсти, развернул кресло лицом к гостям и сказал:

– Не представляю, зачем я вам понадобился. Неужели что-нибудь натворил? – Лорд хмыкнул. – В моем возрасте остается только мечтать.

– Нет, лорд Конот, вам не о чем беспокоиться.

– Прошу, зовите меня Эдвардом. Чем же я могу помочь?

– Нас интересует ваш брат Корин, – сказала Джаз.

– Он ведь мертв. – Эдвард помрачнел. – Бедняга. Уже лет сорок как.

– Мы знаем, сэр. Видите ли, на днях умер один старый друг Корина, – пояснил Майлз. – Коронер подтвердил самоубийство, однако мы считаем, что эта смерть связана с делом об убийстве, и потому хотим поговорить о вашем брате.

– Ясно, – вздохнул Эдвард. – Как зовут друга?

– Хью Данман, – ответила Джаз.

– Ну конечно, – кивнул Эдвард. – Они были… хорошими друзьями.

– Тогда, сэр, начать придется с вопроса: знали ли вы об их необычайно близких отношениях?

– Боже милостивый, да. Конечно, знал. И я, и все семейство. – Эдвард пристально посмотрел на гостей. – Можно сказать, отчасти именно из-за Хью Данмана я был вынужден поселиться в этом проклятом мавзолее и посвятить ему всю свою жизнь. Корин – мой старший брат. Ему и полагалось унаследовать поместье. Вы в курсе?

– Да, сэр, в курсе, – сочувственно подтвердила Джаз.

– Винить других в собственных ошибках, конечно, не следует, но грешки Корина, вне всякого сомнения, сказались на мне. – Эдвард Конот вздохнул: – В Оксфорде брат пристрастился к наркотикам и сексу. В результате отец перед смертью лишил Корина наследства.

– Значит, вы помните Хью Данмана тех времен?

– О да. Он следовал за Корином по пятам, точно безумно влюбленный ребенок. Корин его тоже любил, но, по-моему, для Хью их отношения значили куда больше.

– По моей информации, Хью якобы попросили уйти с должности лектора в Оксфорде из-за неподобающей связи с вашим братом, – добавила Джаз.

– Я не удивлен. Впрочем, одно знаю точно: каков бы ни был характер их отношений, Хью очень старался помочь Корину побороть наркотическую и алкогольную зависимость. Даже поселился вместе с Корином в коттедже, который я выделил брату после исключения из Оксфорда. Хью нянчился с Корином, не жалея сил, но тому было уже не помочь, увы. Он умер, приняв смертельный коктейль из героина и алкоголя. Бедняга, так бездарно растратил жизнь… Ему было всего

двадцать шесть. – Эдвард помолчал. – Знаете, я порой задаюсь вопросом: может, наша семья проклята?

– Почему, сэр? – осведомился Майлз.

– На прошлой неделе случилась еще одна трагедия, связанная с семьей. Говорите, Данман лишил себя жизни… У него была депрессия?

– Мы пока не знаем. Могу я попросить вас держать информацию о самоубийстве при себе, сэр, пока мы не уточним все обстоятельства? Буду благодарна. – Джаз улыбнулась.

– Хью по-прежнему работал в Святом Стефане. – Это прозвучало как утверждение.

– Да.

Эдвард внимательно посмотрел на нее умными серыми глазами.

– Вы не разглашаете эту информацию, потому что связываете смерть Хью со смертью Чарли?

– Вы прочли о Чарли в газетах, сэр? – уточнил Майлз.

Эдвард Конот мрачно усмехнулся:

– Да, но о его смерти я узнал не из газет. Чарли Кавендиш – мой племянник.

– Племянник?! – изумилась Джаз.

– Конечно. Простите, инспектор, я полагал, вы знаете. Думал, вы приехали из-за него.

– Примите мои извинения за неведение – а также запоздалые соболезнования, – сбивчиво проговорила Джаз, заливаясь краской.

– Откуда бы вам знать? Адель и Чарли – Кавендиши, по фамилии того ужасного человека, которого она выбрала в мужья. Вполне понятно, что вы еще не успели изучить семейное древо Чарли. Адель, кстати, приедет ко мне на этой неделе. Будем решать, что теперь делать с этим проклятым поместьем. Чарли был нашим единственным наследником. Других родственников мужского пола не осталось. Многих уничтожила Вторая мировая война, а у выживших – сплошные девочки.

– Так Адель?..

– Моя сестра, да. Тринадцатью годами младше меня, могу добавить, и пятнадцатью годами младше Корина. Когда он умер, ей было одиннадцать.

– Почему же поместье не унаследует она? – поинтересовался Майлз.

– Комитет по равным возможностям наверняка однажды постановит, что женщины могут наследовать титулы и имения, но на сегодняшний день действует принцип первородства. Примогенитура. Наследник должен быть мужского пола. Следовательно, несколько дней назад ветвь Конотов, увы, оборвалась.

– Ясно, сэр.

– У вашей сестры есть коттедж в Клее? – спросила Джаз.

– Нет. Во время визитов в Норфолк она останавливается у меня. Здесь полно места, – криво усмехнулся Эдвард. – А что?

– Я видела ее недавно в Клее, она заносила покупки в дом.

– Правда? Видимо, очередная благотворительная миссия Адели – привезла продукты для престарелых. Или просто навещала друзей. Удивительно, что мне она не сообщила о своем визите в Норфолк. Впрочем, я сестре не сторож.

– Да, – коротко ответила Джаз, не давая Эдварду развить тему.

– Теперь у вас, наверное, возникает вопрос: почему и Чарли, и Хью Данман, который, нравится нам это или нет, тоже связан с семьей, умерли с разницей в несколько дней?

– Да. Однако само наличие такой связи уже задает расследованию новое направление.

– По словам Адели, Чарли умер от анафилактического шока. Это правда? – спросил Эдвард.

– Правда. Мы пытаемся выяснить, каким образом Чарли проглотил смертельный для него аспирин. Не могли бы вы поделиться своим мнением о племяннике?

Эдвард задумался. Наконец сказал:

– Чарли очень походил на отца, которого я никогда не жаловал. Вот. Я ответил на ваш вопрос?

– Да. Тем не менее после своей смерти вы собирались передать имение Чарли?

– Милостивая госпожа, можете ли вы представить себе целые поколения отцов, в отчаянии взирающих на своих наследников? Мой отец оказался человеком относительно прогрессивным: решил передать имение мне, младшему сыну. Однако у отца был выбор. В подобных случаях родовое имя и династия важнее всего. Пусть я и

недолюбливал Чарли, но как знать – вдруг он превратился бы в хорошего землевладельца и породил множество здоровых сыновей? Вероятно, поместью не помешала бы толика нахрапистого капитализма. Мы в новом тысячелетии как-никак. Ответственность сделала из меня мужчину. Она могла повлиять и на Чарли.

– А ваша мать? Еще жива? – спросила Джаз.

– Очень даже. Думаю, она и меня переживет. – Эдвард улыбнулся. – Матушка обитает в восточном крыле, относительно здорова для своих восьмидесяти семи лет.

– Вы не станете возражать, если мы ее навестим?

Он вздохнул:

– Мы ей не говорили о смерти Чарли. Не спешили огорчать. До тех пор, пока мы с Аделью не решим дальнейшую судьбу поместья, матушку волновать не будем.

– Понимаю, – кивнула Джаз. – Все же мне бы ее повидать, и поскорее.

– Тогда позвольте, я подготовлю маму, сообщу новости сам. Скажу также, что вы хотите расспросить ее о недавно умершем старом друге Корина. Она обрадуется. Корин был ее любимчиком, – резковато добавил Эдвард.

– Неловко вас подгонять, но вы ведь свяжетесь с нами, как только поговорите с ней?

Эдвард кивнул:

– Дайте мне пару дней.

– Конечно.

Джаз встала, пожала Эдварду руку. Майлз – тоже.

– Похоже, я мало чем помог. Если вы выясните что-нибудь интересное, прошу, позвольте мне поучаствовать. Видите ли, история – мой конек. После падения с лошади я в основном провожу время за изучением родословной Конотов. Было бы полезно включить в мою книгу не только древних членов семьи, но и современных.

– Обещаю держать вас в курсе. Последний вопрос, сэр. У Корина ведь не было детей?

– Насколько мне известно, нет. – Эдвард удивленно поднял бровь. – А что?

– Я просто уточняю.

– Будь у него дети, я бы спал спокойнее, не переживал бы так за судьбу поместья, – вздохнул он.

– Понимаю, – согласилась Джаз.

– Что ж, – кивнул Эдвард. – Всего доброго.

* * *

Экономка проводила гостей к выходу. Пока они находились внутри, солнце спряталось за тучи, подул пронизывающий ветер, начал моросить дождь. Спустившись с крыльца, Джаз оглянулась на дом. Она могла бы поклясться, что в верхнем окне левого крыла мелькнул чей-то силуэт.

Джаз невольно вздрогнула и нырнула в приветливое тепло машины.

Глава пятнадцатая

Через двадцать минут Джаз подъехала к дому Анджелины Миллар. Дверь открыл высокий, безукоризненно одетый мужчина. Лет тридцати пяти, с классически красивым лицом, четко очерченной линией подбородка и густыми, аккуратно причесанными черными волосами.

– Что вам угодно? – резко спросил незнакомец.

– Здравствуйте, сэр. Я инспектор уголовного розыска Хантер. Приехала к миссис Миллар. Это ведь ее дом?

– *Наш* дом, да. – Брюнет наконец протянул руку. – Джулиан Форбс. Я партнер Анджелины. Тоже здесь живу. Входите, пожалуйста. Я отправил Анджи наверх отдохнуть, но сомневаюсь, что она спит. – Он провел Джаз через прихожую в гостиную. – Подождите здесь. Я гляну, как она там.

Джаз побродила по комнате, отметила, какое все тут чистенькое, безупречное.

Словно новые декорации, даже запах краски еще не выветрился. Джаз обратила внимание на аккуратно расставленные фотографии: ангелочек Рори с мамой – только с мамой, ни одного снимка с отцом.

Появление на сцене нового кавалера, разумеется, усложнило жизнь.

Как, интересно, чувствуют себя дети разведенных пар, когда фотографии одного из родителей убирают из виду и заменяют снимками другого, нелюбимого и незнакомого лица?

Едва Джаз устроилась на краешке дивана, как Джулиан привел Анджелину.

– Здравствуйте, миссис Миллар.

Даже усталая, Анджелина выглядела безукоризненно. Идеальная пара, решила Джаз.

– Есть новости?

В ее взгляде читались одновременно и страх, и надежда. Джаз видела такое не впервые.

– Пока нет.

– Ох…

Плечи Анджелины поникли, она села рядом с Джулианом. Тот чопорно взял ее за руку.

– Видимо, ни Рори, ни ваш муж на связь не выходили?

– Нет. Ни слова. Я… – Анджелина прикусила губу, сдерживая слезы. – Я отправила миллион сообщений на мобильный Дэвида, но он не отвечает.

– Мы установим на ваш мобильный и домашний телефоны специальное устройство, миссис Миллар. Если муж позвонит, постарайтесь говорить с ним как можно дольше. Мы попробуем определить его местонахождение через телефон.

Анджелина покачала головой:

– Дэвид не позвонит, я уверена. Он получил Рори – и не захочет его отдавать.

– Инспектор Хантер, какие действия ваши ребята предпринимают по этому поводу? – грубовато спросил Джулиан.

– Мы объявили обоих в розыск и разослали во все полицейские участки страны фотографии, полученные от миссис Миллар.

– Тоже мне решение! – фыркнул Джулиан. – Ради всего святого, каждый день пропадают сотни людей, их фотографиями забиты все компьютеры. Здесь же речь о похищении, которое совершил отец, агрессивный и психически неуравновешенный! Мы понятия не имеем, что он сделает мальчику! – Джулиан стиснул руку Анджелины. – Прости, дорогая, это следовало озвучить.

Джаз проигнорировала Джулиана и обратилась к Анджелине:

– Вы считаете своего бывшего мужа агрессивным человеком, способным причинить вред Рори?

Та подняла взгляд на Джаз, в глазах застыла мука. Наконец ответила:

– Нет. У Дэвида проблемы с выпивкой, но сына он обожает, чуть ли не до одержимости.

– То есть Дэвид одержим Рори? – не отступала Джаз.

– Нет, простите, я имею в виду… Дэвид очень любит Рори, как любой нормальный отец. Для него развод стал тяжелым испытанием. Это я виновата. Должна была понимать, в каком Дэвид отчаянии.

– Миссис Миллар, вам известно что-нибудь о травле, которой Рори подвергался в школе?

Анджелина округлила голубые глаза.

– Нет, неизвестно. По крайней мере, Рори ничего мне не рассказывал.

– Травля есть в любой школе, Анджелина, – вставил Джулиан. – Она была в Святом Стефане и в мое время. С ней надо научиться жить, а не плакаться родителям. Травля закаляет для будущих испытаний.

– Рада заметить, что большинство нынешних школ с вами не согласились бы, мистер Форбс, – холодно ответила Джаз, раздраженная его бесчувствием. – Для них решение этой проблемы – задача первостепенной важности, и я уверена, что школа Святого Стефана – не исключение.

– Не сомневаюсь. Я лишь о том, что искоренить травлю до конца невозможно. Мальчики всегда останутся мальчиками. – Джулиан похлопал Анджелину по ладони. – Рори наверняка ничего тебе не рассказал бы, дорогая, так что не кори себя за незнание.

– Зато Дэвид мог знать. Потому-то он и примчал сюда на прошлой неделе, из-за странного телефонного звонка Рори. Дэвид за него волновался, хотел обсудить со мной…

– Я выставил его за дверь, – заявил Джулиан. – Он был ужасно пьян, и я не собирался терпеть его в своем доме. В следующую нашу встречу Дэвид орал на весь Фолтсхэм, грозил меня убить.

– Дорогой, это не совсем так. Он сказал, что убьет тебя, если ты тронешь Рори хоть пальцем. Дэвид тогда только про нас узнал. Вряд ли его стоит винить.

– Ради бога, Анджелина, вы с Дэвидом разведены. Не его дело, чем ты занимаешься и с кем проводишь время, – огрызнулся Джулиан.

– Миссис Миллар, сегодня Себастьян Фредерикс сказал мне, что ваш сын подвергался травле со стороны Чарли Кавендиша, который недавно умер. Его имя Рори упоминал?

– Нет, никогда. Почему мистер Фредерикс не сообщил мне? Я ведь мать Рори!

– Не знаю, – ответила Джаз, не желая вдаваться в подробности. – Значит, вы не догадывались о школьных проблемах сына?

– Господи… – Анджелина заломила руки. – Последнее время он стал замкнутым. Я думала, из-за развода. Бедный Рори. Почему он ничего мне не сказал?!

– Увы, дети часто скрытничают. К тому же вы вверяете ребенка заботам других взрослых и предполагаете, что они будут проявлять

ответственность, вести себя *in loco parentis*, по-родительски, и в случае необходимости предпринимать должные меры.

– Вот именно, – поддакнул Джулиан. – Если уж кого и винить, то школу.

– Я же мать. Должна была заметить. Дэвид чувствовал – что-то не в порядке. Потому и приезжал сюда.

Анджелина посмотрела на Джулиана, сидевшего с бесстрастным лицом.

Джаз решила перейти к делу:

– В вечер смерти Чарли Кавендиша мистер Фредерикс видел вашего бывшего мужа. Тот парковал машину на школьной стоянке. В часовне давали концерт хора, где участвовал и ваш сын. Вы там были?

– Да.

– А бывшего мужа видели?

– Нет. Хотя когда он приезжал сюда, то говорил о своих планах посетить школу и найти Рори. – Анджелина тяжело вздохнула. – У меня просто в голове не укладывается… Инспектор, Дэвид ведь не пил уже много месяцев. Ходил на встречи анонимных алкоголиков. Я знаю, потому что дружу с женой его врача. У них ребенок – ровесник Рори.

– Дорогая, на самом деле ты понятия не имеешь о том, чем занимался Дэвид. В последнее время вы почти не виделись, и ты не можешь делать выводы о его пристрастиях. К нам он точно заявился в стельку пьяным.

Анджелина не ответила.

Джулиан обратился к Джаз:

– Инспектор, значит, вы полагаете, Дэвид Миллар откуда-то узнал об издевательствах Чарли Кавендиша над Рори и устроил самосуд?

Джаз наградила Форбса ледяным взглядом.

– В данных обстоятельствах такую вероятность исключить нельзя.

– Дэвид? Убил? – наконец сумела выдавить Анджелина и затрясла головой, словно отгоняя туман: – Бред! Да, он пил и страшно расстраивался из-за потери работы, семьи и ежедневного общения с сыном, но нельзя же из-за этого называть Дэвида убийцей! Инспектор Хантер, прошу вас, послушайте, он – добрый, мягкий человек, а не убийца!

– Дорогая, – Джулиан развернул Анджелину к себе, взял за руки, – пожалуйста, будь с собой честна. Я могу поверить, что в трезвом

состоянии Дэвид – человек мягкий, но ты вспомни ночь после его увольнения. Не говоря уж о следующем утре, когда он буянил под домом, кричал, бил окна, хотел вломиться.

Джулиан повернулся к Джаз:

– Вы только представьте, несколько месяцев тому Анджелине пришлось оформить судебный запрет против бывшего мужа! Он вел себя агрессивно по отношению к ней, и она очень боялась. Правда, дорогая?

Анджелина потерла висок.

– Тогда ведь были смягчающие обстоятельства…

– Согласен, – успокоил ее Джулиан. – Только беда в том, что в данной ситуации тоже имеются смягчающие обстоятельства. Ты сама говорила – Дэвид был одержим благополучием Рори. Если рассуждать здраво, то Дэвид, заправившись спиртным по самое горло, вполне мог воспылать желанием наказать этого Чарли.

Анджелина потрясенно уставилась на Джулиана.

– Не верю… Нет! – Она покачала головой.

– Миссис Миллар. – Джаз решила вмешаться в этот диалог, управляемый Джулианом. – Понимаю, вам сейчас нелегко, и не хочу ничего усугублять. Однако я действительно считаю, что поиски Рори и вашего бывшего мужа надо активизировать. Есть у вас предположения, куда Дэвид повез сына? Какое-нибудь особое место, которое Дэвид посещал или планировал посетить?

– Он надеялся уехать с Рори на каникулы – и сердился, что я хочу забрать его кататься на лыжах. Только я, к сожалению, не спрашивала, куда именно Дэвид думал уехать…

– Он любит какую-нибудь определенную часть страны? Например, отдыхал там в детстве?

– Знаю, что Дэвид обожает ходить в горы. Он бывал с отцом повсюду: Уэльс, Шотландия, Озерный край… Твердил, что научит и Рори, когда тот подрастет. – Анджелина пожала плечами.

– А где родители Дэвида?

– Отец умер несколько лет назад, а мать – недавно.

– Близкие друзья? Братья, сестры?

– Дэвид – единственный ребенок. И близких друзей нет. Он, скорее, одиночка.

– К тому же, – встрял Джулиан, – Дэвид сообразит, что у друзей и родственников станут искать в первую очередь.

– Мистер Форбс, по-вашему, Дэвид и правда сбежал. Хотя он может считать, по вполне понятным причинам, что им с сыном просто надо побыть немного вдвоем, и собирается вскоре вернуться.

Джаз закрыла блокнот и повернулась к Анджелине:

– Хорошо, на этом пока все. Как только появятся новости, я сообщу.

Та медленно кивнула:

– Только бы мой мальчик вернулся… Вы ведь не думаете, что он в опасности, инспектор?

– Рори с отцом, который, судя по вашим рассказам, души в сыне не чает. – Джаз встала. – Я попрошу кого-нибудь из коллег позвонить вам, когда уладится вопрос с установкой «жучков» на телефоны. Не провожайте, я найду выход.

Майлз ждал в машине.

– Выяснили что-нибудь интересное? – спросил он, заводя двигатель.

Джаз ответила, глядя в окно:

– У нас есть возможный подозреваемый. Эмоционально неустойчивый алкоголик, чей сын подвергался травле со стороны жертвы, о чем алкоголику, возможно, известно. Только…

– Да?

– Что-то не вяжется. Я видела Дэвида Миллара, пусть и мельком. Он был страшно расстроен. К тому же очень-очень пьян, и, если честно, именно из-за этого мне трудно поверить в его способность задумать и осуществить преднамеренное убийство.

– Миллар знал про аллергию Чарли Кавендиша на аспирин?

– Мог слышать от Рори. В том не было тайны.

Майлз повернул на Фолтсхэм. Джаз включила мобильный телефон, проверила сообщения.

– Нортон желает знать, когда мы сообщим о смерти Хью Данмана прессе. Наше молчание скоро начнет вызывать подозрения.

– В широком контексте учитель, который всю жизнь посвятил профессии, а перед лицом надвигающейся отставки свел счеты с жизнью, – не такая уж редкость, – изрек Майлз.

– «До свидания, мистер Чипс», например, – задумчиво согласилась Джаз. – Я все глаза выплакала на этом фильме.

– Правда, мэм?! – Майлз уставился на нее. – Не могу представить.

– Потому что я несгибаемая женщина-полицейский и у меня нет сердца? – Она вопросительно подняла бровь и набрала номер Нортона. – Вот спасибо.

– Простите, мэм, – вспыхнул Майлз. – Я просто воспринимаю вас как… своего парня. А парни над таким не плачут. – Он быстро сменил тему, не желая еще глубже рыть себе яму. – Кстати, я говорил с адвокатом Данмана. Завещание Хью действительно хранится у них в конторе. Адвокат в соответствии с процедурой немедленно свяжется с наследниками, затем раскроет подробности завещания нам.

– Хорошо. Первым делом надо найти Миллара с сыном. Здравствуйте, сэр, инспектор Хантер беспокоит. У вас есть время кое-что обсудить?

* * *

Когда Дэвид с Рори добрались до подножия горы Пайк, погода стояла хорошая. По дороге они сделали короткую остановку в магазине, экипировались ботинками и водонепроницаемыми куртками. Дэвид заплатил наличными: если его ищут, то кредитку проверяют.

О возвращении он пока не думал. Наслаждался моментом, тем, что утром Рори проснулся свежим и бодрым, проглотил сытный завтрак, а теперь сын стоял рядом, смотрел блестящими от предвкушения глазами на величественную гору, чья вершина куталась в облачное покрывало.

– Мы правда заберемся аж туда, пап?

– Надеюсь, да. Если погода позволит. Ну, пойдем. – Дэвид надел на плечи сына маленький рюкзак, сам взял большой. – Уже половина одиннадцатого.

Следуя по пути других бесстрашных энтузиастов, отец с сыном перебрались через небольшой забор по специальным ступенькам, хрустя мелким гравием под ногами и огибая овечий навоз на сырой траве.

– Подъем вначале простой, а к вершине становится круче, но оно того стоит. Мать честная, до чего ж там наверху красиво! Спешить не будем, Рори, тебе не стоит перенапрягаться после болезни.

– Пап, сегодня мне намного лучше, честно! Я хорошо себя чувствую.

– Молодчина! – Дэвид улыбнулся и ласково взъерошил кудри Рори.

Шли в основном молча. То ли от свежего воздуха, то ли от присутствия сына голова у Дэвида впервые за много месяцев была ясной. В крови вновь бурлила радость. Он больше суток не притрагивался к выпивке, Рори по-прежнему его любил, и хоть брак рухнул, а карьера застопорилась, не беда: Дэвид еще не стар, он начнет сначала.

– Давай остановимся тут, попьем, передохнем. – Дэвид указал на небольшой уступ с чудесным видом на долину внизу.

Помог Рори снять рюкзак, и они сели рядом, потягивая воду из бутылки.

– Видишь, как высоко мы уже забрались?

– Да, – кивнул Рори. – Мне здесь спокойно, вдали от всего.

Дэвид взглянул на сына, заметил в глазах страх.

– Рори, помнишь, ты звонил мне из школьного таксофона и говорил, что чего-то боишься? Чего?

Рори покачал головой:

– Ничего, пап, правда.

– Рори, ты явно чем-то расстроен. Я твой отец, и мне можно рассказать все, даже самое плохое. Это из-за нашего с мамой развода?

Рори не отвечал и на Дэвида не смотрел.

– Я знаю, как тяжело ты это перенес. Знаю, каким плохим отцом я был последнее время. Поверь, теперь я гораздо лучше и, хотя больше не могу жить дома, всегда готов тебе помочь.

– Пап, дело не в разводе, – устало возразил Рори. – Дома без тебя ужасно, только… – Он вздохнул: – Мои проблемы в тысячу раз хуже.

– Как? Что может быть хуже, чем не видеть ежедневно своего старого папочку? – попытался разрядить атмосферу Дэвид.

Рори молча рвал траву возле ботинок.

Дэвид понаблюдал за сыном и наконец предложил:

– Давай, дружище, выкладывай. Начал – так уж доводи до конца.

Рори надолго уставился в никуда. Затем тяжело вздохнул и обернулся к отцу:

– Понимаешь, пап… Черт! Можно я шепотом?

– Вряд ли тут кто-нибудь услышит, но можно, если тебе так легче.

– Ладно.

Рори набрал в грудь побольше воздуха и тихонько заговорил на ухо отцу.

Глава шестнадцатая

После телефонного звонка Дженни Колман не спала всю ночь, понимала – встретиться придется. Двадцать пять лет – долгий срок, немало воды утекло. От прошлого, говорят, не убежать. Судя по всему, говорят правильно.

Сперва смерть Чарли Кавендиша, затем потрясение от смерти Хью, а теперь еще и прошлое настигло… Дженни чувствовала себя очень беззащитной. Вдобавок мистер Джонс, которого она много лет обожала на расстоянии, тоже был на грани нервного срыва.

Хорошо хоть красивая дама-инспектор с шикарными волосами, похожая на молодую Риту Хейворт, считает, что это не убийство. Так сказал мистер Джонс. Впрочем, другого Дженни и не ожидала. Кто захотел бы убить Хью? Он никогда и мухи не обидел, а уж как помог в беде самой Дженни… Она вовек не забудет его доброту и поддержку.

Дженни ушла с работы вовремя, купила по дороге бутылку вина и поспешила домой – ставить в духовку пастуший пирог, поскольку решила организовать встречу в бунгало. На своей территории будет спокойнее.

Как грустно, думала Дженни, суетясь на кухне, отодвигая стол и накрывая его клеенчатой скатертью с узором, бояться ужина с ближайшей подругой детства…

Дженни не знала, чего ожидать. Кем Мэдди стала теперь.

Сколько всего тогда произошло! Ворошить прошлое – плохая идея. Дженни справлялась, пряча его подальше… чаще всего справлялась.

Она заскочила в спальню припудрить нос и подкрасить губы. В дверь позвонили, Дженни вздрогнула. Глубоко вдохнула, успокаиваясь, и подошла к входной двери.

Гостья принесла с собой вино.

– Привет, Джен, – улыбнулась она и вручила хозяйке бутылку.

– Привет, Мэдди. Входи.

– Ты обзавелась очень симпатичным домиком, – заметила подруга, следуя за Дженни в гостиную.

– Я долго на него копила. Давай отнесу твое пальто?

– Спасибо.

Мэделин сняла пальто, Дженни повесила его на крючок в прихожей.

– Ты наверняка удивилась, встретив меня в роли сестры-хозяйки в школе? – Гостья улыбнулась.

– Я просто обалдела, как выражаются нынешние дети. В прошлом семестре меня не было, я лечила бедро и потому тебя не видела. Вернулась на работу в начале этого семестра. Всего пара недель прошла, не верится, да? Кажется, будто вечность, столько всего случилось в школе за это время, – нервно тараторила Дженни. – Выпьем?

– Обязательно. Вино охлажденное. Хочешь, открою?

– Я справлюсь.

Дженни взяла с тележки для напитков штопор и два бокала. Оставалось надеяться, что выпивка поможет преодолеть неловкость.

– Салют! – Мэделин звякнула своим бокалом о бокал Дженни. – За старых подруг.

– Стареющих с каждым днем, – улыбнулась та и сделала большой глоток.

– Тебе, конечно, интересно, что со мной произошло, – сказала Мэделин.

– Конечно. Честно говоря, годы шли, вестей от тебя не было, я уж думала, ты умерла.

– Несомненно, радовалась. – Мэделин вскинула брови. – Однако ты же понимаешь, почему я пошла на полный разрыв? После той истории… Скажем так: мне понадобилось много времени, чтобы оправиться.

– Неудивительно. Это было ужасно, Мэдди, ужасно. – Дженни невольно вздрогнула. – И как, получилось? Оправиться.

– Нет, зато теперь мне понятно, что я не оправлюсь никогда. – Мэделин пожала плечами. – От этого почему-то даже легче. Главное – смириться. Я уезжала из Норфолка в жутком состоянии.

– Помню, – мрачно кивнула Дженни. – Ты сорвалась и исчезла, даже не попрощавшись. Я не знала, что и думать.

– Видишь ли, я винила себя. Мне следовало понять, что все из рук вон плохо. Я была там и не помешала… – Мэделин уставилась в пустоту.

– Никто не понимал, что все из рук вон плохо. Ты тоже не могла. Так случается, ситуация выходит из-под контроля… Так куда же ты уехала?

– В Австралию. Кузина в Перте предложила мне крышу над головой. Тяжелое было время. Сначала нервный срыв, потом психиатрическое отделение местной больницы. Я провела там девять месяцев. Меня лечили электрошоком, много сеансов.

– О-о, Мэдди, какой кошмар! Жаль, что я не знала. Могла бы тебе писать или еще что-нибудь…

– Тогда мне этого не хотелось. Я не выносила мыслей о прошлом, не желала о нем никаких напоминаний. Дважды пыталась покончить с собой, и второй раз почти получилось.

Мэделин подняла рукав, и Дженни ахнула при виде безобразных красных шрамов на запястье.

– Ладно, дело прошлое. – Мэделин спрятала руку. – Выйдя из больницы, я решила сама пойти на медицинские курсы и выучиться на медсестру. Переехала в Сидней, устроилась там на работу в больницу, затем отправилась в Штаты.

– Потрясающе. Я никогда не бывала дальше Ярмута, а уж за границей – и подавно. Ты и говоришь теперь по-другому. В твоей речи больше не слышно Норфолка, любоф моя, – усмехнулась Дженни.

– Нет. – Мэделин осушила бокал. – Случившееся расширило мои горизонты, тут не поспоришь. Ну да хватит обо мне. Чем занималась все эти годы ты?

– По сравнению с тобой – ничем особенным. Трудилась себе потихоньку в Святом Стефане. Четырнадцать лет назад пришел новый директор, и меня повысили. Я по-настоящему люблю свою работу. И в школе ко мне очень добры. Давай перейдем в кухню? Надо поставить на огонь горох, не то мы до полуночи ужина ждать будем.

В новенькой, с иголочки, кухне Мэделин наблюдала за тем, как Дженни порхает вокруг, накрывает на стол, и рассеянно слушала ее болтовню.

– Через пару лет выйду на пенсию, тогда решу, что делать дальше. Я бы, наверное, путешествовала, никогда ведь никуда не ездила. Думаю, мне понравится. В школе я проработала долго, так что пенсию получу хорошую.

– Может, рванем куда-нибудь вместе? Станем эдакими Тельмой и Луизой на пенсии – будем колесить по свету, оставляя повсюду за собой разруху, – засмеялась Мэделин.

– Да уж, в школе мы были той еще парочкой, – хихикнула Дженни. – Вечно попадали в истории.

Она поставила на стол две тарелки, и подруги принялись за еду.

– Бедные наши мамы, – подхватила Мэделин. – У нас ведь, в отличие от нынешней молодежи, в норфолкской глуши особых развлечений не имелось, но мы их себе находили.

– Точно! Помнишь Томми Спрингфилда? Он нравился нам обеим, так что шансов у бедолаги не было. Помнишь, мы поспорили, кто из нас поцелуется с ним первой? – Глаза Дженни заблестели от воспоминаний.

– Помню. И ты выиграла!

– Да! Потом ты его тоже поцеловала, на следующий день, и он возомнил себя первым красавцем!

– Храни его бог, славный был мальчик. – Мэделин подлила вина себе и подруге.

– Мы вечно морочили голову родителям. Хотя развлекались по-доброму, невинно. Сколько нам было? Пятнадцать, шестнадцать?

– Наверное. Почти в семнадцать я познакомилась с Джедом, на сельских танцах в Гейтли, – улыбнулась Мэделин.

– Да, ты влюбилась и перестала быть такой классной, – упрекнула Дженни. – Господи, у него в приятелях были такие уроды, а вы постоянно пытались меня с ними свести.

Она достала из холодильника вино, купленное по дороге с работы.

– Мы же с тобой мечтали устроить двойную свадьбу, а потом растить своих детей рядышком, по соседству. – Мэделин вздохнула.

– Ничего не сбылось…

– Сбылось, только не в той последовательности.

Дженни посмотрела на подругу поверх бокала.

– Ты бы вышла за Джеда, если бы не забеременела?

Мэделин глотнула вина, пожала плечами:

– Как знать? Однако я ведь вышла. Хотя терпеть его долго мне не пришлось. Быстрая, как пуля, свадьба – и пуля Джеду в пах через месяц после родов. – Мэдди покачала головой.

– Хозяева поместья выплатили тебе компенсацию?

– Несколько сотен фунтов. Хватило бы на хорошее образование. – Мэделин посмотрела Дженни в глаза и хрипло рассмеялась. – Ужасная ирония, правда?

– Пожалуй, да. Боже мой, до чего давняя история…

– Мне было восемнадцать, – задумчиво протянула Мэделин. – Я почти не помню ни внешности Джеда, ни своих чувств к нему. Я не вознесла его на пьедестал после смерти, как делают некоторые.

– Знаю, – горестно кивнула Дженни, которую последние слова подруги задели за живое.

Мэделин похлопала Дженни по руке:

– Ты так и не сумела оправиться?

К глазам Дженни вдруг подступили слезы. Она не привыкла ни к спиртному, ни к сочувствию.

– Нет.

– Столько лет прошло… Потому ты так и не вышла замуж? Из-за него?

Дженни вытерла нос тыльной стороной ладони.

– Может быть. А еще… не нашла подходящего парня. Будешь яблочный пирог?

* * *

После еды вернулись в гостиную, прихватив с собой кофе. Дженни зажгла газовый камин – отопление уже отключилось. Наконец расслабившись, они задумчиво сидели рядом, наслаждаясь дружеской близостью.

– Ты возвращалась в поместье? – нарушила тишину Мэделин.

– Ни разу. Мама умерла десять лет назад, братья и сестры разъехались кто куда по всей стране. Каждое Рождество я встречаюсь со старшей сестрой, хотя ее дети тоже уже разлетелись и создали собственные семьи. – Дженни вздохнула. – Мы ужасно старые, Мэдди.

– И не говори. Много воды утекло…

– Ну а ты? – встрепенулась Дженни. – Сколько еще пробудешь в Святом Стефане?

– До возвращения из декрета сестры-хозяйки, которую я замещаю. Если она вернется.

– Тебе не тяжело здесь работать? – мягко спросила Дженни. – Воспоминания не всплывают?

– Всплывают, конечно, но, как ни странно, меня это успокаивает. – Мэделин улыбнулась. – Я навещала его несколько раз.

– О… – Дженни кивнула, не найдясь с ответом.

– Ладно. – Мэделин глянула на часы. – Скоро одиннадцать. Я, пожалуй, пойду. Завтра вставать в шесть, будить и собирать мальчиков.

– Хорошие ребята, правда? – улыбнулась Дженни. – Я не устаю повторять: в Святом Стефане учатся вежливые, воспитанные дети.

– Паршивые овцы встречаются в любой школе, – холодно возразила Мэдди.

– Ты про Чарли Кавендиша? Он ведь из твоего общежития, да? Значит, тебя допрашивала инспектор Хантер. Ты рассказала, каким он был поганцем?

– Сообщила все, что о нем думаю, даже не сомневайся. – Мэделин прошла в прихожую, сняла с вешалки пальто. – Теперь еще и Рори Миллар пропал. Я не удивлена, что он сбежал, с такими-то проблемами в школе и дома. Его отец, может, и пьет, но он хотя бы не сживает мальчика со свету. Бедный ребенок…

– Одиноким матерям трудно, Мэдди. Сама знаешь. А миссис Миллар посвятила Рори всю себя.

– Если она посвятила себя Рори, то почему не подумала о нем при выборе кавалера? – фыркнула Мэделин. – Бог с ней. Спасибо тебе за чудесный вечер. Повторим на следующей неделе? Может, поужинаем в городе? Или махнем в «Ройал» в Кромере? Я отвезу.

– О боже, я сто лет там не была! Последний раз меня приглашал туда Гарри Герни. Помнишь его? Целовался ужасно, – довольно хихикнула Дженни.

– В следующий вторник у меня свободный вечер. Съездим?

– С удовольствием. Хочешь, я посмотрю, что идет в «Ройале»?

– Давай. Увидимся в буфете. – Мэделин обняла старую подругу. – Мне стоило вернуться хотя бы ради встречи с тобой.

– Очень рада, что ты решилась. Я переживала о тебе все эти годы. И вдруг – твое лицо в зале… Будто привидение увидела.

Мэделин взяла подругу за руки.

– Я настоящая, честное слово. Пока, Джен. Увидимся завтра в школе.

Закрыв дверь, Дженни принялась убирать после ужина. От возвращения давней подруги на душе было легко и радостно. Дженни помыла посуду, аккуратно расставила все по местам. Как обычно, приготовила себе горячий шоколад, сходила в ванную и забралась с чашкой в постель. Задумчиво сделала глоток.

Казалось бы, две простых деревенских девчонки – а сколько они пережили…

Дженни очень хотелось рассказать Мэдди про смерть Хью, но нельзя было. Мистер Джонс сообщил об этом Дженни по секрету, и она должна его пока хранить.

Бедный Хью, бедный… Глаза защипало от слез. Дженни будет очень по нему скучать.

С другой стороны… Господь взял, но Господь же и дал…

Вернул Мэдди – и очень вовремя.

* * *

Тора Бертуистл волновалась. Юноша с отцом до сих пор не вернулись в гостиницу, хотя уже половина девятого вечера. Обычно Тора не переживала, когда постояльцы задерживались допоздна; многие предпочитали есть в городе. Однако мистер Миллар перед уходом подчеркнул, что они обязательно будут к ужину, и она пообещала приготовить все к восьми часам.

Пудинг с говядиной и почками, ждущий на столе, начал застывать в собственном жире; овощи в сотейнике посерели и утратили форму.

Тора выглянула в окно – по стеклу хлестал дождь. Если уж тут, внизу, такая непогода, то в горах совсем плохо, Тора знает. Путники могут попасть в шторм, а дождь у вершины легко превращается в снег.

Эти горожане совсем не понимают, насколько опасно там, в сотнях метров над уровнем моря, особенно в разгар зимы, когда погода меняется мгновенно.

Много лет назад в такую вот ночь, как сейчас, Тора потеряла мужа, родившегося и выросшего в Пеннинских горах.

Она вздохнула. Что же делать? Они отправились на Пайк – за завтраком об этом упоминал мальчик. Совсем малыш, да еще в тоненьком свитере…

Тора решила: если не вернутся к одиннадцати, она позвонит горным спасателям.

* * *

После обеда Джаз забрала ноутбук и бумаги домой – в школьном кабинете втроем было тесно. Кроме того, Роланд по-прежнему жаловался на боль в удаленном зубе и раздражал Джаз до чертиков.

Дома оказалось не намного лучше: на втором этаже сантехник устанавливал отопление. Джаз закрыла все двери, подключила компьютер к единственной старенькой розетке и постаралась не обращать внимания на доносящиеся сверху треск, грохот и фальшивое насвистывание.

В конце концов не выдержала: накинула куртку, резиновые сапоги и двинулась через марши в надежде прояснить голову. Смеркалось, и серое море впереди казалось скомканным пуховым одеялом, грозно наползающим на землю. Джаз пробрал озноб, она развернулась и по собственным следам зашагала к дому.

Сантехник уже ушел, и Джаз почувствовала себя свободнее. Заварила чай, чтобы согреться, разожгла камин и достала из портфеля заметки по делу.

Изучила лекарственную ведомость за тот день, когда умер Чарли. Заметила, что одно слово было замазано корректором и исправлено на другое.

«10.45. Две таблетки ***парацетамола*** выданы Рори Миллару».

Рядом имелась неразборчивая подпись, которую Джаз не сумела прочесть при всем старании.

Опять Рори Миллар.

Что же изначально было написано вместо «парацетамола»?

Она разглядывала замазанное пятно, царапала его, переворачивала ведомость другой стороной, но расшифровать таинственное слово не удавалось. Джаз положила ведомость в конверт, решив отослать ее экспертам-криминалистам. Для тех снять корректор – секундное дело.

Вдруг замазанным словом окажется «аспирин»?

Если Рори Миллару действительно выдали лекарство, от которого погиб Чарли Кавендиш, то значит ли это, что Рори причастен? Или кто-то решил сымитировать его причастность? Или защитить Рори?..

Размышления прервал звонок мобильного.

– Инспектор Хантер, – резко ответила Джаз.

– Джаз? Это Джонатан. Я не вовремя?

– Э-э, нет, вовремя. Вовремя, – повторила она, раздраженная этой помехой.

– Мне лучше перезвонить в другой раз?

– Нет-нет, все в порядке. – Джаз ощутила укол вины. – Простите, я по уши в работе.

– Ничего страшного. Буду краток. Я хотел узнать, можем ли мы встретиться завтра или в среду? У меня возникли еще кое-какие вопросы. Время поджимает, я должен закончить работу поскорее, поэтому готов подъехать в Норфолк. Знаю, вам сейчас не до визитов в Кембридж.

– Хорошо. – Джаз продолжала раздумывать над лекарственной ведомостью.

– И?

– Что «и»?

– Вы сможете? Встретиться со мной, в смысле. И я вас еще чуток расспрошу.

– Э-э… да. Только у меня не получится: устанавливают отопление, тут просто дурдом. Я уже сама готова съехать.

– Хорошо, предложите где. В каком-нибудь пабе?

– В Клее есть хороший паб, называется «Коуч энд Хорсес», от вас недалеко. Можем встретиться там.

– Замечательно. Завтра найдете время?

– Пока ответ – да. Хотя должна предупредить, что я тут убийство расследую, и события разворачиваются все быстрее, поэтому, если что-нибудь стрясется…

– Понимаю, но давайте надеяться, что все будет хорошо и я вас завтра увижу. В восемь?

– Да, подойдет.

– Спасибо, Джаз. Я очень благодарен.

– Без проблем. До встречи.

Джаз отключила телефон и со вздохом рухнула назад на диван.

Мужское внимание не льстило ей уже лет десять. В Италии Джаз порой ловила на себе восхищенные взгляды, но не отвечала на них, оставалась закрытой.

Она сходила в кухню, налила себе вина и села, скрестив ноги, перед огнем – ее до сих пор морозило после недавней прогулки.

Глядя на языки пламени, Джаз вспомнила мамины слова – не ожесточайся, прошу. Задача не из легких. Как можно научиться доверять вновь?

Джаз ведь доверяла Патрику, целиком и полностью. Хуже того – она его любила.

Причем любовь до сих пор не прошла, и Джаз это пугало. После жуткого унижения, которому он ее подверг; после того, как она месяцами твердила своей в высшей степени логической личности, что Патрик – подлец и сволочь, Джаз по-прежнему тянулась к нему спросонья…

Может, действительно отвлечься?

Джонатан ей понравился, она ему – явно тоже.

Переспать с ним?

Джаз задумчиво глотнула вина.

У нее море одиноких раскрепощенных подруг, которые без малейших колебаний прыгают в постель к понравившемуся мужчине. Никаких сложностей, никаких мыслей о будущем – лишь несколько часов взаимного удовольствия.

Однако… даже до Патрика Джаз так не умела. Как бы ни старалась, не могла отделить секс от эмоциональной привязанности. В результате, несмотря на богатый выбор ухажеров, количество любовников Джаз выражалось однозначным числом.

Наверное, пора повзрослеть, стать хозяйкой положения, убрать глубокие чувства в сторону. Захочется переспать с Джонатаном или любым другим мужчиной – почему бы и нет, черт возьми?!

Джаз покачала головой. «Я такая, какая есть. И едва ли изменюсь».

По дороге в кухню за макаронами Джаз улыбнулась. Возможно, Майлз прав со своей аналогией про мисс Марпл. Видимо, Джаз уготована судьба старой девы, которая расследует преступления и избегает чувств.

Она включила компакт-диск Шопена и углубилась в свои записи.

Около полуночи зазвонил мобильный.

– Нортон беспокоит, Хантер. Ваш Дэвид Миллар вместе с сыном только что заявился в полицейский участок Уиндермира. И сознался в убийстве Чарли Кавендиша.

Глава семнадцатая

Джаз приехала в полицейский участок Фолтсхэма в восемь утра. Дэвид Миллар уже ждал в комнате для допросов.

– Здравствуйте, мистер Миллар, мы однажды встречались с вами в Святом Стефане, – кивнула она, усаживаясь и вынимая из портфеля ноутбук.

– Разве? – Дэвид Миллар покачал головой. – Простите, но, к сожалению, не припоминаю. Я, наверное, был тогда пьян. – Он уныло пожал плечами.

– Мистер Миллар, у вас есть право на адвоката. Советую этим правом воспользоваться.

– Зачем? – вновь пожал плечами Дэвид. – Я сознался в преступлении.

– Хорошо. – Джаз нажала кнопку записи на диктофоне. – Восемь часов девятнадцать минут утра. Инспектор уголовного розыска Хантер допрашивает Дэвида Миллара. Он отказался от присутствия адвоката. Мистер Миллар сознался в убийстве Чарли Кавендиша в пятницу, пятнадцатого января, и я провожу первый допрос. Готовы, мистер Миллар? Хотите что-нибудь сказать, прежде чем мы начнем?

Дэвид устало покачал головой.

– Мистер Миллар, сегодня ночью в полицейском участке Уиндермира вы сделали признание о том, что в пятницу, пятнадцатого января, убили Чарли Кавендиша. Вы не отказываетесь от своих слов?

– Нет.

– Прошу вас в точности рассказать, что произошло в тот вечер.

– Постараюсь, хотя я тогда был пьян и мог позабыть некоторые подробности.

– Не спешите, мистер Миллар. – Джаз кивнула.

Она куда больше привыкла задавать подозреваемому вопросы и подводить его к признанию, чем слушать подробный рассказ о преступлении.

– Я знал, что этот хулиган Чарли Кавендиш изводит в школе моего сына Рори.

– Откуда знали?

– От Рори, конечно же.

– Упоминал ли о проблеме кто-нибудь еще? Например, воспитатель Рори Себастьян Фредерикс?

– Он намекал, что Рори подавлен. Чарли запер его в погребе на всю ночь.

– Правда? Мистер Фредерикс назвал имя Чарли?

– Нет. Мне Рори сказал.

– Откуда у Рори такая уверенность, мистер Миллар? Он ведь находился по другую сторону двери.

– Слушайте, по словам Рори, Кавендиш превратил его жизнь в ад. Больше мне ничего знать не нужно было. Ясно, инспектор?

– Когда именно Рори рассказал вам о травле со стороны Чарли?

– Точно не помню, если честно. Наверное, за день до того, как я… убил Чарли.

– Четверг, четырнадцатое января, – произнесла Джаз в диктофон. – Рори звонил по школьному таксофону?

– Да. После этого я, сказать по правде, очень напился. На следующий день попробовал пообщаться с мистером Фредериксом и директором, но на мои звонки никто не ответил. Тогда я поехал в школу. Хотел с кем-нибудь поговорить. Добиться защиты для Рори.

– В котором часу это было?

– Не знаю. – Дэвид покачал головой. – Вечером, точно.

– Вы ехали в школу с намерением убить Чарли Кавендиша?

– Я так злился, что мог бы убить его, инспектор, но, скажу честно, никакого четкого плана в голове не имел. Во Флите мистер Данман сообщил мне, что Себастьяна Фредерикса нет. И Рори увидеть нельзя, поскольку тот на концерте в часовне.

– Постарайтесь вспомнить, во сколько вы приехали в школу, мистер Миллар. Приблизительно.

– В половине восьмого? – Дэвид пожал плечами. – Помню, парковка была забита, а к часовне направлялось много людей.

– Хорошо, что было дальше?

– Мистер Данман предложил приехать в другой раз, а потом отвлекся на телефонный звонок, и… – Дэвид почесал голову. – Я решил найти Кавендиша и устроить ему выволочку.

– Нашли?

– Нет. Поднялся на этаж старшеклассников, но Кавендиша в комнате не было.

– Как же вы поступили?

– Потоптался там немного в ожидании Чарли, тот не вернулся.

– Мистер Миллар, вас видел кто-нибудь во Флит-Хаусе? Когда вы входили туда, к примеру, или искали комнату Чарли? – спросила Джаз.

– Да. Говорю же, мистер Данман. Спросите, он подтвердит.

– А кроме него?

– Нет. На лестнице я, кажется, повстречал пару ребят, но кого именно, не знаю.

– Обычно в половине восьмого вечера, да еще в пятницу, в вестибюле полно людей. Мальчики снуют туда-сюда. Кто-нибудь должен был вас заметить.

– Наверняка. Спросите у них.

Джаз вздохнула. Чтобы подозреваемый активно искал свидетелей его пребывания на месте преступления – такое не часто услышишь.

– Как развивались события дальше, мистер Миллар?

– Я посидел в комнате Кавендиша, но тот не появился, и я понял – он, скорее всего, ушел гулять на весь вечер и ждать бесполезно. Я увидел возле кровати таблетки, и меня посетила идея. Я вспомнил рассказ Рори об аллергии Кавендиша на аспирин. Я пью и потому вечно таскаю с собой лекарства от головной боли. Существует миф, будто алкоголики не страдают похмельем. Уверяю вас, инспектор Хантер, страдают. Я порылся в кармане, посмотрел, что там есть. Обычно я хватаю с полки что-нибудь подешевле – не важно, парацетамол это, аспирин или ибупрофен. Я непривередлив. – Дэвид печально улыбнулся. – И вот, на удачу – точнее, на мою удачу, – в тот вечер в кармане лежал аспирин.

Джаз молча ждала продолжения.

– Я достал пару таблеток из упаковки, положил рядом с таблетками Чарли, и они оказались похожи. Тогда я решил их подменить.

– Мистер Миллар, вы осознавали, что аспирин убьет Чарли?

– Конечно, нет! Я не представлял, что у него такая сильная аллергия. Хотел просто заставить Кавендиша помучиться несколько часов, как мучился из-за него Рори. Да и, если честно, инспектор, я был не очень-то трезв и не рассуждал логически. Импровизировал, вот и все. В общем, я подменил таблетки и ушел.

Джаз постучала ручкой по столу.

– Куда ушли?

– Домой, разумеется. Выпил еще и уснул, где свалился. Утром я вспомнил, что сделал.

– И?

– Пришел в ужас, ясное дело. Я понимал – как бы ни обошелся с Рори Чарли Кавендиш, ставить его жизнь под угрозу непростительно. Я выпил еще немного, мечтая притупить боль, и понадеялся, что Чарли в худшем случае промыли желудок и оставили на ночь в больнице.

– Когда вы узнали правду?

– Рори позвонил, кажется, через пару часов и сказал, что Кавендиш умер. – Дэвид опустил взгляд на руки. – Больше я про тот день ничего не помню, если честно.

– Что вы почувствовали, когда поняли, что убили Чарли?

– Страшное опустошение. Никак не мог поверить в собственный идиотизм. Я хоть и алкоголик, но не убийца.

– Никто им не бывает до совершения убийства, – холодно заметила Джаз. – Что же привело вас в кабинет директора несколько дней спустя, когда я столкнулась с вами в приемной?

Дэвид удивился вопросу.

– Желание увидеть Рори, естественно. Я ведь так с ним и не встретился.

– Удивительно, неужели вам не хотелось держаться подальше от школы, ученика которой вы убили, мистер Миллар?

– Я об этом не думал. Лишь хотел увидеться с сыном.

– Когда вы решили сознаться?

– Я протрезвел только в последние дни, пока мы с Рори были в Озерном краю. Протрезвев, понял, что надо сделать. Я не мог жить с этой виной. Хотел сдаться, невзирая на последствия.

– Зачем вы забрали Рори из школы и вместе с ним исчезли?

– Минутку! – впервые с начала допроса возмутился Дэвид. – Начнем с того, что я не «забирал» Рори. Он сам пришел ко мне в воскресенье. Рори неважно себя чувствовал, а мне предстояло ему кое-что рассказать, и я решил провести с ним несколько дней вдали от дома, все объяснить. Кроме того, – Дэвид пожал плечами, – я собирался сознаться и понимал, что в ближайшие годы мне вряд ли

удастся видеться с Рори. Приехав на место, я написал сообщение Анджи, чтобы она не волновалась.

– Допрос мистера Дэвида Миллара окончен в восемь часов сорок пять минут утра.

Джаз выключила диктофон. Опершись подбородком на ладони, она долго разглядывала Дэвида.

– Мистер Миллар, возвращайтесь вниз и хорошенько подумайте о событиях той ночи. Подумайте также о причинах, по которым вы решили сознаться в убийстве Чарли Кавендиша.

– Говорю же, мне невыносимо жить с чувством вины. Разве этого мало?

– Виновным вас должен признать суд присяжных, мистер Миллар, – напомнила Джаз.

– Ну, если я заявлю о совершении убийства, то много времени у присяжных это не займет, правда?

– Тем не менее им понадобятся факты, а у вас будет адвокат защиты. Хороший адвокат может как минимум добиться смягчения приговора.

Джаз нажала кнопку, и в дверях вырос констебль.

– Отведите мистера Миллара вниз, пожалуйста. – Она встала. – Я навещу вас позже.

Джаз подождала, пока закроются двери, после чего перемотала пленку назад и прослушала запись допроса. Затем подняла трубку и набрала номер Анджелины Миллар.

* * *

Анджелина всю ночь не могла уснуть и не сводила взгляда с медленно ползущих стрелок часов. Ей сообщили, что в четыре утра Рори можно забрать из полицейского участка Фолтсхэма. Она не стала будить Джулиана, приняла ванну, затем принялась расхаживать по первому этажу в ожидании короткой поездки к сыну.

В участке состоялось трогательное воссоединение, после чего Анджелина доставила Рори домой, уложила в постель, сама прилегла рядом, поглаживая его мягкие светлые кудри.

Теперь Рори спал в полной безопасности, но сердце Анджелины по-прежнему сильно колотилось – от новостей, которые сообщила инспектор Хантер.

В семь часов Анджелина на цыпочках спустилась заварить кофе Джулиану.

Поставив чашку на его тумбочку, ласково потрясла за плечо. Джулиан приоткрыл сонные глаза, Анджелина его поцеловала.

– Доброе утро, дорога…

Она приложила палец к его губам:

– Ш-ш, Рори дома.

Джулиан сел.

– Нашли?!

– Да. В Озерном краю. Полицейские привезли Рори оттуда ночью. Я забрала его в четыре утра.

– Почему не разбудила меня? Я бы тебя отвез. Как он?

– Физически вроде бы в порядке. Очень устал, конечно, и… Ты не против улизнуть тихонько, пока Рори не проснулся? Не хочу его лишний раз расстраивать, сначала выясню, что произошло в последние дни.

Джулиан вздохнул:

– Я-то думал, что кофе – проявление твоей любви. На самом же деле он – предвестник того, что меня выгоняют из собственного дома.

– Брось, Джулиан. Ради бога, у нас ведь исключительные обстоятельства. Не дави на мое чувство вины.

– Прости, но все эти шпионские игры немного утомляют.

– Понимаю – и сочувствую. Как только жизнь войдет в нормальное русло, я расскажу Рори. Уверена, даже ты согласишься, что сейчас не лучший момент объявить Рори о твоем присутствии в моей жизни. И в его, – твердо добавила Анджелина.

– Да, даже я, бездушный негодяй, с этим соглашусь. – Джулиан угрюмо отхлебнул кофе.

– Послушай, ты должен знать кое-что еще. – Анджелина глубоко вздохнула. – Инспектор Хантер сообщила мне, что Дэвид сознался в убийстве Чарли Кавендиша.

– Что?! – Джулиан едва не поперхнулся кофе.

– Да. – Анджелина стиснула пальцами виски. – В голове не укладывается.

– Не хочется напоминать – я же тебе говорил…

– Так не напоминай! – Анджелина встала с кровати. – Господи! Сил моих нет, просто нет! Одевайся и иди, хорошо?!

* * *

Сорок минут спустя Джулиан с портфелем в руке вошел в кухню, одетый в безукоризненный костюм. Поцеловал Анджелину в щеку.

– Прости, дорогая. Я раскаиваюсь. Понимаю, как тебе было тяжело.

Анджелина высвободилась из его объятий. Проворчала:

– Не понимаешь.

– Хорошо, не понимаю. У меня детей нет.

– Вот именно.

– Как ты себя чувствуешь? – не поддался на провокацию Джулиан.

– Нормально.

– Точно? Ты очень бледная.

– Говорю же, нормально! – раздраженно бросила Анджелина. – Только что звонила инспектор Хантер. Она скоро подъедет. Хочет побеседовать с Рори.

– Тогда я должен остаться.

– Не глупи. Рори уже в безопасности, а с остальным я справлюсь. – Анджелина слабо улыбнулась, поправила галстук Джулиана. – Кроме того, в твое отсутствие я смогу объяснить Рори, кто ты такой.

– А как быть вечером? Я изгнан в квартиру или могу вернуться домой и поспать в собственной кровати?

– Я тебе позвоню.

– Хорошо. – Он поцеловал ее в макушку. – Будут проблемы – тоже звони. Мобильный не отключаю.

– Не будет проблем. Со мной все в порядке. Дэвид сидит в камере, из-за него тоже переживать не стоит.

У порога Джулиан обернулся:

– Чуть не забыл. Секретарь прислала электронное письмо: у меня на семь вечера назначен клиент, раньше он не может. Так что я в

любом случае буду поздно. Пока, дорогая, береги себя.

Он послал воздушный поцелуй и вышел через кухонную дверь.

* * *

В одиннадцать Анджелина открыла двери инспектору Хантер. Кивнула устало:

– Входите, – и проводила к дивану в гостиной.

– Спасибо. Как Рори? – спросила Джаз.

– Проснулся двадцать минут назад. Позавтракал в постели. Сейчас он принимает ванну. Отмалчивается, но выглядит целым и невредимым.

– То есть Рори ничего не говорил о признании отца в убийстве Чарли Кавендиша?

– Нет. Да я и не спрашивала. Просто радовалась возвращению сына. Ему и без того никуда не деться от этих вопросов. – Анджелина покачала головой: – Кошмар какой-то. Чувствую себя виноватой. Останься я с Дэвидом, поддержи его – и ничего бы не случилось.

– Тогда вы этого не знали, миссис Миллар. Нам не дано заглянуть в будущее.

– В том, что Дэвид потерял работу и начал пить, нет моей вины, однако повела я себя… Ладно, сделанного не воротишь. Теперь я должна помочь Рори все это пережить.

– Мне надо с ним поговорить, миссис Миллар. Прежде чем возбуждать дело против вашего бывшего мужа, я хочу кое-что выяснить у Рори.

– Обязательно сейчас? Ему, бедному, и так досталось.

– Увы, обязательно. Я осторожно, не волнуйтесь.

Анджелина сникла:

– Проверю, вылез ли он. – И удалилась.

При появлении Рори Миллара, которого мать бережно придерживала за плечи, Джаз вновь поразилась его сходству с юношей на фотографии Хью Данмана. Оба выглядели эстетично и женственно; Рори пока не вступил в подростковую пору, которая на ближайшие годы лишит его ангельской красоты. Бледную кожу не портило ни единого прыщика, на лице выделялись огромные голубые глаза, а губы

бантиком еще не знали женских поцелуев. Золотистые кудри доходили почти до плеч.

Он был высоким для своих лет, худым и узкобедрым. На Дэвида походил мало, на Анджелину не походил вовсе.

– Рори, инспектор Хантер приехала кое о чем тебя расспросить. Она знает, как ты устал, и постарается не затягивать разговор.

Джаз с улыбкой встала, протянула Рори руку. Тот ее пожал, ладонь оказалась ледяной.

– Здравствуй, Рори. Рада наконец с тобой познакомиться.

– Спасибо. – Он сел на диван напротив Джаз.

– Миссис Миллар, у вас, случайно, не найдется для меня чашечки кофе? Я с раннего утра на ногах, засыпаю на ходу.

Джаз хотела остаться с Рори наедине, пусть и на пару минут.

– Ох, простите, я не догадалась предложить. Конечно, найдется. Ты тут справишься, Рори? – с тревогой спросила Анджелина.

– Да, мама, справлюсь.

Его голос – странный, писклявый – еще не начал ломаться.

– Ну и приключение, Рори. Ты понимал, что мама будет с ума сходить из-за твоего исчезновения?

– Нет, я думал лишь о себе. Сожалею, что доставил столько неприятностей.

Мальчик говорил медленно, отчетливо, это звучало мило и по-старомодному.

– Рори, ты по собственной воле отправился к отцу в воскресенье? Он не увозил тебя из школы силой?

– О нет. Я сбежал. Бедный папа. Я втянул его в большие неприятности. Мы хотели всего лишь устроить себе маленькие каникулы вдвоем. Он старался меня порадовать.

– Почему ты сбежал из школы?

– Потому что хотел увидеть папу.

– Это единственная причина?

– Да.

– Рори, ты был с отцом, когда тот сдался полиции в Уиндермире и заявил, что убил Чарли Кавендиша. Думаешь, это правда?

– Зачем папе говорить такое, если он не убивал? – пожал плечами Рори. – Видимо, правда.

– Ты догадываешься о причинах, по которым папа мог бы убить Чарли?

– Кажется. – Рори вновь пожал плечами.

– Чарли был хулиганом?

– Да.

– Он обижал тебя?

– Да, но Чарли обижает всех… то есть обижал.

– Ты говорил отцу по телефону, что Чарли однажды запер тебя в подвале на всю ночь?

Взгляд Рори забегал по комнате.

– Наверное.

– Разве ты не помнишь, говорил или нет?

– Помню. Я говорил папе про подвал, но не знал, что это сделал Чарли. Откуда бы мне знать? Я лишь слышал, как повернули ключ.

Джаз понимала – кофе заваривается быстро, времени в обрез.

– Рори, где ты был в вечер смерти Чарли Кавендиша?

– Пел на концерте хора в часовне, потом вернулся в общежитие и выпил какао.

– Какао приготовил мистер Данман? Я знаю, что мистер Фредерикс отсутствовал.

На бесстрастном лице Рори впервые мелькнул страх, ладони сжались в кулаки.

– Да.

– После какао ты сразу отправился в постель?

– Да.

– Ты не видел Чарли, не ходил возле его комнаты?

– Нет. Зачем?

– Рори, как дела, дорогой? – На пороге возникла Анджелина с кофе. – Ты очень бледен. Расспросы инспектора тебя взволновали?

– Нет, мам, но я немного устал. Можно пойти прилечь?

Анджелина поставила кофейный поднос на столик и обняла сына.

– Конечно, можно. – Она глянула на Джаз: – Ему надо отдохнуть. Вы не против заехать позже?

– Не против, – улыбнулась та. – Последний вопрос, Рори: в ту пятницу, когда умер Чарли, тебе давали лекарство от головной боли?

Рори обернулся в дверях:

– Не помню. Возможно. У меня ведь часто болит голова.

– В журнале учета сказано, что в тот день ты получил таблетки. Какие именно? И кто их обычно тебе дает?

– Не знаю какие, – пожал плечами Рори. – Обезболивающие.

– Их дал мистер Данман?

– Да. – Рори кивнул и прислонился головой к плечу Анджелины. – Можно мне уйти, мам?

– Конечно, дорогой. – Анджелина повернулась к Джаз: – Достаточно. Он очень устал. Рори, топай наверх, а мамочка сейчас попрощается с инспектором и придет.

Кивнув, Рори молча исчез.

– Мне пора. Простите, что утомила Рори, однако чем скорее мы сопоставим факты, тем лучше. – Джаз встала. – Спасибо, миссис Миллар.

Она проследовала за хозяйкой к выходу. Анджелина, помедлив, собралась с духом и спросила:

– Мне не хочется знать, но как… как, по словам Дэвида, он убил этого мальчика?

– Заменил таблетки Чарли от эпилепсии на аспирин, который взял с собой от похмелья. Вы, возможно, знаете об аллергии Чарли на аспирин. Дэвид явно знал.

– Что? – растерялась Анджелина. – У Дэвида был с собой аспирин?

– Так он мне сказал.

– Невозможно.

– Почему?

– Дэвид ни за что не притронулся бы к аспирину, инспектор, и уж тем более не стал бы носить с собой! Нет! – горячо возразила Анджелина. – Бред какой-то.

– Почему, миссис Миллар? – тихо повторила Джаз.

– Да потому что у Дэвида на аспирин тоже сильнейшая, смертельно опасная аллергия.

Глава восемнадцатая

Джаз направилась назад, в полицейский участок Фолтсхэма. В комнате для допросов сидел Майлз, слушал показания Дэвида Миллара в записи.

– Как успехи с мальчиком?

Джаз тяжело опустилась на стул и покачала головой:

– Практически никак. Анджелина защищает своего детеныша, как тигрица, чего и следовало ожидать. Однако… – Джаз посмотрела на Майлза. – Знаете что?

– Что?

– Миссис Миллар напоследок сообщила, что у ее бывшего мужа смертельно опасная аллергия на аспирин.

– Да ну? – Майлз поднял бровь. – Ну а я вот ознакомился с допросом Миллара. В жизни не слышал более неубедительного признания. Он будто пытается подогнать факты.

– М-да, весь алгоритм его действий в тот вечер никуда не годится, – вздохнула Джаз. – Либо преступление спланировано заранее – миссис Миллар категорически заявила, что ее бывший не притронется к аспирину, – либо Миллар врет и не краснеет, кого-то выгораживая.

– Он сам говорит на допросе – ничего не планировал, идея поменять таблетки просто «посетила», – заметил Майлз. – К тому же Миллар якобы страшно злился; человек в таком состоянии упорно искал бы Чарли, а не строил против него козни.

– В любом случае признание Миллара разбито в пух и прах, – вздохнула Джаз.

– Я навел справки в школе – никто из ребят не помнит его на этаже старшеклассников. Сандвич? – Майлз выложил на стол пакет. – Вам яйцо и кресс-салат или бекон, латук и помидор, мэм?

– Ни то ни другое, спасибо. Я не голодна. Миллар упоминал, что разговаривал в тот вечер с Хью Данманом.

– Полезная информация. – Майлз вгрызся в сандвич с беконом.

– Главный вопрос: почему Миллар лжет? – рассуждала Джаз. – Нам известно, как он обожает сына. Известно, что в воскресенье тот

искал встречи с отцом. Предположим, во время поездки Рори признался папочке, что замешан в смерти Чарли…

– И папочка решил взять вину на себя, – подхватил Майлз, разглядывая сандвич. – Мы такое уже видели.

– В вечер смерти Чарли, в девять часов, Рори выдали две таблетки обезболивающего. В ведомости указан парацетамол, но под ним какая-то надпись замазана корректором. Я попросила криминалистов определить, какая именно.

– Значит… – Майлз метнул обертку от сандвича в мусорную корзину и промахнулся. – Если мы ненароком обнаружим под корректором слово «аспирин», то у Рори были не только мотивы, но и средства.

Джаз помолчала.

– Обвинение тринадцатилетнего мальчика в убийстве – дело слишком серьезное.

– Угу. Мало того: если он замешан, значит, кто-то в школе его покрывает. Кто-то ведь замазал корректором изобличающее слово.

– Рори мог сделать это сам, – тихо заметила Джаз.

– Ведомость хранится в лекарственном шкафчике, который всегда заперт. Ключи есть только у Фредерикса и сестры-хозяйки. В тот вечер – еще у Хью Данмана.

– Ну зачем ему понадобилось лишать себя жизни? – вздохнула Джаз.

– Возможно, он как-то замешан в случившемся. – Майлз пожал плечами. – Мотивы Рори нам известны, однако зачем взрослому – к примеру, Хью Данману, покрывать Рори?

– К сожалению, все это – сплошные догадки. Надо ждать ответа от криминалистов. Господи! Как же медленно движется дело! – Джаз в сердцах постучала ручкой по столу.

– Чего же вы ждали от деревни, мэм? – ухмыльнулся Майлз. – Осчастливьте нас обоих: давайте вернемся в Лондон и будем радоваться его благам.

– Вы, может, и порадуетесь, Майлз, а вот я – нет.

Ответ прозвучал резко, и Майлз поспешил сменить тему:

– Что подсказало вам чутье при встрече с Рори?

– Оно не успело ничего подсказать, времени не хватило. Он вел себя сдержанно, хотя тому могло быть множество причин. Я бы,

пожалуй, назвала его странным, но странное поведение свойственно почти всем подросткам. Это не делает их убийцами.

– Согласен. Однако ваше нутро обычно срабатывает четко. Семафорит, если дело нечисто.

– Считайте, что я набила свое «нутро» макаронами в Италии, и теперь оно не функционирует. Без упражнений не обойтись.

– Вы не набрали ни унции, мэм. Честное слово.

– Я не про талию, Майлз, – вздохнула Джаз. – Меня кое-что смущает. Самоубийство Хью Данмана – не совпадение, я уверена. Короче говоря, утром я позвонила Изабелле и попросила оценить Миллара и его сына. Она уже в пути. Если кто и сможет до них достучаться, то только Изабелла.

Изабелла Шерриф была одним из ведущих криминальных психологов Скотленд-Ярда.

– Ого, Иззи согласилась покинуть Лондон и приехать в норфолкскую глушь? – Майлз присвистнул. – Вас уважают.

– Мы давно друг друга знаем. Кроме того, Миллар арестован за убийство, это как раз по части Иззи. Я забронировала ей номер в вашем отеле, сходите вместе поужинать. С Милларом Иззи встретится сегодня, а с Рори – завтра утром.

– Как вы проведете ее мимо мамочки-тигрицы? – полюбопытствовал Майлз.

– Лгать о том, кто такая Иззи, нельзя, но можно правильно преподнести ее визит. У Иззи есть опыт консультирования детей, перенесших травму. К Рори это точно относится. Нужно оценить его психологическое состояние, и потому Иззи поговорит с Рори. Если всплывет информация по делу, Иззи будет обязана поделиться ею с нами, это я четко разъясню Анджи. Разъясню также и то, что Иззи – в числе лучших психологов Лондона. Думаю, Анджи Миллар понравится ажиотаж вокруг своей особы.

– Последние слова ей лучше не говорите, босс, – пошутил Майлз.

– Я съезжу в школу, повидаюсь с нашим многострадальным директором. Вам поручаю немного поболтать с Дэвидом Милларом. О том, что нам известно про аллергию на аспирин, не упоминайте. После беседы дождитесь Иззи. Сначала расскажите ей про аллергию, а затем отправьте к Миллару. Иззи обещала быть к трем часам.

– Ваша правда, мэм. Полагаю, вы составите нам компанию за ужином?

– Нет. – Джаз взяла портфель. – Придется самому, Майлз. Вы справитесь. Вернусь в пять, выслушаю впечатления Иззи. До скорого.

* * *

Когда Джаз сообщила о признании Дэвида Миллара, Роберт Джонс заметно успокоился.

– Хорошие новости! Рори дома, целый и невредимый; убийца Кавендиша арестован. Мы наконец можем вернуться к некому подобию нормальной жизни.

– Рори дома, целый и невредимый; это хорошие новости, да. Однако я очень сомневаюсь, что в истории со смертью Чарли Кавендиша можно ставить точку.

– Миллар ведь признался! Значит, дело закрыто?

– В его признании полно огромных дыр. Хороший адвокат защиты не оставит от такого признания камня на камне, и мы вновь окажемся ни с чем.

– Ясно, – вздохнул Джонс. – Что же теперь?

– Продолжим расследование. Мистер Джонс, позвольте вас спросить. Сестра-хозяйка неоднократно обращала ваше внимание на то, что Чарли Кавендиш издевается над детьми, на опасность, которой подвергаются его жертвы. Почему вы не выгнали Чарли из школы?

Директор вновь вздохнул. Неловко поерзал в кресле.

– Чарли тщательно заметал следы.

– Мистер Джонс, у меня нет опыта управления школой, но во время расследования под моим началом работает целая команда. Я всегда четко вижу, когда один из подчиненных ведет себя плохо по отношению к другому. Имя Кавендиша наверняка всплывало, причем неоднократно. Объясните, пожалуйста, почему вы предпочитали игнорировать его поведение?

– Отец Чарли – известный и важный юрист; дядя входит в попечительский совет… – Голос Роберта Джонса оборвался. – Что я мог сделать?

– Например, поставить благополучие вверенных вам детей на первое место, – холодно ответила Джаз. – Судить о ваших директорских компетенциях – не мое дело, но если миссис Миллар обратится с историей о травле сына в прессу или суд, вашей репутации придет конец. И репутации школы – тоже.

– Да. – Роберт помолчал. – Прискорбная ошибка с моей стороны, согласен.

Джаз посмотрела на часы.

– Хотела также предупредить: сегодня мы сообщим о смерти Хью Данмана прессе. Советую вам организовать собрание и рассказать о случившемся, прежде чем люди прочтут новость в газетах. Вас наверняка обрадует тот факт, что коронер однозначно подтвердил самоубийство. В настоящее время нет оснований связывать смерть мистера Данмана со смертью Чарли Кавендиша. Можете донести это до учеников и сотрудников. Я возвращаюсь в полицейский участок Фолтсхэма, теперь мы будем вести расследование оттуда. Однако на всякий случай в школе остаются сержант Роланд и пара его людей.

Джаз кивнула директору, испуганно съежившемуся в кресле, и вышла.

* * *

Себастьян Фредерикс сел за письменный стол и отпер выдвижной ящик. Вынул конверт, полученный сегодня утром. Перечел письмо.

> «Уважаемый мистер Фредерикс,
>
> В отношении имущества покойного эсквайра Хью Рональда Данмана.
>
> Мы представляем покойного мистера Данмана и являемся доверенными лицами по распределению его имущества. Прошу вас связаться со мной и назначить встречу в нашей конторе, чтобы обсудить завещание мистера Данмана, которое касается вас. Если вы будете так любезны и позвоните нам в ближайшее время, мы уладим дело к взаимному удовлетворению, вашему и мистера Данмана.

Разрешите воспользоваться возможностью и выразить вам глубокие соболезнования.

Надеюсь на ваш скорый ответ.

С искренним уважением,

Томас Сандерс

Адвокат».

Письмо пришло утром и поразило Себастьяна своим содержанием. Хотя он и учился у Хью в этой самой школе, а позже немало лет работал с ним как с коллегой, но дружбы со стариком не водил. Скорее наоборот, испытывал определенную неприязнь к чудачествам Данмана. Тот, вне всяких сомнений, был геем, а Себастьян, невзирая на политкорректность, никогда не понимал гомосексуальных склонностей.

Да и, честно говоря, он считал неприязнь взаимной.

Какой смысл гадать? Через пару дней состоится встреча с адвокатом. Если Данман завещал что-то Себастьяну, это будет большим сюрпризом. Себастьян свернул письмо, спрятал в конверт и потрогал кольцо на мизинце. Откинулся назад, провел ладонью по волосам. Дыхание чуть сбилось.

Снимать кольцо больше не придется, никогда.

*** * ***

Изабелла Шерриф была женщиной выдающихся объемов. Она одевалась в просторные длинные платья в восточном стиле, дополняя их шарфами и бусами, и носила волосы распущенными, ее роскошная золотисто-каштановая грива доходила до талии.

В Скотленд-Ярде Изабеллу прозвали Сорокой – она обожала блестящее. На всех ее пальцах красовались кольца, а на запястьях при каждом движении позвякивали бесчисленные браслеты.

Джаз восхищалась Изабеллой за оригинальное чувство стиля – и за несравненное психологическое мастерство. Иззи редко ошибалась.

Нортон ей доверял; свидетельства Иззи в суде помогли уличить многих преступников и не раз сыграли решающую роль.

Войдя в комнату для допросов, Джаз поймала себя на мысли, что Иззи для полноты образа не хватает лишь хрустального шара.

– Дорогая! – Иззи раскрыла объятия. – Дай-ка посмотреть. Ну и ну, воздух Норфолка тебе на пользу. Выглядишь чудесно!

– Спасибо, Иззи. Я так благодарна тебе за приезд. Мы сейчас как последний военный кордон в пустыне. Дело обещало быть простым, а разрослось до внушительных масштабов.

– Оно всегда так, – улыбнулась Иззи. – За пределами мегаполисов преступления тоже происходят, хотя наше городское начальство думает по-другому. Самобытно до ужаса, правда? – Иззи широким жестом обвела комнату. – Будто попала в шестидесятые, на съемочную площадку «Диксона из Док-Грина».

– Местные возразили бы, что дело в финансировании; оно уходит в большие города, – пояснил Майлз. – Ребят можно понять. Здесь, конечно, даже не участок, а участочек, но все равно жутко не хватает людей и оборудования.

Иззи потрепала Майлза по щеке:

– Ах ты мой сердобольный. Просто загляденье, когда сердишься. Так бы и съела. А ты, Джаз?

Майлз покраснел, а Джаз, оставив реплику без ответа, подтянула к себе стул и села.

– Ну что, ты уже видела подозреваемого?

– О да. – Изабелла поудобнее устроила на деревянном стульчике свою пышную фигуру. – Я беседовала с мистером Милларом сорок пять минут.

– И?

– Как известно, в подобных делах не бывает стопроцентной уверенности, однако должна сказать следующее: если он убийца, то я готова съесть весьма внушительную попу своей тетушки Мадж. Я провела обычные устные психометрические тесты, использовала собственный запас каверзных вопросов, и, по моему твердому убеждению, Дэвид Миллар – не склонный к агрессии, реактивный человек, чей стиль поведения совершенно не подходит для предумышленного убийства.

– Он ведь якобы был пьян?

– Опять же: спонтанное нападение более вероятно, чем следование плану. Нет. – Иззи покачала головой. – Не верю, не верю ни капельки.

– Даже ради защиты сына? – не унималась Джаз.

– Сын для Миллара – свет в окошке, сомнений нет. Будет очень интересно встретиться с мальчиком завтра, осмыслить ситуацию. Понимаешь, я не оцениваю техническую сторону дела или доказательства. Я высказываю тебе свое профессиональное мнение: даже если отбросить наглую ложь о привычке таскать с собой аспирин, предложенное Милларом объяснение не выдерживает критики. Бедняга. Похоже, ему пришлось очень несладко.

– По-прежнему остается вопрос: зачем Миллару признаваться в убийстве, раз он не убивал?

– Думаю, тому есть два альтернативных объяснения. Первое: Миллар кого-то защищает, и этот кто-то может быть только его сыном, с которым я пообщаюсь завтра. Второе, не менее реальное: поведение Миллара – крик о помощи. Боже, сколько раз я видела подобное! Человек доходит до предела и в отчаянной надежде привлечь к себе внимание признается в том, чего не совершал. Пусть Дэвид Миллар и не убийца, но это не означает, что он не утратил связи с реальностью. Миллар пережил потерю и травму, это наверняка повлияло на его психику. Чтобы определить глубину проблемы, мне надо поговорить с ним еще, но в дальнейшем я определенно рекомендовала бы психотерапию. Также рекомендовала бы провести повторный допрос, рассказать, что мы знаем об аллергии на аспирин, и спросить прямо, зачем он лгал.

– Я сейчас спущусь к нему. Спасибо, Иззи. Кстати, о психотерапевтах. Во время встречи с Рори Милларом прошу тебя переключиться на роль детского психолога. Возможно, Рори замешан в убийстве, и нам надо, с одной стороны, побольше выяснить, а с другой – действовать осторожно. Говорят, он многое пережил. С матерью тоже будь, пожалуйста, белой и пушистой, чтобы ее не напугать.

– Дорогая, я смогу быть кем угодно – и сыграю превосходно. Я не упоминала, что мой двоюродный прадед выступал на сцене вместе с Сарой Бернар? Актерство у нас в крови. Так, где тут ближайший трактир? Умираю от голода.

– Мы забронировали тебе номер в гостинице Майлза, он тебя накормит и напоит.

– Замечательно. – Иззи встала, взяла Джаз за плечи. – А ты? Не поедешь с нами?

Щеки Джаз запылали:

– Нет, прости. К сожалению, не могу.

Иззи улыбнулась:

– Сдается мне, у нашей Джасмин свидание с мужчиной. Я права?

– У меня ужин с человеком, которому я помогаю с материалами для диссертации. Я его почти не знаю.

– Еще узнаешь, птичка моя, еще узнаешь. Все, мне надо поговорить с Нортоном. Результат доложу.

Выходя из допросной, Джаз подумала – уж не ясновидящая ли Иззи на самом деле?

* * *

Задремавшего было Дэвида разбудил звук отодвигаемого засова на дверях камеры. Дэвид ощущал невероятную усталость, он уже не помнил, когда в последний раз спал нормально.

Разлепив веки, Дэвид увидел над собой красавицу-детектива.

– Здравствуйте, мистер Миллар. Как себя чувствуете?

Он потер глаза. Инспектор присела в ногах узкой койки.

– Сонный, в голове туман. Обычное дело, когда выходишь из запоя.

– Дэвид, – мягко начала Джаз. – У нас небольшая проблема с вашим признанием.

– Правда? Какая?

– Вы по-прежнему настаиваете на том, что это непредумышленное убийство? Что вы обнаружили в кармане аспирин и воспользовались им спонтанно?

– Да, настаиваю.

– Видите ли, сегодня утром я узнала от Анджелины о вашей аллергии на аспирин. Вряд ли вы стали бы использовать его в качестве болеутоляющего для себя, согласны?

Дэвид сник. Пробормотал:

– Черт.

– Дэвид, вы убили Чарли Кавендиша?

– Я…

– Да или нет?

– Понимаете, инспектор, я мог его убить. Я ведь мало что помню о том вечере, честное слово.

– Вы помните, как останавливались по дороге в школу и покупали аспирин с намерением убить Чарли?

– Нет… Я…

– Дэвид, – негромко спросила Джаз, – кого вы защищаете?

– Никого! – вскинулся он. – Я… никого.

– Возможно, в Озерном краю Рори чем-то с вами поделился? Например, тем, что это он по ошибке дал Чарли аспирин?

– Господи, нет! Нет, конечно! Послушайте, инспектор, Рори сам – жертва.

– Увы, Чарли тоже. Ваше признание, в котором полно слабых мест, навело нас на мысль: уж не защищаете ли вы Рори?

– Нет, инспектор! – Дэвид по-настоящему испугался. – Это не так! Мой сын невиновен, он ничего не сделал. Я… – Он обхватил голову руками и зарыдал.

– Неужели вы приехали в школу с упаковкой аспирина, намереваясь убить Чарли Кавендиша, Дэвид?

– Нет-нет. Однако тот факт, что отец Рори – неудачник, который сам себя подозревает в убийстве, не имеет никакого отношения к Рори. Никакого. Прошу, не вмешивайте моего мальчика. Хватит с него!

Джаз положила руку Дэвиду на плечо, успокоила:

– Согласна, хватит. Я отправлю вас домой, Дэвид. Поспите. Завтра вы немного успокоитесь, и я вас навещу. Хорошо?

– Я свободен?

– Не совсем. Вы пришли в полицию по собственной воле, ареста пока не было. Дежурный сержант отвезет вас домой. Ваша машина, насколько знаю, осталась в Озерном краю. Я подъеду завтра к одиннадцати часам. – Джаз встала, направилась к двери.

– Рори тут совершенно ни при чем, инспектор, правда.

– Поговорим завтра. До свидания, Дэвид.

В коридоре за дверями камеры поджидала Иззи. Она молча кивнула, показав большой палец, и зашагала наверх по ступеням

следом за Джаз.

– Вот, пожалуйста. Мы правы, он защищает сына, – пробормотала Иззи тихонько. – Жду не дождусь встречи с юношей. Спинным мозгом чую – Рори прольет свет на эту историю. Особенно после известия о том, что папу отпустили без предъявления обвинений. Джаз?

– Прости, Иззи, задумалась. Скажи Майлзу, что я буду в «Коуч энд Хорсес» в Клее. Мало ли, вдруг понадоблюсь. На побережье с мобильной связью проблемы.

– Скажу. – В глазах Иззи мелькнул огонек. – Желаю приятно провести время.

Глава девятнадцатая

– Я побегу, хорошо, мистер Форбс? Уже начало седьмого, меня ждет Стив. Впустите последнего клиента сами? Просто нажмете кнопку домофона, когда тот зазвонит.

Джулиан посмотрел на Стейси:

– Конечно, бегите. До завтра.

– Хорошего вечера, мистер Форбс.

– Спасибо, и вам.

Джулиан вернулся к чтению документов.

Через двадцать минут он глянул на часы и позвонил Анджелине:

– Привет, дорогая.

– Привет.

– Как Рори?

– Кутается в одеяло и смотрит «Симпсонов». Выглядит нормально. Тихий только, но это понятно. Завтра утром к нам приедет психолог из Лондона, поговорит с Рори. Думаешь, поможет?

– Из-за своей работы я довольно скептически отношусь к психологам. Хотя уверен, Рори это не повредит.

– Да.

– Мне приехать вечером? Могу вернуться поздно, когда Рори уснет, – нерешительно предложил Джулиан. – Утром я вел себя некорректно, хочу искупить.

По молчанию в трубке Джулиан понял ответ.

– Ладно, переночую в квартире.

– Прости, дорогой. Пусть Рори сначала отойдет от всех потрясений, а уж потом нечаянно обнаружит в маминой постели незнакомого мужчину.

Джулиан, помолчав, спросил:

– Когда ты отправишь Рори назад в школу?

– После всех рассказов об этом жутком Чарли Кавендише и его издевательствах над Рори мне даже думать о школе страшно. Пока что я не хочу выпускать сына из виду.

– Теперь-то для него Чарли уже не помеха.

– Я понимаю, Джулиан, и тем не менее… Послушай. – Анджелина вздохнула: – Обсудим все при встрече, но на этой неделе

Рори никуда не уедет.

– То есть я на неопределенный срок изгнан в квартиру?

– Прости. Я думала, ты понимаешь, что Рори пока должен быть для меня на первом месте.

– Понимать-то понимаю, но это не значит, что я должен радоваться, Анджелина. Значит, в ближайшие дни мы не увидимся? Я по тебе скучаю.

– Ну… – смягчилась Анджелина. – Давай, если завтра Рори будет чувствовать себя хорошо, я вызову его любимую няню на вечер? Приеду к тебе в Норидж на квартиру, закажем еду…

Джулиан не был расположен сдаваться.

– Посмотрим. Я проверю свой график. Перезвоню позже.

– Ну да, хорошо.

Судя по голосу, она расстроилась. Джулиан, между прочим, – тоже.

– Буду прощаться. С минуты на минуту придет клиент. Пока.

Не дожидаясь ответа, Джулиан повесил трубку. Да, он вел себя некрасиво: естественно, сейчас для Анджелины на первом месте Рори. Вопрос только, изменится ли это когда-нибудь?

В некотором смысле даже жаль, что Дэвид Миллар сядет за решетку до конца жизни. Раньше Анджелина умудрялась подсовывать ребенка отцу раз в две недели на выходные. Теперь же, особенно если она продолжит все эти мамочкины сюси-пуси и переведет Рори в школу без пансиона, он будет рядом постоянно.

До визита клиента оставалось еще пятнадцать минут, и Джулиан решил проверить электронную почту.

Во входящих он обнаружил ответ на свое вчерашнее письмо. Джулиан прочел – и похолодел.

Задребезжал звонок домофона.

– Да?

– Приветствую, – голос звучал приглушенно.

– Надо толкнуть дверь и подняться ко мне на третий этаж.

Джулиан вышел из электронной почты и направился в приемную навстречу клиенту.

* * *

Джаз на всякий случай поручила одному из ребят Роланда дежурить до утра у коттеджа Дэвида Миллара и поехала домой.

Она стояла в одном белье на кухне, мыла голову под ледяной водой в раковине – и вся дрожала.

Стуча зубами, Джаз обернула волосы полотенцем и побежала греться у камина в гостиной.

Сантехник пообещал горячую воду и отопление к завтрашнему дню. Если же этого не произойдет, Джаз придется удрать в гостиницу. Температура неуклонно падала вот уже два дня, тяжелые тучи предвещали скорый снег. На втором этаже электричества не было совсем, спальня напоминала ледник. Лежать, свернувшись калачиком, под горой одеял и читать при свечах – картинка романтичная, но в действительности вставать среди ночи в туалет, нащупывать фонарь, спотыкаться об ящики с инструментами и вновь ложиться в холодную постель, где невозможно уснуть, напрочь лишено какой бы то ни было романтики.

Джаз, насколько смогла, высушила густые кудри перед огнем: лучше так, чем топать наверх и в потемках искать фен. Решила – сегодня переночую на диване, тут по крайней мере тепло.

Натянула джинсы и толстый свитер, подкрасила ресницы и губы, выскочила из коттеджа.

Ведя машину по обледенелым дорогам, Джаз вдруг поймала себя на сильном волнении. Она обожала порядок и предсказуемость – настоящая Дева, говорил отец. От любого эмоционального хаоса у нее начиналась нервная дрожь, вот как сейчас.

Джаз припарковалась на зеленой обочине перед пабом.

– Возьми себя в руки, женщина! Тоже мне событие, ужин в пабе! – громко сказала она и, вздохнув, направилась по узкой дорожке ко входу.

Джонатан сидел у огня, баюкал в ладонях кружку с пивом. Поднявшись с улыбкой навстречу Джаз, он расцеловал ее в обе щеки.

– Как вы, Джаз? Выглядите чудесно, – прокомментировал Джонатан, скользнув взглядом по ее затянутым в джинсы длинным ногам. – Что будете пить?

– Не откажусь от бокала вина.

– Сей момент. Садитесь и грейтесь у этого фантастического огня. Я принесу меню, хотя написанные на доске особые блюда тоже

выглядят аппетитно.

Джаз проследила, как он шагает к бару, возвышаясь над другими мужчинами. Сегодня Джонатан выглядел по-другому – взрослее, что ли. Видимо, при первой встрече повлияло университетское окружение, и Джаз увидела в Джонатане студента, а ведь он всего на семь лет младше нее.

– Прошу. – Джонатан вручил ей вино и меню, сел рядом на табурет, вытянув длинные ноги. – Решайте поскорее. Кухня закрывается в восемь тридцать, а уже десять минут девятого.

Джаз хмыкнула:

– В Лондоне народ в это время только собирается в рестораны, а тут они уже закругляются. – Она пригубила вина, посмотрела на доску. – Впрочем, решить не сложно. Закажу треску с жареной картошкой и гороховое пюре.

– Присоединюсь к заказу, – улыбнулся Джонатан. – В чужом монастыре, так сказать… Хотя выловленную здесь треску, наверное, продают в вакуумных упаковках в Шотландии, а нам скармливают норвежскую рыбку.

– Наверное. Однако дорог не подарок, а внимание.

– Точно. Приятно видеть женщину, которая не переживает о съеденных калориях… в смысле, вам, конечно, и не нужно… У вас чудесная фигура, но… – Он покраснел. – Просто обидно, когда приглашаешь даму на ужин, а она весь вечер гоняет по тарелке кусочек латука.

– Ну, сегодня вам это не грозит. Я ем, как прорва, и уже умираю от голода. Бегите делать заказ, пока не поздно.

* * *

За пятнадцать минут Джаз расслабилась. Ироничные шутки Джонатана были ей близки и понятны. Рыба с картошкой оказались вкусными, и Джаз решилась на еще один маленький бокал вина.

– Итак, я готова отвечать на вопросы. Кстати, простите, если в прошлую встречу меня занесло.

– Вы влюблены в свое дело. Разве это криминал? Ни в коем случае!

– Это либо любовь, либо крушение иллюзий, одно из двух. – Джаз улыбнулась. – Две недели назад я собиралась уйти из полиции окончательно.

– Правда? – удивился Джонатан. – Почему?

– Пережила грандиозное разочарование и на работе, и дома. Бог с ним, история длинная и скучная, да и ворошить прошлое не хочется.

– Понимаю. Ваш отец сказал, вы недавно развелись.

– Неужели? – Джаз вздернула бровь. – Что еще он поведал?

– Заявил прямым текстом, что это было лучшим решением в вашей жизни.

– Ну да. Папа никогда не был фанатом Патрика.

– Я догадался. Вы рады тому, как все сложилось?

– Кто же рад неудаче? Развод означает именно это. Хотя я определенно рада тому, что он позади.

– И вы вернулись на работу?

– Похоже, да. На самом деле я просто согласилась оказать услугу шефу, но… – Джаз пожала плечами. – Посмотрим.

– Было бы жаль все бросить, правда? Вы здорово продвинулись по службе, а ведь женщине это трудно?

– Не особо. Да и вообще я обыкновенный сыщик, – улыбнулась Джаз.

– Обыкновенный? Вот уж вряд ли, – возразил Джонатан. – Выглядите вы точно лучше Коломбо.

– Сочту это комплиментом, а не оскорблением.

– Хотел бы я своей работой приносить пользу обществу. Быть хирургом, скажем, или изобретателем. Я восхищаюсь вами, Джаз. Сам-то я всего лишь создаю теории о том, как следует действовать.

– Между прочим, моей первой любовью был вовсе не шлем с дубинкой. Я хотела стать художницей. До сих пор хочу.

– Ваш отец рассказывал, что вы изучали историю искусств.

– Кажется, мой старый добрый папа рассказывал вам обо мне довольно много, – неодобрительно заметила Джаз.

– Не вините его. Я выуживал информацию, каюсь. – Джонатан широко улыбнулся. – Это было нетрудно, вы для отца – любимая тема. Знаете, главная прелесть любого таланта состоит в том, что он никогда вас не покидает. Я вот художественными талантами не обладаю. Не

могу даже по дверной коробке кистью пройтись, что уж говорить о картине.

– Зато вы способны мыслить логически и четко – и переносить свои мысли на бумагу. Это и есть ваш творческий инструмент, согласны?

– Я знал, что вы мне понравитесь, мисс Хантер. До чего элегантный способ придать смысл моей ничтожной жизни! Кофе?

– С удовольствием. – Джаз посмотрела на часы. – Затем придется вас покинуть.

– Как продвигается расследование? – спросил Джонатан, вернувшись от барной стойки.

Он поставил на стол две чашки кофе, насыпал в свою две полные ложки сахара.

Джаз прожила десять лет с мужчиной, который работал с ней вместе, понимал все профессиональные тонкости и кодовые слова. С ним можно было обсуждать дела открыто, не боясь нечаянно проговориться. Коллеги, чьи партнеры не служили в полиции, жаловались, как трудно, когда из соображений безопасности нельзя делиться с близкими подробностями своей рабочей жизни.

Джаз пока не имела подобного опыта и планировала вести себя осторожно.

– Сложнее, чем я ожидала, но это нормально, – ответила она уклончиво.

– Вы в Норфолке временно?

– Нет, переехала навсегда. Мне здесь нравится.

– Удивительно простой и суровый край, лишенный очарования. Джаз… – Рука Джонатана скользнула по столу и накрыла ладонь Джаз. – Не подумай, что я тороплю события, но мне сегодня было очень хорошо. Давай повторим? Я ведь так и не задал нужных вопросов.

– Я…

Джаз растерялась. Что сказать? Она давно позабыла правила романтических отношений.

Не успела Джаз задуматься над ответом, как заметила на пороге паба до ужаса знакомую фигуру. Человек широко улыбнулся и поспешил к их столику.

– Джаз!

Мягкий ирландский акцент привычно резанул ухо. Патрик. Бывший муж. Нагнувшись, он поцеловал ее в щеку.

– Выглядишь чудесно!

Его руки сомкнулись на плечах Джаз, и она уловила знакомый запах, по которому узнала бы Патрика мгновенно, даже если бы ослепла.

Джаз сидела неподвижно, ждала, пока он не отпустил ее плечи и не выпрямился.

– А кто же этот добрый молодец?

Патрик уставился сверху вниз на Джонатана; взгляд красноречиво говорил, что приветливые слова – лишь видимость.

– Какого черта ты здесь?!

– Ну вот, Джаз, зачем ты? Я оказался в Норидже по делам, подбросил Иззи, собственно говоря.

– Иззи?! – У Джаз перехватило горло.

– Так получилось. Я встретился с Майлзом и нашей славной мозгоправшей за ужином.

– Зачем же явился сюда? В паб? – холодно осведомилась Джаз.

– Ужасно жаль портить тебе отдых, но дело в Нортоне. Он хочет срочно с тобой поговорить. Ты не отвечала по мобильному, зато сержант Майлз знал, где тебя найти, вот я и решил доставить сообщение лично.

У Джаз не осталось сил отвечать. Джонатан явно чувствовал себя неуютно.

– Поеду, пожалуй, – встал он. – Там, кажется, гололед.

– Он самый, будьте осторожны, – ухмыльнулся Патрик.

– Обязательно. Пока, Джаз. Спасибо за приятный вечер.

– Спасибо тебе. Мне понравилось. – Она тепло поцеловала Джонатана в щеку.

– Джаз, ты нас представишь? – Патрик опустил ладонь на плечо Джонатану.

«Ах ты ж сволочь…»

Джаз скрипнула зубами:

– Джонатан, знакомься: Патрик Кафлин, мой бывший муж.

– Понятно. Пока, Джаз. Созвонимся. – Смущенный Джонатан торопливо ретировался.

– Я тоже ухожу.

Джаз попыталась проскользнуть мимо Патрика, но тот решительно удержал ее за руку.

– Ну же, Джаз, брось, зачем? Почему нельзя вести себя как цивилизованные люди? Посидим, выпьем, мы же старые друзья!

– Мы не друзья, Патрик, и больше никогда ими не будем!

Он внимательно посмотрел на нее, затем лукаво улыбнулся:

– Ну и ну! Судя по реакции, у тебя до сих пор ко мне чувства. Иначе ты спокойно согласилась бы посидеть, выпить…

Кипя от ненависти, Джаз резко опустилась на стул.

– По одной, и я поеду.

– Как обычно?

Она кивнула, сердце забилось быстрее – Патрик знает о ней столько интимных подробностей…

Он вернулся с коньяком для Джаз и виски для себя.

– Ну и что это за парень?

– Просто друг. Я помогаю ему с диссертацией.

– Мне показалось, ему хочется от тебя помощи не только с диссертацией. Молодец, уважаю. Ты с ним спишь?

– Патрик, ради бога! Не твое дело! Мы с Джонатаном едва знакомы.

– Не слишком ли он молод?

– Тебя возраст не остановил. – Слова сорвались с губ сами.

– Туше2. – Патрик глотнул виски. – Ай, это ничего не значило, правда, ничего совершенно.

– Хватит кормить меня враньем! Я знаю, что ты лжешь. Ваш роман длился как минимум год. Самое паршивое – на работе все были в курсе. Кроме твоей жены.

– Согласен, я вел себя нехорошо, но…

– Нехорошо?! – Щеки Джаз обдало жаром. – Боже, Патрик, ты вел себя отвратительно! Трахал ее в своем кабинете, закрыв жалюзи. Господи! Если уж так хотелось насладиться супружеской неверностью, делал бы это после работы.

За соседним столиком увлеченно наблюдали за скандалом, но Джаз было все равно.

– Джаз, я глубоко, искренне сожалею. – Патрик вздохнул. – Нам следовало поговорить об этом давным-давно. Я ждал, готовый извиниться и объяснить, но ты упорхнула в закат. Тем не менее сейчас

я сижу перед тобой и признаю, что вел себя как полный идиот. Я преисполнен вины за то, что подверг тебя таким переживаниям. И мне вдвойне жаль, если мое поведение способствовало твоему уходу из Скотленд-Ярда.

Джаз беспомощно посмотрела на него.

– Разве я могла остаться?! Принцесса Диана однажды сказала, что в браке третий – лишний, а ей, между прочим, не приходилось ежедневно работать вместе с Камиллой… и тем более с мужем.

Джаз покачала головой и допила коньяк до дна. Патрик в кои-то веки не нашел быстрого ответа.

– В любом случае что сделано, то сделано, – продолжала она. – Все уже в прошлом, и я, честно говоря, намерена жить дальше. Как у тебя хватило наглости заявиться сюда!

– Джаз, я был в отчаянии, вне себя. Столько месяцев пытался тебя найти! Твой адвокат отказывался даже намекнуть, где ты прячешься.

– Я не хотела видеть тебя тогда – и не хочу сейчас.

– Меня нельзя обвинить в нечестной игре, я дал согласие на быстрый развод. Мог ведь и не подписать бумаги.

– Претендуешь на медаль? – Джаз горько усмехнулась: – Патрик, какое же ты трепло… Весь пропитался враньем. Ну-ка, поправь меня: разве ты дал согласие не без собственной выгоды? Не с целью получить свободу и начать новую жизнь с Крисси?

– Еще по одной? – Он кивнул на стакан.

– Нет. Я за рулем.

– Я подвезу.

– Нет. Утром мне понадобится машина. Чего, кстати, хотел Нортон? Что за срочный разговор?

– Ничего. Я солгал, выдумал предлог для встречи с тобой.

– Пристрелю Майлза за то, что он меня сдал, – пробормотала Джаз.

– Не надо. Ему я тоже солгал. – Патрик накрыл ее ладонь своей. – Я очень по тебе соскучился.

Джаз выдернула руку.

– В чем дело? Шестнадцатилетка дала тебе от ворот поворот? Страдаешь от одиночества? Прости, – одернула себя Джаз. – Я скатываюсь до твоего уровня, стыдоба. Вообще-то, если не считать

шашней с моим мужем, Крисси мне нравилась. Умная девушка и чертовски хороший констебль.

– Если тебе станет легче, то пару месяцев назад она ушла к биржевику из Сити, на пятнадцать лет меня младше и в сто раз богаче. Я один-одинешенек, так что да, страдаю.

Джаз выдавила из себя смешок.

– Рассчитываешь на мое сочувствие? Зря. Я, понятное дело, в восторге и надеюсь, что ты ужасно мучаешься.

– Мучаюсь. Только не из-за нее. Из-за собственного идиотизма. Как я мог потерять тебя!

– Не трать красноречия понапрасну. Ты всегда был мастером обаять, Патрик. Ирландские корни и прочее. Увы, на меня это больше не действует. Знаешь, мне действительно пора. – Джаз встала.

– Нам надо многое обсудить! На нашем банковском счете до сих пор хранится твоя зарплата. В документы по нашей квартире вписано твое имя.

– По твоей квартире, Патрик. Ты выкупил мою долю, забыл? Прислал чек и бумаги на подпись моему адвокату.

Патрик вышел на улицу под густой снегопад.

– Не представляю тебя селянкой, – пошутил Патрик, провожая Джаз к машине. – Ты ведь обожала город.

– Человек ко многому способен привыкнуть, если жизнь заставит. Пока, Патрик. Счастливого пути назад в Лондон.

Нырнуть в салон автомобиля Джаз не успела – Патрик поймал ее, привлек к себе.

– Господи, как я соскучился… – Он стал гладить Джаз по волосам. – Если только захочешь…

Она с силой высвободилась.

– Нет, Патрик, все кончено. Навсегда. Поверь.

Джаз села за руль и захлопнула дверцу. Заведя мотор, рванула с места как можно скорее – и не оглянулась.

* * *

Ночью, не в силах уснуть, Джаз сидела на подоконнике в гостиной и наблюдала за снежными хлопьями, которые скользили по

стеклу и густым ковром укрывали землю. Джаз вновь переживала унижение от предательства Патрика, от понимания – все в отделе знают…

Однако на этот раз Джаз сильнее злилась на себя, чем на бывшего мужа: за то волнение, которое испытала сегодня в его объятиях.

Глава двадцатая

Дженни Колман следовала привычному утреннему распорядку. Она пустила воду в ванну и, пока та наполнялась, заварила себе крепкого чаю и насыпала в миску хлопьев. После ванны села в халате завтракать. Дженни жевала хлопья и рассматривала в кухонное окошко глубокий снег, укрывший все вокруг.

Закончив, она достала из гардероба одно из трех платьев. Дженни носила их на работу по очереди, называла униформой и каждый январь ездила автобусом в Норидж на распродажу покупать новый комплект. Подкрасившись, Дженни брызнула на шею и запястья немного «Блю грасс» – и услышала за дверьми шаги почтальона.

– Очередные счета, – простонала.

В детстве шаги почтальона вызывали восторг, особенно в день рождения и на Рождество. Теперь почтальон означал лишь одно: опять кто-то хочет денег.

Сквозь прорезь почтового ящика влетели и спланировали на пол два конверта, Дженни их подняла. В одном оказался рекламный проспект водопроводной компании, а во втором…

Дженни изучила свое собственное имя, аккуратно напечатанное на плотном кремовом конверте. Марка лондонская. Дженни взяла очки, села на диван. Кто бы мог писать ей из Лондона?

Адресантом значилась некая адвокатская контора. Дженни прочла письмо дважды – верно ли она поняла?

Затем сняла очки и уставилась в пространство.

Небольшое наследство…

Нет. Обнадеживаться нельзя. Дженни вновь перечитала послание. Адвокат просит встретиться в Лондоне.

Она никогда не бывала в Лондоне. Как добраться до вокзала? Как попасть оттуда в нужное место?

Попросить Мэдди съездить вместе? Пусть она хотя бы проводит Дженни в Норидж и посадит ее на поезд.

Дженни решила: она покажет письмо мистеру Джонсу и спросит, в какой день можно отлучиться. Подыщет себе замену – кого-нибудь из девушек в казначейском офисе.

Затем позвонит.

Дженни осторожно шла в теплых сапогах по талому снегу и грустно улыбалась.

Милый Хью. Пусть даже он оставил ей небольшой памятный подарок, все равно приятно.

* * *

Дверь кабинета мистера Джонса, выходящая в маленькую приемную, была открыта. Он читал местную газету, рядом лежали «Таймс» и «Телеграф».

Дженни решительно постучала.

– Доброе утро, мистер Джонс. Как ваши дела?

– Входите, входите.

Роберт поманил ее к столу и показал первую полосу газеты.

«Местный учитель найден мертвым у себя дома».

– Боже мой, боже мой… Что пишут?

– В основном о заслугах Хью как ученого, хотя и смерть Чарли упоминают. Тут тоже есть небольшие заметки… – Директор указал на две национальные газеты.

– Значит, Хью знаменит, раз о нем написали даже в «Таймс» и «Телеграфе».

– Да. – Роберт был заметно взволнован. – Организуете кофе для нас с инспектором Хантер? Она будет с минуты на минуту.

– Конечно, мистер Джонс.

Дженни помедлила в дверях, кусая губы и собираясь с мужеством.

– Вы что-то хотели?

Она покачала головой. Сейчас не самый удачный момент просить выходной.

– Нет, мистер Джонс. Я принесу кофе.

* * *

Отчаявшись уснуть к пяти утра, Джаз покинула коттедж ни свет ни заря – ради относительного тепла допросной комнаты в Фолтсхэмском участке.

В восемь явились Майлз и Иззи. Оба имели слегка похмельный вид.

– Кофе, мне нужен кофе, – простонала Иззи.

Джаз оставила жалобу без внимания. Иззи плюхнулась на стул как ни в чем не бывало, а вот Майлз, похоже, смутился.

– Он тебя нашел? – наконец выдала Иззи.

Джаз кивнула.

– Еще бы, – отрезала она. – Вы ж ему подсказали, где искать.

– Алистер, будь ангелом, организуй тете Иззи свежемолотый кофе, ладно? В наказание за то, что вчера влил ей в глотку столько вина.

– Постараюсь, хотя не уверен, что кофейные зерна уже добрались до самых отдаленных сторожевых постов Британии.

– Спасибо, душа моя, – кивнула Иззи.

Она понаблюдала за якобы углубленной в работу Джаз и заметила:

– Он до сих пор тебя любит.

Та захлопнула ноутбук, свирепо сверкнула глазами:

– Флаг ему в руки!

– Брось, Джаз, перед Иззи притворяться не надо. Я знаю, что ты к нему чувствовала. И все еще чувствуешь, наверное.

– Нет! Уже нет! Я потратила уйму времени на то, чтобы прийти в себя, и у меня нет ни малейшего желания воскрешать прошлое. Однако вчера пришлось, по твоей милости.

– Прости, Джаз, но вам стоило как минимум поговорить. Бегать от собственных переживаний крайне вредно. С ними надо разбираться.

– Иззи, я тебе не пациент! Не смей вмешиваться в мою жизнь!

– Ты мне подруга, Джаз. Я тебя понимаю. И люблю, – спокойно ответила Иззи. – Еще я знаю, что твоя величайшая слабость – гордыня. Патрик тебя унизил. Ты поджала хвост и удрала, не дав ему возможности объясниться.

Джаз уже проходила все это с Иззи – и не испытывала желания повторять.

– Давай сменим тему, хорошо? Мы с Патриком разведены. Все кончено.

– Вспомни про Лиз Тейлор и Ричарда Бертона…

– Ради бога, Иззи! Патрик спал с нашей общей коллегой, причем не один, а много раз. Это была «любовь»; по крайней мере, так говорила на работе Крисси. Они планировали совместное будущее задолго до того, как у меня открылись глаза. Теперь она Патрика бросила, и на него повеяло одиночеством, вот и все.

– Да, согласна, но он ее вовсе не любил. Крисси, конечно, милая девочка, но по мозгам тебе в подметки не годится. Нет, это типичное мужское поведение, которое сводится к похоти: обладать новым телом волнительно, тешить самолюбие приятно – как же, влюбил в себя молодуху! Будем откровенны, оно у Патрика огромное. – Иззи хохотнула. – Я про самолюбие.

– Безусловно. Вот и делай вывод из собственных слов. Патрику вообще не следовало жениться. Он, видимо, нуждается в постоянной подпитке возбуждения, которую жена дать не в состоянии. Ты же знаешь, как Патрик обожает флиртовать. Крисси была не первой, я уверена, а брак с отпетым ловеласом – не для меня.

– Да уж, – вздохнула Иззи. – Возможно, ты права. Ну, вы хотя бы пообщались. Не представляю, откуда Патрик узнал о моей поездке, только он очень настойчиво предложил отвезти меня в Норфолк.

– Зачем согласилась? Подумала бы обо мне.

– Ягодка моя, я ненавижу общественный транспорт, ты же знаешь, – фыркнула Иззи.

– Извини, но это не оправдание. Подруга, называется! Я чуть не умерла от потрясения, когда Патрик материализовался в пабе. Могла бы предупредить.

– Патрик взял с меня обет молчания. Понимал, что иначе ты сбежишь. Я тоже понимала. – Иззи улыбнулась: – Да ладно, Джаз, неужели ты ни капельки не обрадовалась, что Патрик увидел тебя в компании с потенциальным любовником?

Джаз потеряла дар речи. Наконец выдавила:

– То есть ты подослала Патрика специально? Господи, ты же понятия не имеешь, с кем я встречалась!

Иззи подалась вперед:

– Ты можешь поклясться, что вчера при виде Патрика ничегошеньки к нему не почувствовала?

Джаз залилась краской:

– Хватит! Больше не вмешивайся, спасибо. Я серьезно, Иззи!

– Хорошо. Прости, – пожала плечами та.

К счастью, в эту минуту вернулся Майлз с тремя чашками кофе.

– Растворимый, увы. Ничего лучше не нашел.

Если Майлз и уловил напряжение в воздухе, то ничего не сказал.

– Проглочу кофе и поеду к Милларам. Ты со мной, Джаз? – ласково поинтересовалась Иззи.

Джаз еще не остыла.

– Нет. Я навещу мистера Джонса, некомпетентного директора, введу его в курс дела. История с Хью Данманом появилась сегодня в газетах, и Джонс, думаю, сам не свой. – Она повернулась к Майлзу: – Когда доставите Иззи к Милларам, попробуйте связаться с адвокатом Хью Данмана, хорошо? Поинтересуйтесь, когда нам огласят подробности завещания.

Джаз спрятала ноутбук в чехол и встала.

– Встретимся здесь в двенадцать, Иззи. Расскажешь про Рори Миллара.

– Я прямо предвкушаю, если честно. Странные подростки – нынче моя излюбленная тема.

У Джаз зазвонил мобильный.

– Хантер слушает.

– Это Роланд, мэм. У меня плохие новости, – послышался встревоженный голос.

– Что?

– Мой сержант доложил, что Миллар сбежал.

Джаз приглушенно выругалась:

– Как? Куда?

– Точно неизвестно. Наряд располагался через дорогу от коттеджа, не видел ни входящих, ни выходящих людей. В восемь сорок утра почтальон принес Миллару посылку, но вручить не сумел – никто не открыл. Мой сержант, естественно, насторожился, отправился проверить. Задняя дверь была открыта, дом пуст. Простите, мэм, но вы просили держаться скрытно, на расстоянии.

– Ясно. Миллара надо найти.

– Я уже еду на место. Разошлю оповещения по всему графству. Уверен, он скоро попадется.

– Надеюсь, сержант Роланд. Жду новостей. Да, и поставьте пока кого-нибудь у дома миссис Миллар. Спасибо.

Джаз повернулась к Иззи:

– Ты уловила суть разговора?

– Уловила. Не паникуй, Джаз. Полагаю, то был зов алкоголя: бедняга захотел выпить, но все запасы иссякли. Вряд ли он ушел далеко.

– Дай-то бог, – мрачно ответила Джаз, направляясь к дверям. – Однако я ничего подобного не ожидала. Матери Рори о побеге – ни слова. Анджелину удар хватит, и ее павлина-юриста – тоже.

– Разумеется. Можно сказать ей о том, что Дэвида отпустили из-под стражи? Хочу увидеть реакцию.

– Если понадобится, то да. До встречи.

* * *

Ведя машину к школе, Джаз продолжала кипеть. Она злилась на Иззи – и переживала по поводу Миллара. Вчерашняя неожиданная встреча и звонок Роланда пошатнули и без того слабую уверенность Джаз в себе. Упустить подозреваемого – это одно, а упустить подозреваемого, который сознался в убийстве и был отпущен без предъявления обвинений, – другое.

Вдруг Джаз ошиблась в Милларе?

– Черт, черт! – Она стукнула по рулю, остановившись перед круговым перекрестком.

Подумала об Италии, где самой сложной задачей являлся выбор кафе с вкусной пастой на ужин.

Какого дьявола было возвращаться домой?!

Однако вечное бегство – тоже не выход. Иззи кое в чем права: с прошлым следовало разобраться.

Джаз съехала с кругового перекрестка. Ничего, однажды она уже ушла, сможет уйти еще раз.

Ясный день нахмурился, небо затянуло снежными тучами. Метеослужба предупреждала о сложных метеорологических условиях во всем восточном регионе. Джаз решила остаться на ночь в городе, в

гостинице Майлза. Застрять из-за снежных заносов в коттедже без отопления и электричества – перспектива так себе.

Зазвонил мобильный. Джаз, ехавшая по центральной улице Фолтсхэма, остановилась у газетного киоска.

– Джаз?

– Привет, мам, как ты?

– Я…

Мамин голос оборвался. Джаз поняла – что-то случилось. Спросила пересохшими вмиг губами:

– Папа?

– Да. – Селестрия сдавленно всхлипнула. – Час назад папе стало плохо, его забрали в больницу. Я тоже здесь. С ним сейчас врачи, а я решила позвонить тебе.

– Ох, мама… Как он?

– Ты же знаешь докторов, они ничего не объясняют. Говорят, что после обследования будет больше информации, но почти наверняка уверены в инфаркте.

– Боже мой. – Джаз сглотнула комок. – А прогнозы?

– Похоже, не очень хорошие. Ох, Джаз, папа выглядит ужасно, я…

– Мама, я выезжаю. Какая больница?

– Папворт. Только, Джаз, у нас погода жуткая. Сильнейший снегопад. Водителей просят не садиться за руль без крайней необходимости.

– Здесь пока сносно, и я уже за рулем. Держись, мам, и папе вели держаться.

– Ох, милая, я… спасибо. Он в критическом состоянии. Пожалуйста, будь осторожна в дороге.

– Конечно. Увидимся примерно через час.

Джаз уронила телефон на колени и, борясь с дурнотой, опустила голову на руль. Вот он, звонок, которого Джаз боялась всю свою взрослую жизнь…

«Прекрати, Джаз, – уговаривала она себя. – Папа жив, он выкарабкается. Обязан выкарабкаться».

В пассажирское окно постучали.

Джаз подняла взгляд и увидела встревоженного Патрика с «Таймс» под мышкой. Не успела она его остановить, как он уже открыл дверь и заглянул в салон.

– В чем дело, Джаз? Что случилось?

– Мама звонила. Папа в критическом состоянии. Инфаркт.

– Джаз, сочувствую. Можно мне сесть? Холод ужасный.

Джаз не возражала, не было сил. Патрик нырнул внутрь. Его запах и морозный воздух успокоили и огорчили ее в равной мере.

Рукой в перчатке Патрик сжал руку Джаз.

– Ты, видимо, собралась в больницу? Сможешь вести машину? Погода быстро портится.

Джаз кивнула:

– Смогу, конечно. Извини, я просто только что узнала и немного расклеилась… – Она постаралась взять себя в руки.

– Он… очень плох?

– Мама почти ничего не сообщила, но сам факт ее звонка говорит – да, очень плох. Я уже в норме. – Джаз вымученно улыбнулась: – Поеду, пора.

– Джаз, выглядишь ты жутко, у тебя шок, и я ни за что не позволю тебе сесть за руль в метель. – Патрик уже выбирался с пассажирского сиденья на улицу. – Давай двигайся, я поведу. Оставим твою машину возле участка, он по пути, и возьмем мою: на ней в такую погоду лучше. Домчим мигом.

Он обошел автомобиль и открыл водительскую дверь. Джаз не шелохнулась.

– Джаз, ангел мой, раз в жизни сделай, как тебе говорят, и не спорь. Я все равно с места не сдвинусь.

Патрик выжидательно скрестил руки на груди. Внутри Джаз разыгралась целая битва – впрочем, заведомо проигрышная. Джаз слабо кивнула.

– Хорошо. Спасибо, – угрюмо произнесла она.

Выбралась из машины. Колени у Джаз подкосились, пришлось ухватиться за Патрика. Тот бережно довел ее до пассажирской двери, усадил.

– Так, куда направляемся? В Кембридж?

– Да. – Джаз проводила взглядом газету, которую Патрик швырнул на заднее сиденье. – Необязательно меня везти. Я справлюсь.

– Не сомневаюсь. – Он с улыбкой отъехал от обочины. – Знаю, что необязательно. Кстати, тебе разве не надо кому-нибудь позвонить?

Джаз кивнула.

– Предупредишь Нортона, что я вернусь в Лондон немного позже? – спросил Патрик.

Она нахмурилась, вновь кивнула – скрепя сердце.

– Ты ему объяснишь, и он все поймет правильно. Мы десять лет были мужем и женой, так ведь? Я везу тебя к больному отцу, а не на романтическую прогулку с примирением.

– Да, конечно. Прости.

Джаз принялась набирать номер.

* * *

Погода благоприятствовала, и они без приключений добрались до Или, где попали в снегопад. Джаз сидела тихо, смотрела в окно и с замиранием сердца думала о том, что ее ждет. Пробовала звонить маме на мобильный, но тот, как обычно, был отключен. Селестрия, наверное, и не подумала захватить телефон в больницу. Джаз купила родителям мобильники пару лет назад на Рождество. Папа быстро освоил полезную игрушку, почувствовал себя как рыба в воде и даже начал отправлять сообщения. Мама же с трудом находила кнопку включения, и в семье это стало поводом для дежурных шуток.

В пробку попали уже на A14, в нескольких милях от Кембриджа.

– М-да, картина плачевная, – вздохнул Патрик, высовываясь из окна.

Вереница машин уходила вперед насколько хватало взгляда – то есть недалеко, учитывая плохую видимость.

– Думаю, впереди авария или сломался кто-то. – Патрик повернулся к Джаз. – Ну что ж, мигалка с сиреной нам в помощь.

– Не надо, Патр…

– Надо. – Он вывернул на обочину, опустил стекло и примагнитил проблесковый маячок к крыше. – В худшем случае мы оба вылетим с работы, но ты уже уволилась, так что не важно. – Машина начала набирать скорость. – К тому же у нас вопрос жизни и смерти.

От этих слов Джаз окатила волна страха.

На обочине то и дело попадались сломанные машины; Патрику приходилось съезжать на дорогу, встраиваться в очередь, ползти мимо заглохшего автомобиля и возвращаться на обочину до очередного

препятствия. К тому времени, как они достигли перекрестка и Патрик вновь влился в поток, нервы у Джаз были натянуты до предела.

– Господи Иисусе, Мария с Иосифом! Кошмар! Где власти?!

– В нашей машине? – негромко предположила Джаз, на губах мелькнула тень улыбки.

Патрик сжал ее ладонь, отдавая должное выстраданной шутке.

– Почему эта богом забытая страна склоняет голову перед любой мало-мальской непогодой? – Он покосился на бледную Джаз, вновь сжал ей руку. – Уже близко.

Джаз слабо улыбнулась. Она сама не знала, что лучше: затор на шоссе или предстоящие новости о папе.

Глава двадцать первая

Анджелина расхаживала по кухне, в холодных руках стыла третья чашка кофе. Поглядев на заснеженный пейзаж за окном, Анджелина взяла со стола телефон и в десятый раз за утро набрала номер Джулиана.

Опять автоответчик… Она уже и так оставила три сообщения: одно вечером, два утром.

После вчерашнего телефонного разговора от Джулиана не было вестей, а ведь он обещал перезвонить.

В голове засела простая мысль: Джулиану надоело играть вторую скрипку, и он решил оповестить об этом, не отвечая на звонки.

Закусив губу, Анджелина села за стол. Что ей было делать? Господи, мужчины – такие эгоисты! Разве она виновата, что Рори нуждается в матери, покое и безопасности? Дело, конечно же, в том, что у Джулиана нет собственных детей; ему неведомы ни родительские чувства, ни потребность защищать свое дитя.

А еще… Анджелина позволила себе немного побыть слабой. Как же она? Похищение ребенка, известие о том, что бывший муж – убийца… Это тоже трудное испытание!

Внезапно рассердившись, Анджелина вскочила. Раз Джулиан хочет таким детским способом ее наказать, то и пусть!

В дверь позвонили. Наверняка психолог из Лондона. Анджелина отправилась в прихожую.

На пороге стояла крупная дама в широкополой фетровой шляпе, припорошенной снегом.

– Изабелла Шерриф, приятно познакомиться. Вы, должно быть, Анджелина, мама Рори.

– Да.

Анджелине вдруг стало смешно. Изабелла Шерриф в бархатном пальто и шляпе очень уж напоминала снеговика.

– Входите.

– Спасибо. – Изабелла стряхнула с плеч снег, сняла шляпу. – Решила прогуляться. Дурацкая затея.

В глазах гостьи, расстегивающей промокшее пальто, сверкнул лукавый огонек, и Анджелина мгновенно прониклась к ней симпатией.

– Давайте я повешу пальто у печи, пусть сохнет.

– Отличная мысль. Сапоги, пожалуй, тоже сниму, не хочу следить талым снегом в вашем прекрасном доме. – Изабелла уцепилась за дверную ручку и стянула обувь, явив миру один красный и один черный носки. – Простите за носки. Меня уведомили о поездке в последний момент, я не успела нормально собраться.

– Ничего страшного.

Иззи проследовала за Анджелиной в кухню, где сразу направилась к печи и положила руки на горячую поверхность.

– Похоже, о возвращении в Лондон сегодня вечером можно забыть, – заметила Иззи.

– Да, снег так и валит.

Развешивая пальто гостьи на перекладине над печью, Анджелина рассеянно глянула в окно. Ей вдруг стало страшно. Что, если Джулиан попал в аварию? Разбился из-за снегопада вчера вечером по дороге в квартиру?

– Вы не против?

Анджелина с трудом вынырнула из задумчивости, вопросительно посмотрела на Иззи. Та указывала на кофейник.

– Простите. Конечно, я приготовлю свежий кофе. Этот уже остыл.

Анджелина наполнила чайник, поставила закипать.

– Как Рори? Могу я звать вас Анджелиной?

– Да.

– А вы зовите меня Иззи, так привычнее.

– У Рори выдалась плохая ночь. Он кричал во сне. Я услышала, пришла, а Рори спит. Ему снились кошмары. Я посидела рядом, погладила по голове. Он даже не подозревал о моем присутствии.

– Спрашивали утром, о чем был сон?

– Нет, не хотела поднимать тему.

– В любом случае кошмары – вещь полезная, хотя и не особо приятная. Это работа подсознания над проблемами и страхами, оно ищет им рациональное объяснение и тем самым помогает человеку справиться.

– Понятно.

На самом деле Анджелине ничего не было понятно. Она по-прежнему думала о Джулиане, насыпая кофе в стеклянный кувшин.

– Крепость на ваш вкус, – подсказала Иззи и села за стол. – Рори рассказывал о своей поездке с отцом? О чем они разговаривали, к примеру?

– Я не хотела упоминать Дэвида. Думала, это расстроит Рори еще сильнее. Как ребенку справиться с мыслью, что его отец – убийца? Не представляю… – Анджелина поставила перед Иззи кофейник, чашку, молоко и сахар. – Угощайтесь.

– Сознаться в преступлении не всегда означает совершить его. Вы знали Дэвида лучше всех. Что вы об этом думаете? – Иззи налила себе горячего кофе.

– Я поражена. Поверить не могу! Так и сказала инспектору Хантер: чтобы Дэвид намеренно кого-то убил?..

– Даже если убитый обижал Рори?

– Дэвид переживал, да, я видела, но… – Анджелина посмотрела на Иззи с подозрением. – Откуда вам все это известно? Вы же детский психолог?

– Верно, однако, как позже объяснят вам полицейские, я еще и криминальный психолог. В этом качестве я вчера беседовала с отцом Рори. – Иззи пригубила кофе. – Боже, как вкусно. В полицейском участке не кофе, а яд.

– Я уже не знаю, чему верить. – Анджелина растерянно потерла лоб. – Инспектор считает Дэвида убийцей? Я сообщила ей об аллергии на аспирин. Дэвид никогда не покупал себе этих таблеток. Они его тоже убили бы.

– Инспектор мне сказала. Вообще-то мистера Миллара вчера вечером освободили.

– Правда?

– Это ведь хорошие новости. Знать, что отца твоего ребенка обвиняют в убийстве, не слишком приятно.

– Конечно… Я о другом – а как же признание?

– Оно не выдерживает никакой критики. Да вы и сами говорили инспектору Хантер, что не считаете Дэвида способным на убийство.

– Говорила, но люди ведь меняются… Знаете, чего я боюсь? Вдруг Дэвид потерял самообладание и все-таки убил Чарли, пусть и случайно? Вы, наверное, не знаете: Дэвид однажды набросился на меня, а потом он пытался вломиться в дом, и…

– Ш-ш… – Иззи успокаивающе погладила Анджелину по плечу. – Вижу, вам очень непросто.

– Да. Простите. У меня душа не на месте от всей этой истории.

– Понимаю. Давайте вы позовете Рори, мы с ним немного поболтаем, и я наконец оставлю вас в покое?

Анджелина отправилась за сыном, а Иззи вздохнула. Она, конечно, доверяет собственному чутью и опыту, но хорошо бы Дэвида Миллара поскорее нашли. Иззи отхлебнула вкусного кофе и стала ждать.

* * *

Рори сидел на подоконнике в своей комнате и наблюдал за снежинками.

– Психолог уже здесь, сынок. Очень симпатичная; думаю, тебе понравится.

– Хорошо, мамочка.

– Когда она уедет, можем выйти в сад и слепить снеговика. – Анджелина поцеловала светлую мальчишечью макушку.

– Нет, спасибо. Мне лучше дома, в тепле.

– Пойдем, покончим уже с этим вопросом. – Анджелина взяла Рори за руку.

– Мне ведь необязательно разговаривать долго? Я так устал… – сказал Рори, неохотно спускаясь за матерью по лестнице.

– Необязательно. И помни, эта дама приехала тебе помочь. – Анджелина с широкой улыбкой шагнула в кухню. – Рори, знакомься – Изабелла Шерриф.

Иззи подошла пожать Рори руку.

– Здравствуй, Рори, зови меня Иззи. Как тебе снег? Я жалею, что не прихватила сани и оленя.

Рори слабо улыбнулся.

– Останемся здесь, в тепле, или расположимся в другом месте? – Иззи вопросительно посмотрела на хозяйку дома.

– Думаю, здесь.

Анджелина выдвинула стул для Рори и уже собралась взять стул себе, но Иззи ее остановила:

– Вы не возражаете, если мы с Рори побеседуем с глазу на глаз? Если он набросится на меня с кулаками, обещаю очень громко звать на помощь.

На это Рори улыбнулся по-настоящему.

– Хорошо. Оставлю вас. Не переутомляйте его, ладно?

– Лишь бы только он не переутомил меня. – Иззи подмигнула Рори.

Успокоившись за сына, Анджелина отправилась в подсобку вынуть чистое белье из стиральной машины и услышала звонок. Рабочий телефон Джулиана! Анджелина поспешила в его кабинет, сняла трубку.

– Алло?

– Здравствуйте, Анджелина, это Стейси, секретарь Джулиана. Можно его на пару слов?

– Джулиана нет, Стейси. Он ночевал в квартире, я не видела его со вчерашнего утра.

– Я звонила и на квартиру, и на мобильный, оба не отвечают. Думала, Джулиан провел ночь дома, с вами, а утром глянул на погоду и благоразумно решил не ехать в Норидж.

– Нет. Может, отправился на встречу? Или в суд?

Анджелина тут же поняла всю глупость своих вопросов. Уж секретарь-то Джулиана должна знать о его передвижениях.

– В том-то и дело. У него на десять тридцать назначена встреча с клиентом в офисе. Дама ждет уже двадцать минут. На Джулиана такое не похоже, он всегда предупреждает меня об опоздании или отмене.

В голове Анджелины проносились сотни страшных образов.

– Стейси, а если он попал в аварию? Мне обзвонить больницы?

– Про аварию вам уже сообщили бы. Проспал, видимо, – неуверенно предположила Стейси.

Обе знали – это вряд ли.

– Теперь я буду переживать, что ему стало плохо в квартире, – сказала Анджелина. – Я бы поехала туда, но по такой погоде, боюсь, застряну в пути. К тому же у Рори сейчас полицейский психолог…

– Квартира недалеко отсюда, а в ящике стола Джулиан хранит запасные ключи. Если он не объявится до обеда, я могу туда наведаться. Хотите?

– Не знаю. – Анджелина покусала губы. – Может, мы зря себя накручиваем? Наверняка есть простое объяснение…

В трубке помолчали.

– Давайте все же съезжу в обед к нему на квартиру?

– Съездите, если не трудно. И сразу сообщите новости, пожалуйста.

– Конечно. Вернусь к клиентке. Скажу, что Джулиан опаздывает из-за снегопада, и перенесу встречу.

– Позвоните мне, как только доберетесь до квартиры. Спасибо, Стейси.

Анджелина положила трубку, в отчаянии прижала руку ко рту, борясь с накатившей дурнотой.

Еще несколько дней назад жизнь была так прекрасна, а теперь… Почему все пошло наперекосяк?!

Глава двадцать вторая

Джаз нашла Селестрию в комнате для родственников, расположенной рядом с отделением интенсивной терапии.

– Милая, ты добралась, надо же! Сумела, да еще так быстро.

Селестрия обняла дочь.

– Мне показалось, я ехала целую вечность. – Джаз почувствовала, как мама дрожит; усадила ее в кресло, взяла за руки. – Есть новости?

– Скоро подойдет врач и расскажет, что происходит. – Селестрия посмотрела на часы. – Я услышала это от медсестры сорок пять минут назад. – Она пожала плечами: – Ну, не скандалить же. Я очень хорошо знаю, сколько у докторов забот.

– Как папа?

– К нему не пускают. Делают кучу анализов, опутывают бедного Тома проводами, подключают к аппаратам… Обещали сообщить, когда я смогу войти в палату, но тоже пока не сообщили. – Селестрия сжала ладонь дочери. – Огромное тебе спасибо, что приехала. Ты ведь так занята.

– Мама, пожалуйста, не благодари. Я не могла не приехать.

– Хочешь кофе? В конце коридора есть автомат.

– Нет, спасибо, мам. Не хочу.

– Как дорога?

Джаз понимала, что сейчас разговор ни о чем – их единственное спасение.

– Ужасно, но, к счастью, Па…

Договорить она не успела – дверь открылась, и к ним подошел врач.

– Миссис Хантер?

– Да.

– Я Роберт Карлайл, лечащий врач вашего мужа. – Он посмотрел на Джаз: – А это?..

– Наша дочь Джасмин.

– Хорошо. – Мистер Карлайл подтянул стул, сел лицом к ним.

– Это инфаркт? – не утерпела Джаз.

– Да. К сожалению, инфаркт.

Она сжала мамину ладонь.

– Насколько все плохо?

– Чтобы выяснить, надо закончить обследование. У мистера Хантера к тому же легочная инфекция. Вы не замечали, чтобы он кашлял, миссис Хантер?

– Замечала, но Том отмахивался, говорил, что чувствует себя хорошо.

– Не вините себя. Инфаркт спровоцировала не инфекция, хотя и здоровья она не добавила. Сейчас главная проблема – лечение. У вашего мужа пострадали два жизненно важных органа: сердце и легкие. В последних много жидкости. Это из-за инфекции, а также из-за того, что сердце не выполняет нормально насосную функцию. Организм почти не выводит жидкость.

– Он будет… будет… – Селестрия не смогла закончить фразу.

– Миссис Хантер, ваш муж очень болен. Мы делаем все возможное, чтобы ему помочь. Ему назначен курс антибиотиков внутривенно против инфекции, мы вводим ему препараты для стабилизации сердца, и, что, наверное, особенно вас огорчит, он вынужден находиться в кислородной маске. Она подает чистый кислород в легкие, таким образом мы надеемся удалить из них жидкость. Это неприятно для мистера Хантера и не очень приглядно для вас. Пока что он не сможет с вами разговаривать.

Мать с дочерью молча переваривали услышанное. Наконец Джаз спросила:

– Какие прогнозы?

– Все станет ясно в ближайшие сутки. Мы опасаемся, что после одного обширного инфаркта возможен второй. Есть вероятность, что легкие не очистятся. Хотите услышать проценты? – Карлайл пожал плечами: – Я бы сказал, что шанс вашего отца выкарабкаться – около тридцати процентов.

Джаз кивнула, велев себе не плакать.

– Мы сделаем все, что в наших силах. К тому же мистер Хантер, похоже, боец. – Карлайл улыбнулся: – Силу духа не следует недооценивать ни в коем случае. Если хотите, можете пройти в палату. Ненадолго. Он в сознании, это хороший признак. Мистер Хантер знает, что говорить ему нельзя, поэтому не поощряйте его.

Мать и дочь встали. Селестрия пожала врачу руку:

– Спасибо, мистер Карлайл, Том в надежных руках.

– Стараемся, – коротко кивнул Карлайл. – Нажмите кнопку звонка, медсестра вас впустит. С вашего позволения пойду к другому пациенту.

– Конечно.

Они вышли из комнаты для родственников следом за врачом, проводили его взглядом. Джаз надавила кнопку на дверях в отделение интенсивной терапии. Пока ждали, Селестрия вновь схватила дочь за руку:

– Родная, папа не должен узнать, насколько плох.

– Мам, он уже наверняка знает.

Дверь открыла симпатичная медсестра малайзийской внешности.

– Мы к Тому Хантеру, – сказала Джаз.

Медсестра кивнула и провела их внутрь, в удивительно тихую палату.

При появлении жены и дочери Том поднял руку. Джаз подождала, пока мама обнимет отца. Та что-то шепнула, папины глаза радостно вспыхнули. Селестрия села на край кровати, держа Тома за руку; Джаз подошла с другой стороны.

Поцеловала отца в макушку, наклонилась к уху, сказала тихонько:

– Привет, пап. Не смейся, а то меня отругают, но в этом наряде ты похож на слоненка.

Джаз указала на маску с торчащей по центру пластиковой трубкой, похожей на хобот. Отец улыбнулся, Джаз пристроилась на кровати напротив мамы.

– Ну и денек ты выбрал, чтобы заболеть. Такого снегопада уже сто лет не было, – сказала Селестрия, поглаживая ладонь Тома. – Твоей дочери пришлось добираться сюда из Норфолка на лыжах.

– На побережье снега еще больше, очень необычно.

Джаз подивилась банальности собственного замечания, когда наружу просились совсем другие слова: «Не бросай меня, ты мне нужен, я люблю тебя, у меня сердце разрывается при виде твоих страданий…»

Минут через пятнадцать Том задремал.

– Мам, я поищу туалет. Ты тут пока справишься?

– Конечно, родная. – Селестрия с ласковой улыбкой гладила мужа по голове. – Я его знаю. Если меня не будет рядом, он глаз не сомкнет:

вдруг врачи сделают что-нибудь без его ведома? Сходи выпей кофе. Отдохни. Мне сейчас хорошо.

Джаз понимала – мама хочет побыть с папой наедине, насладиться каждым мгновением, которые у них остались.

– Хорошо, я скоро.

После туалета Джаз долго блуждала бесконечными коридорами в надежде рано или поздно отыскать буфет. Шла и ежилась от запаха. Она часто бывала в больницах по служебным делам – допрашивала подозреваемых, жертв, свидетелей, – но больничные запахи никогда на нее не действовали. Когда опасно болен родной человек, все воспринимается по-другому.

В буфете было пусто; амбулаторных пациентов и посетителей, видимо, отпугнула ужасная погода. За столиком у окна читал газету Патрик.

Джаз подсела к нему, чувствуя себя как выжатый лимон.

– Как он?

Ответа не потребовалось, все стало понятно по лицу Джаз. Патрик сжал ее ладонь, поднялся.

– Принесу тебе кофе, и ты все расскажешь.

– Лучше чай. И воду.

– Перекусишь?

– Нет, спасибо.

Джаз уставилась в окно, за которым дневной свет мерк под натиском неутомимых снежинок. Если худшее произойдет сегодня, она возненавидит снег навсегда.

– Прошу, девушка. Добрый крепкий чифирь.

Патрик поставил перед ней маленький заварочный чайник из нержавеющей стали, а также практичные чашку и блюдце, изготовленные по принципу «прочность превыше всего».

Джаз налила чаю, глотнула. Патрик терпеливо наблюдал со стула напротив. Наконец она произнесла:

– Врач сказал, что вероятность выживания – тридцать процентов. Папа очень слаб, в ближайшие сутки все решится.

– Ты его видела?

– Да. Он в жуткой кислородной маске, поэтому не может разговаривать. Послушай, Патрик, большое спасибо за помощь, но сегодня я точно никуда не поеду, так что незачем тебе здесь сидеть.

Патрик ткнул пальцем в окно.

– Думаешь, я куда-то поеду? Я позвонил в отдел, все тихо. В плохую погоду насильственных преступлений совершают меньше, ты же знаешь.

– Ты не ведешь сейчас расследований?

– Только закрыл дело, пару дней назад. Очень удачно закрыл. Даже благодарность от комиссара получил.

– Поздравляю. – Подробности Джаз не интересовали. – Все равно не можешь же ты торчать тут целый день.

– Я могу делать что хочу, а в настоящий момент мне прекрасно сидится и читается газету. Станет скучно, пойду лепить снеговика. – Глаза Патрика блеснули.

– Надо позвонить Майлзу. Придется топать на улицу, внутри мобильные запрещены.

– Давай свой мобильный мне, я займусь. Передам твоим, что ты пока здесь; поработаю вашим связным. – Патрик подался вперед, взял ее за руки. – Джаз, прошу, забудь сегодня о деле и сосредоточься на папе. Если будет что-то срочное, я тебе сообщу, клянусь.

Предложение звучало разумно, и Джаз кивнула. Выудила из сумки телефон, отдала Патрику.

– Только умоляю, не исчезай. Это – моя связь с миром.

– Не исчезну, Джаз. Поверь мне.

На язык просился едкий ответ, но она решила, что сейчас не лучшее время для выяснения отношений.

– Я буду ждать здесь, хорошо?

– Спасибо, Патрик. Пойду к родителям.

* * *

После беседы с Изабеллой Рори выглядел повеселевшим и расслабленным. Он поднялся к себе в комнату почитать.

– Он в порядке? – спросила Анджелина, снимая пальто с печи и подавая его гостье.

Иззи неопределенно кивнула:

– Да, по большому счету, с Рори все хорошо, хотя что-то его тревожит. Не могу пока разобраться, что именно. Самое интересное, не

похоже, чтобы проблема имела отношение к отцу. Скорее, она связана со школой.

– Вот как? Рори не упоминал травлю?

– Я прощупывала эту тему, но он не шел навстречу. Рори – юноша сдержанный и раскрывать свои эмоциональные карты не спешит.

– Да, он как Дэвид. Тот тоже был сдержанным до прошлого года, пока не спятил.

Иззи застегивала пальто.

– Обычная беда тех, кому трудно выражать чувства. Особенно мужчин. Это словно вулкан: лава тихонько булькает, процесс не виден стороннему глазу, но она все раскаляется и раскаляется, распирает вулкан, он становится не в силах ее удерживать, и происходит грандиозный взрыв.

– Да, – рассеянно ответила Анджелина.

– Вы хорошо себя чувствуете, миссис Миллар?

– Да-да. Устала, только и всего. Последние дни выдались непростыми.

– Вам нужно себя поберечь.

– Еще… Джулиан, мой партнер… Он, кажется, сбежал. Я уверена, с ним все нормально, но мы не общались со вчерашнего вечера, и Джулиан до сих пор не приехал на работу, что на него совсем не похоже.

Иззи шевельнула бровями:

– Ох уж эти мужчины, а? Абсолютно ненадежны. Постарайтесь не волноваться.

– Да, – неуверенно кивнула Анджелина.

– К слову, миссис Миллар, если погода не наладится, я застряну тут до завтра. Вы не станете возражать, если я вновь загляну к Рори? Мне кажется, сегодня я сумела завоевать его доверие, и, возможно, он рискнет немного приоткрыться.

– Конечно, – машинально согласилась Анджелина, думая о Джулиане.

– Не провожайте, – сказала Иззи, направляясь к кухонной двери. – И не переживайте из-за мужчины. Уверена, он скоро объявится и вполне логично объяснит, почему заставил вас сходить с ума от тревоги. До свидания, и спасибо за кофе.

Анджелина поставила греться на печь консервированный суп и несколько булочек. Накрыла стол для себя и Рори, затем решила выпить бокал вина для успокоения. В кухню вошел Рори, сел, мать поставила перед ним тарелку с супом.

– Съешь все, Рори. Ты слишком худой.

– Я как папа, так уж устроен. – Рори взял ложку.

– Иззи сообщила тебе радостную новость?

– Нет, какую?

– Папу отпустили без всяких обвинений.

Рори замер, ложка застыла в воздухе.

– Но… Он ведь сознался, почему ему не поверили?

– Я не знаю нюансов, дорогой, однако его не освободили бы, если бы сочли виновным. Ты ведь рад?

Рори через силу кивнул.

– Да, конечно, – ответил тихо.

Анджелина пристально посмотрела на него.

– Не похоже… Рори, в чем де…

Ее прервал пронзительный звонок телефона. Она схватила трубку.

– Алло, Анджелина, это Стейси. Звоню из квартиры Джулиана.

– И?

– Его здесь нет.

– О… – Анджелина испытала некоторое облегчение от того, что Стейси не обнаружила Джулиана в луже крови. – Что-нибудь говорит о его недавнем присутствии?

– Нет. Кровать нетронута, хотя он мог заправить ее утром перед уходом. Никаких тарелок и чашек после завтрака, а зубная щетка сухая.

– Стейси, вы, наверное, смотрите много детективных сериалов. Действуете как профессионал! – попробовала пошутить над ситуацией Анджелина.

– Обычный здравый смысл, – отрезала Стейси. – Что мне делать теперь?

– Может, глянуть, висит ли в гардеробе одежда? Вдруг Джулиан решил уехать, не сказав нам?

– Уже глянула, хотя мне трудно оценить, я ведь не знаю, сколько у него одежды. Однако ее много. Не похоже, что гардероб опустошали.

Наступило молчание, обе женщины обдумывали дальнейшие шаги.

– Ума не приложу… – наконец проговорила Анджелина. – Такое поведение совершенно не в духе Джулиана. Вы же знаете, какой он приверженец строгого распорядка, Стейси. Спонтанным его никак не назовешь.

– Согласна.

– Наверное, я все же обзвоню больницы. Вдруг Джулиан попал в аварию и потерял память. Такое, говорят, случается.

– Бывает, – с сомнением подтвердила Стейси. – Ладно, Анджелина, я вернусь на работу. У нас метель и заносы; думаю, мистер Питерс в обед закроет контору. Судебные заседания отменили, поскольку многие присяжные не сумели доехать. Сообщите, если будут новости от Джулиана. Я, конечно, сделаю то же самое. Не волнуйтесь. Он наверняка скоро объявится – да еще удивится, из-за чего весь сыр-бор.

– Спасибо, Стейси. До связи.

Анджелина ничего не понимала. Чувствовала – что-то произошло.

Она обернулась к Рори, но увидела лишь недоеденный суп и пустой стул, на котором еще несколько секунд назад сидел сын.

* * *

Джаз и Селестрия, точно два ангела-хранителя, сидели по обе стороны от Тома. Селестрия не соглашалась прервать дежурство; она крепко держала мужа за руку, как будто сила ее любви могла помочь его слабому сердцу и обеспечить тело драгоценной жизненной силой.

Джаз прислушивалась к писку и жужжанию аппаратов, поддерживающих в отце жизнь. Эти звуки походили на некую мантру и, если на них сосредоточиться, притупляли боль.

Том то засыпал, то просыпался – по словам Селестрии, явно успокоенный присутствием жены и дочери. Джаз наблюдала за мамой. Та была бледна как мел, глаза полуприкрыты.

– Мам, – шепнула Джаз.

Селестрия вздрогнула, испуганно распахнула глаза. Да она дремала!

– Мам, пожалуйста, сделай перерыв, поешь, попей. Медсестра ведь сказала, что папа стабилен. Я с ним посижу.

Селестрия посмотрела на часы – без десяти пять. Кивнула:

– Хорошо. Я буду в буфете, если…

– Я знаю, где ты будешь, но мы тут справимся, правда, папочка?

Едва Селестрия отпустила одну руку Тома, Джаз тут же крепко сжала другую.

– Я недолго, – мягко заверила Селестрия.

Еще раз с любовью глянула на мужа и вышла.

Джаз понаблюдала за спящим отцом, затем позволила мыслям переключиться на расследование.

Поладила ли Иззи с Рори? Есть ли новости о Дэвиде Милларе? Нет, все же их с Иззи чутье не подвело – он невиновен. Лучше поискать связь между Чарли и Хью Данманом.

Чарли: племянник Корина Конота.

Хью: в прошлом любовник Корина – Кори.

Было ли известно Чарли о том, что умерший задолго до его рождения дядя состоял в близких отношениях с Хью?

Адель Кавендиш, мать Чарли, встречается с братом Эдвардом для обсуждения судьбы поместья, поскольку Чарли умер и прямых наследников не осталось.

Чего здесь не хватает?

Наверное, пролить свет на загадку могла бы мать Корина. Однако, судя по описанию Эдварда, Эмили Конот очень стара и слаба. Вряд ли она – надежный источник информации.

Ладонь легонько сжали, Джаз повернулась к отцу. Тот улыбался из-под маски, глядя на дочь широко раскрытыми глазами.

Она поцеловала его в лоб.

– Привет, пап. Хорошо спалось? – шепнула на ухо.

Том чуть кивнул и повернул голову влево, ища Селестрию.

– Я отправила маму перекусить. Она целый день не ела. Ты нормально себя чувствуешь?

Он вновь чуть кивнул, затем изменился в лице, желая что-то сказать, и раздраженно покачал головой.

– Спокойно, папа, маску скоро снимут. Должна сказать, вид у тебя в ней довольно смешной. Только больших серых ушей не хватает.

Том согласно закатил глаза. Высвободил руку и показал, будто пишет в воздухе.

– Бумагу и ручку?

Он поднял большой палец.

Джаз порылась в сумке, выудила ручку и блокнот, дала их папе. Тот с большим трудом сумел поднести ручку к бумаге, начал писать.

Как мама?

Джаз прочла корявые слова, кивнула.

– Мама в порядке. Волнуется за тебя, естественно.

Том вновь написал.

Ты о ней позаботишься? Вместо меня.

Джаз проглотила всхлип.

– Ох, папочка, ты же знаешь, что позабочусь, но ты скоро вернешься домой и возьмешь заботы на себя.

Мне не страшно.

Джаз боролась со слезами. Ответить она не смогла.

Как расследование?

– Честно говоря, не очень. Ниточки пока не связываются, но прорыв уже близко, я уверена. Обычно стоит мне вконец отчаяться, и прорыв тут как тут.

Обращайся к прошлому за мудростью и к будущему – за надеждой.

Джаз кивнула. Любимая папина поговорка…

Люблю тебя, родная, оч. горжусь.

Джаз вынула из его рук блокнот и ручку. Посмотрела на бледные дрожащие каракули – доказательство папиной слабости. От их вида

душа разрывалась на части. Взяла отца за руку – он уже вновь уснул, – погладила его по голове.

«Господи, прошу… Я знаю, папа тебя любит, но мы любим его – и в нем нуждаемся. Не забирай его пока, погоди…»

Глава двадцать третья

Адель Кавендиш застегнула портплед, затем вытащила два больших чемодана к верхней ступени лестницы. Вернулась в спальню, которую делила с мужем последние двадцать лет, и закрыла дверцы гардероба, спрятав из виду пустые вешалки.

Взяла со своей прикроватной тумбочки маленькое фото младенца Чарли, сунула в боковой карман портпледа. В последний раз оглядела спальню и закрыла за собой дверь.

Спустив к подножию лестницы первый чемодан, Адель поднялась за вторым.

После того как портплед с чемоданами были благополучно уложены в багажник «Вольво», Адель прошлась по тихим комнатам первого этажа.

Особняк, вне всяких сомнений, был красив, но домом он не являлся, причем уже много лет. Когда Чарли приезжал на каникулы, былую атмосферу удавалось возродить. Друзья, которых он иногда привозил с собой, заботились о том, чтобы в комнатах звучал смех; Адель вновь чувствовала себя полезной и кормила подрастающее поколение необъятными порциями разнообразной еды.

Чарли больше нет. Он не вернется никогда.

Уильям приехал домой в пятницу, а уехал в лондонскую квартиру в воскресенье. По тому, с какой скоростью он глотал воскресный обед, Адель видела – мужу не терпится назад в город, не терпится бросить жену, пусть она моет посуду и кукует очередную неделю в одиночестве.

В окружающих деревнях обитало много «еженедельных вдов», чьи мужья тоже работали в Лондоне. Эти женщины воспринимали свое положение спокойно, понимали, что компенсацией за отсутствие рядом мужа является возможность жить на широкую ногу. Они болтали друг с другом, возили детей в школу и из школы, занимались йогой, устраивали долгие совместные обеды.

Уильям хотел от жены куда большей общительности, чем это позволял сдержанный характер Адели. Будучи мужчиной громкоголосым и жизнерадостным, Уильям обожал шумные званые

ужины, вечно сидел в окружении успешных и, по мнению Адели, очень недалеких людей.

Порой она гадала, зачем он вообще на ней женился; Адель всегда была тихоней, предпочитала слушать, а не говорить. Однако суровая правда, видимо, заключалась в том, что неимоверно честолюбивому Уильяму в дополнение к живому, острому уму и расцветающей карьере требовалось определенное социальное положение. Адель – сестра лорда, «достопочтенная» леди с загородным поместьем, где можно устроить грандиозную свадьбу и произвести впечатление на нужных людей, – подходила для целей Уильяма по всем статьям.

Разумеется, его интерес льстил Адели; Уильям был – и оставался – красивым и обаятельным. Увы, по мере того как карьера мужа неуклонно шла вверх, Адель соответствовала ему все меньше и меньше.

Адель заглянула в кухню, чтобы еще раз прочесть письмо. Вздохнула. Уильям никогда не любил ее по-настоящему. Сколько же времени она проводила в этом помещении, стараясь быть хорошей женой и матерью!

«Женская эмансипация прошла мимо меня», – часто думала Адель. Ее жизнь, вероятно, не отличалась от жизни героинь из романов Джейн Остин. Как многих женщин до нее, Адель обманом заманил в брак очаровательный, но бездушный негодяй.

Она оставалась лишь по одной причине: Чарли.

Адель перечла строки, которые написала сегодня в шесть утра.

Дорогой Уильям,

Наш брак распался, и распался давно. Теперь, когда Чарли не стало, я не вижу причин оставаться вместе и продлевать обоюдные мучения. Полагаю, ты тоже сочтешь, что так лучше. Больше никакого притворства.

Мой адвокат свяжется с тобой касательно бракоразводного процесса, но ничего усложнять я не стану. Перееду назад в Норфолк. Дом в Ратленде предлагаю продать. Если желаешь его сохранить, можешь выкупить мою долю.

Я бы хотела, чтобы развод прошел максимально цивилизованно и быстро, чтобы мы оба стали свободны.

Благодарю тебя за последние двадцать пять лет. Буду хранить в памяти счастливые минуты.

Однако наибольшая моя благодарность – за Чарли. Ради него все имело смысл.

Адель.

Она свернула письмо втрое и вложила в конверт – хватит думать над каждым словом. Написала на конверте имя мужа и отнесла в прихожую, к остальной почте. Интересно, как отреагирует Уильям, когда прочтет?

Единственная реакция, которой Адель не могла представить, – это чтобы он кинулся за ней.

Она направилась к выходу. Позади оставалось двадцать пять лет брака, но ей почему-то не было больно.

Неожиданно кое о чем вспомнив, Адель побежала наверх, к комнате Чарли. Собралась с духом, открыла, быстро подошла к кровати и схватила с подушки старого плюшевого медведя. Сбежала вниз по ступеням, шагнула на заснеженное крыльцо и, не оглянувшись, захлопнула дверь.

* * *

Джаз посмотрела на часы: половина десятого вечера. Папа спокойно спал. На пороге палаты выросла Селестрия, поманила дочь. Та проследовала за мамой в комнату для родственников.

– Милая, я разговаривала с реаниматологом, он говорит, что папа сейчас вне опасности. Нет смысла нам обеим тут дежурить. Если завтра папе станет лучше, ты вернешься к работе, а сейчас тебе надо отдохнуть. Я виделась с Патриком, он нашел гостиницу в полумиле отсюда, туда можно добраться пешком. В случае каких-нибудь проблем я тебе позвоню.

– Ты разве не с нами?

– Я попрошу одеяло и устроюсь тут. Медсестер вряд ли обрадует мое ночное присутствие в палате, но, по крайней мере, я буду рядом, если вдруг понадоблюсь папе.

– Ох, мам, пойдем в гостиницу, пожалуйста. Тебе тоже надо поспать.

– Сомневаюсь, что сегодня мне удалось бы уснуть даже в «Ритце». К тому же утром ты сможешь подменить меня на несколько часов. – Селестрия взяла дочь за руку. – Я хочу остаться здесь, правда.

– Хорошо, только обещай позвонить в случае…

– Конечно. Давай спускайся. Патрик ждет тебя у центрального входа.

– Патрик здесь по чистой случайности. Я…

– Ш-ш, я понимаю. Как сказал бы папа, пути Господни порой неисповедимы. Я рада, что Патрик сейчас с тобой. Он хотя бы поможет и поддержит. Все. – Селестрия похлопала дочь по руке: – Беги и постарайся поспать.

* * *

Патрик бродил на улице перед входом, курил. Он улыбнулся Джаз:

– Порядок?

Джаз кивнула.

– Отель, к сожалению, не самый шикарный, зато он в пешей доступности. Мою машину засыпало снегом на фут. Хорошо хоть снегопад прекратился. Если верить прогнозу, к утру подтает. – Патрик подставил локоть. – Пошли?

Яркая круглая луна светила на снег, укутавший все вокруг искристым покрывалом.

– Сюда. Осторожно, тут скользко и опасно, особенно в такой обуви.

Патрик указал на туфли-лодочки, которые Джаз надела утром в преддверии обычного дня.

Слышался лишь скрип снега под ногами.

– Вот это я понимаю тишина, – сказал Патрик, осторожно ведя Джаз через стоянку к выходу с больничной территории. –

Удивительно, как снег заглушает любые звуки.

– Патрик?

Пора было это сказать. Джаз глубоко вдохнула:

– Спасибо за то, что ты здесь. Я очень благодарна.

– Не за что, ей-богу.

Джаз отбивала зубами дробь даже в шерстяном пальто. Она споткнулась, Патрик обхватил ее за талию.

– Держись, уже близко.

* * *

В такую гостиницу при обычных обстоятельствах Джаз даже не зашла бы. Она села в маленьком неприглядном холле, дождалась, пока Патрик зарегистрируется у портье.

Они взобрались по лестнице, покрытой изношенным узорчатым ковром.

– Прошу. – Патрик отпер номер.

Джаз переступила порог небольшой, но на удивление симпатичной комнаты. Патрик вошел следом, закрыл за собой дверь.

– Ну что, организовать тебе приятную горячую ванну? – предложил он.

– Не суетись, я сама все организую. Ты иди, поспи. Тоже ведь вымотался.

– Я? Нет! У меня получился выходной, я провел его за чтением и чаем. Чувствую себя шикарно!

– В любом случае большое спасибо. – Джаз решительно поцеловала его в щеку. – Спокойной ночи.

Джаз вошла в ванную, включила свет. Патрик с порога наблюдал за тем, как она закрывает сливное отверстие пробкой.

– Джаз, к сожалению, это был единственный свободный номер. Гостиница переполнена, куча народу застряла в пути из-за заносов. Так что я, увы, ночую с тобой. Готов спать в кресле, если пожелаешь.

Она резко обернулась:

– Шутишь?

– Нет, клянусь. Позвони портье и спроси.

– Господи! – Джаз полностью вывернула краны.

– Мне жаль, очень. Честное слово, это не уловка с моей стороны, не попытка к тебе подкатить, а просто старая добрая британская погода.

Джаз не ответила. Патрик пожал плечами:

– Понял. Посплю в машине. – И вышел из ванной.

Джаз мысленно завопила от злости, но выскочила следом.

– Не глупи, Патрик! Ты замерзнешь до смерти, и это тоже будет на моей совести.

Глянув на кровать приличных размеров, Джаз проворчала: «Переживу как-нибудь», вернулась в ванную и хлопнула дверью.

Джаз лежала в ванне, прислушивалась к тому, как горячая вода расслабляет ноющие плечи, успокаивает нервы. Закрыв глаза, Джаз попыталась мыслить рационально. Что бы ни было в прошлом, сегодня Патрик вел себя чудесно. К тому же он и правда не виноват в сложившейся ситуации.

Они оба – взрослые люди. Справятся.

Джаз вытерлась толстым полотенцем и поняла, что в довершение ко всему ей не в чем спать. Надела нижнее белье и, вновь обернувшись полотенцем, вышла из ванной.

Патрик был уже в кровати, одежда висела на спинке кресла. Заложив руки за голову, он наблюдал за Джаз.

Та обошла кровать, скинула полотенце и быстренько нырнула под одеяло.

Патрик усмехнулся:

– Джаз, я жил с тобой десять лет. Все уже видел.

– Только больше ты со мной не живешь. Мы в разводе, забыл? – буркнула она, повернулась спиной и попробовала устроиться поудобнее на бугристом матрасе.

– Представляешь, мы в номере, который в данном роскошном заведении именуют номером для молодоженов. Мне жаль невесту, чье замужество начинается на этой кровати, – заметил Патрик.

– Нормальный номер. Спасибо, что его нашел. Мой мобильный тут?

– Да, на комоде. И включен.

– Спасибо. Мне бы позвонить…

– Я уже звонил Майлзу. Ничего срочного. Он пообещал поговорить с тобой завтра утром и ввести в курс дел.

– Значит, Дэвида Миллара пока не нашли.

– Кого?

– Одного пропавшего подозреваемого.

– А.

Наступила тишина.

– Ты как? – наконец спросил Патрик.

– Ты о чем?

– О твоем папе.

Джаз вздохнула:

– У меня до сих пор не укладывается в голове: он лежит при смерти, в нескольких шагах отсюда. Остается лишь верить, что папа выживет. Другой вариант… я… даже думать о нем не могу.

– Ох, солнышко, я очень хорошо знаю, какие у вас с папой теплые отношения.

Джаз кивнула. Комок, копившийся в горле с самого утра, казалось, вот-вот ее задушит.

Она ощутила ладонь Патрика на своей руке.

– Джаз, надо верить. Если уж кто и сможет выкарабкаться, то это твой отец. Смотри, сегодняшний день он уже выстоял, а первые сутки – самые критические.

Джаз вновь кивнула, не в силах говорить.

– Что бы ни произошло, я буду рядом, – услышала она.

Очередной кивок – и ком в горле наконец прорвало, по щекам побежали слезы.

– Папа не может умереть, не должен! Он нужен мне, нужен маме. Папа очень сильный, но ужасно страдает, и от этого только хуже.

Патрик поцеловал ее в макушку:

– Представить страшно, Джаз…

– Ему всего лишь шестьдесят пять, боже! Он не старый! В мире живет куча девяностолетних людей. Хочу такую же судьбу папе! Пока он жив, пока папа жив… – Джаз подняла взгляд на Патрика. – Он ведь выживет, правда? – спросила с отчаянием.

– Конечно, выживет, – успокоил Патрик.

Поцеловал ее в лоб, в нос, затем – в губы.

Руки Патрика обняли Джаз, поцелуи стали настойчивей. Его ладони легли ей на груди, и она не отпрянула – изголодалась по нему не меньше, чем он по ней.

Джаз задышала чаще, Патрик вдруг оказался сверху, а в следующее мгновение – уже в ней.

Он что-то шептал, какие-то ласковые слова, но Джаз не слышала, не хотела слышать, сказывались семь месяцев воздержания, возносили ее выше и выше – и наконец она взорвалась вместе с ним, и Патрик, задыхаясь, рухнул сверху.

Его горячее дыхание обжигало ей щеку. Джаз закрыла глаза. Пусть спокойствие, пришедшее на смену буре, наполнит тело; пусть отвлечет разум от мыслей о том, что она натворила.

– Боже мой… это было… потрясающе, просто потрясающе, – пробормотал Патрик. – Я так по тебе соскучился!

Джаз молча лежала в темноте, не желая отпускать приятное мгновение.

– Я люблю тебя, Джаз. Люблю по-настоящему. Умоляю, прости меня.

Джаз задумчиво смотрела в черноту:

– Патрик, я простила тебя давным-давно.

* * *

Анджелина приняла вторую таблетку валиума час назад, но тошнота и сердцебиение не проходили.

Она поправила халат и, наклонившись над раковиной, выглянула в сад, на сказочную картину, подсвеченную фонарями.

Затем неслышно пересекла кухню, достала из шкафчика бутылку бренди. Плеснула в стакан двойную порцию, устроилась за столом. Сделала большой глоток – и поперхнулась от непривычной крепости.

Посмотрела на часы – почти половина одиннадцатого. Не поздно ли звонить в полицию?

Анджелину вдруг пронзила мысль: что, если исчезновение Джулиана связано с Рори? И с освобождением Дэвида?

Мог ли Дэвид винить в случившемся Джулиана?

Вдруг, освободившись из полиции, Дэвид отправился к Джулиану? И убил его, потеряв над собой контроль…

Анджелина мучительно всхлипнула. Бред это или нет?

Она принялась расхаживать по кухне.

Нет. Двадцать четыре часа назад Дэвида взяли под стражу по подозрению в убийстве. Убийстве, в котором он сам признался.

Анджелина покачала головой. Подумала: «Совсем с ума сошла, стою тут и всерьез размышляю, мог ли мой бывший муж убить моего любовника».

Сполоснув стакан, Анджелина поставила его сушиться. Заперла все двери, поднялась в спальню, заглянув по пути к Рори. Тот сладко спал.

Легла в постель и взяла книгу в надежде вернуть себе ощущение нормальной жизни – жизни до всего этого кошмара.

Однако сосредоточиться на чтении не получалось.

Отложив книгу, Анджелина стала обдумывать возможные варианты.

Например, самое простое объяснение: Джулиан устал от проблем с Рори и Дэвидом и решил от нее уйти. Возможно? Да, однако это не объясняет, почему он бросил работу и клиентов.

Нет.

Джулиан попал в страшную аварию – и лежит где-нибудь в сугробах, беспомощный, не в силах позвонить?

Возможно.

Анджелина взяла телефон с пустой соседней подушки и в который раз набрала номер Джулиана.

Не отвечает.

Анджелина погасила свет. Если до утра известий от Джулиана не будет, она первым же делом позвонит инспектору Хантер.

*** * ***

– Входите, мистер Фредерикс. Надеюсь, путешествие было не слишком утомительным? Роберт Сандерс. – Адвокат пожал Себастьяну руку.

– Ничуть. Изредка выбраться в столицу скорее приятно. Я, кстати, получал педагогическое образование в Уимблдоне. Иногда думаю: зачем было возвращаться в Норфолк? Однако, – пожал плечами Себастьян, – так распорядилась судьба.

– Присаживайтесь, – Сандерс указал на кресло напротив стола своего партнера. – Чаю, кофе?

– Было бы замечательно выпить кофе, если можно.

Себастьян молча рассматривал красивый, отделанный дубовыми панелями кабинет с огромными георгианскими окнами, выходящими на Гросвенор-сквер. Удивительно, как это тихий школьный учитель Хью мог позволить себе столь дорогостоящего юриста?

– Мистер Фредерикс, что вам было известно о завещании мистера Данмана?

– Ничего. Я знал Хью больше тридцати лет. Сначала обучался у него в Святом Стефане как школьник. Позже мы стали коллегами. Не более.

– Что ж. – Сандерс взял в руки тяжелый плотный лист бумаги, надел очки. – За исключением рукописей, очень ценных и переданных в дар Британскому музею, а также еще одного наследственного распоряжения, все остальное состояние мистер Данман завещал вам.

– Мне?! – ахнул Себастьян. – Почему? У него наверняка есть семья, которая рассчитывает на наследство.

– Нет. Похоже, других живых родственников не осталось. Состояние не баснословное, но включает квартиру в Кенсингтоне, наличность и страховые договора; в сумме это чуть больше двухсот тысяч фунтов. А, Софи, поставьте поднос на стол, дальше мы справимся сами.

Себастьян старался подавить вполне объяснимое радостное возбуждение. Он проводил взглядом молодую привлекательную секретаршу, которая выполнила распоряжение адвоката и вышла.

– Я налью кофе, вы не против? Молоко, сахар? – предложил Сандерс.

– Спасибо. Скажите, а Хью… э-э… не объяснил, почему оставил состояние мне?

Мистер Сандерс передал Себастьяну кофе.

– Нет. Не мое дело спрашивать почему. Впрочем, после тридцати с лишним лет знакомства с Хью я уверен, что свои посмертные желания он обдумывал не менее тщательно, чем прижизненные решения.

– Ну и ну. – Себастьян поднес чашку к губам, хлебнул горячего кофе.

– Как исполнитель завещания я буду заниматься его утверждением в суде. Если пожелаете, буду рад выступать и от вашего имени.

– Очень любезно с вашей стороны, мистер Сандерс. Говорите, квартира в Кенсингтоне?

– Да. Она, вполне вероятно, приобретена в долгосрочную аренду – лизгольд, – и срок аренды подходит к концу. В шестидесятые так продавались многие квартиры, а собственники забывали вовремя обновлять договор. Этот вопрос я тоже могу уладить.

– Если нетрудно, мистер Сандерс. Я не специалист в юридических делах. Я – простой учитель, живущий в съемном доме.

Мистер Сандерс снял очки.

– Тогда это для вас, должно быть, манна небесная.

– О да, так и есть, – подтвердил довольный Себастьян.

– У вас есть семья?

– Нет. Родители умерли, а я пока не сумел завлечь в свои сети ни одной женщины и не основал собственной династии. – Себастьян расплылся в улыбке.

– Вы не были усыновлены?

Он нахмурился:

– Нет. По крайней мере, если и был, родители мне не говорили.

– М-м-м. – Сандерс неспешно потягивал кофе.

– Вы… полагаете, что…

– Мистер Фредерикс, я ничего не полагаю. Полагать – не мое дело. Однако после сорока лет практики юрист обычно усматривает некую логику даже в самой, казалось бы, необъяснимой ситуации. Впрочем, это, друг мой, уже выяснять вам. Я могу смазать лишь правовые колесики; человеческие мне неподвластны. Я, разумеется, пришлю вам все документы, но сейчас, увы, вынужден попрощаться, поскольку меня уже ждет клиент.

* * *

Себастьян вышел из конторы адвоката словно в трансе. Направился в ближайший паб и, чтобы в голове прояснилось, опрокинул в себя стакан виски.

Неужели Сандерс намекал на то, что Хью Данман приходится Себастьяну… отцом?

Нет! Конечно, нет!

Хью – гомосексуал, об этом знали все. Такого просто быть не может.

Наверное, причина проста: у бедного старика Хью не осталось никого в целом мире. Хью всегда относился к Себастьяну по-отечески, даже когда тот еще учился в школе.

До Ливерпуль-стрит Себастьян добрался на такси. Человеку без пяти минут состоятельному позволительна некоторая роскошь.

В поезде на пути домой Себастьян предавался мечтам. Теперь, разжившись деньгами, стоит ли оставаться воспитателем в Святом Стефане – или лучше уволиться, объехать мир… крикет на Карибах, регби в Новой Зеландии… сколько возможностей открывается!

И она… Как она отреагирует, когда Себастьян расскажет? Означает ли это, что он наконец сможет предложить ей то, чего она заслуживает?

Глава двадцать четвертая

Джаз резко открыла глаза. Шесть утра. Сон как рукой сняло, она вскочила с кровати, проверила мобильный.

Пропущенных звонков не было, но сердце все равно громко стучало, и Джаз не терпелось попасть к отцу. Она торопливо оделась, натянула пальто. Патрик пошевелился.

– Который час? – спросил сонно.

– Начало седьмого. Я в больницу.

– Встретимся там?

Джаз выглянула в окно.

– Снег быстро тает. Теперь ты без проблем вернешься в Лондон.

– Джаз. – Патрик протянул к ней руку.

Джаз оставила жест без ответа.

– Я побежала. Позвоню тебе, расскажу, как папа.

* * *

Селестрия устало улыбнулась вошедшей в палату дочери.

– Привет, мам. – Джаз поцеловала спящего отца. – Как он?

– Хорошо. Папа хорошо, Джаз. Показатели жизненно важных функций улучшились, он спокойно спал.

– О мама, слава богу! – Джаз всхлипнула.

– Да, слава богу, – повторила Селестрия. – Опасность еще не миновала, но с каждым часом она отдаляется. Медсестра сказала, ему хотят вскоре снять маску и посмотреть, сможет ли он дышать самостоятельно.

– Давай ты сходишь позавтракаешь, а я посижу с папой.

– Давай. Мне уже спокойнее его оставлять. – Селестрия махнула на окно. – Снег тает, так что ты сможешь нормально добраться в Норфолк.

– Мам, я останусь до тех пор, пока папе не станет лучше. Решение не обсуждается, хорошо?

– Конечно, милая, конечно. Я ненадолго.

Джаз посмотрела на отца. Тот действительно выглядел сегодня не таким бледным, как вчера. Она покраснела: знал бы папа, чем занималась его дочь, пока он боролся за жизнь…

Папа никогда не любил Патрика, считал его неподходящей партией для Джаз и в силу своего характера даже не пытался этого скрывать.

Она ласково погладила отцовскую руку, ненавидя себя за ночное желание и полученное удовольствие. Вздохнула. Для них с Патриком обратной дороги нет. Мало того, он просто-напросто воспользовался вчерашней уязвимостью и слабостью Джаз.

Впрочем, она ему это позволила.

Джаз ощутила пожатие ладони и увидела устремленный на нее взгляд отца.

За спиной Джаз выросла медсестра, изучила мониторы.

– Доброе утро, Том. Доброе утро, мой звездный пациент. Вы молодец.

Звездный пациент улыбнулся.

– Такой молодец, что врач разрешил на десять минут снять маску – если обещаете не слишком много болтать с дочерью.

Том кивнул, и медсестра аккуратно сняла маску. Вручила Джаз чашку со льдом.

– Во рту у вашего отца очень пересохло. Давайте ему рассасывать кусочки льда.

Джаз взяла ледышку, смочила потрескавшиеся папины губы. Тот застонал от удовольствия.

– Папа, ты просто молодчина. – Джаз постаралась говорить спокойно.

– Не верится, что я еще здесь, – прохрипел он. – Думал, я нужен великому боженьке наверху.

– Нет, пап, внизу ты ему нужнее. Мама пошла завтракать. Это говорит о том, насколько тебе лучше. Последние восемнадцать часов она от тебя не отходила.

Глаза Тома наполнились слезами.

– Скажи ей, что я ее люблю, – прошептал он.

– Скоро скажешь сам. Пока лучше много не разговаривай.

Том кивнул, его глаза вновь начали закрываться. Вошла медсестра, надела на него маску. Джаз тихонько наблюдала за

дремлющим отцом.

Когда вернулась мама, Джаз передала ей слова отца.

– Замечательно, что эту жуткую маску сняли, пусть и ненадолго. Патрик, кстати, в буфете. Ждет указаний, как он выразился.

Джаз залилась краской:

– Ясно. Схожу к нему, попрошу уехать.

– Кажется, Патрику очень нравится тебя ждать. Он подумывает прогуляться утром по Кембриджу.

– Это ни к чему. – Джаз резко встала. – Скоро вернусь.

* * *

Полусонный Патрик пил кофе за вчерашним столиком.

– Что тебе заказать, Джаз?

– Ничего, я на минутку. Пришла сообщить, что не нужно сидеть тут целый день. Я не уеду, пока не услышу от врача, что папа вне опасности. Когда понадобится, попрошу Майлза меня забрать. Дороги уже почти чистые, он быстро прикатит. Однако большое спасибо тебе за помощь. Я очень благодарна.

Патрик грустно посмотрел на бывшую жену:

– Джаз, давай хотя бы договоримся о встрече, чтобы обсудить вчерашнее? Я, наверное, веду себя несолидно, но для меня это очень важно, даже если для тебя – нет.

– Я позвоню с новостями о папе, тогда и обсудим.

Джаз говорила холодно и официально, это был единственный способ не расклеиться. Она клюнула Патрика в щеку.

– Спасибо тебе. От всей души.

Отвернувшись, Джаз торопливо пошла прочь, к выходу из больницы. Шагнув на холодный воздух, ощутила, как вспотели ладони и лоб.

Джаз отыскала скамейку, села и набрала номер Майлза.

– Как дела? – тут же отозвался он тоном человека, ожидающего плохих новостей.

– Папа пережил ночь, сегодня ему немного лучше.

– Отлично! Я так за вас рад!

– Ну, по-настоящему радоваться еще рано, и я не знаю, когда вернусь. Что там у нас? Как продвигаются поиски Миллара?

– Пока безуспешно. Прочесываем город. Честно говоря, мэм, я вот думаю: может, Миллар перепил, свалился где-нибудь в канаву да и умер от переохлаждения? В такую-то погоду.

– Значит, сегодня вы его найдете, снег ведь тает. Удалось раздобыть копию завещания Хью Данмана?

– Да. Я поговорил с лондонским адвокатом, и тот прислал копию по факсу. Завещание довольно неожиданное. Хью оставил все, за исключением одного небольшого наследства, Себастьяну Фредериксу, педагогу-воспитателю Святого Стефана.

– Вот как?

Это следовало обдумать.

– Мало того, с месяц назад Данман завещание изменил. В предыдущем почти все имущество предназначалось Британской библиотеке. Ну и некоторая сумма – Дженни Колман, директорской секретарше. Мне пообщаться с мистером Фредериксом? Расспросить подробнее?

– Обязательно. Возможно, недавнее изменение завещания – просто случайность. Некоторые люди носятся со своей последней волей и регулярно ее переписывают. Адвокат пролил свет на загадку?

– Я его, разумеется, спросил, почему завещание было изменено. Он ответил, что понятия не имеет и что задавать подобные вопросы – не его дело. Тем не менее высказал свое профессиональное мнение: мол, даже в самой необъяснимой ситуации обычно присутствует некая логика. Предположил, что мистер Фредерикс – либо близкий друг, либо родственник.

– Криминалисты дали заключение по лекарственной ведомости?

– Да. Закрашенное корректором лекарство – аспирин. Вы были правы.

– Как прошла встреча Иззи с Рори?

– Хорошо, судя по всему. Она вновь едет к нему сегодня утром, а еще горит желанием обсудить это с вами, когда у вас появится время. Снегопад оказался очень кстати.

– Да? Почему?

Майлз ответил после небольшой паузы:

– Просто хорошо, когда ты не один.

– Я пойду назад в палату. Как только повидаюсь с врачом, смогу потихоньку планировать свое возвращение. Позвоню вам, сообщу, когда меня забрать. Хорошо бы Иззи задержалась в Норфолке подольше и мы бы все обсудили. Передайте, что я в любом случае поговорю с ней в обед.

– Она намерена остаться еще на ночь.

– Серьезно? Я удивлена. Иззи вроде терпеть не может сельскую местность. Это все ваше неотразимое обаяние, Майлз. До связи.

Не успела Джаз отключить мобильный, как он зазвонил. На экране высветился незнакомый номер.

– Инспектор уголовного розыска Хантер.

– Алло, здравствуйте, инспектор Хантер, это Анджелина Миллар. Ужасно неудобно вас беспокоить, тем более, может, из-за ерунды, но… мой… э-э… партнер, Джулиан, кажется, пропал.

Для полного счастья Джаз сейчас только не хватало нервной дамочки, с которой кавалер сыграл подлую шутку.

– Пропал? Точно?

– Да. От него нет вестей уже два дня, с вечера вторника. Вчера Джулиан не приехал в свою адвокатскую контору и ничего не сообщил секретарю. Мобильный Джулиана не отвечает, и в квартире его нет.

– Понятно. – Джаз не терпелось вернуться в палату. – Я сейчас, к сожалению, занята, миссис Миллар, но вы запишите номер моего сержанта. Думаю, он вам поможет. Готовы?

– Да.

Джаз продиктовала телефон Майлза.

– Спасибо, инспектор Хантер. Вы, наверное, считаете меня глупой, и, возможно, так и есть, только на Джулиана это очень не похоже. Он очень щепетилен в деловых вопросах, и, как выразилась его секретарь, неслыханно, чтобы Джулиан не приехал в контору к ожидающим его клиентам.

– Вчера был жуткий снегопад. Вы обзвонили больницы?

– Да. Во всей округе – ни одного пациента, подходящего под описание Джулиана.

– Позвоните сержанту Майлзу, он поможет. Удачи, миссис Миллар.

Джаз отключила мобильный, прежде чем тот вновь оживет, и поспешила в больницу, думая только об отце.

* * *

Себастьян Фредерикс услышал трель мобильного сквозь крепкий сон. Будильник еще не звонил, однако комната купалась в мягком свете: такой бывает, лишь когда за окном белым-бело от снега.

Себастьян дотянулся до выключателя, но ответить на звонок не успел. Глянул на часы – половина седьмого. Вскочив с кровати, поежился от холода. Странно, обычно во Флит-Хаусе тепло, прямо как в больнице.

Себастьян побродил по комнате в поисках мобильного. Обнаружил его в кармане пиджака – и телефон тут же зазвонил: пришло голосовое сообщение. Себастьян прыгнул назад под теплое одеяло, включил сообщение.

– Привет, дорогой, это я. Надеялась застать тебя перед работой. Давай сегодня встретимся, если у тебя получится? Я буду здесь весь вечер, поэтому смогу в любое время. Позвони, когда сможешь. Люблю тебя.

Себастьян откинулся на подушки. Как бы освободиться на вечер? Работа воспитателя занимала все время и не оставляла места для личной жизни. Во время учебного года Себастьян был на службе двадцать четыре часа в сутки. Раньше его хотя бы Хью страховал, но теперь его нет, а нового куратора Флит-Хауса еще не назначили. Себастьяну временно помогал старшеклассник Джеймс Кокс, староста общежития, но оставлять восемнадцатилетнего парня за старшего нельзя.

Себастьян молил Бога ускорить процесс вступления в наследство, чтобы получить наконец возможность строить планы с любимой.

Он еще ничего ей не рассказал, приберег новость до того момента, когда им удастся побыть вместе, порадоваться по-настоящему. Себастьян больше не будет бедным родственником, и, возможно, это даже изменит их отношения.

Главное – у него появится моральное право принимать необходимые решения за двоих, о чем еще пару дней назад Себастьян и не мечтал.

Он позволил себе улыбнуться. Они оба теперь были в состоянии двигаться вперед – из, казалось бы, безвыходного положения.

Зазвонил будильник, Себастьян вздрогнул. Откинул одеяло и направился в душ.

Открыв кран, Себастьян вскрикнул от неожиданности: его окатило ледяной водой, по коже побежали мурашки. Он подергал терморегулятор, но тот оказался установлен в самое «теплое» положение. Себастьян вышел из душа, схватил полотенце. Потоптался немного возле кабинки, пробуя воду кончиками пальцев – не потеплеет ли?

Не потеплела.

Себастьян выругался: отопительная система явно вышла из строя.

Он поскорее оделся и позвонил Бобу в хозяйственную службу. Ничуть не удивившись тому, что в такую рань никто не взял трубку, набрал домашний номер Боба и попал на его супругу.

Боб был еще в постели и разговаривал сонным голосом, но обещал заняться отоплением поскорее.

– Трубу, наверное, прорвало, – бормотал смотритель общежития. – Снег тает вовсю.

Себастьян застонал. Семьдесят мальчишек без утреннего душа, пахучих, замерзших и недовольных.

Он набрал номер любимой, та ответила сразу.

– Привет, моя золотая, это я. Как ты?

– Я… – Она помолчала, обдумывая ответ. – Хорошо. Очень хорошо.

– Что ты здесь делаешь? Я не ждал тебя раньше выходных.

– Скажем так: у меня внезапно изменились планы.

– Ты надолго?

– Вот об этом я и хочу поговорить сегодня вечером.

– Хорошо. Послушай, у нас тут небольшая проблема, с которой мне надо разобраться. Я позвоню позже, но надеюсь вырваться около восьми. Всего на час, к сожалению, но это лучше, чем ничего. – Себастьян помедлил. – У меня есть новости.

– Хорошие?

– Да, очень хорошие, как выяснилось.

– У меня тоже для тебя новости. – Он услышал в ее голосе улыбку.

– Значит, договорились. Если я не перезвоню, то встречаемся в восемь. Я побежал. Пока, золотко.

Себастьян сунул мобильный в карман брюк и двинулся по этажам Флит-Хауса – предупреждать об отсутствии горячей воды.

* * *

– Поеду к юному Рори, – объявила Иззи Майлзу, вошедшему в гостиничный вестибюль.

– Я подвезу. Мне только что звонила Анджелина Миллар. Похоже, ее любовник сделал ноги.

– Значит, он так и не объявился? Она вчера очень волновалась.

Иззи вышла следом за Майлзом на улицу, скользкую от талого снега. По дороге бежали ручьи.

– Не очень-то Анджелине везет с мужчинами, – протянула Иззи. – Бывший муж и нынешний партнер – оба в бегах. Тебе не кажется?..

– Сомневаюсь, что это имеет отношение к делу, не усматриваю связи, но на всякий случай наведаюсь к миссис Миллар и поговорю с ней.

Майлз распахнул пассажирскую дверь, Иззи шагнула из лужи в машину.

– Странно, однако, что Джулиан исчез прямо в разгар этой истории, не находишь? – спросила Иззи по дороге.

– Нахожу. Если он действительно исчез. Миссис Миллар не в моем вкусе. Спорим, она вечно придирается к своему мужчине, не разрешает бросать на пол мокрые полотенца, утюжит его трусы и носки.

– Кто же в твоем вкусе, зая?

Ладонь Иззи скользнула по бедру Майлза – и получила от него ласковый шлепок.

– Не хулигань! Я за рулем. – Майлз повернул направо, на подъездную дорожку к особняку Милларов. – Ты долго пробудешь с Рори, как думаешь?

– Сколько понадобится, – пожала плечами Иззи.

Обойдя машину, Майлз открыл пассажирскую дверь. Сказал:

– Я перекинусь парой слов с миссис Миллар и полечу в школу. Ты доберешься сама до участка?

– Надеюсь. – Иззи фыркнула. – Ненавижу пешие маневры.

Майлз легонько хлопнул Иззи по попе. Поддразнил:

– Небольшая тренировка пойдет тебе на пользу.

Иззи позвонила в дверь, на пороге тотчас же выросла бледная Анджелина.

– Входите, – бесцветно сказала она. – Рори наверху в своей комнате.

– Хорошо. Мне подняться к нему?

– Если хотите. – Анджелина кивнула. – Вторая дверь слева.

– До встречи, Майлз! – крикнула Иззи, топая по лестнице.

Анджелина провела Майлза в кухню. Машинально поставила подогреваться чайник.

– Кофе?

– Если будете делать себе. – Сержант Майлз пододвинул кухонный стул, сел. – Новостей нет?

– Нет. – Анджелина покачала головой. – Я перепробовала все его телефонные номера, а недавно звонила Стейси: Джулиан опять не приехал на работу, и… – Анджелина заплакала. – Простите, последнее время я почти не сплю. То одно, то другое…

– Представляю. Не беспокойтесь, мы приложим все усилия, чтобы разыскать Джулиана.

Майлз ободряюще улыбнулся. Анджелина поставила перед ним чашку с кофе.

– Спасибо, я пью черный. Расскажите как можно точнее, где был Джулиан и когда вы разговаривали с ним в последний раз?

Анджелина старательно передала содержание последней беседы с Джулианом.

– Значит… – Майлз пригубил кофе. – Рори не был знаком с Джулианом?

– Нет. Я считала, что Рори лучше сначала пережить разлуку с отцом, а уж потом познакомиться с будущим отчимом.

– Вы с Джулианом собирались пожениться?

– Планировали объявить о помолвке летом, на вечеринке по поводу сорокового дня рождения Джулиана. – Глаза Анджелины вновь защипало от слез. – Я готовилась к празднику с такой радостью! Написала кое-кому из старых друзей Джулиана по Святому Стефану и…

– Ваш жених учился в Святом Стефане?

– Да. Он даже жил во Флит-Хаусе, так уж совпало. Хотя Рори пошел в эту школу еще до того, как я встретила Джулиана.

– Понятно. Кто же его старые друзья?

Анджелина перечислила имена; она помнила, кому отправляла письма на сайт.

– Еще Джулиан знает Себастьяна Фредерикса, тот сейчас воспитатель Рори. – Анджелина слабо улыбнулась: – Мир тесен.

– В нашей стране – так уж точно. Как Джулиан относился к идее стать отчимом незнакомому ребенку?

– Нервничал. У Джулиана ведь нет собственных детей. Однако он знал, что Рори – часть сделки. На каникулы мы втроем собирались ехать кататься на лыжах. Джулиан надеялся таким образом подружиться с Рори.

– Как Джулиан воспринял признание вашего бывшего мужа в убийстве Чарли Кавендиша?

– Был потрясен, как и все мы. – Анджелина пожала плечами. – Хотя не особенно удивлен. Джулиан знал, какой Дэвид неуравновешенный.

– А о том, что Дэвида отпустили без предъявления обвинений, тоже знал?

– Детектив Майлз, с тех пор как Иззи мне об этом сообщила, Джулиан еще не выходил на связь.

– Разумеется. Миссис Миллар, поведение Джулиана в вашу последнюю встречу не вызывало подозрений? Возможно, какие-нибудь его слова или действия?

– Нет. – Анджелина вздохнула: – Ничего необычного не было. Он не очень-то радовался необходимости жить в квартире – из-за того, что Рори был здесь, дома. Я пообещала Джулиану приехать к нему на следующий день в Норидж, заказать еду и провести вечер вместе.

– Дайте, пожалуйста, адрес квартиры и ключи. Я пошлю кого-нибудь осмотреться, – сказал Майлз.

– Там уже побывала секретарь Джулиана. Ничто в квартире не указывает на поспешные сборы. Кроме того, Джулиан никогда не действует спонтанно и всегда держит связь с конторой. Я обзвонила все больницы в округе; за эти два дня к ним не поступало ни одного пациента, похожего на Джулиана. – Анджелина беспомощно посмотрела на Майлза: – Он просто исчез.

– Если у вас найдется его фотография, я добавлю Джулиана в файл пропавших без вести.

– Это единственное, что вы можете сделать?

– Осмотрим квартиру, наведаемся в контору, но… – Майлз пожал плечами: – Джулиан – взрослый человек, его нет лишь два дня. Если не возникнет оснований считать иначе, придется предположить, что Джулиан по неким причинам, известным ему одному, решил уехать.

– Я вот думаю… – Анджелина запнулась. – Мой бывший муж. Он Джулиана ненавидел. Примерно неделю назад в городе Дэвид угрожал убить Джулиана. Было много свидетелей и… Дэвида выпустили во вторник вечером, и с тех пор от Джулиана ни слуху ни духу, и…

– Я понял, куда вы клоните, – перебил Майлз. – Однако постарайтесь не переживать. Сомневаюсь, что тут есть какая-то связь. Вы же сами говорили: мистер Миллар не склонен к насилию. Простите, но мне пора на другую встречу. – Майлз встал. – Сохраняйте спокойствие. Уверен, отсутствию Джулиана есть логическое объяснение.

– Надеюсь, вы правы. Очень уж подозрительное совпадение.

Анджелина нашла в сумочке ключи от квартиры Джулиана, вручила Майлзу.

– Мы постараемся его отыскать. Что ж, пойду. Иззи вернется в участок самостоятельно. Буду держать вас в курсе.

Анджелина проводила гостя к выходу.

– Спасибо, что заехали.

– Не за что. До свидания, миссис Миллар.

На улице Майлз достал мобильный и позвонил сержанту Роланду – узнать новости о Дэвиде Милларе.

* * *

В кабинет вошел Боб, смотритель Флит-Хауса. Себастьян оторвался от бумаг.

– Все, мистер Фредерикс, трубу починили. Сейчас загляну в подвал, перезапущу бойлер – и дело сделано. – Красное лицо Боба раскраснелось сильнее обычного.

– Хорошо. Ключи у вас есть?

– Есть, спасибо, мистер Фредерикс.

Боб прошел по заднему коридору, отпер дверь в подвал, включил свет и начал медленно спускаться по неровным ступеням. Внизу хранились чемоданы мальчиков: отличное место, сухое и теплое. На последней ступеньке Боб повел носом. Запах был не слишком сильным, но характерным – тошнотворный душок разложения.

– Видать, крыса пробралась, чтоб ее! – проворчал смотритель, изучая пол на предмет помета.

Он проверил за грудой чемоданов, ничего не обнаружил. Понюхал вновь. Здесь вонь была сильнее. Нагнувшись, Боб доверился носу. Запах шел от чемодана с неплотно закрытой крышкой.

– Только не говорите, что проклятая тварь залезла внутрь. Бедного парнишку-хозяина удар хватит.

Боб ухватился за латунную защелку и откинул крышку.

* * *

Себастьян Фредерикс, вновь углубившийся в работу, испуганно дернулся – тишину здания разорвал мужской крик.

Глава двадцать пятая

Мистер Карлайл подошел к ожидающим в семейной комнате Джасмин и Селестрии, сел напротив. Сказал с улыбкой:

– Хорошие новости. Том реагирует на лечение. До полной безопасности еще далеко, но жидкость из легких отходит, кровяное давление лучше, а значит, сердце работает эффективнее, чем вчера. Сегодняшние прогнозы куда оптимистичнее; если так пойдет и дальше, через пару дней мы переведем Тома из реанимации в обычную палату.

Селестрия стиснула руку дочери, улыбнулась с облегчением.

– Чудесные новости, правда, милая?

– Еще бы, – кивнула Джаз.

– Хотя должен предупредить: если Том сейчас справится, ему придется соблюдать бóльшую осторожность в будущем. Второй инфаркт сильно повредил сердечную мышцу и очень ее ослабил. Следовательно, в долгосрочной перспек…

– Прошу вас, давайте поможем ему сейчас справиться, а уж потом будем переживать о будущем, – перебила Селестрия, не желая омрачать надежду.

– Разумеется, – кивнул врач. – Двигаться постепенно – весьма благоразумный подход.

– Значит, непосредственная опасность папе больше не грозит? – спросила Джаз.

– При столь серьезном состоянии гарантий нет, однако Том определенно движется в правильном направлении. – Карлайл встал. – До завтра.

После его ухода Джаз кинулась маме на шею:

– Боже, я так боялась, что мы его потеряем!

– Ну а он до сих пор здесь и борется за жизнь. – Селестрия погладила дочь по голове. – Думаю, тебе пора назад, в Норфолк.

– Я схожу вниз, созвонюсь с Майлзом. Без особой необходимости никуда не поеду, останусь здесь.

– Мое чутье подсказывает, что папа в очередной раз перехитрит своего творца. Ты пока иди звони, а я навещу Тома, обрадую нашу суперзвезду. – Селестрия обхватила лицо дочери ладонями, с улыбкой

поцеловала в лоб. – Как бы я без тебя справлялась, милая? Спасибо, что ты рядом.

– Не говори глупостей, мам. Я мигом.

Джаз поспешила на улицу, включила мобильный – и обнаружила присланное Майлзом голосовое сообщение.

Прослушала его – и стала белее мела.

* * *

Мобильный ожил, когда Иззи наслаждалась великолепным куриным супом Анджелины.

Извинившись перед хозяйкой, Иззи ответила на звонок.

– Ты еще у Милларов? – спросил Майлз.

– Да. Собираюсь обратно в участок.

– Можешь говорить? Чтобы тебя не слышали?

– Погоди секунду.

Голос у Майлза был напряженным. Иззи поднялась со стула, сказала Анджелине одними губами: «Простите, шеф на проводе», – и перешла в гостиную.

– Выкладывай.

– Тело Джулиана Форбса только что обнаружили в чемодане в подвале Флит-Хауса.

Иззи невольно хлопнула себя по рту:

– Господи! Кто обнаружил?

– Смотритель. Он спустился перезапустить бойлер. Повезло, надо сказать. Если бы не лопнувшая труба, тело пролежало бы там до Пасхи, пока мальчикам не понадобились бы чемоданы.

– Давно он мертв?

– Думаю, пару дней, но криминалисты скажут точнее. Они уже едут.

– Анджелина с ума сойдет, бедняжка.

– И не говори. Иззи, окажи мне услугу, пожалуйста. Останься там. Вы в полной безопасности: мы поставили у дома полицейского, как только узнали о побеге Миллара. Однако я не хочу, чтобы миссис Миллар или Рори пока что покидали дом. Джаз я позвонил, она прибудет в течение часа.

– Анджелинин бывший не объявился?

– Нет. Запри, пожалуйста, на всякий случай все двери. Вдруг Дэвид Миллар взбесится и решит заглянуть к бывшей супруге?

– Сомневаюсь, но двери проверю.

– Я знаю, что ты сомневаешься, Иззи, однако Миллара освободили примерно в то время, когда миссис Миллар в последний раз разговаривала с Джулианом Форбсом. И тогда же он пропал!

– Поскольку я не горю желанием есть попу тетушки Мадж, буду считать это чистым совпадением, – проворчала Иззи. – Тем более что у меня есть новости по Рори.

– Я позвоню, как только вернется Джаз. До тех пор ничего не рассказывай.

– Буду вести вежливый и приятный разговор.

– Спасибо, солнце. Прости, что втянул тебя в эту историю.

– Ничего страшного. Скоро вернусь в город и спокойно отдохну. Пока.

Изобразив на лице улыбку, Иззи неторопливо прошествовала в кухню.

* * *

Джаз сумела перехватить Патрика, когда тот уже собирался выезжать на трассу A14 в сторону Лондона. Патрик забрал Джаз возле больницы, и они помчались в Норфолк.

Почти всю дорогу Джаз общалась по мобильному с Нортоном.

– Ситуация нехорошая, Хантер. Я уже направил к вам дополнительных криминалистов, однако помощи однозначно требуется больше. У вас там очень кстати оказался один весьма опытный детектив. Только сможете ли вы с ним работать?

Вот влипла! Скажи Джаз «нет», и Нортон усмотрит в этом верх непрофессионализма; скажи «да» – и она обречена работать с Патриком до окончания дела. Выбора нет.

– Да, сэр. Конечно, – коротко ответила Джаз.

– Хорошо. Я связался с Кингс-Линном, оттуда пришлют нескольких полицейских. Они, по крайней мере, смогут патрулировать школу.

– Я как раз хотела это обсудить, сэр. Мне закрыть школу? Сержант Майлз эвакуировал Флит-Хаус, мальчиков пока расселили по другим общежитиям. Однако стоит распространиться новости о третьей смерти – причем бесспорном убийстве, – и начнется массовая паника.

– Сначала доберитесь туда, дальше посмотрим. Позвоните с места преступления.

– Поняла, сэр.

Закрыв мобильный, Джаз уставилась в никуда.

– Ты там как? – Патрик накрыл ее ладонь своей.

Джаз убрала ладонь:

– Я в порядке.

– Ты безумно устала, Джаз, не забывай. Оно и неудивительно, последние дни были тяжелыми.

– Все в порядке, – упрямо повторила она из гордости. – Я отлично умею справляться с трудностями.

– Знаю, что умеешь. И догадываюсь, что работать со мной ты вовсе не мечтала.

– Тем более под твоим началом, тебя же повысили, – буркнула Джаз.

– Послушай, клянусь, я не стану переходить тебе дорогу. Сможешь ввести меня в курс дела?

Она скрипнула зубами:

– Очень постараюсь.

* * *

К Фолтсхэму Патрик знал о расследовании все необходимое.

– Не вижу никакой связи с Джулианом Форбсом, хоть убей. Разве что вы с Иззи ошиблись и Дэвид Миллар все-таки озверел и пошел вразнос, – подытожил Патрик.

Джаз хотела было возразить, но он не дал.

– Нет, Джаз, я тебя вовсе не критикую. Ни факты, ни анализ характера Миллара с этим не вяжутся, но давай начистоту: мотив у него есть, что с Кавендишем, что с любовником бывшей жены.

– Допустим, мотив объединяет смерти Чарли и Джулиана: первого Миллар убил из мести, за издевательства над сыном; второго – из ненависти, за отношения с Анджелиной. Только Хью Данман все равно не вписывается. – Джаз вздохнула.

– Зато у него есть связь с Чарли. Много лет назад Хью Данман был любовником Чарлиного дяди.

– Разве это не чистая случайность? Норфолк – графство маленькое.

– Возможно, однако я бы тему развил. Мать почившего любовника Данмана жива. Да, она стара, но, вероятно, способна пролить свет на события прошлого. И их возможную связь с настоящим.

Патрик повернул к школе, Джаз увидела желтую полицейскую ленту, огораживающую Флит-Хаус.

– Ладно, пойдем.

Не успела Джаз сделать и двух шагов, как рядом оказался директор.

– Слава богу, вы приехали! Тут настоящее светопреставление! Кругом полиция, мальчики спрашивают, что происходит. Скоро они начнут названивать родителям, это лишь вопрос времени. Вы, конечно, закроете школу, велите очистить все помещения, затем пресса… Боже мой, нам конец!

Роберт Джонс был вне себя.

– Понимаю вашу тревогу, директор. Перспектива действительно безрадостная, – согласилась Джаз. – Нам надо все обсудить, но сначала я взгляну на место преступления, составлю впечатление о произошедшем. Это старший инспектор уголовного розыска Кафлин, он приехал нам помочь. Вы с нами во Флит-Хаус, директор, или подождете у себя в кабинете?

Казалось, Роберта Джонса сейчас хватит удар.

– Нет-нет. Я подожду в кабинете.

Директор развернулся и поспешно, чуть ли не бегом, потрусил в безопасность главного школьного здания.

Джаз и Патрик пересекли часовенную лужайку, до сих пор покрытую островками талого снега.

У входа во Флит-Хаус стоял с важным видом сержант Роланд.

– Мои люди опечатали общежитие, как только прибыли. С тех пор внутрь никого не впускали. Мальчиков эвакуировали. В кабинете Фредерикса ждут лишь сам мистер Фредерикс, смотритель, обнаруживший тело, и ваш сержант Майлз.

– Спасибо, Роланд, – кивнула Джаз. – Есть новости про Миллара?

– Нет, мэм. Он будто испарился.

– Старший инспектор Кафлин. – Патрик протянул сержанту Роланду руку, которую тот нервно потряс. – Отрядите на поиски Миллара всех свободных людей, Роланд. Он нам нужен.

Джаз провела Патрика по коридору в кабинет.

Внутри сидели напряженные Майлз, Себастьян Фредерикс и пожилой мужчина в коричневой спецовке.

– Доброе утро, – поздоровалась Джаз.

Затем представила Патрика смотрителю и Фредериксу. Спросила:

– Значит, тело нашли вы, мистер… э-э?..

– Боб Гилкс. Да. Трубу прорвало, и бойлер вышел из строя. Я пошел его перезапустить, почуял странный запах и… – Смотритель сглотнул. – Тогда-то и нашел это… его.

– Я услышал крик Боба, бросился в подвал. И смог опознать мертвого, – пояснил Фредерикс.

– То есть вы его знали? – уточнила Джаз.

– Оказалось, что да, хотя не видел много лет. Он учился вместе со мной тут, в Святом Стефане, только классом старше. Я сразу понял, что это Джулиан. Бедняга. До сих пор не верится. – Фредерикс покачал головой.

– Сколько же лет вы не виделись?

– Около пятнадцати, наверное. – Он пожал плечами: – Мы разъехались по университетам, затем встретились в Лондоне. Несколько раз пересеклись за кружкой пива, но дальше я вернулся в Норфолк, а Джулиан остался в столице. Я слышал, что недавно Джулиан тоже осел в Норфолке, но попыток к сближению никто из нас не делал. Знаете, как оно бывает…

Внимание Джаз привлекла нездоровая бледность Боба Гилкса.

– Боб, отправляйтесь-ка вы домой. Прилягте. Оставьте свой номер телефона детективу на выходе, вдруг вы нам понадобитесь.

– Спасибо, миссис. – Благодарный Боб встал.

– Сержант Майлз наверняка уже предупредил, чтобы вы пока оставили эту находку при себе. Не стоит пугать учеников и сотрудников. Сначала выясним, что произошло в подвале.

– Конечно. Даже жене не скажу, клянусь.

– Спасибо, Боб.

Джаз обернулась к Фредериксу:

– Мистер Фредерикс, вы знали, что Джулиану вскоре предстояло стать отчимом Рори Миллара?

Фредерикс искренне удивился:

– Нет, не знал. Ни разу не видел его с Рори. Понятия не имел, что у миссис Миллар вообще кто-то есть. Рори никогда не упоминал Джулиана.

– Рори не знал об их отношениях. Миссис Миллар хотела дать сыну время отойти от развода, а уж потом познакомить их с Джулианом.

В двери постучали, и сержант Роланд доложил:

– Прибыли криминалисты из Лондона. Разгружаются.

– Спасибо. Я подойду через пять минут, – кивнула Джаз и вновь переключилась на воспитателя: – Я слышала, вы недавно разбогатели, мистер Фредерикс.

Себастьян нервно дернул бровью и покрутил кольцо с печаткой, надетое на мизинец.

– Да. Я и не догадывался, что это всем известно.

– Не всем. Однако нас, конечно же, интересовало, кому мистер Данман завещал свое состояние. Вы, значит, дружили?

Себастьян пожал плечами:

– Не настолько, чтобы ожидать наследства, тем более такого. Честно говоря, я очень удивился, пусть и приятно.

– Вы не подозревали, что ваше имя упомянуто в завещании, мистер Фредерикс? – вмешался Патрик.

– Даже подумать не мог.

– Понятно. – Патрик задумчиво кивнул.

– Вы знаете Дженни Колман, мистер Фредерикс? – спросила Джаз.

– Да. Хотя не близко. Она работает тут сто лет. А что?

– Мисс Колман – второй наследник, – ответила Джаз.

– Это объяснимо. Они дружили в прошлом. Если память мне не изменяет, Хью устроил Дженни работать в школу.

В двери вновь постучали.

– Простите, мэм, вас ждут криминалисты.

– Иду, Роланд. – Джаз встала. – Сержант Майлз, продолжите, пожалуйста, допрос мистера Фредерикса. Патрик, ты со мной?

Патрик кивнул, и они вдвоем вышли.

– Инспектор Хантер! – крикнул вслед Фредерикс.

Джаз обернулась:

– Это ведь не я нашел Джулиана. Да и не я положил его в чемодан, если уж на то пошло. Я не просил наследства у Хью. Это было полной неожиданностью. Спросите у адвоката.

– Знаю, мистер Фредерикс. Жизнь порой ставит нас в незавидное положение, согласны?

Он, успокоившись, кивнул:

– Да. Спасибо, инспектор.

Джаз с Патриком отправились искать криминалистов. Джаз была благодарна за то, что Патрик воздержался от участия в допросе.

– Немного странно, что Данман ни с того ни с его оставил деньги Фредериксу, – заметил Патрик.

– Адвокат сообщил Майлзу, что Хью лишь недавно изменил завещание в пользу Фредерикса. Надо разузнать побольше о его семье. Приветствую, Мартин. – Джаз подошла к своему любимому эксперту-криминалисту, с улыбкой пожала руку. – Рада, что приехали именно вы, спасибо. У нас тут полный кошмар. Поговорим на ходу?

– Конечно. Время – важный фактор, – кивнул Мартин Чапман. – Приветствую, Патрик. Как жизнь?

Если Чапман и удивился, встретив старшего инспектора Кафлина в Норфолке вместе с бывшей женой, то виду не подал.

– В общем и целом – шикарно, Мартин. Приехал вдохнуть чистого норфолкского воздуха, а получил на руки труп.

– Есть предположения, как он туда попал? – обратился Чапман к Джаз, отпиравшей двери в подвал.

– Нет, я сама только приехала.

Она стала аккуратно спускаться. В ноздри ударил знакомый запах разлагающейся плоти. Обычно он на Джаз не действовал, но сейчас, очутившись внизу, она пошатнулась – и упала бы, если бы не Патрик.

– Держись, Джаз. – Он подхватил ее под руку.

В голосе звучало сочувствие: Патрик наверняка понимал, что столь острая реакция Джаз вызвана страхом за жизнь родного человека.

Джаз высвободила руку, но поблагодарила с улыбкой:

– Спасибо.

– Так, что тут у нас? – Чапман уже заглядывал в чемодан. – Большой синяк на левой и средней части лба: жертва где-то сильно ударилась… Перчатки, пожалуйста, Бонетти.

Бонетти, преданный помощник Чапмана, с трудом спустил по ступеням криминалистический чемодан, уложил его на пол и выдал шефу перчатки.

Джаз и Патрик, стоя рядом за спиной у Чапмана, наблюдали, как тот осторожно приподнимает голову покойного. Одной из причин симпатии Джаз к Чапману было его уважение к физическим останкам угасшей человеческой жизни. Он, в отличие от многих криминалистов, обращался с трупами бережно.

– Как именно бедный Джулиан встретился с Создателем, очевидно. Смотрите.

Джаз с Патриком вгляделись в пятна крови на стенке чемодана под головой Джулиана.

– Мощный удар по затылку. – Чапман поднял руку Джулиана. – Видите, на ладонях ссадины и белая пыль.

Чапман проверил вторую ладонь – то же самое. Оглянулся на крутой спуск в подвал.

– Судя по рукам и синяку на лбу, я бы сказал, что Джулиана ударили сзади, когда он шел по ступеням. Джулиан полетел вперед. Пыль на ладонях говорит о том, что он пытался смягчить падение выставленными вперед руками, а значит, был еще в сознании, пусть и несколько секунд, до следующего удара. – Чапман вернулся к изучению затылка Джулиана. – Его ударили не меньше трех-четырех раз.

Джаз сглотнула, от зловонного воздуха в тесном помещении ее замутило.

– Чем ударили? Есть догадки?

– Предметом с острой кромкой, вроде топора или мясницкого ножа. Нападение было яростным. Вероломным.

Чапман повернулся и начал изучать пол в паре футов от ступеней.

– Видите? Тоже кровь. Похоже, наш убийца прикончил Джулиана тут, а затем оттащил тело в чемодан.

– Давно он мертв?

– До вскрытия не скажу, поскольку здесь очень жарко. Тело разлагается быстрее, чем следовало бы.

– Бойлер не работал сегодня несколько часов, трубу прорвало, – сообщила Джаз. – Джулиан пропал во вторник вечером.

– Тогда скажу навскидку, что смерть наступила примерно в это время, самое позднее – рано утром в среду. Бонетти, зови ребят с носилками. Давайте вытащим Джулиана отсюда и отдадим ему дань уважения. Я тут пока поработаю, возьму образцы с пола и чемодана, поищу, не оставил ли наш убийца после себя следов.

– Куда отвезут Джулиана?

– Я связался с коронером в Норидже, Джулиан отправляется туда. Вряд ли там все оборудовано по последнему слову техники, как у меня, но я справлюсь.

– Когда вы сможете дать заключение? Нас очень поджимает время.

– Как только закончу здесь, сразу поеду на вскрытие. По идее, к вечеру подготовлю отчет, но вряд ли в нем будет больше о причине смерти, чем я уже рассказал. Если найду интересные образцы ДНК, сообщу.

– Спасибо, Мартин.

– Думаю, нам пора, – объявил Патрик и начал подниматься из подвала.

Джаз склонилась над чемоданом с телом, пригляделась к выбитым на крышке инициалам.

Р. М. М.

Во Флит-Хаусе могут быть и другие мальчики с такими инициалами, но первое имя и фамилия подходят под Рори Миллара.

Еще раз поблагодарив Мартина, Джаз поднялась за Патриком.

В вестибюле ждал Майлз.

– Я взял показания у Фредерикса, мэм. Чем порадовал Мартин Чапман?

– По его мнению, Джулиан умер вечером во вторник. И это точно убийство, – тихо проговорила Джаз. – Патрик, ты не мог бы сходить к

директору, поделиться с ним заключениями Мартина и желательно не довести до инсульта? Успокой, что в школе теперь будет полным-полно полиции и вряд ли в ближайшие сутки произойдет еще одно убийство…

– А через сутки преступник будет уже пойман и благополучно посажен… – Патрик кивнул. – Очень постараюсь. Хотя мы балансируем на краю пропасти. Будь я родителем, ни за что и близко не подпустил бы свою драгоценную детку к этому месту.

– На наше счастье, когда Боб обнаружил тело, во Флит-Хаусе никого не было. Вопль Боба слышал только Фредерикс, – сказал Майлз. – Мальчики приписывают свое выселение и приезд полиции тому, что при ремонте бойлера под полом в подвале нашли чьи-то старые останки. Дети взбудоражены и гадают, кто бы это мог быть.

– Сказки какие-то, – неодобрительно заметила Джаз.

– Нет, мэм, вовсе не сказки. По легенде, во Флит-Хаусе обитает дух мальчика. Ему так ужасно здесь жилось, что он повесился на металлическом крюке в подвале. Ребята думают, останки принадлежат бедняге висельнику.

– А это правда? Он действительно повесился?

– Понятия не имею, сколько в этой истории правды. – Майлз пожал плечами. – Как и в любом фольклоре, все, наверное, сильно приукрашено. Поинтересуюсь у Фредерикса, который, между прочим, спрашивает, можно ли ему обойти общежития, куда расселили мальчиков.

– Да. Передайте ему, что можно, только пусть не вздумает покидать территорию школы. Если у Фредерикса есть мобильный, возьмите номер.

– Так точно, мэм.

– Кстати, а где находилась сестра-хозяйка, когда обнаружили тело Джулиана? – вспомнила Джаз.

– Не знаю. Я видел, как она выводила мальчиков из общежития уже после прибытия полицейских.

– Найдите ее и возьмите показания.

– Будет сделано, – подтвердил Майлз. – Что делать с Иззи? Она недавно звонила. Жалуется, что у нее заканчиваются темы для беседы с Анджелиной, и хочет знать, когда подоспеет помощь. Еще Иззи горит желанием обсудить с вами Рори.

– Джаз, поезжай туда, – предложил Патрик. – Мы с Майлзом поработаем здесь. Я выясню, как идут поиски старшего Миллара.

– Да. – Джаз вздохнула. – Хорошо было бы не только сообщить Анджелине печальные новости, но и заверить ее в том, что нам известно местонахождение Дэвида. Хотя я по-прежнему не верю в его виновность.

– Справедливости ради, ты говорила бы так в любом случае. Ты ведь отпустила Миллара без предъявления обвинений. Если его найдут, я хотел бы провести допрос. Позволишь?

– Ну конечно! – вспыхнула Джаз. – Ты же старше по званию. Можешь делать что пожелаешь. Напомнишь сержанту Роланду, чтобы он нес службу как следует? Ладно, я уехала.

Джаз с мрачным видом побрела через лужайку к машине.

Умозаключение Патрика рассердило Джаз, хоть это и было глупо. Сейчас ей следует радоваться каждому помощнику. Однако в душе уже вскипали старые, знакомые чувства, грозили вырваться из-под контроля и поглотить Джаз. Это ее дело, она бралась за него из лучших побуждений – и думать не думала, что придется работать с Патриком.

Одной из проблем в Скотленд-Ярде было то, что Патрику нравилось дискредитировать Джаз – как перед подчиненными, так и перед начальством. Под конец она уже считала Патрика худшим образчиком мужского шовинизма, направленного на нее лично. Однако ничего не могла с этим сделать, ведь Патрик был ее мужем.

Интересно, что его поведение не осталось незамеченным для Нортона. Он сам так сказал на прошлой неделе во время визита к Джаз.

Она завела двигатель, постаралась выкинуть из головы мысли о Патрике и сосредоточиться на деле. Больше всего в своей работе Джаз ненавидела сообщать родственникам о смерти их близкого. Сегодня же, после целых суток страха за жизнь папы, Джаз сочувствовала Анджелине как никто.

Джаз набрала номер больницы и попросила соединить с постом реанимации. Вчерашняя милая медсестра сообщила, что Том продолжает делать успехи, и если Джаз позвонит позже, то сможет с ним поговорить.

Успокоившись за отца, Джаз поехала к Милларам. Несмотря на усталость, мозг работал активно, в теле бушевал адреналин – как

всегда в напряженные моменты.

Два убийства и одно самоубийство – все три связаны с Флит-Хаусом. Чарли, ученик. Джулиан, бывший ученик. Хью, куратор общежития.

И Рори, будущий пасынок Джулиана. Рори, чей чемодан почти наверняка стал Джулиану временной могилой.

Что, если Патрик прав и Джаз ошиблась в Дэвиде Милларе, проникшись сочувствию к его сложностям?

Нет. Она не позволит Патрику подрывать ее уверенность в себе.

Джаз вздохнула. Он уже опять сумел вывести ее из равновесия.

Глава двадцать шестая

Джаз постояла на пороге дома Анджелины, собираясь с духом.

Дверь открыла Иззи. Недовольно заметила:

– Ты не торопилась. Я уже два часа играю с Рори в блошки и прочие настольные радости. Она там. – Иззи кивнула в сторону кухни. – Пойду наверх, буду дальше изображать няню. Сообщи, когда закончишь. Очень надо поговорить, – добавила шепотом.

– Спасибо, Иззи. Да, ты не могла бы выяснить второе имя Рори?

Джаз пересекла прихожую и открыла двери в кухню. Бледная Анджелина сидела за столом, бездумно листала журнал интерьеров. Она тут же вскочила:

– Его нашли, инспектор Хантер?

Джаз медленно кивнула:

– Присядьте, миссис Миллар.

Анджелина впилась в лицо Джаз напряженным взглядом. Не увидев ничего для себя утешительного, испуганно пролепетала:

– С ним все хорошо? Прошу, скажите, что хорошо. Он попал в аварию из-за этого ужасного снегопада? Я чувствовала – с Джулианом что-то случилось. Чувствовала! Где он? О боже, боже…

Джаз заботливо усадила Анджелину, пододвинула стул себе, села рядом. Накрыла ее ладони своими.

– Мне очень жаль, миссис Миллар, такую весть смягчить невозможно. К несчастью, Джулиан мертв.

– Мертв? Мертв? Он не мог умереть! Нет, не мог… – Анджелина затрясла головой.

Умолкла, вновь буравя Джаз пристальным взглядом. Постепенно до Анджелины начало доходить. Она сникла, пробормотала:

– Как?

– Миссис Миллар, я так вам сочувствую… – мягко проговорила Джаз. – Несколько часов назад тело Джулиана обнаружили в чемодане в подвале Флит-Хауса.

– Что? – Анджелина не поверила своим ушам. – Почему?!

– Мы пока не знаем, однако совершенно очевидно, что Джулиана туда положили. Понимаю, как вам больно это слышать, но мы

полагаем, что на него напали сзади, он скатился вниз по ступеням и погиб. Затем тело поместили в чемодан.

– Вы… хотите сказать… его… убили?

– Почти наверняка. Мне безумно жаль, но лучше вам узнать правду сразу.

Анджелина смотрела перед собой невидящим взглядом, на лице застыл ужас.

– Джулиан – убит? – прошептала она. – У него не было врагов. Его все любили, уважали…

– Он был адвокатом, миссис Миллар, и не мог не завести врагов в местных преступных кругах. Это одна из версий, которую мы должны отработать…

– Нашли в подвале Флит-Хауса… Недавно в том же общежитии умер Чарли Кавендиш, а куратор покончил с собой… Что там вообще происходит? И почему вы не выяснили этого раньше, чем погиб Джулиан?! – Анджелина вскочила, принялась яростно дергать себя за волосы. – Где Дэвид?! Это он, он убил Чарли и Джулиана! Теперь придет сюда и убьет нас с Рори! Джулиан умер, потому что вы отпустили Дэвида!

Анджелина внезапно подпрыгнула к Джаз, по-детски замахнулась маленькими кулачками. Джаз легко удержала ее за запястья. Анджелина, вне себя от гнева и шока, исступленно сопротивлялась.

– Миссис Миллар, я понимаю, как вы потрясены…

– Нет, не понимаете! Джулиан мертв! Мертв!!!

Анджелина вдруг лишилась сил, обмякла в руках у Джаз, разрыдалась. Джаз с максимальной бережностью усадила Анджелину на стул, устроилась напротив нее. В такие моменты Джаз всегда чувствовала себя беспомощной. Видеть неприкрытые, мучительные страдания другого человека – это непросто. Она тихонько ждала.

В конце концов рыдания стихли. Анджелина встала и на нетвердых ногах прошла в другой конец кухни за салфетками. Высморкалась, вытерла глаза.

– Простите, инспектор Хантер. Я совсем раскисла.

– Об этом не волнуйтесь, пожалуйста. Я вас понимаю. Вряд ли вам сейчас хочется быть именно со мной. Давайте я кому-нибудь позвоню и попрошу приехать?

Глаза Анджелины вновь наполнились слезами.

– Я сразу же подумала о Джулиане. Вы позвонили бы ему, и он меня утешил бы, но потом… – Она прикусила губу, борясь со слезами. – Я вспомнила…

– Может быть, ваши родители? Вам понадобится помощь с Рори, хотя бы в первые дни.

– О боже, Рори! Бедный Рори. Он даже не знал Джулиана. Рори будет гадать, из-за чего мама так расстроена, а ему ведь и так досталось. Что сказать Рори, инспектор? Правду?

– Решать вам, Анджелина. Он не знал Джулиана, что в данной ситуации, возможно, к лучшему: по крайней мере, вашему сыну не придется горевать об утрате.

– Да. Я позвоню маме. Она любит Рори. – Анджелина кивнула.

– Миссис Миллар… Анджелина, я понимаю, как вам тяжело, но, возможно, вы найдете в себе силы пересказать мне вашу последнюю беседу с Джулианом во вторник вечером?

Анджелина расхаживала по кухне, комкая мокрые салфетки.

– Не знаю. Правда, не знаю.

– Чем больше мы узнаем от вас о том вечере, тем скорее найдем убийцу.

– Рассказывать-то нечего!

– Во время разговора Джулиан не показался вам взволнованным или огорченным?

– Его не обрадовала моя просьба заночевать на квартире в Нориджe из-за того, что тут Рори. О боже, а если бы я разрешила Джулиану вернуться домой? Все сложилось бы по-другому? Он бы не умер? Это я виновата?!

– Нет, конечно. Мы уверены, что Джулиан не доехал и до квартиры. Что-то или кто-то ему помешал. Вы не помните, в котором часу Джулиан звонил?

– Примерно без четверти семь. Знаю, потому что Рори смотрел «Симпсонов».

– Джулиан часто работает в конторе допоздна?

– Случается, но… о, я вспомнила. Во вторник утром, перед уходом… последний раз, когда я видела Джулиана… он сказал, что в любом случае приедет поздно – хоть домой, хоть в квартиру, – поскольку на семь часов вечера назначена встреча с клиентом.

Джаз достала из сумочки блокнот, принялась записывать.

– Это обычная практика? Встречи с клиентами по окончании рабочего дня?

– Да, время от времени. Джулиан очень ответственно относился к работе и к людям, чьи дела вел. – Анджелина кивнула: – Простите, инспектор, но мне нехорошо. Я… Я больше не могу отвечать на вопросы. Мне нужно прилечь.

– Конечно, прилягте. Спасибо, Анджелина. Представляю, как вам трудно, но вы очень помогли нам этими сведениями. Хотите, я позвоню врачу, пусть заглянет к вам, даст снотворное?

– Нет. Врач прописал мне валиум после исчезновения Рори… когда я думала, что хуже некуда. – Анджелина обреченно вздохнула: – Оказывается, есть куда. Вы не могли бы передать Рори, что мама пошла отдыхать?

– Передам, конечно. Они с Иззи, похоже, крепко подружились. Мы наверняка сумеем убедить ее задержаться до приезда вашей матери. Я могу ей позвонить, если хотите.

– Я позвоню сама, из спальни. Для мамы это тоже будет шоком. Для всех… – Анджелина дошла до выхода из кухни, но внезапно испуганно вцепилась в дверную ручку. – А Дэвид? Вы знаете, где он? Вдруг явится сюда?

– Постарайтесь не волноваться, пожалуйста, миссис Миллар. Даю вам слово, что возле дома будет круглосуточно дежурить полицейский. Вы с Рори в полной безопасности, я это гарантирую.

После ухода Анджелины Джаз включила мобильный. Патрик прислал сообщение: Дэвида Миллара наконец-то взяли в Норидже, пьяного, и доставили в полицейский участок Фолтсхэма протрезвляться. Патрик выезжает туда, будет ждать Джаз в участке.

Джаз поднялась на второй этаж. Иззи с Рори сидели в его комнате; Иззи пыталась управлять машиной на игровой приставке.

– Хорошо, что ты пришла. Я только что проехала по улице с односторонним движением и сбила трех мамаш с коляской. Как она? – спросила Иззи одними губами.

– Не очень, – так же беззвучно ответила Джаз. – Здравствуй, Рори. Как дела?

– Хорошо.

Внимание Рори было сосредоточено на том, чтобы вернуть машину на улицу с односторонним движением.

– Рори, – позвала Иззи. – Мы с тобой обсуждали мистера Данмана. Повтори, пожалуйста, для Джаз то, что ты рассказал мне.

Рори с тревогой посмотрел на Иззи.

– Обязательно повторять? Вы же говорили, это наш секрет…

– Я бы хотела поделиться им с Джаз. Видишь ли, он поможет ей раскрыть дело. Она никому не расскажет, правда, Джаз?

– Конечно. Я полицейская, Рори. Хранить секреты – моя работа.

– Просто… – Рори взглянул на Иззи, ища у нее поддержки. – Мне очень стыдно, и если мальчики в школе узнают… – Он вздохнул: – Решат, что я совсем ненормальный. Меня и так считают странным.

– Я понимаю, Рори. Обещаю ничего не говорить твоим друзьям, – мягко заверила Джаз.

– Она сдержит обещание, Рори, честно, – кивнула Иззи. – Расскажи Джаз про ту пятницу, когда ты вечером пошел к мистеру Данману за таблетками от головной боли.

– В общем… – начал Рори, глядя в пол. – У меня очень сильно разболелась голова. Как раз после концерта в часовне. В квартире сестры-хозяйки никого не оказалось, и я пошел вниз, в кабинет мистера Фредерикса, попросить у него лекарство. Мистера Фредерикса не было, зато там сидел мистер Данман.

– В котором часу ты спустился, Рори? – уточнила Джаз.

– Точно не знаю. Около половины десятого, наверное. Все младшие мальчики уже легли спать.

– Что было дальше?

– Мистер Данман попросил меня подождать, а сам пошел за таблетками. Затем вернулся и предложил выпить горячего шоколада, который приготовил перед моим приходом. Я согласился, потому что мне было тоскливо.

– Из-за чего, Рори? – спросила Джаз, предугадывая ответ.

– Обычные дела, сами знаете. – Рори пожал худенькими плечами.

– Нет, не знаю. Поделись.

– Ну, мальчишки, они надо мной издевались.

– Все? Или кто-то конкретный?

Рори посмотрел на Джаз:

– Со мной никто из мальчишек особо не дружит, но Чарли Кавендиш был хуже всех. Он цеплялся ко мне в тот день, и я был расстроен.

– Ясно. Значит, вы с мистером Данманом выпили по чашечке горячего шоколада. Тебе полегчало?

– О да. Мистер Данман прекрасно ко мне относится… относился. Заботился. Он понимал, как мне живется. Рассказывал, что над ним в школе тоже издевались. Мы замечательно ладили. Мистер Данман был моим другом.

– Здорово. Тебе это, наверное, очень помогало.

– Да. Он спросил, что со мной, и я рассказал, как после регби Чарли в раздевалке обзывал меня «геем долбаным». Мистер Данман посоветовал не обращать внимания на такие комментарии. Мол, Чарли говорит гадости из-за собственных комплексов, и всем известно, что он хулиган и агрессор. Я слушал, потягивал горячий шоколад и чувствовал себя лучше. Пока…

Рори нервно потер ладонями бедра.

– Иззи, мне правда обязательно?

– Да, солнышко. Это очень поможет Джаз разобраться в том, что же произошло в ту ночь.

Рори тяжело вздохнул:

– Ладно. Поехали: мистер Данман подошел, сел рядом на диван. Мне хотелось плакать, и мистер Данман меня обнял, пообещал поговорить с Чарли и добиться, чтобы тот от меня отстал. Потом… мистер Данман вдруг сказал, что я очень похож на его старого знакомого, и обхватил мое лицо руками, и…

Рори так тараторил, что поперхнулся.

– Продолжай, Рори, – подбодрила Иззи. – Ты уже почти справился.

– В общем, он… поцеловал меня… в губы… и… и попытался засунуть язык мне в рот. – Рука Рори машинально взлетела к лицу, пальцы пробежали по губам вправо-влево, словно он пытался их оттереть. – Гадость!

Джаз молча кивнула, глянув на Иззи. Та приподняла брови.

– Я вырвался, убежал наверх, в свою комнату. Залез под одеяло с головой и заплакал. Мистер Данман был моим единственным другом, защищал меня, но я понял, что теперь нельзя с ним дружить, что он – грязный старик, такой же гадкий, как остальные. Я остался один-одинешенек и доверять никому больше не мог. Кроме…

– Папы? – подсказала Джаз.

Рори кивнул:

– Я ему позвонил. Сказал, что хочу увидеться. Он не приехал, и я сбежал к нему.

– Папа изо всех сил старался выяснить, что происходит, почему ты так расстроен. Я видела его через пару дней после твоего звонка, в кабинете мистера Джонса. Папа добивался встречи с тобой.

– Я так понимаю, ему не разрешили. Он был пьян?

Джаз решила, что небольшая ложь сейчас только во благо.

– Не знаю. Огорчен тем, что его к тебе не пускают, – это да. Итак, вы с папой отправились в поездку. Ты рассказал ему про мистера Данмана?

– Да. Папа обещал никому не говорить. Он ведь сдержал обещание? – Рори встревоженно посмотрел на Иззи и Джаз.

– Сдержал. Ничем тебя не выдал, честное слово, – ответила Джаз. – Последний вопрос. Ты выпил таблетки, которые дал тебе мистер Данман?

Рори побледнел:

– Кажется, да, но точно не помню.

– Постарайся, Рори. Напряги память. Это важно.

– Да-да, я понимаю, – разволновался мальчик.

Иззи молча просигналила: «Хватит».

– Рори, ты просто молодец. – Джаз улыбнулась: – Очень помог. Если что-нибудь вспомнишь, вот тебе моя визитка.

– Спасибо. – Рори спрятал карточку в карман.

– Да, и вот еще что. Маме немного нездоровится, она прилегла, но сперва попросила бабушку пожить у вас несколько дней и присмотреть за тобой, пока мама не поправится. Иззи, ты ведь сможешь дождаться приезда бабушки? Мне, к сожалению, надо бежать.

Иззи ответила красноречивым взглядом. Процедила:

– И когда же приедет эта бабушка?

* * *

По дороге в Фолтсхэмский участок Джаз напряженно обдумывала рассказ Рори.

Патрик обосновался в маленькой комнате для допросов. Он сидел за столом, который Джаз считала своим. Велев себе не мелочиться, она кивнула Патрику и водрузила на стол портфель.

– Ого, ты раздобыл приличный кофе.

– Да. Послал очаровательного милого констебля в кофейню. Тебе тоже купил, вот.

– Спасибо. Важная птица явилась, сразу видно. Для нас за кофе никто не бегал.

– Ты же знаешь, Джаз, мое врожденное ирландское обаяние творит чудеса, – расплылся в улыбке Патрик.

Джаз невольно поежилась от воспоминания.

– Ну-с, – продолжал он. – Как там бедная миссис Миллар?

– Убита горем, естественно. Зато Иззи – гений. Она нашла подход к Рори, и тот разоткровенничался про ночь смерти Чарли Кавендиша. Иззи убедила Рори рассказать мне о том, что Хью Данман его поцеловал.

– Господи! Я-то думал, что подобные вещи практически искоренили, даже в английских закрытых школах. Бедный мальчуган. Наверное, напуган до смерти. Страшно подумать, скольких еще ребят домогался этот старый мерзавец. – Патрик поморщился.

– По-моему, все куда сложнее и тут сыграл роль целый комплекс обстоятельств. Сомневаюсь, что Хью Данман совершал нечто подобное раньше. Однако в данном случае Хью не сумел удержаться. Думаю, ему было настолько стыдно, что он решил уйти из жизни.

Вступаться за Хью было, конечно, неправильно. Однако Джаз понимала причины, толкнувшие его на недопустимый поступок.

– Прости, Джаз. – Патрик прочел ее мысли. – У подобного поведения нет смягчающих обстоятельств.

– Я с тобой согласна, но Рори – точная копия юноши, которого Хью любил всю жизнь, – пояснила Джаз. – На мгновение Хью явно забылся. Ну а дальше… Как ему было жить с тем, что он совершил? Однажды это выплыло бы наружу. Рори рассказал отцу.

– Дэвиду Миллару? Пьянчуге внизу? Боже! – воскликнул Патрик. – Его привезли в совершенно невменяемом состоянии. До утра мы от этого красавца ни слова не добьемся. Ну что ж… – Патрик побарабанил пальцами по столу. – Выстраивается стройная картинка. Дэвид Миллар убивает Чарли за травлю сына; Хью Данман кончает с

собой из-за приставаний к Рори; затем Миллар в припадке ревности убивает Джулиана, любовника-отчима. Как по мне, отлично вяжется.

– Думаю, все не так просто, Патрик, – терпеливо произнесла Джаз.

Этот разговор напомнил ей о том, сколько раз они с Патриком расходились во мнениях по поводу очередного расследования. Патрик использовал «широкий» подход, основанный на фактах, тогда как Джаз обязательно учитывала человеческий фактор. Оба навыка отлично дополняли бы друг друга в команде, но в условиях конкуренции, которая часто вспыхивала при совместной работе с бывшим мужем, были залогом провала. Патрик хотел закрывать дела быстро. Джаз предпочитала слушать интуицию, не спешить, изучать истории всех действующих лиц и отрабатывать каждую версию, прежде чем делать выводы.

– По-моему, Миллар, сознаваясь в убийстве Чарли Кавендиша, покрывал сына, – продолжала Джаз. – Показания Миллара шиты белыми нитками. Вспомни, по словам бывшей жены, у Дэвида самого аллергия на аспирин. Тот никак не мог заваляться в кармане.

– Зато мог оказаться там специально, если Миллар купил таблетки перед поездкой в школу. Не исключено, что он тебе соврал, Джаз. Согласись.

– Да, – признала она. – Не исключено. Однако у одного человека в тот вечер аспирин был точно: у Рори. Лекарство вложил ему в ладонь Хью Данман. Я спросила напрямую, выпил ли Рори таблетки, и он ответил, что не помнит. Надо попросить Иззи, пусть вновь поговорит с Рори, вызовет на откровенность.

– Думаешь, убийца – тринадцатилетний мальчик? – Патрик присвистнул. – Господи, это жуть. В любом случае, когда твой подопечный внизу придет в себя, я с ним познакомлюсь поближе.

Джаз стиснула зубы:

– Знакомься. Хотя Иззи со мной согласна. Мы обе не считаем Миллара виновным.

– Ну, с вашей с ним последней беседы у нас добавился вопросик в виде очередного трупа. Миллара даже взяли в Норидже, неподалеку от конторы убитого. Не стоит игнорировать факты, Джаз.

– Я не игнорирую. И, честно говоря, не хочу дальше о них спорить. Это бессмысленно. Где Майлз?

– В Норидже, берет показания у коллег Форбса.

– Ясно. – Джаз взяла со стола портфель. – Я съезжу к матери Корина Конота, расспрошу об отношениях ее покойного сына с Хью Данманом. Оттуда – домой. Встретимся завтра утром.

– Джаз, ты зря теряешь время. Нам известно, что Данман совершил самоубийство. Он не имеет отношения к убийствам. Зато внизу в камере сидит подозреваемый с превосходным мотивом и…

Терпение Джаз лопнуло.

– Мы вроде бы договорились, что это мое расследование, а не твое, Патрик. Команду возглавляю я, и до тех пор, пока мы не арестуем подозреваемого, мой долг – опрашивать всех, кто может пролить свет на причину смерти трех человек в течение одной недели. – Она прищурилась, гневно сверкнув глазами. – Или ты как старший по званию решил запретить мне допросы?

Патрик выставил ладони вперед в умиротворяющем жесте.

– Уверяю, Джаз, ничего подобного и в мыслях не было. Поезжай, конечно. Увидимся завтра. Разве что… ты не откажешься от моей компании вечером?

Джаз едва не фыркнула. Что за дурацкое предложение!

– Я дико устала, хочу выспаться. Спокойной ночи, Патрик.

Она торопливо вышла из участка, а оказавшись в машине, саданула кулаком по рулевому колесу и вскрикнула от бессильной ярости.

Глава двадцать седьмая

Себастьян Фредерикс остановился перед Уолсингем-Хаусом, куда временно отселили двенадцать младших мальчиков из Флит-Хауса. Набрал номер на мобильном и мягко произнес:

– Привет, дорогая. Сегодня я никак не смогу. У нас тут все вверх дном. Можно позвонить позже? Я попробую вырваться завтра утром. Хорошо. Люблю тебя. Пока.

Убрав телефон в карман, Себастьян направился к своим подопечным.

* * *

Джаз подъехала к Конот-Холлу уже в темноте. Ни одно окно в особняке не горело, лишь откуда-то слева, со стороны небольшого крыла, лился слабый свет. Настойчивый звонок в дверь остался без ответа, и Джаз пошла вдоль здания. Повернув за угол, обнаружила дверь, над которой висела зажженная лампа, и позвонила.

Вскоре за дверью послышались тихие шаги.

– Кто там? – спросил испуганный голос.

– Инспектор Скотленд-Ярда Хантер. Я разыскиваю леди Эмили Конот.

После некоторого молчания голос спросил:

– Зачем?

– Леди Конот совершенно не о чем волноваться. Надеюсь, она поможет мне с одной семейной историей, только и всего. Я веду расследование, в деле замешан… друг семьи Конотов.

Дверь нерешительно приоткрыли, и Джаз увидела очень старое, но по-прежнему красивое лицо.

– У вас есть удостоверение? Вы наверняка та, за кого себя выдаете, однако нынче осторожность лишней не бывает.

– Разумеется. – Джаз предъявила удостоверение. – Можно войти?

– Да. – Женщина открыла дверь шире, впуская Джаз.

– Спасибо. А вы?..

– Я и есть Эмили Конот. Приятно познакомиться.

Джаз сразу отметила сходство Адели Кавендиш с матерью. Обе – высокие, элегантные, красивые. Твидовая юбка и кашемировый джемпер Эмили безупречно дополняли друга. На ногах, впрочем, были тапочки.

– Прошу за мной. В гостиной затоплен камин.

Прихрамывая, Эмили провела Джаз по узкому коридору в уютную гостиную. На стенах висели картины маслом; судя по слишком большому размеру, изначально они предназначались не для этой комнаты. В углу работал телевизор, Эмили тут же его выключила.

– Прошу прощения, я не ждала сегодня вечером гостей. Присаживайтесь, – пригласила она. – Налить вам чаю?

– Вы очень добры, но, пожалуйста, не утруждайтесь. Не хочу отнимать у вас много времени. Однако мне нужна помощь по воссозданию прошлого.

– По словам моих детей, я в нем живу, в прошлом, так что вы обратились по адресу. – Эмили улыбнулась: – Чем же вам помочь?

Эта бодрая женщина со светлым умом никак не вязалась с образом, который нарисовал Эдвард Конот.

– Вы уже наверняка знаете, что мы не верим в случайную смерть вашего внука Чарли, – начала Джаз.

Эмили задумчиво кивнула:

– Эдвард упоминал об этом, однако в подробности не вдавался. Он не любит меня огорчать, видит во мне слабую старушку, не способную выдержать дурную весть, хотя я, между прочим, пережила трагедию, которая Эдварду и не снилась, – и здравствую поныне. Вам удалось выяснить, кто совершил преступление?

– У нас есть подозреваемый, но для окончательных выводов мне необходимо больше знать о его семье. – Джаз помолчала. – Понимаю, как вам сейчас тяжело.

– Тяжело. – Эмили кивнула. – Новость о смерти Чарли меня опечалила. Однако, если хотите знать правду, я мало общалась с мальчиком и не особенно его любила. Наверное, я должна испытывать чувство вины, – со вздохом признала Эмили. – Чарли как-никак мой внук, но он, увы, слишком напоминал мне своего отца, которого я считаю напыщенным ослом.

Джаз с трудом удержалась от улыбки.

– Я уверена, что вам, по крайней мере, хотелось бы выяснить причину смерти Чарли.

– Конечно. Простите, инспектор, я увлеклась. Возможность высказываться откровенно – одно из преимуществ старости. Чем же я могу помочь?

– Дело в том, что недавно умер не только Чарли. Мертв также школьный куратор, Хью Данман, хотя здесь о преступлении речь не идет. Он покончил с собой.

На лицо Эмили набежала тень.

– Да, я читала некролог в «Таймс». Настоящий джентльмен, добрый и благородный. Пусть и заблудший.

– Почему заблудший?

– Вам ведь известно о сексуальности Хью? И о том, что он почти всю жизнь слепо любил моего сына?

– Известно. Леди Конот…

– Не надо. Лучше – Эмили.

– Эмили. – Джаз вынула из портфеля прозрачный файл и протянула хозяйке дома. – Вам знаком этот мальчик?

– Простите, мне нужны очки.

Пошарив за подушками кресла, Эмили с ликующим видом извлекла находку. Надела и внимательно изучила фотографию. Сняв очки, вопросительно посмотрела на Джаз.

– Ну как же, это мой сын Корин.

– Видите ли, это не Корин. Молодого человека зовут Рори Миллар, он учится в школе Святого Стефана.

– Силы небесные! – неподдельно изумилась Эмили. – Невероятное сходство, особенно с Корином в юности. Выпивка и наркотики пагубно повлияли на его внешность, перед смертью он выглядел не на двадцать шесть, а на все пятьдесят. Надо же… – Эмили вернула фотографию.

– Спасибо, Эмили. Вы подтвердили одну из моих теорий, – улыбнулась Джаз. – Ну а теперь не могли бы вы рассказать чуть больше об отношениях Корина с Хью?

– История довольно трагическая, – вздохнула Эмили. – Из беседы с Эдвардом вы наверняка поняли, что Корин был неуправляем. В кого он пошел, бог его знает. Ни я, ни муж бунтарями не были, а вот Корин был, причем с самого рождения. Страшно капризный ребенок. – Она

хмыкнула: – Спать не желал ни в какую. Наверное, боялся что-нибудь упустить. Поступление в Оксфорд, конечно же, не помогло. Для Корина это оказалось манной небесной. Учиться он и не думал; развлекался напропалую и пробовал все подряд. Вот именно – все подряд.

– Тогда-то Корин и встретил Хью?

– Да. Хью преподавал, хотя по возрасту не сильно превосходил своих студентов. Ужасно способный парень. – Эмили покачала головой. – Такая жалость… Он далеко пошел бы, если бы не мой сын.

– У них была… связь?

– Притворная скромность ни к чему. Вы ведь уже в курсе, инспектор Хантер, – усмехнулась Эмили. – Когда об этом прознали оксфордские власти, Хью тут же уволили. Сына вскоре отчислили за всевозможные чудовищные преступления, в том числе за непосещение лекций в течение целого семестра.

– Корин любил Хью, как думаете?

Эмили задумалась. Наконец сказала:

– По-своему, наверное, да. Когда Корина отчислили, он приехал жить сюда, в поместье. В мгновение ока Хью тоже оказался здесь, в Норфолке, учителем в Святом Стефане. Хью всегда держался рядом с Корином. Я почти не помню такого, чтобы зайти в коттедж к Корину – и не застать Хью. Однако если вы спросите, являлись ли их чувства равными по силе, я без колебаний отвечу «нет». Видите ли, Корин не был… как бы это выразиться… всецелым гомосексуалом, а если бы и был, то вряд ли мог хранить верность Хью. Корину нравились не только мужчины, но и женщины. Из-за чего в конце концов возникла проблема.

– Вот как? – удивилась Джаз. – Корин влюбился в женщину?

– Нет, голубушка, – хмыкнула Эмили. – Не забывайте, эгоист Корин ни в кого не влюблялся по-настоящему. Однако это не мешало ему удовлетворять свои низменные потребности. Словом, однажды Хью пришел в коттедж к Корину и застал того в постели. С женщиной! – Эмили красноречиво выгнула бровь. – Представьте себе, голубушка. Как Хью мог с ней соперничать? Он прибежал сюда, в дом, разыскал меня. Убитый горем, безутешный. Уж поверьте, успокаивать влюбленного молодого человека, которого ваш сын заменил

женщиной, – задача очень необычная. Однако бедному Хью не к кому было обратиться.

– Это разрушило их отношения?

– Да. По крайней мере, на время. Хью перестал приходить, а Корин начал деградировать: беспробудное пьянство, наркотики. В трудную минуту он позвонил Хью, и тот примчался на помощь. Вскоре Корин умер от передозировки героина. Тело Корина нашел Хью.

– Очень печальная история, – протянула Джаз. – Корин погиб совсем молодым…

– Да… Скажу вам честно, я так и не оправилась от потери Корина. Первенец, знаете ли… Неоспоримые узы… – Эмили покачала головой. – Удивительно, правда? Люди мечтают о большой любви, а ведь она порой страшно разрушительна. Хью любовь погубила. Он стал другим человеком.

Джаз задумчиво помолчала и задала следующий вопрос:

– Эмили, вы уверены, что Хью был стопроцентным гомосексуалом? Что он не мог иметь связи с женщиной, как Корин?

– Уверена абсолютно, – ответила Эмили. – Хью любил моего сына и отдавался этой любви целиком. Почему вы об этом спрашиваете?

– Хью завещал все свое состояние одному воспитателю из Святого Стефана. Причем изменил завещание лишь за несколько недель до смерти. Они с воспитателем не особенно дружили, хотя работали вместе много лет, и Хью учил этого мужчину, когда тот был еще ребенком. – Джаз пожала плечами. – Вот я и предположила: возможно, между ними есть какая-нибудь… семейная связь? Я проверила в Управлении записи актов гражданского состояния, но официально они не родственники…

Фраза многозначительно повисла в воздухе, затем Джаз пояснила:

– Я задаюсь вопросом, не было ли у Хью ребенка. Приблизительно в то время, когда умер Корин, около сорока лет назад.

– Нет, – покачала головой Эмили. – У *Хью* детей не было. Хотя постойте… нет… не может быть… – прошептала она растерянно.

– Что, Эмили? – мягко подбодрила Джаз.

– Нет, наверняка совпадение, – бормотала Эмили себе под нос. – Хью ведь не мог?..

– Не мог чего?

– Я, конечно, ошибаюсь, но ведь есть шанс, что…

– Простите, Эмили, я ничего не понимаю.

– О боже, боже…

В душе старой дамы явно происходила нешуточная борьба. Джаз терпеливо ждала, молчала.

Наконец Эмили посмотрела на гостью:

– Инспектор, я никому этого не рассказывала, даже покойному мужу. Вы правда думаете, что мои сведения имеют отношение к расследованию?

– Не узнаю, пока не услышу, – честно ответила Джаз. – Если вы думаете, что сведения важные, прошу, говорите.

– Видите ли… дело в том… – Эмили приложила ко лбу длинный костлявый палец. – Ребенок был, инспектор. Ребенок Корина. Он так ничего и не узнал. Умер еще до рождения младенца. Зато Хью знал.

– Ясно. Откуда же это стало известно вам?

– От Хью. – Эмили выглядела встревоженной. – Он пришел ко мне через пару месяцев после смерти Корина и рассказал о будущей матери. Та ни с того ни с сего явилась к Хью, в полном отчаянии. Она была на пятом месяце и не знала, что делать. Хотя у Хью имелись все основания ее ненавидеть, он обладал добрым сердцем и, вероятно, чувствовал некую ответственность за эту девушку, за проблемы, которые навлек на нее Корин.

– Прошу прощения за бестактный вопрос: почему же она не сделала аборт?

Эмили улыбнулась:

– Голубушка, не хочу давить на вас своей старостью и мудростью, но сорок лет назад аборты только-только легализовали, и этот выход был неприемлем для девушки с католическим воспитанием. Норфолк и вовсе жил тогда в Средневековье.

– Понимаю, другие времена, – смущенно кивнула Джаз. – Как же поступила девушка?

– Хью пришел ко мне конфиденциально, за советом. Счел, что мне следует знать правду. Я тоже католичка и, разумеется, не могла приговорить живую душу к смерти. Однако по тем же причинам в нашей семье не было места для незаконнорожденного ребенка Корина, тем более что отец упомянутой юной леди работал у нас в поместье. – Эмили фыркнула. – Я подсказала Хью: пусть девушка родит без огласки в одном из тайных домов, специально предназначенных для

подобных целей, а затем отдаст ребенка на усыновление. Я также предложила заплатить, и девушка согласилась. Вот, собственно, и все. Она поступила по моему совету, и больше на эту тему не было сказано ни слова. Я не обсуждала ее сорок лет.

– Теперь вот я вам напомнила, простите, – сказала Джаз. – Так вы не знаете, что случилось с ребенком?

– Боже милостивый, нет. Он или она может быть где угодно, инспектор Хантер. Даже в могиле.

– И ребенок не догадывается, кто он или она на самом деле?

– Совершенно не догадывается. В те времена за этим очень тщательно следили.

– Все же допустим, что Хью выяснил судьбу ребенка.

– Не представляю как, однако, прошу, продолжайте.

– Давайте вернемся в настоящее. – Джаз потерла лоб, пытаясь упорядочить в голове информацию. – По словам Эдварда, Чарли являлся единственным наследником Конот-Холла. После смерти Чарли наследовать поместье некому. Верно?

Эмили кивнула:

– Мы наняли эксперта, он исследует наше генеалогическое древо в поисках какого-нибудь далекого кузена или позабытого ответвления от семьи. В противном случае после смерти Эдварда линия Конотов оборвется, поместье продадут, а средства пустят на благотворительность. – Эмили вздохнула. – Четыре с лишним сотни лет… До чего печально…

– А если наследник существует? К примеру, сын Корина, ваш старший внук. Я понимаю, ребенок должен быть мужского пола.

– Инспектор, «он» – если это «он» – родился вне брака! – воскликнула потрясенная Эмили. – Ребенок незаконнорожденный.

– Тем не менее он – кровный родственник и прямой наследник. Сейчас при помощи тестов ДНК это можно легко доказать. Я слышала о нескольких делах за последние годы, когда суд удовлетворил законные притязания незаконнорожденных детей на наследство.

– Что ж, – решительно заявила Эмили, – за сим дебаты прекращены. Корин умер сорок лет назад. Доказать генетическое наследование не получится. От него ничего не осталось!

– Вы не храните ни одной вещи Корина, Эмили?

– Храню кое-какие детские безделушки, фотографии – но не генетический материал, инспектор.

– У вас, случайно, нет детского альбома? С записями о весе Корина, его первой улыбке, первом зубе и прочем?

– Случайно есть, – кивнула Эмили. – Только при чем здесь альбом?

– Если вы его принесете, я вам покажу, хорошо? – Джаз мысленно скрестила пальцы на удачу. – Вы помните, где лежит альбом?

– Смутно. Надо поискать.

Джаз подозревала, что старой даме прекрасно известно местонахождение альбома.

– Эмили, вспомните, пожалуйста, где он. Я буду очень благодарна.

Помедлив, Эмили кивнула:

– Хорошо. Запаситесь терпением.

Джаз проводила ее взглядом и подумала: «Вот бы и мне в восемьдесят с лишним лет быть такой же бодрой». Мысли автоматически переключились на отца. Джаз достала мобильный, проверила сообщения. Одно от Майлза, которое она решила прослушать позже, и ни одного – из больницы.

В гостиную вернулась Эмили, вид у нее был победоносный.

– Нашла! – Она показала хорошо сохранившийся альбом с синей атласной обложкой. – Не понимаю, как он поможет, однако прошу.

– Спасибо.

Раскрыв альбом, Джаз принялась его листать. Она точно знала, что искать. Затаив дыхание, добралась почти до конца – и ликующе вскрикнула: к последней странице крепился целлофановый пакетик с белокурым локоном.

– Вот. Вот он, генетический материал Корина, Эмили. Мы сравним ДНК с другими образцами и получим окончательное доказательство.

– Чудо современных технологий, да? – Эмили встревоженно посмотрела на Джаз. – Так вы знаете ребенка Корина?

– Пока это лишь догадка, Эмили. Обещаю сообщить вам первой, если она подтвердится.

– Не представляю, что и думать…

– Прошу, не волнуйтесь. В конце концов, это может быть к лучшему?

– Трудно сказать. Не уверена.

– Есть шанс, что линия Конотов все-таки продолжится.

– Весьма необычным способом, но да, пожалуй, вы правы, – неохотно признала Эмили.

Она сидела, стиснув руки, нервно сплетала и расплетала пальцы.

– Какое интересное изображение у вас на печатке, – заметила Джаз.

Она определенно видела такое же кольцо на ком-то, причем недавно…

– Да. Оно восходит к Елизаветинской эпохе. Коноты берут начало в роду Дадли; вы наверняка слышали об известном Роберте, вероятном любовнике Королевы-девственницы. – Эмили задумчиво посмотрела на перстень-печатку на своем мизинце. – Пару сотен лет назад в герб – желудь – внесли изменения, объединили с другой эмблемой – жаворонком – в честь удачного брака, который предок моего мужа заключил с другой великой норфолкской семьей; их поместье располагалось в Холкхэме.

– Надо же… Кольцо имеют право носить лишь члены семьи? – уточнила Джаз.

– Да. Удивительно, что вы спросили. Знаете, когда Корина нашли мертвым, кольца на нем не было. Увы. Он, видимо, заложил кольцо ради героина.

– Вот как? Значит, одно кольцо пропало?

– Да. Мы так и не озаботились дубликатом. Да и какой смысл? Вряд ли его будет кто-нибудь носить в будущем.

– Давайте подождем с выводами, хорошо? – Джаз поднялась. – Эмили, большое вам спасибо за гостеприимство и помощь. Я верну локон через несколько дней и при первой же возможности сообщу новости. Нет-нет, не вставайте. Я выйду сама.

– До свидания, инспектор. Рада была помочь.

У двери Джаз остановилась.

– Еще один вопрос: вы не помните имени девушки, которая забеременела от Корина?

– Конечно, помню, – оскорбилась Эмили. – Я еще не выжила из ума, что бы там ни рассказывал мой сын. Девушка была дочерью нашего наемного работника. Несколько месяцев работала ежедневной прислугой у Корина в коттедже. Ее звали Дженни Колман.

* * *

В машине Джаз прослушала сообщение от Майлза: отправился в контору Джулиана Форбса опросить его коллег и встретить криминалистов; срочных новостей нет, до встречи завтра в участке.

Джаз позвонила Мартину Чапману. Тот ответил на первом же гудке.

– Мартин, вы где?

– В лаборатории в Норидже.

– Мне необходимо проверить образцы ДНК. Выделите для этого кого-нибудь из своих ребят, пожалуйста.

– Это не потерпит до моего возвращения в Лондон?

– Нет. Дело срочное. Продиктуйте адрес лаборатории, я пришлю Майлза с образцами.

Джаз записала адрес.

– Нашлась машина Джулиана, так что я в любом случае буду с ней полуночничать. Попробую уговорить кого-нибудь из лаборатории, чтобы ваши ДНК обработали в течение суток.

– Результат нужен на завтра, Мартин.

– Приложу все силы, но Патрик требует на утро заключение судебно-медицинской экспертизы. Иначе грозится закрыть школу.

– Требует?! – сердито выпалила Джаз и тут же отругала себя за несдержанность. – Сделайте, что сможете, Мартин. С меня ужин.

– Ловлю на слове, Джаз.

– Есть новости?

– Пока тружусь. Утром предоставлю полное заключение.

– Очень жду. Спасибо, Мартин, и до завтра.

– Счастливо.

Джаз набрала номер Майлза и сразу же услышала в трубке:

– Да, мэм?

– Вы где?

– В отеле, сажусь ужинать.

– Один?

– Э… нет. С Иззи.

Джаз усмехнулась, уловив его неловкость.

– Жаль нарушать ваш тет-а-тет, но надо доставить кое-что в лабораторию в Норидже. Сможете быть на школьной парковке через пятнадцать минут?

– Да, мэм.

– Где Патрик?

– До сих пор в участке.

– Хорошо, до встречи.

Джаз бросила мобильный на сиденье и медленно поехала по высаженной деревьями аллее Конот-Холла.

Велела себе не злиться, забыть про козни Патрика и сосредоточиться на новых сведениях.

Итак, ребенок был. Причем родила его Дженни Колман; еще одна ниточка, ведущая к школе Святого Стефана.

Ребенок – не от Хью Данмана, зато прямой наследник Конотов.

Хью считал Себастьяна Фредерикса сыном Корина: только это могло объяснить неожиданное изменение завещания. Хью, у которого в целом мире никого не осталось, наверняка думал о ребенке Корина как о родственнике.

Мысли Джаз полетели дальше.

Что, если Хью открыл Фредериксу, кто он такой? Фредерикс сразу смекнул все о своих правах на поместье Конотов, чья стоимость должна исчисляться миллионами из-за одной только площади.

Однако на пути к состоянию стоял Чарли Кавендиш, еще один наследник. Возможно, рассуждала Джаз, Фредерикс решил расчистить путь, убрав Чарли, а заодно сэкономить годы и десятки тысяч фунтов, которые уйдут на решение судом вопроса о том, кто же на самом деле является законным наследником – племянник или незаконнорожденный сын.

Джаз повернула направо, на дорогу, ведущую и к дому, и к Святому Стефану, – и поняла, насколько устала. Мысль о ванне и постели манила нещадно. Однако Джаз не сможет отдыхать, пока не поговорит с Фредериксом – и не перепроверит себя. Ей надо еще раз взглянуть на вещицу, которая убедила Хью Данмана в том, что Себастьян – сын Корина.

Глава двадцать восьмая

Припарковав машину у школы и вручив смущенному Майлзу конверт с адресом, Джаз отправилась искать Себастьяна Фредерикса.

Нашла в столовой: он ужинал в компании с несколькими мальчиками. Ребята пытались выведать у воспитателя, почему полиция закрыла Флит-Хаус.

– Вот женщина, знающая ответ на ваш вопрос. Инспектор собственной персоной. – Себастьян выдал свою лучшую фальшивую улыбку и встал, прихватив пустую тарелку.

За эти секунды Джаз поняла, что не ошиблась. Себастьян действительно носит на мизинце такое же кольцо, как у Эмили Конот.

– Ребята, вы не могли бы?.. – Джаз жестом предложила им отойти. – Я немного поговорю с мистером Фредериксом, введу его в курс дела.

– Вы нашли труп, инспектор? – спросил один из мальчиков. – Труп парня, который повесился в подвале? Так говорят.

– Займись-ка своими делами, Джеймс, – дружелюбно сказал Фредерикс. – Я подойду в Уолсингем через час и уложу всех спать.

Мальчики ушли. Не успела Джаз сесть, как Фредерикс предложил:

– Вы не против поговорить на ходу? Я не успел собрать вещи на ночь. Перебираюсь в Уолсингем-Хаус с мальчиками, а полицейский предупредил, что на ночь Флит запрут.

– Хорошо.

Они покинули столовую, пересекли часовенную лужайку.

– Что это за история про мальчика, повесившегося в подвале? – поинтересовалась Джаз.

Себастьян покачал головой:

– Да, в общем-то, ничего. Фрагмент школьного прошлого, из которого ребята раздули историю.

– Так мальчик и правда повесился?

Фредерикс нахмурился:

– Правда. Только произошло это очень давно.

Показалась желтая полицейская лента вокруг Флит-Хауса. Джаз поднырнула под ленту, Фредерикс – следом. Перед входом расхаживал

туда-сюда молодой констебль – грелся.

– Добрый вечер, мэм.

– Добрый вечер. Я войду с мистером Фредериксом, констебль.

– Как скажете, мэм.

В покинутом здании было темно и тихо. Фредерикс нашарил выключатель. Поежился при виде коридора, ведущего к подвалу.

– Ну и денек. До сих пор не верится. Бедный Джулиан. Вы еще не выяснили, что здесь творится?

– Работаем над этим, мистер Фредерикс, – неопределенно ответила Джаз у дверей в его квартиру.

– Я мигом, только кое-какие вещи соберу, – заверил он и вышел из гостиной.

Джаз в ожидании бродила по комнате. На письменном столе стояла большая фотография пожилой пары.

Вернулся Фредерикс с открытым портпледом.

– Ваши родители? – Джаз указала на фото.

– Да.

– Они живы?

– К сожалению, нет.

– Давно умерли?

– Отец – пятнадцать лет назад, а мама – несколько месяцев, – ответил Фредерикс.

– Понятно. У вас есть братья, сестры?

– Нет, я один.

– Родители жили в Норфолке?

– Да… Послушайте, инспектор… – Он насупился. – При чем тут моя семья? Давайте оставим эту тему, пожалуйста. Я любил маму и до сих пор о ней горюю.

– Прошу прощения. Неудобно вас обременять, но можно мне стакан воды? Ужасно хочется пить.

– Можно, – кивнул Фредерикс. – Вода из-под крана в ванной подойдет? Если хотите бутилированную, придется нам заглянуть на кухню.

– Подойдет из-под крана, спасибо.

Пока Себастьян набирал воду, Джаз метнулась к портпледу, схватила лежавшую сверху щетку для волос и сунула в карман.

Фредерикс принес стакан.

– Спасибо. – Джаз глотнула тепловатой воды. – Полагаю, после маминой смерти все унаследовали вы?

– Да. То немногое, что осталось. Десять лет назад маме диагностировали болезнь Альцгеймера. Ей было всего шестьдесят. Последние семь лет она провела в доме престарелых. Мне пришлось продать ее дом, чтобы оплатить сиделку. На это ушли почти все деньги.

– Личные вещи мамы тоже достались вам?

– Конечно. – Фредерикс уже закипал. – Почему вы интересуетесь?

– Мистер Фредерикс, извините за вопрос, но не были ли вы приемным ребенком?

– Что?! Нет, черт возьми, не был! А если и был, то мама с папой мастерски это от меня скрывали. Простите, инспектор, я человек благоразумный, однако ваши вопросы слишком уж личные и неприятные. Не понимаю, почему я должен на них отвечать. Я ведь не арестован?

– Нет, мистер Фредерикс. Последний вопрос: когда вы родились?

– Десятого апреля тысяча девятьсот шестьдесят пятого года.

– Отлично, это все. – Джаз кивнула. – Благодарю вас за терпение.

Себастьян в смятении взъерошил волосы.

– Дело в завещании, верно? Так вот, позвольте вам сказать: я в таком же неведении, как и вы, но тот факт, что Хью решил оставить мне свое состояние, не делает из меня преступника! Я уже жалею об этом наследстве!

– Спасибо за помощь, мистер Фредерикс. Не буду мешать вам собирать вещи. Сообщите констеблю о своем уходе.

Идя через лужайку к машине, Джаз достала мобильный телефон.

– Роланд, это Хантер. Да, денек тот еще. Нет, пока без новостей. Я бы хотела установить наблюдение за Себастьяном Фредериксом. Приставьте к нему одного из своих сотрудников. Если Фредерикс покинет территорию школы, организуйте за ним слежку. И не упустите его, хорошо? Спасибо. Увидимся утром. Я на связи.

Затем Джаз позвонила Патрику, чей телефон оказался, как ни странно, отключен. Она выехала на береговую дорогу в направлении дома. Петляя по узким улочкам Клея, вдруг кое-что вспомнила. Решила вернуться к этой мысли завтра.

Отперев коттедж, Джаз перешагнула порог и ощутила благословенное тепло.

Сантехник оставил записку – котел должен работать постоянно, иначе при резком похолодании могла лопнуть труба.

Джаз готова была расцеловать сантехника. И не важно, во что обойдется мазут.

Она опустила на пол портфель, включила автоответчик и стала его слушать, параллельно набирая воду в чайник. Множество сообщений от строителя с объяснениями, почему он еще не приступил к ремонту, и одно – от мамы, которая позволила себе уйти из больницы и переночевать дома. Судя по самочувствию папы, завтра его переведут из реанимации.

Джаз с чашкой какао в руках поднялась на второй этаж, приготовила себе горячую ванну и погрузилась в нее с огромным удовольствием. Размышления над событиями последних суток, как личными, так и профессиональными, попытки их осмыслить – нет, в сегодняшнюю повестку вечера это не входило.

Через пятнадцать минут Джаз лежала под одеялом. Она вновь позвонила Патрику, раздраженно фыркнула: мобильный до сих отключен! Набрала номер Иззи – тоже голосовая почта. Оставила сообщение с просьбой утром первым делом навестить Рори и помочь ему вспомнить, что же он все-таки сделал с полученным от Хью Данмана аспирином.

Последней Джаз позвонила маме. Трубку сняли на втором гудке.

– Алло? – послышался напряженный голос.

– Привет, мам, это всего лишь я.

– Слава богу. Я подумала, из больницы.

– Прости, что напугала. Хотела узнать, как ты, как папа. Я тебя не разбудила?

– Нет, я просто дремала. Мне посоветовали принять снотворное, но я не хочу, боюсь не услышать телефона.

– Выпей снотворное, мама. Тебе тоже надо отдохнуть. Как папа?

– Гораздо лучше, милая, правда. Хотя, как не устает твердить мне этот нудный врач, опасность еще не миновала.

– Раз ты решилась уехать домой, значит, папе действительно лучше.

– Так и есть, Джасмин, и если он продолжит в том же духе, то выкарабкается. Твой папа – удивительный человек. – Голос Селестрии дрогнул.

– Согласна. Надеюсь, навещу его в выходные. Я хотела бы приехать завтра, но расследование в самом разгаре, а Патрик – в своем репертуаре, – со вздохом добавила Джаз.

– Как? Я не знала, что Патрик тоже занимается этим делом. Сочувствую, милая.

– Он и не занимался, но… – Джаз зевнула. – Долго рассказывать, мам.

– Бедная ты моя. Представляю, как ты «рада».

– Да уж. Однако, как ни странно, мне это пошло на пользу: помогло вспомнить, почему я была несчастна и почему ушла от Патрика… Развеяло оставшиеся романтические мысли.

– Не суди себя строго, Джаз. Мы все помним хорошее и стараемся забыть плохое. Такова человеческая природа, и спасибо за нее Господу.

– Вот только забывчивость иногда опять выводит нас на неправильный курс, – пробормотала Джаз.

– Вчера Патрик очень тебе помог, правда? – ласково заметила Селестрия. – Думаю, когда его эго не задето и он не ощущает никакой угрозы, Патрик готов о тебе заботиться. Это не значит, что мы считали его подходящей для тебя парой. Порой любовь весьма разрушительна…

– Да, полностью согласна. – Джаз вновь зевнула. – Ладно, мам, пообещай, пожалуйста, держать меня в курсе. Завтра у меня работы по горло, и я буду очень благодарна тебе за сообщение о папе.

– Конечно. Ложись-ка ты спать. И удачи на завтра.

– Спасибо, мам. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, родная. Сладких снов.

Блаженно кутаясь в одеяло, Джаз лежала в темноте и думала о всех тех людях, чью жизнь любовь не обогатила, а разрушила.

* * *

В половине восьмого утра Джаз постучала в двери Дженни Колман.

– Кто там?

– Инспектор Хантер, мисс Колман. Простите за ранний визит, я хотела застать вас до ухода в школу. Можно войти?

– Ну конечно, инспектор. – Дженни, явно разволновавшись, провела Джаз в гостиную. – Я что-нибудь нарушила?

Джаз села на диван, Дженни пристроилась на краешке кресла напротив, нервно стиснула руки.

– Нет-нет. Я просто решила, что интересующий меня вопрос лучше обсудить наедине.

– Ох, инспектор, о чем вы? – испуганно спросила Дженни.

– Перейду сразу к делу, – мягко начала Джаз. – Вчера вечером я посетила леди Эмили Конот. Она рассказала мне о вас и Корине Коноте. А также о ребенке, которого вы родили сорок лет назад.

Дженни словно пощечину получила. Она сидела молча, глаза медленно наполнялись слезами.

– Простите меня, – попросила Джаз. – Я понимаю, что тема для вас болезненная, но мне нужно знать, права ли Эмили Конот. Вы действительно родили ребенка от Корина?

Дженни оцепенело кивнула. Достала из рукава носовой платок, приложила к глазам.

– По словам Эмили, вы узнали о беременности лишь после смерти Корина.

Дженни вновь сумела лишь кивнуть.

– И Хью Данман вам помог?

– Да, да, помог, – умудрилась прошептать Дженни. – Он проявил такую доброту… Не знаю, что бы я тогда без него делала. Хью все устроил, а затем нашел мне место здесь, в Святом Стефане. Я не выдержала бы возвращения домой, понимаете, к маме с папой, они жили и работали в поместье Конотов…

– Понимаю, – тихо сказала Джаз. – Ребенка отдали приемным родителям?

– Да.

– Мальчик или девочка?

– Мальчик. – Дженни вытерла глаза. – Чудесный маленький мальчик.

– Ясно. – Джаз ощутила прилив адреналина. – Дженни, вы догадываетесь, кто его усыновил?

– Нет. С этим у монашек было очень строго. Они считали, что нам, роженицам, лучше не знать дальнейшую судьбу малышей. Правильно считали. Какой смысл? Детей все равно не вернуть… – Дженни громко высморкалась. – Худший день в моей жизни: я родила и через несколько часов лишилась ребенка. Потом приходит молоко, ты еще вся слабая, и монашки перевязывают грудь, пока молоко не перегорит… Простите, инспектор, вам такое ни к чему.

– Дженни, – Джаз подалась вперед, решив проверить свою гипотезу, – вы не оставляли монашкам какой-нибудь вещи, чтобы те передали ее новым родителям малыша?

– О нет, мне бы ничего подобного не разрешили. – Дженни покачала головой, однако в глазах мелькнуло сомнение.

– Точно, Дженни?

– Да-да, я ничего не оставляла монашкам. Честное слово.

Джаз попробовала зайти с другой стороны:

– Хорошо. Сформулирую вопрос иначе: возможно, вы сумели спрятать что-нибудь на младенце? К примеру, небольшую вещицу, которую новые родители нашли бы и сохранили до его взросления?

Дженни в ужасе прикрыла платочком рот.

– Откуда вы… Да! Да, спрятала! Спрятала! – Она расплакалась по-настоящему. – Я мечтала, чтобы мой мальчик узнал о своем происхождении! Он сын лорда, пусть отец и умер, а мать – обычная поломойка, от которой Коноты хотели избавиться!

– Ничего, Дженни, поплачьте.

– Простите, инспектор. Вы все знаете… Для меня это просто шок… Я столько лет хранила тайну, понимаете…

– Понимаю, но беда в том, что всего я не знаю. Я вас вовсе не осуждаю, Дженни, не подумайте. Лишь прошу: помогите собрать кусочки головоломки. И поскорее. Если вы в силах продолжать, скажите, пожалуйста, что именно вы спрятали на ребенке?

– Я… я дала ему кольцо, кольцо с печаткой, на которой выгравирован герб Конотов. Меня за это не накажут? Я его не крала.

– Нет, Дженни, не накажут. Где вы спрятали кольцо?

– Ну, – та шмыгнула носом, – перед тем как забрать малыша, монашки оставили меня с ним на несколько минут. Его уже одели, чтобы передать новым родителям. – Дженни улыбнулась: – Такой миленький: в шапочке и башмачках – и такой крохотный. На нем под

ползунками был подгузник – знаете, старомодный, из махровой ткани. Сейчас такими уже не пользуются. Он застегивался на большую булавку. И меня осенило: я расстегнула булавку и надела на нее кольцо. Потом скрыла все в складках подгузника и натянула ползунки. – Она вздохнула. – Я так и не узнала, что стало с кольцом. Может, его нашли монашки. Или родители позже не захотели его хранить, чтобы ничего не напоминало о прошлом малыша.

Сердце Джаз сжалось от сочувствия.

– По-моему, Дженни, вы это здорово придумали, я вами восхищаюсь. Правда-правда.

– Я бы все отдала, лишь бы оставить мальчика себе, – Дженни всхлипнула. – Это была частичка Корина. Понимаете, я любила его. До сих пор люблю, хотя он умер сорок лет назад. Думаю о нем и о нашем малыше каждый божий день.

Джаз потянулась к Дженни, взяла за руку.

– Представить не могу, что вам пришлось пережить.

Дженни грустно кивнула:

– Да, ужас как тяжело пришлось, но я справилась. С трудом, – добавила она. – По крайней мере, у меня был Хью. Он ведь тоже любил Корина. Это нас объединяло.

– Понимаю, – Джаз кивнула. – Скажите, а откуда у вас взялось то кольцо?

– От Хью, – призналась Дженни. – Он пару раз приходил в монастырь, куда меня отослали. В последний раз незадолго до родов. Вынул кольцо из кармана и отдал мне на память о Корине. Наверное, он меня пожалел. – Дженни слабо улыбнулась: – Так мило с его стороны.

– Да, очень мило, – согласилась Джаз. – А вы рассказали Хью, что сделали с кольцом?

– Конечно, – Дженни кивнула. – Чтобы он не думал, будто я потеряла подарок. Хью тоже одобрил мое решение, сказал: это символический жест и не важно, что с кольцом случилось дальше. – На глаза Дженни навернулись слезы. – О господи, мне так его не хватает. Кроме Хью и моей лучшей подруги Мэдди, никто о ребеночке не знал.

– Хью, похоже, очень к вам проникся, – улыбнулась Джаз.

– Правда, – кивнула Дженни. – Даже оставил мне что-то в завещании, благослови его Господь, хотя из-за переполоха в школе я пока не доехала до Лондона и не знаю, что именно.

Помедлив, Джаз сказала:

– Дженни, вы слышали, кому завещано остальное имущество?

Та покачала головой:

– Нет.

– Так вот, Хью оставил все Себастьяну Фредериксу.

Дженни подняла брови:

– Воспитателю? Вот странно. Помнится, Хью говорил, что всегда недолюбливал Себастьяна, даже когда тот был ребенком. Они были как небо и земля, эти двое. Но хорошо дополняли друг друга во Флит-Хаусе.

– А что вы сами думаете о мистере Фредериксе, Дженни?

Та пожала плечами:

– Пожалуй, согласна с Хью. Мальчиком он всегда был малость хулиганистым, и Хью считал, что тот как воспитатель слишком часто прибегает к физическому наказанию. С другой стороны, вероятно, кое-кому из этих парнишек нужна сильная рука.

– Так вы не догадываетесь, с чего бы Хью оставлять все человеку, который ему никогда особенно не нравился?

Дженни покачала головой:

– Понятия не имею, инспектор. Если желаете знать мое мнение, все это кажется весьма странным, но не мне судить. Уверена, у Хью были на то причины. Он никогда и ничего не делал спонтанно, благослови его Господь.

– Да, я тоже слышала, что он был очень осмотрительным человеком. Интересно, что же заставило Хью изменить завещание в пользу Себастьяна?

– Ума не приложу.

– Если только… – Джаз осторожно подбирала слова. – Дженни, что, если Хью недавно увидел на ком-то нечто… некую… вещь, по которой опознал вашего усыновленного ребенка?

– Не пойму, куда вы клоните, инспектор, – Дженни явно растерялась. – Вы о чем?

– О кольце, Дженни, – негромко сказала Джаз.

– Том самом, которое я спрятала на ребеночке?

– Да.

Дженни молча села, уставившись на Джаз, а та продолжила:

– Ваш сын родился сорок лет назад?

– В этом году ему исполнилось бы сорок, – подтвердила Дженни.

– В каком месяце?

– В апреле. Четвертого апреля.

– Четвертого? – Джаз нахмурилась: – Вы уверены?

– Простите, инспектор, но уж такую дату я бы не забыла, правда?

– Нет, разумеется. Дженни, большое вам спасибо за помощь. – Джаз поднялась с дивана.

Дженни тоже встала и схватила ее за руку:

– Инспектор, не оставляйте меня вот так! Вам известно, кто мой сын, да? Пожалуйста, скажите. Пожалуйста!

Лицо бедной женщины выражало полное отчаяние.

– Дженни, я не имею права делиться непроверенными сведениями, – Джаз старалась говорить как можно мягче. – Дайте мне установить факты, и обещаю, вы узнаете первой. Возможно, речь о простом совпадении.

– Значит, Хью увидел человека подходящего возраста, и этот человек носил кольцо, которое я отдала своему ребенку?

– Таких колец, возможно, много…

– Нет! Кольца давали только прямым потомкам Конотов. Помнится, Хью говорил, что других просто не существует.

– Значит, кто-то мог сделать копию, – предположила Джаз.

– Но зачем? Для других людей оно ничего не значит, – Дженни покачала головой. – Нет, если бы Хью увидел это кольцо, он бы знал, настоящее оно или нет. О господи! – Дженни опустилась в кресло. – Я знаю, кто это, знаю, кто мой сын. Так вот почему Хью оставил ему все свои деньги, да? Потому что он был сыном Корина. И моим. Пожалуйста, скажите, Себастьян Фредерикс – мой ребенок? Да?

У нее начиналась истерика. Джаз взяла дрожащие руки Дженни в свои.

– Я пока не знаю. Правда. Себастьян действительно носит перстень-печатку – такой же, какой вчера вечером я видела у Эмили Конот. И он сказал, что его мать умерла всего несколько месяцев назад, то есть она вполне могла оставить кольцо по завещанию. Это объяснило бы, почему он начал носить его только недавно. И – да,

странно, что Хью изменил завещание в пользу Себастьяна, но мы не должны строить предположений, пока не получим неопровержимое доказательство.

– Как я могу их *не* строить?! – Дженни вырвала руки из ладоней Джаз. – Я знала Себастьяна с тринадцати лет, и у меня никогда даже мысли не было, что он мой… – Она прикусила губу, не в силах произнести слово. – Если уж кто-то должен был догадаться, так это я, правда?

– С чего бы, Дженни? Пожалуйста, постарайтесь успокоиться. К счастью, я могу получить доказательство: леди Конот сохранила прядку волос Корина в детском альбоме. Если его волосы соответствуют волосам Себастьяна, мы будем точно знать, что это ваш ребенок.

– Я тоже, – пробормотала Дженни.

– Что тоже?

Дженни встала и подошла к серванту. Порылась в глубине выдвижного ящика, вытащила потрепанный коричневый конверт и подала Джаз.

– Вот. Взгляните.

Джаз достала содержимое конверта. Там лежал локон светло-золотистых волос и черно-белая фотография. При виде нечетких контуров младенца на глаза набежали слезы.

– Хью одолжил мне свой «Бокс-брауни»… вы и не помните, наверное, были у «Кодака» такие дешевые камеры… чтобы я могла сфотографировать своего ребенка, – объяснила Дженни. – Мне пришлось торопиться, поэтому качество ужасное. Помню, я обрыдалась, когда Хью отдал мне проявленный снимок, потому что малыша почти не видно.

– А это волосы младенца?

– Да. Я украдкой отстригла прядку.

– Дженни, пожалуйста, позвольте забрать их на время. Чем больше материала получат генетики для сравнения, тем больше у нас будет шансов получить неопровержимые доказательства.

– Да, конечно, возьмите.

– Спасибо. – Джаз сунула локон в целлофановый пакетик и положила в карман. – Мне пора. Огромное спасибо за помощь.

Джаз вышла из гостиной в прихожую. Дженни последовала за ней.

– Знаете, самое грустное, что я все эти годы хотела знать, что произошло с моим мальчиком, где он, кем стал, попытается ли меня найти. А теперь, может статься, мой сын – человек, который вырос у меня под носом, который мне не слишком нравился мальчиком и которого я недолюбливала, когда он вырос, – вздохнула Дженни. – Насмешка судьбы, да?

– Давайте просто подождем и посмотрим, что лабора…

– О господи! Господи боже! – Рука Дженни внезапно взлетела к губам.

– Что такое, Дженни? – испугалась Джаз.

– До меня вдруг дошло, почему вас интересует родство Себастьяна и Корина. Это из-за Чарли, да? Вы думаете, если Себастьян узнал, что он сын Корина, то захотел избавиться от Чарли и заявить права…

В дверь позвонили.

– О господи, сегодня здесь прямо-таки площадь Пикадилли! – воскликнула Дженни, открывая дверь. – Привет, Мэдди.

Джаз оказалась лицом к лицу с чопорной сестрой-хозяйкой Флит-Хауса.

– Доброе утро, – поздоровалась она с гостьей, потом повернулась к Дженни: – Мне пора.

– Спасибо, инспектор, буду ждать от вас вестей, – сказала Дженни. – Удачи.

Две женщины смотрели, как Джаз прошла по дорожке и исчезла из виду.

– Зайдешь, Мэдди?

– Нет, я на секунду, по дороге в школу. Относила доктору в городе пробы одного из мальчиков. Подозреваем у него мононуклеоз, – объяснила Мэдди. – Ты в порядке, милая? Что-то бледновата.

– Неудивительно, когда во Флит-Хаусе такое творится, – вздохнула Дженни. – Подожди меня. Возьму пальто и пойду с тобой.

Через две минуты они покинули бунгало и направились в школу.

– Я просто заглянула извиниться, что пришлось отменить нашу встречу. Как я сказала, машина в ремонте. Я вот подумала, может, сходим в кино на следующей неделе? – спросила Мэдди.

– Да, отлично, – автоматически ответила Дженни, все еще думая о словах инспектора.

– Еще не знаю, когда у меня будет свободный вечер, – добавила Мэдди.

– Ну, сейчас все малость сумбурно, да?

– Пожалуй. Переселить всех мальчиков из Флита в другой корпус… Надеюсь, полиция скоро со всем разберется и мы сможем вернуться к нормальной жизни. Чего, кстати, хотела инспектор?

– О, кое-какие административные вопросы. Ничего важного. Похоже, никто не в курсе, что происходит, – вздохнула Дженни. – Столько проблем в этом семестре. Ужасно для репутации школы.

– Да, ужасно, но пока мистер Джонс не займет более жесткую позицию, улучшений ждать не приходится.

– Мистер Джонс старается, ты же знаешь, – вступилась за начальника Дженни. – Ему надо всем угодить: правлению, родителям, детям… Кстати, о детях. Юный Рори вернулся в школу?

– Нет. Сомневаюсь, что он вообще туда вернется, учитывая произошедшее. Будь он моим сыном, держала бы его целым и невредимым дома, приглядывала бы за ним. У его матери теперь никого больше не осталось, а Рори такой хрупкий малыш. Может, ему лучше в обычной школе.

– Да. – Мысли Дженни обратились к ее собственному давно потерянному сыну. – Может быть…

– А детектив точно администрацией интересовалась? Ты какая-то рассеянная.

– О, – Дженни зевнула, – просто устала, вот и все. Помочь мистеру Джонсу не сойти с ума, когда тут такое творится, нелегкая работа. Хотя… – Дженни вздохнула. – Мэдди, мне бы хотелось кое о чем с тобой поговорить. – Они остановились перед главным зданием школы.

– Да?

– Да. – Дженни кивнула.

Она просто взорвется, если не расскажет кому-нибудь о том, что узнала от инспектора.

– Послушай, если сможешь, приходи ко мне во время обеда, – предложила Мэдди. – Я буду в медкабинете, но мы могли бы забежать ко мне на квартиру и перекусить.

– А меня пустят во Флит? – спросила Дженни. – Его же опечатали.

– Медкабинетом позволяют пользоваться в течение дня. Встретимся в час у заднего входа, хорошо?

– Ладно, – кивнула Дженни. – Мне очень нужно с тобой поговорить. Спасибо, Мэдди, увидимся позже.

Она помахала подруге и направилась в приемную.

Глава двадцать девятая

Джаз приехала в Фолтсхэмский участок и увидела на стоянке Майлза и Иззи, погруженных в разговор.

– Доброе утро, Джаз. Я как раз собираюсь ехать к Рори, – сказала Иззи.

– Хорошо. Где Патрик?

– Там. С Дэвидом Милларом, – ответил Майлз.

Джаз нахмурилась. Почему допрос начат без нее? Она повернулась к Майлзу:

– Нашли вчера что-нибудь интересное в офисе Джулиана Форбса?

– Узнали, что на семь часов было назначено некоему мистеру Смиту. Но имя может быть вымышленным. В ежедневнике не указаны ни телефон, ни адрес. Секретарша такого звонка не помнит, но на прошлой неделе она болела, и им прислали кого-то на подмену. Я пытался связаться с агентством – их офис сегодня закрыт. Проверил клиентскую базу данных, а там зарегистрировано сто тридцать два Смита. Это что иголка в стоге сена, мэм.

– Как насчет компьютера Форбса? Есть что-нибудь?

– Я приставил к делу одного малого, он как раз сейчас занимается взломом. Обычная проблема с паролем – говорит, за час разберется. Мне пора в школу, проверить наших людей. По-видимому, заявилась пресса. – Майлз пожал плечами: – Пока они вроде не в курсе, что происходит, но долго скрывать правду не удастся. Я подброшу Иззи по дороге. До скорого.

Джаз почувствовала руку на плече и обернулась. Мартин Чапман.

– Доброе утро, мэм.

– Доброе утро, Мартин.

– Пока, – Иззи помахала рукой и двинулась за Майлзом к его машине, по пути игриво хлопнув его по заду.

– Эти двое?.. – Мартин не договорил. – Вчера вечером в баре отеля они вели себя весьма… э-э-э… тактильно.

– Как высококвалифицированный сотрудник полиции, я бы по совокупному поведению подозреваемых заключила, что связь вероятна, – улыбнулась Джаз. – Есть новости?

– Я отдал Патрику все заключения лабораторных и судебно-медицинских исследований.

– Нашли что-нибудь? – спросила она.

– Предоставлю вам возможность узнать все от Патрика, – дипломатично ответил он.

– А что с моим образцом ДНК?

– Этим занимаются, мэм.

– Хорошо. – Джаз достала из кармана прозрачные пакетики и подала Чапману. – Вот вам еще два для сравнения: локон «младенца Икс» и щетка. По крайней мере один из них должен совпасть с первым образцом.

Мартин вопросительно посмотрел на нее:

– Осмелюсь предположить, что вещдок получен с полного согласия владельца?

– Разумеется.

– А щетка для волос?.. – Чапман почесал подбородок.

– Нет, – призналась Джаз. – Я стащила ее из портпледа, когда владелец отвернулся.

– Так и думал, – вздохнул Чапман. – С точки зрения закона вы украли ДНК, что является уголовно наказуемым деянием, и, по идее, я должен отказаться обрабатывать материал.

– Мартин, *пожалуйста.* По-другому было никак. И я не могу ничего доказать, пока не узнаю, соответствуют ли они.

– Ладно-ладно, только для вас, мэм… Но я настаиваю, чтобы, если это окажется решающим для вашего дела, после ареста подозреваемого мы провели обычный ДНК-профиль. Так он и все остальные не заподозрят, что вы знали заранее. Хорошо?

– Разумеется, – согласилась Джаз. – И это очень, очень срочно.

Чапман поднял руки:

– Ладно, ладно. Я вас понял.

– Прекрасно. Простите и спасибо, Мартин.

– Пока, мэм.

Чапман убежал, а Джаз направилась в участок. Она прошла к допросной, заглянула в окошко и увидела, что Патрик в одиночестве говорит по мобильному. Он помахал ей и жестом показал «две минуты».

– Да, сэр, обязательно. До свидания. – Он закончил разговор и улыбнулся Джаз. – Ты в порядке? Выглядишь уставшей.

– Справляюсь, – резко ответила она. – Я слышала, ты уже допросил Дэвида Миллара.

– Да. Вчера вечером он достаточно протрезвел для разговора, так что я мурыжил его пару часов, а утром, когда получил новую информацию от Чапмана, добавил еще.

Джаз швырнула портфель на стол.

– Патрик! Мы же договорились, что допросим его вместе!

– Не кипятись, Джаз. Я хотел тебе помочь. Вчера вечером ты была измотана. Я думал, тебе надо выспаться, не хотел тревожить…

– Патрик! Это *мое* дело! Как ты смеешь решать за меня?!

– Послушай, Джаз, какая разница, кто его допрашивал? Главное, наш убийца уже под замком. Десять минут назад я арестовал Дэвида Миллара по обвинению в убийствах Чарли Кавендиша и Джулиана Форбса.

Джаз уставилась на Патрика со смесью ужаса и недоверия.

– Не поняла?!

– Ой, да ладно, Джаз, ты сама арестовала его несколько дней назад.

– Да нет же! Я допросила его, когда он пришел в полицейский участок с повинной. По своей собственной свободной воле. И это ни в коем случае не было *арестом*.

– Ну, вчера вечером он подтвердил, что убил Чарли Кавендиша.

Джаз подбоченилась и подняла брови.

– Ага, – кивнула она. – Когда он еще был под мухой и под давлением, и…

– Сегодня утром обнаружилось новое доказательство. Чапман нашел отпечатки пальцев Миллара на чемодане с телом Форбса. Это весьма убедительно, так что… – Патрик самодовольно улыбнулся.

– Нет, не убедительно, если чемодан принадлежал Рори! – закричала Джаз. – Черт возьми, Патрик! Разумеется, отпечатки пальцев отца будут на чемодане сына! Это ничего не доказывает и, конечно, не пройдет в суде. Тебе это прекрасно известно!

Патрик промолчал, и Джаз поняла: он не знал, что чемодан принадлежал Рори.

– Так. – Джаз постаралась успокоиться. Стала ходить туда-сюда перед столом Патрика. – Миллар признался в убийстве Джулиана Форбса?

– Нет, пока нет, но послушай, он неделю назад угрожал Джулиану, что убьет его…

– Если Джулиан хоть пальцем тронет Рори, что весьма непросто, поскольку Форбс никогда даже не *встречал* мальчика. Боже мой, Патрик! – Джаз без сил плюхнулась на стул. – Поверить не могу, что ты не подождал меня и произвел арест.

– Прости, Джаз, но всем очень хочется побыстрее закрыть дело. Я только что говорил с директором, который страшно рад, что преступника арестовали. Нортон считает, нам удастся избежать огласки. Обыкновенная «бытовуха», которая вышла из-под контроля и…

– Ты и впрямь не терял времени даром, да? – Джаз снова встала. – Всем сообщил о своем трофейном убийце? Старший инспектор Кафлин врывается и в считаные часы распутывает дело, с которым возилась его некомпетентная бывшая жена…

– Ах, Джаз, давай начистоту. – Патрик откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. – Работа со мной тебя всегда напрягала. А теперь, разумеется, после того, как меня повысили…

– Прошу прощения! – Джаз наклонилась над столом, руки в боки. – Это ты не мог со мной работать! Никогда! Даже Нортон признал!

– Неужели? Ну, мне он ничего такого не говорил, и будем откровенны, Джаз: если мне что-то и мешало, так это что Нортон тебе всячески потакал, благоволил… – Патрик встал, и они сердито уставились друг на друга через стол.

– Да как ты смеешь! Он совершенно не благоволил мне. Я всего добилась сама, упорной работой и…

– А все остальные в отделе считают по-другому, – ухмыльнулся Патрик.

– Ах ты ублюдок!

Не в силах сдержаться, Джаз дала Патрику пощечину.

От потрясения оба замолчали.

– Черт! Прости, – произнесла наконец Джаз, когда Патрик осторожно коснулся пылающей щеки. – Не сдержалась.

Патрик пожал плечами:

– Ты всегда была на редкость вспыльчива. И я понимаю, ты расстроена из-за отца и прочего.

– *Нет*, Патрик! Мое «расстройство» здесь ни при чем! Просто за операцию отвечаю я, и решения об аресте принимаю тоже я. Ты же не дал мне возможности допросить Миллара и установить факты…

– Да пожалуйста, – Патрик пожал плечами и захлопнул ноутбук. – Он весь твой. Нортон попросил меня вернуться в Лондон. Новое дело. Я больше не буду путаться у тебя под ногами.

Он взял портфель, поискал в кармане ключи от машины. Она молча наблюдала, кипя от злости. У двери Патрик, поколебавшись, обернулся:

– Так вот, Джаз, для ареста Миллара улик достаточно. А дело не терпит отлагательства. Пресса узнала, что в школе что-то неладно. Они уже собираются, как стая стервятников.

– Не сомневаюсь, – кивнула она, понимая: спорить бесполезно.

Патрик подал ей папку:

– Здесь подготовленное сообщение, а также заключение судмедэксперта. Тебе остается добиться признания в убийстве Форбса, хотя я считаю, что Миллар сядет, даже если не признается. Он сказал, что провел ту ночь на скамейке в одном из парков Нориджа.

– Спасибо, – она забрала папку.

Патрик взялся было за ручку двери, задержался.

– Послушай, Джаз, то, что только что произошло, конечно, проясняет, почему у нас не вышло…

– То есть твои потрахушки с Крисси ни при чем? – саркастически ответила Джаз. Она обошла стол и опустилась на стул.

– Ну, это тоже, конечно, – кивнул Патрик. – Я просто хочу сказать, Джаз, наша последняя ночь была чудесной. Только ты и я…

Джаз сосредоточенно доставала ноутбук из чехла. Не поднимая взгляда, сказала:

– Патрик, в ту ночь умирал мой отец, и у меня в голове все перемешалось. И теперь моя очередь извиняться за ошибку. Во всяком случае, спасибо, что был рядом. Я тебе благодарна. Но все кончено. Мы разведены. Точка. – Она устало вздохнула, открывая компьютер. – Счастливого пути.

– Джаз, я…

Зазвонил мобильный. Она ответила, не обращая внимания на Патрика:

– Хантер слушает.

Уголком глаза она видела, как Патрик вышел из комнаты.

– Алло, мэм, говорит Роланд.

– Роланд, какие новости?

– Я подумал, вы, вероятно, захотите знать, что Фредерикс уехал из школы на своей машине около часа назад. Наш сотрудник проследил его до коттеджа в Клее. Фредерикс провел в доме двадцать минут, потом вышел и поехал обратно в школу. Прибыл только что.

– Он с кем-то встречался?

– Позвонил в дверь, его впустили, но, поскольку коттедж находится в конце узкой улочки, полицейский не смог видеть кто. В общем, я дам вам адрес.

– Хорошо. Спасибо, Роланд. Сколько журналистов сейчас в школе?

– Я бы сказал, человек десять, но вы ж их знаете: прямо сейчас подъезжают еще.

– Понятно. Вы видели Майлза?

– Он тут рядом, мэм.

– Можете попросить его вернуться в участок? Надо поговорить.

– Слушаюсь, мэм.

– Спасибо, Роланд. Я подъеду в школу позже. А пока постарайтесь держать оборону.

Положив мобильный на стол, Джаз откинулась на стуле и потянулась. День едва начался, а она уже вымотана. И все же облегчению от того, что Патрик уехал в Лондон, не было предела.

Джаз провела рукой по волосам. Надо звонить сейчас, пока она не растеряла уверенность. Рука зависла над трубкой. Джаз обдумала, что скажет, потом собралась с духом и набрала номер Нортона.

– Доброе утро, сэр, говорит Хантер.

– Хантер, поздравляю! Кафлин рассказал мне об аресте Миллара, – жизнерадостно отозвался Нортон. – Прекрасная новость, не правда ли?

– Да, сэр. – Джаз знала, что ни в коем случае в голосе не должно звучать «зелен виноград». – Только арест не согласован со мной.

– Так, Хантер, в чем дело?

– По правде говоря, сэр, я далеко не убеждена, что преступление совершил Миллар. И пока я не убедилась, хотелось бы получить ваше разрешение отработать другие версии расследования.

В разговоре возникла пауза. Потом Нортон произнес:

– Кафлин сказал, что данные судебной экспертизы неопровержимы. Кроме того, этот Миллар сам признался в убийстве Чарли Кавендиша.

– Боюсь, тут мне придется не согласиться, сэр. Я ни в коем случае не сомневаюсь в оценке старшего инспектора Кафлина, – быстро добавила она. – Да, данные экспертизы есть, но их надежность сомнительна. Прибыв только вчера, старший инспектор Кафлин не знал всех фактов.

– Ну, в настоящее время у нас есть человек, находящийся под стражей. И это факт. По крайней мере, руководство школы вздохнуло спокойнее, как, уверен, и миссис Миллар с сыном, – резко возразил Нортон.

– Да, сэр. Я просто не убеждена, что это *тот самый* человек.

– Ясно.

Джаз буквально слышала, как Нортон думает.

Наконец он сказал:

– Совершенно очевидно, Хантер, появление старшего инспектора Кафлина вам пришлось не по вкусу. Поэтому вы должны дать мне слово, что необходимость продолжить расследование объясняется чисто профессиональными, а не личными причинами. Кто бы ни арестовал Миллара, это несущественно, если преступник пойман.

– Я отдаю себе отчет, сэр, и уверяю вас, что трения между мной и старшим инспектором Кафлином никакой роли в данном случае не играют. На мой профессиональный взгляд, существует ряд версий, которые стоит отработать. В противном случае добросовестность полиции может быть скомпрометирована.

Нортон вздохнул:

– Ладно. Только, пока вы этим занимаетесь, Миллар должен сидеть за решеткой. Двадцать четыре часа максимум, потом я снимаю всех с дела.

– Спасибо, сэр. Благодарю. Позвоню, когда будут новости.

– Обязательно, Хантер. Удачи.

– Спасибо, сэр.

Джаз с облегчением положила трубку. Хоть с *этим* покончено! Потом включила диктофон, чтобы послушать допрос Дэвида Миллара. А закончив, попросила дежурного констебля привести задержанного.

* * *

Джаз внимательно посмотрела на Миллара. Выглядел он ужасно: налитые кровью глаза, серое, осунувшееся лицо.

– Как вы? – спросила она.

– Как любой в моем положении, – он пожал плечами.

– Я знаю, что мой коллега уже допросил вас, поэтому не буду повторять пройденное, но мне хотелось бы задать вам еще несколько вопросов.

– Валяйте, инспектор.

– Вы говорите, во вторник, когда был убит Джулиан Форбс, вы покинули свой дом, пошли пешком в Фолтсхэм, потом взяли такси в Норидж и весь вечер пили в пабе возле Касл-молла.

– Да.

– Можете вспомнить, в каком именно пабе?

Дэвид покачал головой:

– Я побывал в нескольких.

– Что вы делали потом?

– После того как все закрылось и меня выставили, я нашел в парке скамейку и уснул.

– Когда проснулись?

– Перед рассветом. Пошел снег, я замерз и протрезвел. Прошелся по округе в поисках такси, но никто не хотел везти меня в Фолтсхэм из-за погоды. Так что я пошел в «Трэвэлодж» у железнодорожной станции и снял номер.

– Это было в среду утром?

Дэвид почесал в затылке.

– Да, наверное. Я почти весь день проспал, а вечером опять пошел в паб. Потом вернулся в номер и снова спал, пока в дверь не забарабанили полицейские и не отвезли меня сюда.

– Значит, в ночь убийства Джулиана Форбса вы спали на скамейке где-то в Нориджe?

– Да.

– Мистер Миллар, – Джаз вздохнула. – Вы понимаете, что эта информация вам не помогает? Вряд ли кто-нибудь сможет подтвердить ваше алиби.

– Знаю, – Дэвид кивнул. – Даже если бы кто-то смог, что толку? Ваш коллега уверен: мне все равно хватило бы времени зайти в офис Джулиана Форбса в семь, вынудить его, угрожая пистолетом или ножом, сесть в машину и поехать в школу Святого Стефана, убить его там, а потом доехать обратно до Нориджа, быстренько выпить и уснуть на скамейке. А сегодня утром выяснилось, что отпечатки моих пальцев были по всему чемодану, в котором нашли Джулиана.

– Мистер Миллар, это чемодан вашего сына. Чемодан *Рори*, – Джаз сделала на этом ударение, пытаясь пробудить в нем хотя бы искру боевого духа.

– Правда? – Дэвид поднял брови. – Я не знал.

– Значит, вы не признались в убийстве Джулиана Форбса?

– Нет.

– И вы не отказываетесь от этого заявления?

– Разумеется, нет!

Джаз постучала ручкой по столу.

– Я спрашиваю только потому, что вы неоднократно изменяли показания об убийстве Чарли Кавендиша.

– Я говорил вам, инспектор, что это *возможно*. Я честно не могу вспомнить.

– Вы так и сказали старшему инспектору Кафлину? Что «не можете вспомнить»?

– Да.

Джаз помолчала. Потом кивнула:

– Хорошо, мистер Миллар. Спасибо.

– И все? Вы не собираетесь устраивать мне допрос с пристрастием, как тот коп? – Дэвид явно удивился.

– Нет, это все. – Она нажала кнопку вызова, вошел констебль. – Пожалуйста, отведите мистера Миллара в камеру.

– Слушаюсь, мэм.

Дэвид встал, у двери замешкался, повернулся к Джаз:

– Знаете, я понимаю. Если уж я признался, что в порыве злости убил Чарли Кавендиша, почему бы мне не сделать то же самое с

бойфрендом бывшей жены? Почем знать, может, я и убил. Я был в тот день сильно пьян. И у меня идеальный мотив. Джулиан был мерзавцем, и я не мог смириться с мыслью, что он будет воспитывать Рори вместо меня. К тому же несколько свидетелей слышали, как я в центре города крикнул, что готов Джулиана убить. – Он пожал плечами: – Я попал, да?

– Мы поговорим позже.

Джаз кивнула, и Миллар вышел из комнаты.

– Мэм, сержант Майлз в коридоре. Прислать его сюда? – спросил констебль.

– Да, будьте добры.

Джаз захлопнула мобильный в тот момент, когда Майлз вошел в комнату.

– Вызывали?

– Да. Майлз, садитесь, пожалуйста. – Джаз указала на стул. – Вы слышали об аресте Миллара?

– Нет, не слышал, пока мне не рассказал мистер Джонс в школе. Патрик ничего не сообщил. Если честно, я чувствовал себя лохом, – признался Майлз.

– Без комментариев, – вздохнула Джаз. – Даже не буду попусту сотрясать воздух. В общем, итог такой: Патрик умчался в Лондон по вызову Нортона, а Нортон дал нам двадцать четыре часа на завершение расследования. Потом он закроет дело, и Миллар – наш убийца. Так что я хочу быстро рассказать вам о своих вчерашних находках. Пока не понимаю, куда это нас ведет. Но если мы не выясним правду, хороший прокурор сможет посадить Миллара за оба убийства, пусть в его заявлении и полно дыр.

– Хорошо, мэм, – Майлз сел. – Выкладывайте.

* * *

Через десять минут Майлз знал все факты. Он сосредоточенно потер лоб пальцами.

– То есть если Себастьян Фредерикс знал, что он настоящий, хоть и незаконный наследник имущества Конотов, то мог избавиться от Чарли и освободить себе дорогу?

– Да.

– А как же Джулиан Форбс? Его-то зачем убивать?

– Смотрите, они вместе учились в Святом Стефане, так? Интересно, есть ли там какие-то привязки. Фредерикс сказал, что они дружили и иногда ходили вместе выпить. – Она хлопнула ладонями по столешнице. – Нам нужно вернуться в прошлое.

– Да, мэм, полагаю, вы правы, – согласился Майлз. – Школа – единственное, где все версии сходятся. А конкретнее, Флит-Хаус.

– Точно, – кивнула Джаз. – Я хочу узнать подробности истории с мальчиком, который повесился в погребе. Кто это был, когда и что произошло на самом деле. Несколько недель назад Рори Миллара кто-то запер там на ночь. Возможно, совпадение, но…

– Надо найти кого-то, кто работал здесь раньше и мог бы знать эту историю.

– Именно, – согласилась Джаз. – И человек, который, вероятно, знает больше всех, – это Дженни Колман, секретарь директора. Она в школе с незапамятных времен. Бедная женщина. Благослови ее Господь, она выглядела не слишком радостной при известии, что Фредерикс может оказаться ее давно пропавшим сыном.

– Да уж. Я бы тоже не обрадовался.

– Надо дождаться Мартина Чапмана и анализа образцов ДНК. Если они соответствуют, то я вытащу Фредерикса на допрос. Если же нет, – Джаз вздохнула, – я все равно хочу знать, где он взял это кольцо. Хотя на самом деле есть у меня одна теория… – Джаз умолкла, обдумывая новую идею. – Да, бьюсь об заклад, так оно и есть.

– Я перестал вас понимать, мэм.

– Простите. Расскажу позже, когда смогу подтвердить свою теорию.

– Хорошо. Кстати, мой парень влез в компьютер Джулиана. Я поиграю с этой машинкой, посмотрю, не прояснится ли что-нибудь. Ничего, если поработаю здесь?

– Располагайтесь. Я хочу навестить Анджелину Миллар, узнать, как она, и попытаться выяснить немножко больше о ее покойном бойфренде. Звоните, если будут новости.

– Да, мэм. И, кстати, на всякий случай: Иззи по-прежнему убеждена, что Миллар не убийца.

– Хорошо. Вы знаете, я высоко ценю ее мнение. Как она, кстати? – мимоходом спросила Джаз.

– О… – Майлз кивнул. – Нормально. Ага. Все нормально.

– Хм-м… Для человека, ненавидящего сельскую местность, она, кажется, неплохо себя чувствует.

Майлз неловко поерзал и сменил тему:

– Кстати, мэм, Роланд спрашивал, не приедете ли вы, случаем, в школу, чтобы сделать заявление? Журналисты там уже кишат. Они не уйдут, пока мы не дадим им хоть что-то. Да и Джонс мечтает поскорей от них отделаться.

– Скажите, я проведу пресс-конференцию сегодня в шесть вечера. Попросите Джонса обеспечить зал, где журналисты установят оборудование. Ему придется продержаться до этого.

– Вы скажете им, что мы арестовали и обвинили Дэвида Миллара? – спросил Майлз.

Джаз вздохнула:

– Нет. Я скажу, что он помогает нам с расследованием. У нас есть двадцать четыре часа – и только; после чего вас отправят обратно в Лондон, а я вернусь к тихой жизни в глубинке.

– Вы справитесь, мэм, – улыбнулся Майлз.

– Спасибо. Цель у нас одна: гарантировать, что за преступление сел тот, кто его совершил. Согласны? – Джаз встала.

– Да, – кивнул он. – По совести говоря, ничего другого я и не думал.

– Хорошо. Побегу. Будем надеяться, что Иззи сотворила чудо с Рори. До встречи.

– Иззи это умеет, – пробормотал Майлз себе под нос.

– Смотрите не обожгитесь, – буркнула Джаз в ответ и закрыла за собой дверь.

Глава тридцатая

Анджелина выглядела крохотной и хрупкой. Словно события последних дней физически уменьшили ее.

– Здравствуйте, Анджелина. Как вы себя чувствуете? – спросила Джаз, проходя за ней на кухню.

– А как вы думаете? – Анджелина упала в кресло. Джаз тоже села.

– Я могу чем-то помочь?

Анджелина покачала головой, грустно посмотрела на инспектора.

– Вернете Джулиана к жизни? – Она слабо улыбнулась. – Разве что это.

Джаз взяла ее маленькую холодную руку в свою.

– Мне очень, очень жаль. Поверьте, мы делаем все возможное, чтобы узнать, кто совершил убийство и почему. Должна предупредить вас: в школу съехались журналисты. Что-то пронюхали, как всегда. Я еще не называла имя Джулиана, но сегодня вечером сделаю официальное заявление. Наверное, вам стоит на время уехать. Боюсь, они будут поджидать вас у дома, а вам и Рори это совсем ни к чему.

Анджелина рассеянно кивнула. Она почти не слушала.

– И, к сожалению, еще одно, не очень приятное дело: я должна попросить вас официально опознать Джулиана.

Анджелина закрыла лицо руками.

– О боже, правда? Я никогда не видела мертвых. – Она покачала головой: – Боюсь, я не смогу.

– Может быть, нам связаться с его родителями? Полагаю, вы сообщили им новость?

– Его мать умерла, а отец уехал на праздники за границу, он еще не знает. Не могла же я оставить сообщение, что его сына убили, на автоответчике, согласны? – сказала она несчастным тоном. – Я просто попросила мне перезвонить.

– Тогда, боюсь, больше некому. Я пойду с вами.

Анджелина кивнула:

– Надо так надо. Джулиан хотел, чтобы я была сильной… – На глазах ее появились слезы. – Это поможет мне смириться с ужасным фактом. Потому что в данный момент я просто не могу поверить.

– Это естественно, – мягко сказала Джаз. – Давайте я сделаю нам кофе?

– Если хотите, – Анджелина махнула рукой в сторону плиты.

Джаз поставила чайник на огонь.

– Как Рори?

Анджелина кивнула:

– Нормально. Ваша Иззи – просто дар небес. За эти два дня она и Рори по-настоящему подружились. К вечеру приедет мама, станет полегче.

– Я бы правда советовала вам подумать об отъезде, Анджелина. – Джаз насыпала кофе, налила воды и молока, насыпала в одну из кружек сахар и поставила ее на стол. – Вот, выпейте.

– Спасибо. Нет, я остаюсь здесь, в нашем… *моем*… доме. – Она закусила губу. – Вы уже нашли?..

– Вы о бывшем муже? – Джаз сделала глоток кофе. – Ну, в настоящее время Дэвид задержан, помогает нам с расследованием. В убийстве Джулиана не признается.

Анджелина молча уставилась в пространство.

– Боюсь, мне надо задать вам пару вопросов.

– Давайте, – Анджелина равнодушно пожала плечами.

– Вы, случайно, не знаете, был ли у Джулиана знакомый по имени Смит? Среди друзей, коллег или клиентов?

– Возможно.

– Он держал здесь, в доме, записную книжку?

– Да. В ящике стола, в кабинете.

– Не возражаете, если я взгляну?

Анджелина медленно пошла в кабинет и принесла книгу в кожаном переплете. Подала ее Джаз.

– Спасибо. Кстати, о знакомых: Джулиан когда-нибудь упоминал, что знал Себастьяна Фредерикса?

– Да нет.

– Они вместе учились в школе.

– Да, я слышала. Только в разных классах. – Анджелина отрешенно посмотрела на Джаз: – А что?

– Просто так. – Джаз сменила тему: – Значит, последние несколько недель Джулиан вел себя совершенно нормально, да? Вам не припоминается ничего необычного?

Анджелина покачала головой:

– Нет. Он был очень счастлив. На работе все хорошо, мы наконец вместе…

– Значит, он ни о чем не беспокоился? Например, что он встретится с Рори – со всеми вытекающими?

– Нет, хотя насчет Рори… – Анджелина нахмурилась: – Вообще-то я вдруг вспомнила…

– Что?

– Возможно, ерунда, но в прошлую субботу я поехала с Джулианом в школу, навестить Рори в изоляторе. Я пошла внутрь, а Джулиан ждал в машине. Когда я вернулась, помню, Джулиан повел себя странно. Вдруг страшно заторопился уехать. А на следующий день, когда Рори пропал, Джулиан отказался ехать со мной в школу и помогать с поисками. Мы даже поссорились. Мне казалось, что он меня не поддерживает.

– Представляю, – посочувствовала Джаз. – Вы спросили его о причине?

– Конечно, – Анджелина кивнула. – Он не ответил. Но выглядел… – Анджелина помедлила, подбирая слово, – испуганным, наверное. Помню, вернувшись в машину, я сказала: ты будто призрака увидел. Так сильно побледнел.

– М-да, интересно, не увидел ли он кого-то из прошлого, кого-то неприятного? В конце концов, Джулиан учился в этой школе.

– Возможно, – Анджелина пожала плечами. – Тогда он не сказал, а сейчас уже не спросишь.

Мобильный Джаз зазвенел.

– Простите, пожалуйста, – сказала она, отвечая на звонок. – Хантер слушает.

– Это Мартин Чапман. Я получил результаты по образцам, которые вы мне дали.

– Мартин, можно перезвонить вам через пять минут?

– Конечно.

Джаз нажала отбой.

– Мне надо ехать, но то, что вы мне сейчас рассказали, очень важно. Если я вернусь сегодня около трех часов дня, то смогу отвезти вас в морг, и, возможно, мы еще немного поговорим. Я только загляну на пару слов к Иззи, если вы не против? Провожать меня не надо.

Анджелина кивнула:

– Спасибо, инспектор.

Джаз поднялась по лестнице и окликнула Иззи. Та появилась из-за двери одной из спален.

– Ну как? – прошептала Джаз.

– Продвигаемся, но очень медленно. Я сказала ему, что папа снова в тюрьме. Возможно, это разбудит совесть Рори.

– Хочешь, я поговорю с ним?

– Нет, не сейчас. Малыш перепуган до смерти, и я до сих пор не понимаю почему. Оставь его мне еще ненадолго.

– Хорошо, но время поджимает. И мне надо бежать. Будь на связи.

– Обязательно.

Джаз спустилась вниз и быстро пошла к машине, на ходу набирая номер.

– Мартин, какие новости? – Сердце колотилось в груди.

– Во-первых, образец со щетки для волос не совпадает с двумя другими образцами волос, которые вы мне дали.

Сердце Джаз упало.

– Черт!

– Сожалею, мэм. Зато два других образца совпадают. «Младенец Икс» находился в прямом родстве с «Образцом А».

– Понятно. Спасибо, Мартин. – Джаз прикусила губу от разочарования.

– Но послушайте, кое-что интересное лаборант таки нашел. Он сейчас перепроверяет для уверенности, и я позвоню вам, как только мы закончим.

– Можете сказать, что именно?

– Нет, пока не удостоверимся. Пожалуйста, мэм, потерпите.

– Конечно, Мартин, прошу прощения. До связи. – Джаз стукнула по рулевому колесу. – Черт бы их побрал!

Она позвонила в приемную школы. Ответила Дженни Колман.

– Дженни, говорит инспектор Хантер. Я подумала, что вы захотите узнать результаты как можно быстрее.

– Да-да. – В голосе Дженни были испуг и предвкушение.

– ДНК Себастьяна Фредерикса не совпадает с ДНК Корина и с прядью волос, которую мне дали вы. Это означает, что он не ваш сын.

Дженни облегченно выдохнула:

– О боже мой! Я поняла одно: наверное, лучше не знать.

– Да. Ну что же, прошу прощения за эти несколько часов неопределенности, Дженни. И еще один вопрос. Вы помните ученика Святого Стефана по имени Джулиан Форбс?

Пауза. Потом Дженни произнесла:

– Джулиан Форбс? Почему вы спрашиваете?

– Просто интересно, помните ли вы его. Это бойфренд Анджелины Миллар, матери Рори.

– Правда? Я не в курсе.

– Вы помните Джулиана?

– Я… да, помню, но знала его плохо…

– И последнее. Вам известны подробности истории, которая ходит по школе: о мальчике, повесившемся в погребе?

– Нет… я… в общем-то, неизвестны, – осторожно ответила Дженни.

– Вы уверены?

– Да. В смысле, о происшествии слышала, но подробностей не знаю.

– Вы тогда работали в школе?

– Да, но… инспектор Хантер, не мое дело рассказывать вам. Мистер Джонс знает гораздо больше меня.

– Это было самоубийство, да?

– Да.

– Вы не помните имя мальчика?

Снова пауза. Потом Дженни сказала неохотно:

– Его звали Джейми.

– А фамилия? – спросила Джаз.

– Инспектор, я правда думаю, вам лучше спросить мистера Джонса. Я… предпочла бы об этом не говорить.

Джаз поняла, что больше ничего не добьется.

– Спасибо за помощь, Дженни. Передайте, пожалуйста, мистеру Джонсу, что я приеду к нему, как только смогу.

– Обязательно, инспектор. Спасибо за звонок. До свидания.

* * *

Дженни отложила телефон и уставилась в пространство. Почему прошлое возвращается именно сейчас? И почему инспектор заинтересовалась тем, что произошло много лет назад? Не говоря уже о Джулиане Форбсе…

Она знает, что случилось?

Дженни неловко поерзала в кресле. Стоило ли упоминать Джейми?

Почему бы нет? В конце концов, информация о том несчастье была открытой…

Но не дело Дженни об этом рассказывать.

* * *

Занавески на окнах нижнего этажа маленького коттеджа были задернуты. Джаз стукнула пару раз в дверь, ответа не получила. Наконец услышала внутри какое-то движение.

– Кто там? – спросил знакомый голос.

Теория Джаз получила подтверждение.

– Инспектор Хантер. Можно вас на пару слов, миссис Кавендиш?

Дверь открылась. На пороге стояла Адель.

– Как вы узнали, где меня найти?

– Видела вас несколько дней назад здесь, в Клее. Вы припарковались на главной улице и разгружали покупки. Можно войти?

Адель неохотно согласилась и провела Джаз в маленькую, но уютную гостиную.

– Итак… – Адель даже не предложила Джаз сесть. – Есть новости о Чарли?

– Нет, хотя надеюсь, скоро будут. Я приехала по другому поводу.

Адель, словно защищаясь, сложила руки на груди.

– Не из-за Чарли? Что же вам нужно?

– Я приехала, миссис Кавендиш, потому что хотела бы услышать от вас об отношениях с Себастьяном Фредериксом.

Адель Кавендиш приложила руку ко лбу и тяжело вздохнула.

– О господи. Себастьян предупреждал, что в конце концов все откроется. – Она посмотрела на Джаз со смесью восхищения и

ужаса. – Как вы узнали?

– Вряд ли это имеет значение, миссис Кавендиш. По правде говоря, ваша личная жизнь – не мое дело. Однако, как вы понимаете, с моей стороны было бы упущением не изучить отношения между матерью погибшего и его воспитателем. Присядем? – предложила Джаз.

– Да, конечно.

Адель села на подлокотник кушетки, а Джаз опустилась в старое, обитое ситцем кресло.

– Не торопитесь, миссис Кавендиш.

Адель глубоко вздохнула:

– Собственно, все начиналось очень медленно. Я познакомилась с Себастьяном как воспитателем Чарли. Сын все время попадал в переделки, и в первый год Себастьяну приходилось звонить мне, наверное, чаще, чем другим родителям.

– Он относился к Чарли благожелательно?

– Не в открытую. Но главное, он понимал моего сына. Иными словами, Себастьян точно знал, как обращаться с Чарли, чего не скажешь о его родном отце.

– Когда же ваши отношения с мистером Фредериксом начали меняться?

Адель покраснела:

– Ну, он привез восемь мальчиков на выходные кататься на лодке в Ратленд-уотер, а я живу неподалеку. Уильям куда-то уехал, и я предложила Чарли пригласить друзей на ужин в субботу вечером. Себастьян тоже пришел. Они провели фантастический день на воде и вернулись в очень приподнятом настроении… Мне давно не было так весело… – Адель улыбнулась. – Я не такая чопорная, как кажется, инспектор, но приходится прятать свое истинное «я», чтобы подстраиваться под мужа и его образ жизни.

Джаз кивнула, соглашаясь. Уж она-то знала об этом не понаслышке.

– В общем, наверное, мы все выпили немного лишнего. И Себастьян смешил меня: он при желании может быть очень остроумным… Я убиралась на кухне, пока мальчики смотрели DVD в закутке, и Себастьян пришел помочь. Мы болтали… и я поняла, что он *слушает* меня. – Она нежно улыбнулась. – Казалось, он интересуется

тем, что я говорю. Так вот, когда пришло время возвращаться в гостиницу, Себастьян предложил продолжить разговор как-нибудь за ужином: мол, чтобы отплатить мне за гостеприимство. Я полагала, это просто знак вежливости. Все-таки он на семь лет меня моложе.

– Значит, Себастьян вам позвонил? – спросила Джаз.

– Да, дня через три. Пригласил на обед, сказал, что так, пожалуй, будет приличнее. Я тогда только купила этот коттедж, чтобы жить в нем во время регбийных соревнований Чарли и других школьных мероприятий. Ненавижу останавливаться в общежитии: там холодно, как в морге. Так что я частенько наведывалась сюда, в Норфолк.

– И вы стали любовниками? – прямо спросила Джаз.

– Не сразу, инспектор. – Адель покраснела. – Сначала просто друзьями. Помните, он был воспитателем Чарли, а я замужней женщиной. Я считала его привлекательным мужчиной; в сущности, думаю, я была немного влюблена в него, но никогда не допускала мысли, что это взаимно. Потом, в один прекрасный день, он признался.

– Как давно это было?

– Два года назад. – Адель вздохнула. – Само собой, ничего другого не оставалось, как хранить наши отношения в тайне, пока Чарли учится в этой школе. Но мы договорились, что, как только Чарли закончит, ничто не помешает нам быть вместе. Себастьян собирался искать другую работу, а я планировала уйти от Уильяма. Мы хотели начать новую жизнь вместе.

– Вы хотели провести с ним всю оставшуюся жизнь?

– Да, – кивнула Адель. – Понимаете, у нас схожие интересы. Мы оба любим свежий воздух и спорт. Сейчас, наверное, и не скажешь, но в свое время я чертовски хорошо играла в нетбол. Любила ездить верхом, плавать… – Голос Адели затих. – Уильям горожанин до мозга костей. Отдых за городом для него означает ближайший старомодный паб и чтение воскресных газет. Смерть Чарли ускорила события. Пару дней назад я оставила Уильяма. Он согласен развестись. – Адель пожала плечами. – Так легко. Не осталось, ради чего держаться.

– Я ценю вашу откровенность, миссис Кавендиш, – сказала Джаз. – Вы, часом, не дарили Себастьяну некую личную вещь… ювелирное украшение, например… в знак ваших чувств?

Адель явно удивилась:

– Дарила. Я отдала ему перстень-печатку с гербом моей семьи. А он дал мне вот это, – Адель подняла левую руку и показала Джаз очень красивое русское обручальное кольцо на среднем пальце. – Разумеется, Себастьян не мог носить кольцо при Чарли. Он хранил его в ящике письменного стола и надевал, когда мы были вместе.

– Он носит его сейчас, Адель. Я видела, – подтвердила Джаз. – Когда вы дали ему перстень?

– Где-то в начале ноября. – Она потерла напряженную шею. – Надо же, а кажется, так давно. До того, как умер сын. Когда жизнь была относительно нормальной. – Она покачала головой: – Можете себе представить, как трудно пришлось нам обоим с тех пор.

– Расскажите поподробнее, – попросила Джаз.

Адель нахмурилась:

– Вам и так должно быть ясно, инспектор. Мой сын умер, находясь на попечении Себастьяна. Стоит ли еще что-то объяснять? Он сокрушен виной.

– Вот только… ваш сын *не был* на попечении Себастьяна, Адель, – медленно произнесла Джаз. – Себастьян по неизвестной причине отсутствовал в ночь, когда умер Чарли.

– Именно. – Адель резко выпрямилась, пристально глядя на Джаз. Потом внезапно закрыла лицо руками и начала раскачиваться вперед-назад. – Неужели не понимаете, что от этого еще ужаснее?

– Почему? – мягко спросила Джаз, уже зная ответ. Адель опустила руки, открыв искаженное болью лицо.

– Потому что, когда моего сына убили, человек, который должен был его оберегать… был здесь… со мной…

*** * ***

Когда Джаз вернулась в Фолтсхэмский участок, Майлз все еще сидел за столом. Она кратко, как могла, пересказала разговор с Аделью.

– Думаю, это объясняет, почему Хью счел его сыном Корина. В какой-то момент Хью увидел у Себастьяна кольцо, которое Адель дала ему в ноябре. И Себастьяну столько же лет, сколько было бы сыну Дженни; плюс Хью знал, что Фредерикс вырос в Норфолке. Не говоря

уже о белокурых волосах и голубых глазах, совсем как у Корина, – добавила Джаз.

– Да, мэм, но что это дает?

– Вряд ли Фредерикс догадывается, почему Хью оставил ему деньги. – Джаз задумчиво потерла нос. – В смысле, если бы догадался, это привело бы к неприятному заключению, что у него роман с родной тетей.

Майлз поморщился:

– Да уж. Мило. Если, конечно, Фредерикс и мамочка Кавендиш не действовали заодно…

– Да ладно, Майлз! Вы и вправду верите, что Адель замышляла убить родного сына? – Джаз покачала головой: – Крайне маловероятно. Адель обожала Чарли. По крайней мере, теперь я понимаю, почему Фредерикс смотрел сквозь пальцы на отношение Чарли к младшим мальчикам. Он хотел нравиться сыну Адели. В конце концов, в один прекрасный день Себастьян мог стать его отчимом. Нет, – вздохнула она, – боюсь, Фредерикса придется исключить…

– Что возвращает нас к исходной точке…

– Я поеду в школу и поговорю с мистером Джонсом о мальчике, который повесился в погребе, – продолжала Джаз. – Дженни Колман сказала, его звали Джейми, но выражалась уклончиво. Я хочу знать подробности. Интуиция подсказывает, что это как-то связано с теперешними событиями.

– Я продолжу возиться с компьютером Форбса. Просмотрел все его рабочие файлы и не нашел никаких Смитов. Теперь займусь личными делами, – добавил Майлз.

– Ладно. Я также встречусь с Фредериксом и заставлю его рассказать о повесившемся мальчике. Заодно повторно расспрошу о Джулиане Форбсе. До встречи.

– Удачи, мэм.

Майлз зевнул – вчера он лег поздно, – вновь открыл ноутбук Форбса и попытался сосредоточиться на работе.

Глава тридцать первая

Иззи наблюдала, как Рори рисует подснежник, стоявший в маленькой вазе на столике.

– Классно рисуешь, милый.

– Спасибо, – отозвался Рори, сосредоточившись на рисунке.

– Кстати, папа снова в камере в Фолтсхэме, – небрежно сказала Иззи.

Карандаш Рори на секунду замер.

– Правда?

– Да. Кажется, его подозревают еще в одном убийстве.

Карандаш застыл в воздухе. Оторопев, мальчик повернулся к Иззи:

– Что?

Иззи кивнула:

– Боюсь, что так.

– Но… – Рори покачал головой. – Не может быть.

– Почему? Если папа говорит, что убил Чарли, почему бы полицейским не заподозрить его и в убийстве другого человека?

– Потому что… потому что…

Иззи успокаивающе положила руки на тонкие плечи Рори.

– Я понимаю, милый. Тебе очень трудно.

– Нет, – Рори покачал головой. – *Мне* не трудно.

Плечи под ее руками затряслись: он заплакал.

– Ох, золотко, ну конечно, трудно. Иди сюда. – Иззи опустилась на колени возле стула и открыла объятия. Мальчик рыдал у нее на плече, а она гладила его по волосам. – Ну-ну, не сдерживайся. Хорошенько прореветься никогда не вредно, правда? Потом тебе станет легче, вот увидишь.

Рори поднял голову, посмотрел ей в глаза.

– Нет, не станет. Никогда. Понимаете, это я во всем виноват.

– Нет, милый, не виноват. Рассказывая папе о травле, ты не мог знать, что он возьмет и убьет Чарли. Тебе не в чем себя винить. Решение принял папа, а не ты, и ты не отвечаешь за его действия, правда-правда.

– Но я *виноват*, Иззи.

– Почему, Рори?

– Потому что… потому что… – Рори положил голову на колени Иззи и со вздохом закрыл глаза. – Это не папа убил Чарли, а я.

* * *

– Дженни. – Из кабинета высунулось посеревшее лицо Роберта Джонса. – Будьте любезны, сделайте кофе и зайдите ко мне.

– Конечно, мистер Джонс. Сию минуту.

Дженни пошла в кухонный уголок и поставила чайник. Как же она вымоталась! Пресса пронюхала, что во Флит-Хаусе неладно, и телефон все утро просто разрывался. А тут еще эмоциональные качели в ее собственной жизни… Дженни поставила чашку, молочник и сахарницу на поднос и отнесла в кабинет мистера Джонса.

– Спасибо, Дженни. – Директор налил в кофе молока, высыпал чайную ложку сахара, шумно глотнул. – Вы там справляетесь?

– С трудом. Не знаю, как отвечать всем этим журналистам. Вы в курсе, что происходит?

Он поставил чашку и вздохнул:

– Да, к сожалению. У нас еще одна смерть.

– Еще одна? О, мистер Джонс!

Директор вздохнул и устало покачал головой:

– Полагаю, теперь не важно, если я вам скажу. Весь мир узнает через несколько часов. Вчера в погребе Флит-Хауса в чемодане нашли тело мужчины. Его убили.

Дженни прижала руку к губам:

– Мистер Джонс, боже мой! Кто это?

– Жертву опознали как Джулиана Форбса, бывшего ученика нашей школы.

Дженни открыла рот, но не смогла издать ни звука.

– Вы его знали, ведь он здесь учился? – спросил Джонс. Секретарь молча кивнула. – По-видимому, он жил с Анджелиной Миллар, мамой Рори Миллара.

В соседней комнате зазвонил телефон. Дженни как-то ухитрилась обрести дар речи.

– Прошу прощения, мистер Джонс, я отвечу на звонок.

– Конечно. И никому ни слова. Скоро приедет инспектор Хантер, проведет пресс-конференцию. Тогда узнаем больше.

Дженни, с трудом дыша, вернулась в приемную, ответила на телефон. Разобравшись со звонком, положила трубку и уставилась в пространство.

Через несколько минут встала и вернулась в кабинет директора.

– Простите, мистер Джонс. Я… вы сказали, что пока никто не знает о смерти Джулиана?

– Никто, кроме меня, Себастьяна и бедняги Боба, который нашел труп. И, разумеется, полиция.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Следователи категорически потребовали от нас молчания. А что?

Дженни покачала головой:

– О, не важно. – Она выжала из себя улыбку и вернулась в приемную.

В голову хлынули мысли… ужасные, навязчивые…

«Хватит! – велела себе Дженни. – У тебя разыгралось воображение».

Увы, как она ни старалась, одна мысль не давала покоя.

– Добрый день, Дженни, как вы?

В приемной стояла инспектор Хантер.

– О, я… в порядке.

– Хорошо… хорошо. – Инспектор Хантер тоже казалась рассеянной. Она указала на кабинет мистера Джонса: – На месте?

– Да.

– Спасибо, Дженни. – Инспектор улыбнулась.

– Инспектор Хантер?

Та обернулась от порога директорского кабинета.

– Да?

– Я… Дело в том…

– Что такое, Дженни?

Слова не шли. Она не знала, как их произнести. В конце концов, она могла ошибаться, и что тогда?

– Ничего. – Дженни покачала головой. – Ничего.

Инспектор внимательно посмотрела на нее:

– Уверены?

Дженни кивнула:

– Да. Я просто… – Она прикусила губу. Инспектор такая милая, такая добрая, вот бы ей довериться. – Не хочу никому доставлять неприятности.

– Может быть, поболтаем после моего разговора с мистером Джонсом?

– Через двадцать минут у меня ланч, я встречаюсь с подругой.

– Ну, я там не задержусь, – Джаз указала на кабинет директора. – Так что нам хватит времени. И, Дженни, что бы вы ни сказали, дальше меня это не пойдет, вы же знаете. А если вы что-то…

– Инспектор Хантер! Наконец! – В дверях кабинета появился Роберт Джонс. – Здесь кишит пресса. Я понятия не имею, что им говорить, и…

Она повернулась к мистеру Джонсу:

– Так, давайте поговорим. Увидимся позже, Дженни. – Улыбаясь, инспектор увела Роберта Джонса в кабинет и закрыла дверь.

Дженни вздохнула. Теперь весь вопрос в том, как ей проверить свои подозрения?

Наверное, лучше всего получить информацию из первых рук. Да, так она и сделает. Дженни посмотрела на часы, сняла с телефона трубку и положила ее на стол, потом взяла сумочку и вышла.

* * *

– Я бы посоветовала вам пока не появляться в главной приемной. Стервятники ждут лакомых кусочков, – сказала Джаз, усаживаясь напротив директора.

– Ведь они уйдут, когда вы объявите на пресс-конференции об аресте убийцы?

– Со временем, – уклончиво ответила Джаз. – Мистер Джонс, хочу спросить о том мальчике, Джейми, который умер в погребе Флит-Хауса. Что вы об этом знаете?

Директор тяжело вздохнул:

– Инспектор, это случилось задолго до меня. Я знаю только то, что знают все: мальчику было тринадцать, если я правильно помню.

Он повесился на крюке для мяса в погребе. – Роберт Джонс поерзал в кресле.

– Известно, почему он покончил с собой?

– Лучше расспросить Дженни – она тогда уже работала здесь, инспектор. Только какое отношение та история имеет к делу?

– Прямое, – твердо ответила Джаз.

– Позвольте повторить, это произошло лет за десять до моего вступления в должность…

– То есть лет двадцать пять назад?

– Да, примерно, – согласился директор. – Тогда травлей занимались повсеместно. По-видимому, мальчик Джейми стал жертвой особенно жестоких издевательств. Мне бы хотелось подчеркнуть: полиция расследовала его самоубийство и пришла к заключению, что насильственной смерти не было.

– Вы знаете, кто из мальчиков участвовал в травле?

– Нет, не знаю.

– А кто может знать?

– Думаю, Дженни. И, возможно, Себастьян Фредерикс. Он здесь учился.

– Вместе с Джулианом Форбсом?

Роберт Джонс явно растерялся.

– Да, но едва ли тот нам поможет. И вообще, к чему все это? Вы же арестовали Дэвида Миллара. Ваш начальник сообщил мне сегодня утром.

Джаз невольно ощетинилась, услышав слово «начальник».

– Да, но надо прояснить некоторые детали. Например, Рори Миллар провел ночь в погребе Флит-Хауса, не так ли? Это, по-вашему, было простым совпадением?

– Не могу сказать наверняка. Говорят, будто призрак мальчика после его смерти появляется в погребе. Тот, кто запер там Рори, знал, что делает.

– Вы имеете в виду Чарли Кавендиша?

– Да. – Роберт Джонс вздохнул. – Он заплатил за свои проступки, не так ли?

Джаз оставила реплику без внимания.

– Где сейчас Себастьян Фредерикс?

Джонс посмотрел на часы.

– Вероятно, в столовой или в раздевалке с мальчиками, готовится к тренировке по регби. Жизнь должна продолжаться, хотя бог знает, как мальчики расценивают телекамеры на улице. Я только надеюсь, что на пресс-конференции вы сможете сказать достаточно и журналисты уедут. Начало в шесть?

Джаз встала.

– Да. Тогда и увидимся. Если понадобится, я на связи.

Она кивнула и вышла из комнаты. Часы напомнили, что совсем скоро придется назвать Дэвида Миллара главным подозреваемым.

В приемной Дженни не было. Почти наверняка уже ушла на ланч. Когда Джаз выходила из здания, зазвонил мобильный.

– Джаз, говорит Иззи.

– Есть новости?

– Да. Можешь встретиться со мной в участке?

– Не сейчас. Скажи кратко.

– Рори только что признался, что папа покрывал его. На Озерах Рори сказал отцу, что не помнит, принял он аспирин или нет.

Джаз продолжала идти.

– Хорошо. Но это, наверное, не все.

– Да. Чарли Кавендиш использовал Рори как лакея: заставлял чистить ботинки, прибираться за ним… ну, знаешь, все такое.

– Да, понимаю.

– Так вот, в ту ночь, когда умер Чарли, Рори по его приказу должен был зайти к нему в комнату и включить электрическое одеяло. Так что после удручающего эпизода с Хью Данманом Рори пришлось тащиться в комнату Чарли…

– И нашему мальчику кажется, что он мог случайно оставить аспирин там.

– Именно.

– Ну и? – Джаз заметила Фредерикса, идущего по полю для регби, и ускорила шаг, уворачиваясь от писаки с камерой.

– Что «ну и»?

– Он оставил таблетки в комнате Чарли случайно? Или намеренно? В конце концов, Кавендиш превратил его жизнь в ад.

– Рори помнит, как Хью Данман давал ему стакан воды. Скорее всего, малыш принял аспирин до того, как оказался в комнате Чарли. Однако сначала эмоциональная травма из-за поцелуя Данмана, потом

Рори осознал, что он последним заходил в комнату Чарли перед его смертью *и* держал в руке две таблетки аспирина всего за полчаса до того… Думаю, у Рори разыгралось воображение. Это называется самовнушением, Джаз. Кроме того, сомневаюсь, что после эпизода с Данманом Рори вообще мыслил достаточно ясно и мог немедленно составить план убийства Чарли.

– Но, Иззи, это означает, что Рори был на месте преступления и что у него имелись и средство, и возможность… Иззи? Алло?

Джаз отняла мобильный от уха и увидела, что сигнал пропал.

– Черт! – пробормотала она.

Себастьян Фредерикс был в нескольких футах.

– Мистер Фредерикс, можно вас на пару слов? – окликнула Джаз, нагоняя его.

– Если только это не вопросы о моем происхождении.

Он продолжал размашисто шагать. Джаз пришлось бежать рысцой.

– Роберт Джонс сказал, что вы, вероятно, помните учеников, которые, по слухам, участвовали в травле мальчика из погреба Флита.

Фредерикс резко остановился и посмотрел на нее:

– Это же старая история. Какое отношение она имеет к нынешним событиям?

– Возможно, никакого, но если бы вы вспомнили имена мальчиков, я была бы очень благодарна.

Себастьян бросил на нее подозрительный взгляд.

– Доказано ничего не было, знаете ли, и я еще даже не учился в школе, когда это произошло. Я поступил сюда через несколько месяцев, в осенний семестр. Некоторые мальчики говорили, что этот Джейми был неуравновешенным, ненормальным. Вряд ли в его смерти можно было кого-то обвинить.

– Да, я понимаю, но все равно хотела бы знать имена, – настаивала Джаз.

Он почесал в затылке.

– Послушайте, все это слухи. Я знал кое-кого из этих парней – обыкновенные человеческие существа. Мальчики вроде меня, которые любили пошутить.

– Мистер Фредерикс, имена, пожалуйста.

– Хорошо-хорошо, – кивнул он. – По слухам, в травле участвовали четверо. Они приехали в школу, подружились и образовали «Банду четырех». Адам Скотт-Джонсон, Фредди Эстли, Гарри Коннор и… Джулиан Форбс.

– Джулиан Форбс? Вы уверены?

– Да. Позже мы вместе играли в регби. Фантастический блуждающий полузащитник. Бедняга, так печально, что его не стало.

– Спасибо, мистер Фредерикс. Прошу прощения, мне надо вернуться в участок.

Себастьян смотрел, как инспектор резко развернулась и быстро зашагала через поле.

*** * ***

В участке Джаз отправилась на поиски Иззи.

– Она убежала за сандвичем, мэм, – сказал Майлз. – Выглядела утомленной. Слышали ее новости, да?

– Да-да. – Джаз расхаживала по маленькой комнате, раздраженная отсутствием Иззи. – Где Рори?

– Дома. Иззи предлагает вам вместе пойти к нему во второй половине дня. Но, мэм, из того, что она сказала, Рори всего лишь запутался из-за повышенной нервозности. Кроме того, как это привязать к смерти Форбса? Мы же точно знаем, что вечер вторника Рори провел с мамой. Наш констебль сидел прямо перед их домом.

– Я знаю, знаю. – Джаз упала в кресло. – Может, смерти никак не связаны? Хотя это статистически запредельно по шкале возможностей, учитывая три смерти за неделю. Я только что поговорила с Фредериксом, и тот назвал Джулиана Форбса в числе предполагаемых хулиганов, ответственных за смерть мальчика, повесившегося в погребе Флита… – Она посмотрела на часы. – Черт! Два с половиной часа до пресс-конференции… Я *знаю*, что Дэвид Миллар не убийца… и дело как-то связано с прошлым, но никак не могу…

– Повторите мне точные слова Фредерикса, – спокойно сказал Майлз.

Приближаясь к разгадке, Джаз всегда впадала в возбуждение, и он к этому привык.

– Там была банда…

– Имена?

– О, Гарри как-то там, Адам… Я все записала, но раньше мне эти имена не попадались.

– Погодите-ка, мэм. – Майлз повернулся к ноутбуку, прокрутил экран и нашел письмо. – А еще, часом, не Фредди?

– Да. – От удивления Джаз замерла. – А что?

– Думаю, вы попали в точку насчет связи с прошлым. Взгляните на это письмо. Пришло Джулиану в ночь его смерти.

Майлз развернул к ней экран, и Джаз начала читать.

Дорогой Джулиан,

Приятно было получить весточку от тебя столько лет спустя. Рад, что ты разыскал меня. Сайт «Встреча выпускников» и правда работает, а?

Ты спрашивал, слышал ли я об остальных из нашей Банды. К сожалению, мне придется выступить в роли гонца с дурными вестями – по крайней мере, насчет двоих ребят. В том году со мной связалась жена Гарри и сообщила о его смерти. Он переехал в Сидней – ты знал? И, по общему мнению, стал очень талантливым хирургом. Его нашли мертвым в санитарной комнате больницы. Не знаю подробностей, но несчастный случай исключен. Насколько понимаю, виновного до сих пор не поймали.

А всего пару месяцев назад я узнал, что Фредди также больше не с нами. Он умер года три назад в Штатах – один мой приятель работал с ним в «Голдман Сакс». Очевидно, самоубийство. Фредди выбросился из окна кабинета, был найден мертвым на тротуаре. Вот такой он, мир крупных финансов, – давление невыносимое. И всего тридцать восемь лет! Оставил двоих детей. Провалиться мне, но это учит смирению. Так что, увы, старик, остались только ты и я.

Я в настоящее время живу в Провансе, учусь превращать виноград в вино. Кручусь словно белка в колесе, как и в Сити, но здесь это гораздо приятнее. Вторая жена, двое детей от первой и на подходе ребенок от второй, через три месяца.

Буду счастлив приехать на твой юбилей и ближе к делу все организую. Само собой, от Нориджа до Марселя рукой подать. Назови дату, и давай встретимся.

Черт, Вессон в школе – не к добру. Неудивительно, что ты в шоке. Я бы тоже испугался.

Свяжись со мной как можно скорее.

Адам.

Закончив читать, Джаз некоторое время сидела молча. Наконец проговорила:

– Гарри, Фредди, Адам и Джулиан. Имена мальчиков, из-за которых, по слухам, Джейми повесился двадцать пять лет назад.

– Гарри, Фредди, Джулиан… Все мертвы… – добавил Майлз. – И не забудьте Чарли Кавендиша, признанного хулигана…

Вессон, Вессон… Слово крутилось у Джаз в голове… ответ совсем близко…

Сидней… Штаты…

Джаз вынула из портфеля блокнот, пролистала разрозненные заметки, сделанные за прошедшую неделю.

Нашла!

– Ну конечно, – выдохнула она.

– Что? – спросил Майлз.

– *Вессон…* Теперь я, кажется, понимаю.

Майлз явно растерялся.

– Что понимаете?

Джаз повернулась уже у двери:

– Джулиан недавно встретил своего убийцу. Анджелина Миллар рассказала, что несколько дней назад в школе он будто призрака увидел. «Призрака», который настолько любил Джейми, что был готов

убить всех виновников его смерти. И заодно прикончить любого, кто склонен к подобным преступлениям. Немедленно напишите Адаму. Свяжитесь с жандармерией Прованса, если понадобится. Во что бы то ни стало разыщите его. И предупредите.

– О чем предупредить, мэм?

– Скажите Адаму, что он следующий.

Глава тридцать вторая

Дженни на рабочем месте по-прежнему не было.

Джаз направилась в кабинет Роберта Джонса. Тот дремал в кресле, откинув голову.

– Вы видели Дженни? – резко спросила она.

– Да, она в приемной.

– Нет, там пусто.

– Тогда, вероятно, вышла в туалет.

– Мистер Джонс, мне очень важно найти Дженни. Вы давно ее видели?

– Около часа назад?

– Понятно. Могу я воспользоваться вашим телефоном?

– Конечно.

– Детектив Роланд, вышлите как можно больше людей на поиски Дженни Колман, секретаря директора. Что? Нет, забудьте о прессе и немедленно начинайте поиски. Сообщите, когда найдете. Спасибо. – Джаз положила трубку и переключилась на директора: – Мне нужен полный список работников школы за последние двадцать пять лет. *Сейчас же*.

– Список должен быть в архиве в офисе казначея. – Роберт Джонс наконец осознал, что дело срочное. – Если желаете, я вас провожу.

* * *

Они воспользовались запасным выходом из здания, прошли через лужайку перед часовней в главный зал. Перескакивая через две ступеньки и вынуждая Роберта Джонса бежать в том же темпе, Джаз спросила:

– Полагаю, вы наводите справки обо всех сотрудниках, которые поступают работать в школу?

– Разумеется. – Джонс, тяжело дыша, остановился перед дверью на третьем этаже. – В нынешнее время лучше перестраховаться.

– Это касается даже тех, кто работал здесь раньше?

– Да, я… – Взмокший Джонс отпирал большой архивный шкаф. – Тысяча девятьсот восемьдесят пятый?

– Начнем оттуда, да. – Джаз едва сдерживала раздражение.

До чего педантичный и медлительный!

– Вот, пожалуйста. – Роберт Джонс отнес бухгалтерскую книгу на письменный стол, открыл.

– Спасибо. – Джаз начала просматривать списки.

– Вам помочь?

Не обращая на него внимания, она нетерпеливо переворачивала страницы. Наконец нашла то, что искала. Джаз захлопнула книгу и посмотрела на Роберта Джонса.

– Прошу прощения, мистер Джонс, мне надо бежать.

* * *

Джаз помчалась к Флит-Хаусу, на бегу звоня Роланду:

– Дженни Колман нашлась?

– Нет, мэм.

– Во Флите искали?

– Конечно, нет, мэм. Туда же вход воспрещен. Думал, вы не захотите, чтобы мои люди ползали там с их грязными…

Джаз не стала ждать окончания. Оказавшись перед домом, спросила констебля, заходил ли кто-нибудь внутрь.

– Нет, мэм, за последний час никого.

– Спасибо. – Джаз распахнула дверь и быстро пошла по коридору к лестнице.

Набрав номер Майлза и не получив ответа, оставила ему сообщение:

«Срочно во Флит-Хаус с подкреплением.
Скажите Роланду, пусть тоже двигает сюда».

Она поднималась по лестнице, точно зная, куда идет, и боясь, что опоздала.

Верхний этаж. Дверь. Заперто.

– ЧЕРТ!

Джаз перепробовала все ключи на кольце Флит-Хауса, ни один не подошел. Она отступила и бросилась на дверь, но тщетно.

Барабаня в дверь, закричала:

– Дженни, это инспектор Хантер. Вы здесь? Ответьте, если можете!

Тишина.

– Привет, мэм. Как дела? – Рядом вырос Майлз с двумя дюжими констеблями.

– Ломайте дверь, мальчики, – приказала Джаз. – Скорее.

Констебли с силой толкнули дверь. На четвертой попытке та открылась.

– Спасибо, парни. В таких ситуациях вспоминаю, что я женщина, – пошутила от облегчения Джаз и перешагнула порог квартиры вместе с Майлзом.

Прошла по коридору в маленькую гостиную. Дженни лежала на полу без сознания. Джаз опустилась на колени, проверила пульс. Нащупала слабое трепыхание.

– Вызывайте «Скорую» и скажите Роланду расставить своих людей у всех выходов. Никого не впускать и не выпускать без моего разрешения.

Джаз прошла в спальню. Как и ожидалось, шкафы и ящики были пусты.

К ней присоединился Майлз. Джаз вздохнула:

– Вероятно, собралась накануне. Думаю, поехала в аэропорт Нориджа или, возможно, в Станстед. Оттуда есть рейсы на юг Франции. Майлз, свяжитесь с администрацией аэропортов. Дайте им описание. Я посмотрю, есть ли в архиве школы паспортная фотография.

– Чье описание, мэм? – не понял Майлз.

– Мэделин Смит. Сестры-хозяйки Флит-Хауса. Она же мать Джейми Смита – мальчика, который повесился в погребе двадцать пять лет назад. Она же «Вессон», как прозвали ее жертвы.

Глава тридцать третья

Скотленд-Ярд, Лондон

Неделю спустя

Нортон открыл дверь и пригласил Джаз в кабинет.

– Заходите, садитесь. Рад видеть вас, инспектор Хантер.

Джаз села в кресло перед столом.

– Странно вернуться? – спросил Нортон.

– Да, но я похоронила призраков, сэр.

– Хорошо, хорошо, – кивнул он. – Ну-с, я, само собой, прочитал ваш отчет по делу, но все равно хотел бы его обсудить. Приходится жить опосредованно через моих детективов, раз уж я теперь старая канцелярская крыса. – Он грустно улыбнулся.

– Итак, сэр, как вам известно, я была уверена, что Дэвид Миллар не убивал Чарли. Концы с концами не сходились. Я с самого начала чувствовала: дело как-то связано с прошлым. Все три смерти объединяло лишь одно – Флит-Хаус. Когда я услышала полную историю самоубийства Джейми Смита, а потом прочитала письмо, которое Адам Скотт-Джонсон послал Джулиану Форбсу, все сошлось. Я вспомнила, что во время первого допроса Мэделин Смит она рассказала о своей работе в школе много лет назад. Также сообщила, что впоследствии работала в Штатах и в Австралии. При этом не упомянула, что ее сын учился в Святом Стефане и впоследствии повесился.

– А кто еще знал?

– Бедняжка Дженни Колман, конечно. Она знала, – сказала Джаз. – Они издавна дружили. И, по словам Дженни, Хью Данман тоже узнал сестру-хозяйку. Разумеется, директор был не в курсе. Она предъявила блестящую рекомендацию из личного дела с работы в Австралии – в той самой больнице, где встретил свой конец бедный Фредди…

– Вы связались с Сиднеем, я полагаю? – вставил Нортон.

– Да, и с ФБР насчет Фредди Эстли, – подтвердила Джаз. – Миссис Смит никогда больше не вдохнет воздух свободы. Она убивала «Банду четырех» одного за другим. Разумеется, мотив убийств был очень серьезным: любовь матери к ребенку.

– Да, один из самых веских мотивов на свете, – согласился Нортон. – Итак, она нашла работу в Норфолке с намерением убить Джулиана Форбса?

– Да. И я склонна верить тому, что временная работа в Святом Стефане подвернулась случайно. В Норфолке Мэделин Смит начала искать способ избавиться от Форбса – и вот, пожалуйста. – Джаз пожала плечами. – Вероятно, она оценила иронию судьбы: должность идеально отвечала нуждам Мэделин, обеспечивала жилье, а также шанс убить Джулиана в том самом месте, где умер ее сын. По словам мисс Смит, Джулиан был главарем банды. Именно его она больше всех винила в издевательствах, которые довели ее сына до самоубийства.

– А Чарли Кавендиш стал жертвой обстоятельств, – предположил Нортон. – Смит видела, как он безжалостно издевается над Рори Милларом и повторяет в точности то, что произошло с ее собственным сыном двадцать пять лет назад. Она считала своим долгом остановить зло.

– Именно, – подтвердила Джаз. – Сестра-хозяйка, грозная мстительница. И снова мотив убийства Чарли был веским. Смит очень опекала Рори. Ее можно понять. Хрупкий мальчик напоминал ей Джейми. Вот почему она решила подправить в медицинском журнале запись о выданных Рори таблетках: чтобы его не впутывать. Сама же при этом взяла из шкафчика с лекарствами аспирин, задумав убийство Чарли.

– Значит, во вторник вечером она пришла в офис Форбса в Нориджe и каким-то образом убедила его поехать с ней в школу?

Джаз кивнула.

– Он, наверное, до смерти перепугался при ее появлении. Двадцать пять лет назад она была сестрой-хозяйкой Нельсон-Хауса, и мальчики прозвали ее «Вессон», по аналогии с револьвером, за фамилию Смит и железный характер.

– Она и правда выглядит зловеще, – признал Нортон. – У нас в школе тоже была такая сестра-хозяйка.

– Справедливости ради, я уверена, что до гибели сына Мэделин была нормальной женщиной, – заметила Джаз. – Ей пришлось несладко: муж получил смертельное ранение на охоте в поместье Конотов, когда Джейми было всего несколько месяцев. Небольшая компенсация, полученная от семьи лорда, дала возможность отправить сына в школу Святого Стефана, где, как полагала Смит, у него появятся шансы на лучшее будущее. К несчастью, получилось совсем наоборот.

Нортон поцокал языком:

– Да, я помню, у нас в школе тоже иногда появлялись умные мальчики из рабочего класса на социальной стипендии. Стыдно признать, но мы с ними плохо обращались. Старую британскую классовую систему, кажется, никогда не вытравить из наших душ. Уверен, это тоже сыграло роль в самоубийстве мальчика.

– Как ни отвратительно, вы наверняка правы, сэр.

– Итак, горе свело ее с ума, – заключил Нортон.

– В точку, сэр. Пару дней назад я опрашивала Адама. Так вот, Смит после смерти Джейми нанесла визиты всем из «Банды четырех» и пообещала, что когда-нибудь заставит их заплатить за содеянное. Вскоре она покинула школу, но, по словам Адама, они никогда не забывали этого обещания.

– Оно оказалось не пустой угрозой. Расскажите о Дженни Колман, – продолжал Нортон. – Как она?

– Неплохо, учитывая обстоятельства. Выписана из больницы домой. Все еще в шоке, ведь женщина, которую Дженни считала лучшей подругой, пыталась ее убить. Дженни догадалась. Слава богу, мы успели. Очень милая дама. Несмотря на невзгоды, она сохраняет достоинство и никогда никого не винит за свои беды. И… – Джаз улыбнулась, – в этой тьме *есть* проблеск света. Мартин Чапман обнаружил кое-что весьма интересное, когда сравнивал образцы ДНК.

– Он узнал, кто ее давно потерянный сын?

– Да. – Джаз кивнула. – Совершенно случайно получилось, что Мартин видел сходную структуру ДНК как раз накануне, во время судебной экспертизы на месте преступления. Он перепроверил и обнаружил, что они идентичны.

– Могу я спросить, кто это? – поинтересовался Нортон.

– Сэр, поскольку это не имеет отношения к делу, вы не обидитесь, если я вам не скажу? Мне кажется, и Дженни, и ее сын должны узнать об этом первыми, – объяснила Джаз.

– Конечно, – улыбнулся Нортон. – Итак, где же прокололась Смит? Что именно навело Дженни на мысль?

– По словам Дженни, на следующий день после обнаружения тела Форбса «Мэдди» упомянула, что у Анджелины Миллар, кроме Рори, цитирую: «теперь никого больше не осталось». Тогда информация об убийстве Джулиана еще не разглашалась. Дженни также не могла взять в толк, откуда Смит известно об отношениях Анджелины с Форбсом. Рори сказать не мог – он сам не знал. На следующий день Дженни услышала от директора про убийство Джулиана, сопоставила с тем, что Смит винила его с дружками в самоубийстве сына, и сделала выводы.

– Значит, прежде чем поговорить с вами, она решила объясниться с подругой?

– Да. Смит сказала Дженни, что о смерти Форбса ей сообщил Себастьян Фредерикс, успокоила подругу, а сама приготовила ей чашечку чая с антифризом. Слава богу, налила недостаточно, чтобы серьезно навредить, но, право, сэр, это уже третий случай. Вы можете попросить своих друзей в высших сферах, пусть примут меры? Антифриз легко приобрести, и если жертва не умирает, то *мечтает* о смерти.

– Крысиный яд и отбеливатель тоже легко приобрести, Хантер.

– Но они не безвкусны, сэр.

– Да, и это очень удачно. Факт остается фактом: людям нужно заводить по утрам машину и чистить ванну. Люди в большинстве своем не собираются никого убивать. – Нортон улыбнулся: – Когда слезете с любимого конька, прошу вас, продолжайте, Хантер.

– Простите, сэр, я знаю, что лишь малое количество веществ используется не по назначению. Постараюсь относиться к ситуации проще, хоть порой и не получается.

– Знаете, Хантер, это даже хорошо. Вы не очерствели. Пока. Опытный полицейский, умеющий сопереживать, – лучшее, что мы можем предложить обществу. Постарайтесь этого не растерять.

Джаз сообразила, что ей отвесили сомнительный комплимент.

– Да, сэр, постараюсь.

– Хорошо. Итак, продолжим… – Нортон бросил на нее косой взгляд. – Я вот переживаю, уж не повредилась ли наша миссис Смит умом. Она признана вменяемой и сможет предстать перед судом?

– Иззи провела с ней много времени и выразилась так: для *неадекватной* Смит совершенно адекватна. Она не проявила ни малейшего раскаяния. Считает, что вершила правосудие, мстя за смерть сына. Долгим этот процесс наверняка не будет. Мне кажется, тут вероятен Бродмур или другая психушка для преступников, сэр.

– Ну что же… – Нортон закрыл лежащую на столе папку. – В конечном счете вы добились успеха, Хантер. Поздравляю. И притом до пресс-конференции. Не хочу даже думать о последствиях, если бы вы объявили об аресте Дэвида Миллара, а позже ошибка обнаружилась.

Негласное признание: мол, мы знаем, кто едва до такого не довел.

– Ну-с, расследование окончено. Позвольте узнать, что вы думаете о будущем.

– У меня не было времени подумать, сэр, – честно ответила Джаз.

– Дело вот в чем… – Нортон взял со стола конверт. – Здесь ваше заявление. Если вы все еще желаете уволиться, советую обдумать и сформулировать его получше. Полагаю, вы по-прежнему решительно настроены не возвращаться в Лондон?

– Да, сэр.

Нортон поднял руки, сдаваясь.

– Что ж, не буду больше уговаривать, раз вы приняли решение. Но кто бы что ни утверждал, именно в Скотленд-Ярде происходят важные события, и именно здесь детективов замечают и продвигают по службе.

– Понимаю, сэр. Но я не особенно озабочена карьерным ростом. Просто хочу заниматься полезным делом. И быть счастливой, – добавила Джаз.

Нортон поднял бровь.

– И вы считаете, что «счастливы» в Норфолке?

– Я провела там немного времени, но мне кажется, да, – согласилась Джаз.

– Не буду скрывать: я хочу, чтобы вы вернулись. Однако если вы против, то вас ждет комиссар.

– Правда? Зачем? – нервно спросила Джаз.

– Для обсуждения вашего участия в его планах по учреждению спецотдела Уголовного розыска в Восточной Англии. Он будет охватывать Норфолк, Саффолк и части Кембриджа и Линкольншира, – объяснил Нортон. – Откровенно говоря, комиссару надоело гонять свою команду по всей стране. Особенно когда Лондон все больше и больше нуждается в наших услугах. В настоящее время учреждаются еще три региональных отделения, что должно бы охватить всю страну, без необходимости подворовывать у нас.

– Ясно, – кивнула Джаз. – И для чего же комиссару нужна я?

– Возглавить новый отдел, разумеется. Прежде всего набрать небольшую разъездную команду, которая связывалась бы с Группами по борьбе с серьезными преступлениями в вышеназванных регионах и работала бы в связке с ними. Это особенная задача, Хантер. Необходимы великолепные навыки работы с людьми и способность адаптироваться к сотне различных ситуаций. И, я бы сказал, вы только что идеально опробовали это на практике в Святом Стефане.

Вот, значит, как. Предлагая дело о школе Святого Стефана, Нортон уже наверняка знал о новом отделе. Он проверял Джаз. С одной стороны, раздражало, что ею манипулировали. С другой – льстило, что ее оценили достаточно высоко и организовали возможность себя показать.

– Прошу прощения, сэр. Не ожидала. У меня есть время на раздумья?

– Буквально пара дней, Хантер. Я рискнул ради вас. Комиссар уже нервничает из-за вашего так называемого творческого отпуска и высказывает беспокойство, что вы можете снова исчезнуть. В случае вашего согласия я должен быть уверен: на вас можно полностью положиться.

– Понимаю, сэр. Как насчет персонала? Могу я рассчитывать взять с собой кого-то из старых коллег?

– Максимум одного-двух, – предупредил Нортон. – За прошедший год я и так потерял достаточно людей. Полагаю, вы захотите Майлза. Он уже долго проработал здесь. Может быть, ему пойдет на пользу новое поприще. Мне всегда казалось, что нам не удается полностью раскрыть его потенциал, – задумчиво произнес Нортон. – У вас это, похоже, получается лучше. И, может быть, перемены плюс повышение по службе решат проблему.

Нортон посмотрел на часы.

Джаз поняла намек. Встала, протянула Нортону руку:

– Спасибо, сэр, искренне благодарна за доверие. Я свяжусь с вами к концу недели, обещаю.

– Хорошо. Надеюсь, ответ будет положительным.

Джаз уже открыла дверь, когда вдруг услышала:

– Хантер?

– Да, сэр?

– Не дайте ему выиграть, хорошо?

Она улыбнулась про себя:

– Постараюсь, сэр. Нет, обещаю.

* * *

Джаз ехала по шоссе A11 в Норфолк, и в голове крутилось одно:

Не дайте ему выиграть…

Веский аргумент. Однако на этот раз решение должно зависеть лишь от ее собственных желаний и планов.

Джаз уже решилась на две важные перемены в жизни: развелась с Патриком и покинула Лондон. Теперь, когда Маршевый коттедж начал обретать форму, она не сомневалась, что полюбит в нем жить.

Однако сумеет ли обойтись без адреналина от работы? Пусть даже та иногда приносит разочарование и сомнения.

Ведь Джаз – *хороший* работник, очень хороший. Это приятно сознавать. Возможно, без Патрика, который вечно задирает нос и подтачивает ее уверенность в себе, будет еще приятней…

Джаз увидела знак поворота на Кембридж и неожиданно для себя свернула и поехала в направлении больницы.

* * *

Тома уже перевели в отделение. Он сидел на кровати и болтал с соседом.

– Джаз, дорогая. – Отец раскинул руки, и она обняла его, чувствуя сквозь пижаму выпирающие кости. – Как моя любимая девочка?

– Все хорошо, пап, очень хорошо. – Джаз села на стул рядом с ним, разглядывая впалые щеки и серовато-бледное лицо. Однако глаза были ясными, в них блестела жизнь. – Как ты?

– Жив. Моторчик еще тарахтит, хоть и с перебоями, как все время твердит доктор, и я очень рад тебя видеть. Мама рассказала мне о деле. – Он сжал ее руку. – Я страшно горжусь тобой, милая.

– Спасибо, пап. Когда тебя отпустят?

– Где-то на следующей неделе, если я буду хорошо себя вести и есть бета-блокаторы. Жду не дождусь вообще-то. – Том понизил голос: – Тут одни маразматики, орут по ночам. Будет намного лучше дома с мамой, в собственной кровати.

– Ты не уйдешь, пока доктора не разрешат, папа, – строго сказала Джаз. – Кроме всего прочего, это нечестно по отношению к маме. Ты же знаешь, она очень беспокоится.

– Знаю, но люди в больницах *заболевают*. А то и мрут как мухи, – прошептал он.

– Я знаю, папа, но сейчас это самое подходящее для тебя место.

– Ладно, хватит обо мне. Расскажи о себе. Какие планы?

– Кухня почти готова, у меня новая ванная комната, и вчера, как ни странно, даже пришел маляр. – Джаз довольно хлопнула в ладоши.

– Да-да, очень мило, – согласился Том. – Но я имел в виду планы на жизнь, дорогая.

– Ну, – медленно начала Джаз, – мне предложили на следующей неделе встретиться с комиссаром. С перспективой возглавить новый спецотдел в Восточной Англии.

Том был поражен.

– Это же большая честь, да?

– Нортон счел бы это понижением по сравнению с работой в Скотленд-Ярде, но я смогу быть довольно независимой.

– Не гнуть спину перед начальством, потому что ты и есть начальство, – согласился Том.

– Вот-вот. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе.

– И что же? – Том рассматривал ногти на руках. – Ты уже решила?

– Нет. Обещала подумать, – ответила Джаз. – Несколько месяцев назад я ушла из полиции и собиралась вести совершенно другую

жизнь. Что скажешь?

Том посмотрел на дочь и улыбнулся:

– Знаешь, я тут, между прочим, подумал, что, возможно, слишком сильно влиял на твои прежние решения. Поскольку слишком уверен в своих советах и… поскольку очень тебя люблю. – Он протянул к ней руку, на глазах выступили слезы. – Теперь я просто придержу язык. Поступай, как считаешь нужным, дорогая. Больше мне сказать нечего.

Джаз сжала его руку, глаза увлажнились.

– Хорошо, папа.

– Какое бы решение ты ни приняла, оно будет правильным. Я уверен. Не бойся неудач, Джаз. Иногда дела идут плохо, это часть жизни. И также часть жизни подняться, отряхнуться и двигаться дальше.

– Да, ты прав. Спасибо.

– Кстати говоря, на днях ко мне заглянул Джонатан. – Том поднял бровь.

– Да?

– Да. Он спрашивал о тебе, передавал привет и просил звякнуть, когда у тебя найдется минутка.

– Папа, пожалуйста, хватит меня сватать. Мне правда неинтересно.

– Джаз… – поцокал языком Том. – Однажды ты поймешь: единственное, что дает нам силы, – это любовь, будь то к семье, религии или искусству. Любовь высшего порядка, как я это называю. Прости, дорогая, но «одинокий остров» из тебя никудышный. Ты всегда будешь мечтать о любви, ручаюсь. – Он усмехнулся: – В конце концов, ты моя дочь.

Вскоре Том закрыл глаза, задремал. Джаз сидела рядом и думала, сможет ли она когда-нибудь без него.

* * *

Дэвид Миллар в одиночестве ужинал тостом с консервированной фасолью на своей убогой кухне. Всю неделю с тех пор, как его освободили, он в основном спал. Это помогало убить время и

означало, что он не бодрствует, а значит, не может налить себе спиртного.

Прошедшие две недели слились в расплывчатое пятно, но теперь в голове медленно начало проясняться, и он чувствовал себя лучше. К нему приходил наставник из «Анонимных алкоголиков», и Дэвид вернулся в программу. Готовый на этот раз завязать по-настоящему. Он сдался, признал, что алкоголь его одолел. Только теперь на смену борьбе пришло осознание: если Дэвид хочет вернуть контроль над своей жизнью, мало-помалу начать видеть в ней улучшение, пить больше нельзя. Потому что он не может остановиться, как другие люди. Потому что он алкоголик.

В гостиной зазвонил мобильный, и он кинулся ответить:

– Алло?

– Дэвид, это Анджи. Как… как ты?

– О, теперь, когда меня не обвиняют в двойном убийстве, получше, спасибо.

– Ясно. – Помолчав, она продолжила: – Знаешь, я никогда не верила, что это ты. Сказала инспектору Хантер: ты на такое не способен.

– Рад за тебя, – ответил он холодно.

– И… я тут подумала, если ты не против… можно Рори в четверг приедет к тебе? Понимаешь, у него сейчас каникулы, а в четверг похороны Джулиана. Рори лучше не присутствовать.

– Конечно. Если ты мне доверяешь.

– А ты?..

– Да, трезв. К твоему сведению, я никогда не бывал пьяным при Рори. Не мог и не хотел, чтобы он это видел. Никогда.

Повисло молчание. Наконец Анджелина сказала:

– Прости меня, Дэвид. За все.

– Да… что ж, какой смысл ворошить прошлое?

– Никакого. Но я надеялась, что мы могли бы по крайней мере быть друзьями. Ради Рори, если уж не ради нас самих.

Дэвид долго молчал и наконец произнес:

– Анджи, я любил тебя. Хотел одного – чтобы вы с Рори были счастливы. А ты мной воспользовалась. Так что нет, Анджи, я не представляю, что мы сможем стать друзьями.

– Понимаю. Что ж, нам обоим пришлось несладко, Дэвид.

– Ну, для тебя, кажется, все закончилось куда лучше, чем для меня. У тебя есть Рори, и дом теперь полностью твой, не так ли? Ты богатая женщина, завидная невеста.

Он услышал приглушенный всхлип.

– Ты правда считаешь меня такой стервой?

– Да. Привози Рори в четверг в любое время. Я дома.

Едва отложил телефон, в дверь постучали.

– Кого еще черт принес? – пробормотал Дэвид и пошел открывать.

– А, это вы, – сказал он, увидев на пороге инспектора Хантер. – Пришли допросить меня о таинственном исчезновении садового гнома у соседей? Это не я, честное слово, мэм.

Джаз пропустила шпильку мимо ушей. Он имел право на сарказм.

– Можно войти?

– Входите. – Дэвид открыл дверь пошире, затем проводил гостью на кухню. – Простите, инспектор, – вздохнул он. – Я только что поговорил по телефону с Анджи, расстроился.

– Представляю. Можно я присяду? – спросила Джаз, глядя на грязные тарелки возле раковины и общий бытовой беспорядок.

– Как хотите. – Он пожал плечами. – Я постою.

– Послушайте, Дэвид, я могу только извиниться от имени моих коллег за обращение с вами. Однако вы должны помнить, что вначале сами пришли с повинной и признались в убийстве Чарли Кавендиша.

– Знаю. – Дэвид провел рукой по волосам. – Глупость, конечно, но мысль о том, что Рори посадят за глупую ошибку, подстегнула меня к действиям. Хоть каким-нибудь.

– Ему очень повезло с отцом, который любит сына настолько, что готов отправиться в тюрьму за преступление, которого не совершал. Я восхищаюсь вами, Дэвид, правда. Не знаю, хватило бы у меня духу, окажись я на вашем месте. С другой стороны, – Джаз криво улыбнулась, – я-то знаю, что такое тюрьма.

– На тот момент, инспектор, это казалось неплохой альтернативой жизни, которую я вел. В смысле, – он взмахнул руками, указывая на комнату, – тут явно не Букингемский дворец, правда? Во всяком случае, не сравнить с домом, где живут мои жена и сын. Все, чего я хотел, – счастливого детства для Рори.

Он вздохнул.

– А ваше детство было счастливым, Дэвид? – спросила она.

– Очень. Хотя немного одиноким порой, ведь я был единственным ребенком. Меня усыновили еще в младенчестве. Потому-то я и хотел подарить Рори братьев и сестер, хотел полноценную семью.

– Вы выросли в Норфолке?

– Жил здесь до двух лет, потом папа получил работу в Кенте, и мы уехали. Но я всегда любил Норфолк. – Дэвид впервые сумел улыбнуться.

– Родители рассказали вам об усыновлении?

– Да, – подтвердил он. – Они этого не скрывали. Я знаю, что родился в этих краях. Может быть, поэтому меня всегда тянуло сюда. Впрочем, – спохватился Дэвид, – вряд ли вы пришли слушать рассказы обо мне и моем скучном прошлом, инспектор. Вы по делу?

– Вообще-то да, Дэвид, – кивнула Джаз. – Хочу кое-что рассказать и думаю, вам лучше сесть.

Эпилог

Месяц спустя

Проснувшись и отдернув занавески, Джаз впервые за несколько недель увидела голубое небо и солнечный свет. Она открыла окно и вдохнула запах свежести, предвещающий весну.

Торопясь выбраться на улицу и порисовать, пока не изменилась погода, Джаз натянула какую-то одежду, схватила табурет, мольберт и краски и потопала через дорогу к болотам.

Она нашла место с живописным видом и, хотя солнце по-предательски не грело, провела восхитительные пару часов, делая эскизы. Обычно Джаз предпочитала более сюрреалистичный стиль, но этот вид хотела запечатлеть как можно точнее, чтобы повесить картину в гостиной и любоваться долгими зимними вечерами.

К возвращению в коттедж руки у Джаз заледенели, а пальцев ног она просто не чувствовала. Приняла горячую ванну, натянула джинсы и свитер и начала делать салат с козьим сыром на обед.

В час дня возле дома остановилась машина.

Джаз открыла дверь, подождала, пока гость пройдет по короткой дорожке.

– Сержант Майлз… Алистер… как вы?

– Хорошо, очень хорошо. – Зайдя в дом, Майлз тепло расцеловал ее в обе щеки.

– Джаз, это потрясающе. – Он оглядел гостиную, восхищаясь ощущением свежести от кремовых стен, дивана с кремовым покрывалом, циновки из кокосового волокна на полу и плотных золотистых штор на окнах.

– Рада, что вам нравится. Не слишком вычурно, а? – озабоченно спросила она.

– Ничуть. Комната теплая, но элегантная; непритязательная, но удобная, – чем-то похожа на хозяйку, – улыбнулся он.

– Мне нравится метафора, Алистер. Выпьете? – предложила Джаз, заходя на кухню.

– Бокал вина – с удовольствием. Забыл, как далеко это захолустье. Ехал почти четыре часа: дорожные работы на шоссе А11.

Майлз прошел за хозяйкой, отметив серые плиты пола и белую ламинированную кухонную мебель, так хорошо оттеняющую красную газовую плиту.

– Вы сотворили чудо, Джаз, ей-богу, – восхищенно сказал он. – Фантастическое сочетание старого и нового.

– К этому я и стремилась, – радостно ответила Джаз. – И попыталась немного оживить дом. Коттеджи часто слишком темные.

Майлз смотрел на большую картину в современном стиле, висящую на серо-голубой стене над маленьким кухонным столом. Она была написана в подчеркнуто ярких цветах: уверенные мазки белого, серого и красного, идеально соответствующие кухне.

– Где вы взяли это полотно? – спросил он, приглядываясь. – Это же оригинал, да?

– Надо думать, раз уж я сама его написала, – улыбнулась Джаз.

Майлз был потрясен.

– Вы?

– Да, я.

– Есть предел вашим талантам, мэм? – поддразнил он. – Картина ну очень хороша. Ваше здоровье.

– Ваше здоровье, – Джаз в ответ подняла стакан воды. Последнее время она предпочитала обходиться без алкоголя. – Давайте-ка сядем. – Она перешла в гостиную, где разгорался огонь в камине.

Майлз сел.

– Настоящая идиллия. Вы, наверное, здесь очень счастливы.

– Вполне, – Джаз кивнула. – Идеальное пристанище для одинокой самостоятельной женщины. И вам оказана большая честь. Вы мой первый официальный гость.

– Вообще-то приятно сюда вернуться. Когда после того дела я уехал в Лондон, несколько недель мучился от клаустрофобии. – Он пожал плечами: – Наверное, к этому привыкаешь.

– Возможно, я изменюсь, но пока у меня нет ни малейшего желания возвращаться в Лондон, – сказала Джаз с чувством.

– Ну так расскажите, чем все закончилось. И поподробнее. – Майлз уселся на диван. – Как Дженни Колман реагировала на первую встречу с сыном?

– Эмоционально, само собой. Как и Дэвид Миллар. Мы должны поблагодарить за это Мартина Чапмана. Когда он проверял чемодан Рори, то получил ДНК Дэвида из отпечатков пальцев и волоса, найденного внутри. Он вспомнил об этом, когда проверял локон, который Дженни отрезала у своего ребенка. Волосы оказались идентичны. Тогда он сравнил их с волосами Корина Конота – и вуаля!

– Ого! – изумился Майлз. – Иногда я ненавижу современные судебно-медицинские технологии – они, кажется, только тормозят или запутывают работу. Но в данном случае результат был поразительный.

– Да. Дженни Колман воспрянула духом. Как и Дэвид.

– А что с поместьем Конотов? – спросил Майлз. – Притязания Дэвида как прямого, пусть и незаконного, наследника признают правомерными?

– Однозначно. Несмотря на изначальное предубеждение, несколько дней назад Эмили Конот позвонила и поблагодарила меня. Дэвид приехал с ней встретиться. Он взял с собой Рори, который, как мы оба знаем, копия своего деда Корина.

– Хью Данман, возможно, не угадал с отцом, но легко понять, почему он так любил Рори, – мягко сказал Майлз.

– И умер, сожалея об этой любви, – вздохнула Джаз. – Однако род Конотов теперь продолжится: у них есть Дэвид и Рори. Эмили и Эдвард уже предложили Дэвиду коттедж в поместье. Они осведомлены, что у Дэвида проблемы с алкоголем, совсем как у его отца, и хотят присматривать за ним.

– Говорят, это передается по наследству, – заметил Майлз, протягивая бокал за новой порцией вина. – Хотя, в отличие от меня, мои родители не пьют. А Анджелина Миллар знает, что муж-неудачник, которого она бесцеремонно бросила, со временем станет лордом и унаследует одно из богатейших поместий в Норфолке?

Джаз усмехнулась:

– Можете себе представить, что будет, когда узнает? От нее искры полетят! Анджелина упустила шанс примкнуть к высшему обществу и увидеть, как перед ней лебезит половина графства. Мечта честолюбца. Несомненно, она попытается вновь втереться в доверие к Дэвиду. Надеюсь, он ей не позволит – после того, как она с ним обошлась.

– Я очень рад за Дэвида. Он славный парень.

– Согласна, – кивнула Джаз. – И, как заметила Эмили, если только Дэвид воздержится от спиртного, то благодаря своим деловым навыкам от прежней работы в Сити сумеет перенести поместье в двадцать первый век. Ох, как же я люблю счастливые исходы! Они редки, но благодаря им наша неблагодарная работа кажется полезной. Ну что, давайте есть?

Джаз согрела чиабатту, и они принялись за салат.

– А как Адель Кавендиш и Себастьян Фредерикс? В смысле, по справедливости средства от завещания Хью Данмана должны были бы отойти Дэвиду Миллару. Хотя, полагаю, когда-нибудь он и так станет богачом, – заметил Майлз.

– Мистер Джонс рассказал, что Фредерикс подал заявление об отставке. По-видимому, он и Адель всерьез вместе и хотят начать с чистого листа.

– Неудивительно – после всего произошедшего. Вместе они оба попробуют оправиться от смерти Чарли.

– Что ж, это дело, по крайней мере, подарило некоторым участникам лучик надежды.

– Да. И… э-э-э… мне, собственно говоря, тоже. – На щеках Майлза вспыхнул румянец.

– Да? И вам? – Джаз уже знала, но хотела услышать от него.

– Я и Иззи… ну, можно сказать, – Алистер пожал плечами, – мы вместе.

– Чудесная новость, Алистер! – тепло отозвалась Джаз. – Вы же знаете, как я люблю Иззи.

– Кажется, я тоже, – смущенно сказал он. – Нас назвали странной парой, но я так не считаю. Да, она шумнее и, несомненно, любит по-матерински опекать, но мне это даже нравится, – улыбнулся Майлз. – Не знаю, надолго ли, но на данный момент все хорошо. И мы оба очень счастливы.

– Это самое главное. Кофе? – Джаз поставила чайник на плиту.

– Спасибо.

– Единственное, что я бы посоветовала, Алистер, – будьте очень осторожны. Я знаю, у вас с Иззи разные профессии, в отличие от нас с Патриком, но рано или поздно вам придется работать вместе. Надо ли говорить, что для наших отношений это оказалось катастрофой.

– Осмелюсь возразить: Иззи не эгоцентричный заносчивый придурок, который при каждой возможности старался доказать превосходство над более талантливой женой.

Джаз любезно кивнула:

– Возражение принято.

– Все знают, что он козел, Джаз. В Скотленд-Ярде его недолюбливают. И вам будет приятно слышать, что о фиаско Патрика с Милларом пошли слухи. – Майлз невинно пожал плечами. – Понятия не имею, кто мог разболтать о том, что Нортон устроил ему серьезную головомойку.

– Спасибо, Алистер. – Джаз похлопала его по руке. – Не переживайте. Я с этим покончила. Все прошло. А теперь нам надо поговорить о гораздо более важных вещах. Давайте вернемся к камину.

Джаз подбросила дров в огонь и села перед камином, Майлз устроился на диване.

– Алистер, я пригласила вас не только для того, чтобы вы потешили мое самолюбие и восхитились моим дизайнерским мастерством, но и чтобы сделать вам предложение, – начала она.

– Если думаете уговорить меня позировать обнаженным, то даже не надейтесь, – усмехнулся он. – В остальном я слушаю.

– Меня попросили организовать спецотдел здесь, в Восточной Англии. В настоящий момент я набираю команду. И хотела бы знать, заинтересует ли вас место моего заместителя.

Майлз уставился на нее, онемев. Потом произнес:

– Простите, мэм, не знаю, что сказать. Право, не знаю.

– Ну, вы могли бы сказать, что серьезно подумаете об этом. – Джаз не могла скрыть разочарования. – Мы проработали вместе – и весьма успешно – пять лет. Зарплату вам повысят, все расходы по переезду будут оплачены, но я не знаю, как вы относитесь к идее покинуть Скотленд-Ярд ради провинции.

Майлз вздохнул, рассматривая руки.

– Бог с ним, со Скотленд-Ярдом, Джаз. Все дело в Иззи. Черт! – Майлз раздраженно стукнул по подлокотнику дивана. – Пару месяцев назад я бы ухватился за новые возможности, но теперь… – Он покачал головой: – Я просто не знаю.

– Понимаю, – кивнула Джаз. – Поговорите с Иззи, и посмотрим, что она скажет?

– Она скажет, что не «употребляет» сельскую местность. Вы же ее знаете. То есть я буду вынужден мотаться туда-сюда. Послушайте, дайте мне подумать, хорошо?

– Конечно. Я хочу вас, Алистер. Не в библейском смысле, конечно, – улыбнулась Джаз. – Думаю, вдвоем мы могли бы возглавить прекрасную команду.

– Спасибо, Джаз. Это чувство взаимно. И мне нравится идея создать отдел с нуля. Никаких тебе старых дрязг…

– Тогда не стану предлагать работу Патрику.

– Я бы не советовал, – засмеялся Майлз. – Зато к нам тут прикомандировали одну молодую женщину, сержанта, которая произвела на меня сильное впечатление. Думаю, вам она тоже понравится…

– Назовите ее имя, – потребовала Джаз. – Нортон запретил переманивать людей из отдела, но если она прикомандирована, то не считается. И чем больше девочек, тем веселее. Мы станем одалживать друг другу губную помаду и сплетничать о длине ваших дубинок.

Майлз хмыкнул:

– Мэм, рад видеть, что ваше прежнее чувство юмора возвращается.

Джаз нахмурилась:

– Вы думали, оно пропало?

– Раньше вы были более раскрепощенной, Джаз. Вообще-то, если подумать, вы перестали быть такой задолго до ухода, – честно признался он.

Джаз вздохнула и согласилась:

– Вы правы. Но теперь я снова чувствую себя в своей тарелке.

– Я рад. Не хотелось бы думать, что этот кретин подорвал ваш дух.

– Не беспокойтесь, не подорвал.

Майлз посмотрел на часы:

– Мне пора, иначе рискую застрять на M25.

– Используйте сирену, Алистер. Все так делают. Кроме меня, разумеется.

– Ну да. – Он встал, Джаз тоже. – Я позвоню вам, как только смогу. И спасибо за обед.

– Всегда пожалуйста, заходите, когда будете в этих краях. А будете вы часто, если я своего добьюсь. – Она поцеловала его в щеку и взяла за руку: – Пожалуйста, подумайте об этом как следует, хорошо?

– Непременно. Пока, Джаз, всех благ.

Джаз закрыла дверь, потом убралась после обеда. Выливая недопитое Майлзом вино в раковину, глянула на болота, раскинувшиеся перед коттеджем. Начинался прилив, и через несколько часов бескрайнее пространство, рассеченное извилистыми протоками и тропинками, совершенно скроется из виду. Джаз улыбнулась, довольная, что ее новый дом и красив, и символичен.

Она смотрела, как вдали серое море начинает вторгаться в зелень болот, и мысли обратились к Мэделин Смит, женщине упорной, как прилив, в выполнении поставленной задачи. Ее жизнь была движима одной-единственной ужасной целью, порожденной болью и страданием в прошлом.

На кухонном столе зажужжал телефон, и Джаз прочитала сообщение от Джонатана:

«Выезжаю из Кембриджа. Увидимся через час. Целую».

Джаз решила, что пока она счастлива оставить прошлое в прошлом. Ее заботило только будущее.

Выражение признательности

Я очень благодарен Марии Рейт из издательства «Макмиллан», чей огромный опыт и знания детективной литературы гарантировали, что «Убийства во Флит-Хаусе» обеспечат читателям ощущение возбуждения и опасности, которые задумала мама. Также выражаю искреннюю благодарность чудесным Люси Хейл и Джереми Треватану за то, что продолжали отстаивать работу Люсинды.

Как упоминалось в предисловии, этот роман написан в 2006 году. Тогда мне было тринадцать лет, мне ни за что не угадать, кого мама захотела бы поблагодарить. И потому я, пользуясь случаем, хочу отдать должное самому автору.

Истинное доказательство несгибаемости Люсинды – факт, что за время болезни она написала не менее пяти романов. Более того, из-за серии «Семь сестер» мама прославилась на весь мир и стала знаменитой писательницей.

Однако семья всегда была для нее важнее книг. И за всю ее трагически короткую жизнь она никогда, ни разу не поставила на первое место себя. В этом, как и во всем остальном, Люсинда была лучшей мамой на свете. Ее способность поддерживать, защищать, утешать и вдохновлять четверых детей не имела себе равных.

К счастью, ее непреходящая мудрость означает, что мы все знаем главный секрет счастья, который мама открыла нам и которым я считаю себя обязанным поделиться с вами.

Лови мгновение, живи настоящим и наслаждайся каждой секундой жизни – даже когда приходится нелегко.

Гарри Уиттекер

---

notes

Примечания

1

Рост Тома – 167 см, жена и дочь выше на 10 см. (Здесь и далее – прим. перев.)

Table of Contents

Люсинда Райли Убийства во Флит-Хаусе
Предисловие
Пролог
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая

Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Эпилог
Выражение признательности
Примечания
1